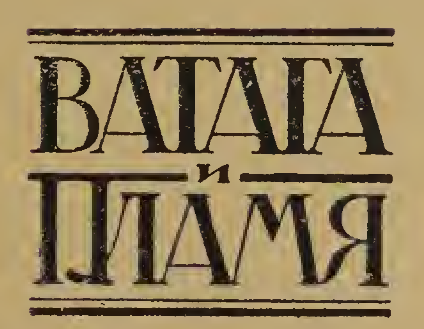

В. А. МЯКОТИНЪ

ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ УКРАИНЫ ВЪ XVII-XVIII В.

ПРАГА

ВАТАГА
и
ПЛАМЯ

В. А. МЯКОТИНЪ

ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНОЙ ИСТОРІИ УКРАИНЫ ВЪ XVII-XVIII ВВ.

Томъ I — Выпускъ I

ПРАГА

1924

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИП.
«ЛЕГІОГРАФІЯ»
Praha-Vršovice, Sámova 665.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Работа, начало которой появляется сейчасъ на свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи, была задумана и начата мною уже довольно давно, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Правда, первоначальный ея замыселъ былъ болѣе скроменъ и планъ болѣе узокъ, такъ какъ сперва я предполагалъ дать въ ней лишь очеркъ исторіи малорусскаго крестьянства въ XVII—XVIII вв.

Рядъ соображеній побудилъ меня, въ свое время, остановиться на этой темѣ. Прежде всего, — въ то время, какъ исторія великорусскаго крестьянства за XVIII вѣкъ была уже обстоятельно изслѣдована въ трудахъ В. И. Семевскаго, исторія малорусскаго крестьянства оставалось еще очень мало разработанной въ научной литературѣ. Въ частности спорнымъ являлся въ литературѣ и основной вопросъ этой исторіи — вопросъ о происхожденіи крѣпостного права въ гетманской Малороссіи. А этотъ вопросъ уже самъ по себѣ способенъ былъ приковать вниманіе изслѣдователя. Въ самомъ дѣлѣ, во всей исторіи европейскаго крестьянства, быть можетъ, не было другого такого трагическаго момента, какъ исторія малорусскаго крестьянства XVII—XVIII вв. Въ половинѣ XVII столѣтія это крестьянство могучимъ порывомъ освободило свою страну отъ власти Польши и самого себя отъ крѣпостного права. Но прошло 130 лѣтъ и въ освобожденной отъ польскаго владычества лѣвобережной Украинѣ вновь водворилось крѣпостное право, ея крестьяне снова стали крѣпостными помѣщиковъ. Прослѣдить и изучить тотъ процессъ, который привелъ къ такимъ результатамъ, представлялось въ высшей степени заманчивымъ, тѣмъ болѣе, что благодаря сравнительно малой отдаленности отъ нашего времени той эпохи,

въ какую онъ совершался, отъ нея сохранилось большое количество источниковъ, позволяющихъ освѣтить этотъ процессъ почти во всѣхъ его подробностяхъ. А съ другой стороны, именно эта возможность подробнаго и обстоятельнаго изученія придавала, въ данномъ случаѣ, особое значеніе изслѣдованію, позволяя, при помощи его, освѣтить и разъяснить аналогичные процессы, происходившіе въ исторіи крестьянства — прежде всего, конечно, крестьянства русскаго — въ другое время и въ другихъ мѣстахъ.

Остановившись въ силу этихъ соображеній на указанной темѣ, я принялся за собираніе и разработку матеріаловъ для нея. Съ лѣта 1890 г. до осени 1891 г. я работалъ съ этою цѣлью въ кіевскихъ архивахъ, а затѣмъ перешелъ къ архивамъ другихъ городовъ, содержавшимъ въ себѣ матеріалы по внутренней исторіи Малороссіи въ XVII—XVIII вв. Въ концѣ 1894 года я имѣлъ возможность изложить первые результаты моихъ работъ въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ «Русское Богатство» п. заг.: «Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в.».

Но, чѣмъ дальше подвигалась моя работа, чѣмъ глубже погружался я въ развернувшееся передо мною необозримое море архивныхъ документовъ, тѣмъ шире раздвигались рамки первоначально задуманнаго изслѣдованія. По мѣрѣ того, какъ въ моихъ рукахъ собиралось все большее количество матеріала для исторіи крестьянства гетманской Украины, для меня становилось все болѣе очевиднымъ, что нельзя писать эту исторію, не выяснивъ предварительно, какъ образовалось въ гетманской Украинѣ владѣльческое имѣніе и какъ создалось въ ней крестьянское сословіе. А для этого, въ свою очередь, необходимо было остановиться на общихъ условіяхъ землевладѣнія въ гетманской Малороссіи и на процессѣ распаденія ея населенія на отдѣльныя сословія, такъ какъ и эти темы были слишкомъ мало разработаны въ предшествовавшей литературѣ. Такъ задуманный мною первоначально очеркъ исторіи малорусскаго крестьянства въ XVII—XVIII вв. самъ собою въ процессѣ работы превратился постепенно въ очеркъ соціальной исторіи лѣвобережной Украины XVII—XVIII столѣтій.

Собираніе матеріала для этой новой, расширенной темы потребовало немало времени, тѣмъ болѣе, что важнѣйшіе источники этой эпохи украинской исторіи не сосредоточены въ ка-

комъ-либо одномъ центрѣ, а разбросаны по ряду городовъ. Для того, чтобы собрать и разработать необходимый матеріалъ, мнѣ пришлось поработать около 12 лѣтъ въ различныхъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ хранилищахъ архивныхъ документовъ Кіева, Петербурга, Москвы, Чернигова и Полтавы. А, когда этотъ матеріалъ къ началу 1900-хъ годовъ былъ собранъ, обстоятельства моей личной жизни надолго оторвали меня отъ начатой работы. И только въ исходѣ 1911 года, попавъ по литературно-политическому дѣлу на девять мѣсяцевъ въ Двинскую крѣпость, я получилъ необходимый досугъ для того, чтобы вернуться къ этой работѣ. Съ осени 1912 года я началъ печатать свои «Очерки соціальной исторіи лѣвобережной Малороссіи» въ «Русскомъ Богатствѣ» и продолжалъ это печатаніе до конца 1916 года, успѣвъ за это время почти закончить ихъ первый томъ, изъ котораго осталась недописанной лишь одна заключительная глава, когда революція 1917 года вновь оторвала меня отъ этой работы.

Выпуская сейчасъ этотъ первый томъ отдѣльнымъ изданіемъ, я не могу, въ условіяхъ заграничной жизни, сдѣлать къ первоначально опубликованному въ журналѣ тексту всѣ тѣ дополненія, какія я раньше разсчитывалъ прибавить. Но я долженъ сказать, что всѣ эти дополненія, въ которыхъ я предполагалъ частью использовать новый фактическій матеріалъ, частью установить свое отношеніе къ вновь появившимся въ литературѣ трудамъ, касающимся затронутыхъ мною темъ, по существу ничего не измѣняли въ моихъ построеніяхъ и выводахъ. Въ виду этого отсутствіе возможности сдѣлать всѣ предположенныя дополненія не представляется въ моихъ глазахъ особенно большой бѣдой.

Выходящій въ свѣтъ первый томъ «Очерковъ» посвященъ исторіи землевладѣнія и сословій въ лѣвобережной Украинѣ XVII—XVIII вв., и его основной задачей является изслѣдованіе того процесса, путемъ котораго въ гетманской Украинѣ создались привилегированное владѣльческое имѣніе и обособленное крестьянское сословіе. Второй томъ долженъ заключать въ себѣ собственно исторію крестьянства этой эпохи, исторію постепеннаго обращенія освобожденныхъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго крестьянъ въ крѣпостныхъ и послѣдствій этого обращенія. Наконецъ, въ третьемъ и послѣднемъ томѣ я предполагалъ дать своего рода цифровой итогъ вѣковой исторіи гетманщины, взявъ для этой цѣли центральную и во многихъ отношеніяхъ наиболѣе

характерную часть послѣдней, именно ту часть Полтавщины, какая составляла въ гетманщинѣ территорію Переяславскаго полка, и разработавъ относящіяся къ этой территоріи статистическія свѣдѣнія Румянцевской Описи Малороссіи 1767—8 г. Въ какой мѣрѣ удастся мнѣ теперь выполнить этотъ планъ, — я, конечно, не знаю, но во всякомъ случаѣ, возможность увидѣть въ отдѣльномъ изданіи хотя бы даже часть той работы, на которую мною было затрачено много времени и силъ и которой я склоненъ приписывать нѣкоторое значеніе, доставляетъ мнѣ большое удовлетвореніе и я испытываю чувство живѣйшей признательности къ издательствамъ «Ватага» и «Пламя», взявшимъ на себя осуществленіе этого изданія.

Приступая къ нему, я съ сердечной благодарностью вспоминаю всѣхъ тѣхъ хранителей архивныхъ богатствъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло и любезному содѣйствію которыхъ я былъ многимъ обязанъ въ своихъ архивныхъ поискахъ. Но особенно глубокую благодарность испытываю я къ моимъ учителямъ и друзьямъ, руководившимъ моими первыми работами въ области исторіи, — Н. И. Карѣеву и покойному В. И. Семевскому — и къ покойнымъ изслѣдователямъ малорусской исторіи, И. В. Лучицкому и А. М. Лазаревскому, широко раскрывшимъ передо мной доступъ къ составленному каждымъ изъ нихъ собранію рукописей и не разъ помогавшимъ мнѣ своими указаніями.

В. Мякотинъ.

Февраль 1924 г.

Берлинъ.

1. ВОЗСТАНІЕ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ

I.

Весною 1648 года въ подвластныхъ Польшѣ украинскихъ областяхъ шло глухое волненіе. Изъ устъ въ уста передавались темные слухи о бѣжавшемъ въ Запорожье чигиринскомъ сотникѣ Богданѣ Хмельницкомъ, объ ожидаемомъ возвращеніи его во главѣ козацкаго войска, о готовящемся возстаніи противъ польскаго владычества. Ни для кого изъ людей, достаточно знакомыхъ съ страной и ея населеніемъ, не могло быть сомнѣнія въ неизбѣжности болѣе или менѣе серьезной смуты. Но никто и не представлялъ себѣ вполнѣ ясно, какіе размѣры сможетъ принять эта смута. И меньше всего предугадывали это мѣстныя польскія власти, глубоко убѣжденныя въ прочности того соціальнаго порядка, представителями и охранителями котораго онѣ являлись. «Нѣкая часть, тисеча или мало-що болшъ своеволниковъ казаковъ черкасцовъ, — писалъ въ мартѣ 1648 года воевода брацлавскій Адамъ Кисель пограничному путивльскому воеводѣ, кн. Юрію Долгорукому, — избѣгли на Запороже; а старшимъ у нихъ простый холопъ, нарицаеться Хмельницкій; и думають донскихъ козаковъ подбити на море». «Гетманъ великій коронный — продолжалъ брацлавскій воевода, — и я съ нимъ о томъ ворѣ промышлять будемъ; аще ли збѣжить зъ Запорожа на Донъ, и тамъ бы его не пріймати, не щадити, ни на море пустити»[1]. Черезъ мѣсяцъ свѣдѣнія польскихъ властей о планахъ Хмельницкаго стали нѣсколько точнѣе, но отношеніе къ нему не измѣнилось. «Довлѣетъ знати то милостямъ вашимъ, — писалъ Адамъ Кисель 24 апрѣля 1648 г. московскимъ боярамъ, благодаря ихъ

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. III, № 163, сс. 166—7.

за извѣстія о «крымскихъ замыслахъ и черкасскихъ збѣгахъ», — што никогда холопская рука, найпаче же змѣнниковъ невозможна есть подвизатися противъ своимъ господиномъ; и тотъ холопъ нашъ змѣнникъ черкасскій зъ дружиной своею въ сихъ днехъ, аще не избѣжитъ въ Крымъ, измѣнною главою своею запечатуетъ: полемъ убо и Днѣпромъ на него пошло войско наше». И даже слухъ о готовящейся помощи Хмельницкому со стороны орды не вызывалъ смущенія у Киселя: «острыми польскими шаблями, — писалъ онъ — дастъ Богъ, витати поганскія главы будемъ» [1]).

Не прошло и мѣсяца съ момента написанія этихъ горделивыхъ строкъ, какъ по Украинѣ громомъ прокатилась вѣсть о желтоводскомъ и корсунскомъ пораженіяхъ польскихъ войскъ. По обѣимъ сторонамъ Днѣпра разсыпались козацкіе отряды, и тамъ, гдѣ появлялись они, немедленно вспыхивалъ огонь народнаго возстанія, яростнаго и безпощаднаго. «Хмельницкій, государь, гетманъ, — доносилъ въ Москву 9 іюня 1648 г. путивльскій воевода Плещеевъ, — разослалъ отъ себя полковниковъ и сотниковъ съ запорозскими козаки по сю сторону Днѣпра въ украинные городы и велѣлъ имъ, полковникамъ и сотникамъ, прибирать козаковъ; и урядниковъ, и державцевъ, и поляковъ, и жидовъ велѣлъ побивать» [2]). Призывъ козацкаго гетмана нашелъ себѣ горячій откликъ въ массахъ малорусскаго крестьянства, и возстаніе быстро разрослось, охватывая даже такія области, куда не успѣли еще проникнуть организованные козацкіе отряды, и въ своемъ неудержимомъ порывѣ опрокидывая и польскій государственный порядокъ, и охранявшійся имъ соціальный строй. «Поспольство — разсказывалъ объ этомъ времени немного позже въ Москвѣ посланникъ Хмельницкаго, полковникъ Мужиловскій, — въ козачество все поворотилось и какъ на сей сторонѣ, такъ и на той Днѣпра пановъ своихъ, которые не убѣжали, ляховъ, жидовъ, ксендзовъ побили, костелы попустошили, городы, въ которыхъ ляхи и жиды позапиралися, поймали [3]). Польскіе

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. III, № 177, с. 185.

[2]) Тамъ же, № 200, с. 211.

[3]) Востоковъ. Первыя сношенія Богдана Хмѣльницкаго съ Москвой, «Кіевская Старина», 1887 г., № 8, стр. 123. Много позже, во второй четверти XVIII вѣка, старики въ селахъ лѣвобережной Малороссіи со словъ своихъ отцовъ вспоминали «войну Хмельницкаго», какъ эпоху, «когда всюди подданіе не стали своихъ пановъ слухати, а въ смерть вбивати». Документы монастырей, переданные изъ архива Черниговской Казенной Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616—1164.

владѣльцы на Украинѣ не могли уже больше не видѣть, что имъ приходится имѣть дѣло съ возстаніемъ всего народа. «Непріятель, — писалъ сенату въ іюлѣ 1648 года кіевскій воевода Тышкевичъ, — все больше ширится и крѣпнетъ, такъ что каждаго холопа приходится считать врагомъ, каждый городъ, каждую деревню — вражескимъ гнѣздомъ» [1]). Одни изъ польскихъ владѣльцевъ безпомощно гибли въ волнахъ разбушевавшагося народнаго моря, другіе спасались бѣгствомъ отъ ярости своихъ крѣпостныхъ. Помѣщичья власть рушилась въ объятомъ возстаніемъ краѣ, шатались и всѣ другіе устои недавно еще представлявшагося прочнымъ сословнаго строя. Сбрасывая съ себя ярмо крѣпостной неволи, массы возставшаго крестьянства вступали въ ряды козацкаго войска и увлекали за собою даже такіе элементы мѣстнаго общества, которые сами по себѣ склонны были скорѣе держаться въ сторонѣ отъ козачества. «Въ это время — разсказываетъ не особенно расположенный къ козакамъ лѣтописецъ — большая скорбь и поруганье были значнымъ людямъ всякаго сословія отъ посполитыхъ людей, а особенно отъ голытьбы, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, такъ что, хотя бы иной значный человѣкъ и не хотѣлъ вступить въ это козацкое войско, ему все же приходилось дѣлать это ради того, чтобы избавиться отъ посмѣянія и нестерпимыхъ бѣдъ въ видѣ побоевъ и чрезмѣрныхъ требованій напитковъ и кормовъ, и такимъ образомъ и эти люди должны были приставать въ войско къ козачеству» [2]).

Новая побѣда козаковъ подъ Пилявцами, гдѣ польское войско подверглось полному разгрому, дала дальнѣйшій толчокъ окозаченію страны. И, когда весною слѣдующаго 1649 года Хмельницкій объявилъ новый походъ на поляковъ, чуть не все населеніе отозвалось на призывъ козацкаго вождя. «Мая въ розныхъ числехъ — доносили въ эту пору въ Москву со словъ

---

[1]) Памятники, изд. Врем. Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1845 г., т. I, отд. III, стр. 174: «nieprzyiaciel... coraz sie bardziej szerzy y mocni tak ze co chłop, to nieprzyiacel, co miasto, co wies. to catervas hostium imaginować sobie potreba».

[2]) Лѣтопись Самовидца, 13: «И на тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану значнимъ била и наругання отъ посполитихъ людей, а найбольше отъ гултяйства, то есть отъ броварниковъ, вынниковъ, могилниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же, любо бы якій человѣк значній и не хотѣлъ привязоватися до того козацкого войска, тилко мусѣлъ за для позбитя того насмѣвиска и нестерпимих бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и въ кормахъ незвичайнихъ, и тіи мусѣли у войско приставати до того козацства».

побывавшихъ въ лѣвобережной Малороссіи московскихъ людей сѣвскіе воеводы — изо всѣхъ польскихъ городовъ запороскіе козаки и всякіе деревенскіе пашенные люди, конные и пѣшіе, всѣ пошли къ запороскому козачью гетману къ Богдану Хмельницкому въ сходъ къ Кіеву и въ польскихъ городѣхъ остались только самые старые люди да самые малые» [1]). «Такъ усе, що живо, — описываетъ этотъ моментъ малорусскій лѣтописецъ, — поднялося въ козацтво, же заледво знайшолъ въ якомъ селѣ такого человѣка, жеби не мѣлъ албо самъ, албо синъ до войска ити; а ежели самъ нездужалъ, то слугу паробка посилалъ. А иніи, килко ихъ было, всѣ ишли зъ двора, тилко одного зоставали, же трудно было о наймита. А то усе дѣялося за для того, же прошлого року збогатилися шарпаниною добръ шляхецкихъ и жидовскихъ и иныхъ людей, бываючихъ на преложенствѣ, же наветъ где въ городахъ были и права Майдебурскіе — и присягліе бурмистрове, и райцы свои уряды покидали и бороды голили, до того войска ишли: бо тіе себѣ зневагу держали, которій бы зъ бородою неголеною у войску былъ. Такъ дияволъ учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечнихъ» [2]). Но главную массу козацкаго ополченія составили, конечно, не эти «статечные люди», которыхъ могло вовлечь въ его ряды, согласно позднѣйшему представленію нѣкоторыхъ изъ нихъ, лишь дьявольское искушеніе, а «люди посполитые», или «чернь», иначе говоря, поднявшіеся противъ своихъ пановъ крестьяне. Именно они своимъ участіемъ съ самаго начала обезпечили успѣхъ возстанія и сообщили ему его широкій размахъ, они же вносили въ него и наибольшую непримиримость. «Еслибъ даже Хмельницкій хотѣлъ мириться, такъ не можетъ, — говорилъ на допросѣ передъ польскими панами одинъ изъ сподвижниковъ Хмельницкаго въ апрѣлѣ 1649 года, — чернь такъ остервенилась, что стремится уничтожить шляхту или сама погибнуть» [3]). И эта дилемма — уничтожить шляхту или погибнуть самому—тѣмъ опредѣленнѣе стояла передъ возставшимъ крестьянствомъ, что представители польскаго правящаго класса даже въ моментъ наибольшихъ уступокъ, вынуждаемыхъ у нихъ побѣдоноснымъ возстаніемъ, не шли дальше того, «чтобы козакъ

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. III, Дополненія, № 56, стр. 58.

[2]) Лѣтопись Самовидца, 20.

[3]) Памятники, изд. Врем. Комиссіей для разбора древнихъ актовъ, т. I, отд. III, стр. 384: «Powiedział tenze Fiesko setnik, ze choćby Chmielnicki chciał sie zgadzać, nie może, tak sie czerń zbestwiła, zeby znosiła szlachte albo sama gineła».

былъ козакомъ, а хлопъ хлопомъ и былъ послушенъ своему пану»[1]).

Но настроеніе и взгляды крестьянъ далеко не объединяли собою всего лагеря возставшихъ и не господствовали въ немъ безраздѣльно. Исходною точкой возстанія послужило нарушеніе правъ и интересовъ козачества. Въ дальнѣйшемъ, при первыхъ же побѣдахъ возстанія, къ нему присоединилась значительная часть православнаго духовенства и кое-кто изъ православной малорусской шляхты. И эти общественные элементы наложили свою печать, если не на самый ходъ возстанія, опредѣлявшійся болѣе всего дѣйствіями крестьянъ, то на формулировку его задачъ, дѣлавшуюся его вождями. Та соціальная программа, которая, казалось, сама собою вытекала изъ факта разгорѣвшейся на Украинѣ крестьянской войны, ни разу не была развернута вождями возстанія во всей ея широтѣ. Больше того, — въ моменты переговоровъ съ Рѣчью Посполитой Хмельницкій какъ будто забывалъ о крестьянскихъ массахъ, которыя онъ призвалъ къ оружію и дѣйствія которыхъ сообщили козацкому войску его сокрушительную силу, и говорилъ только о другихъ общественныхъ группахъ. Въ іюлѣ 1648 года козацкіе депутаты представили въ Варшавѣ рядъ пунктовъ въ объясненіе причинъ возстанія. Въ этихъ пунктахъ шла рѣчь объ обидахъ, испытываемыхъ козачествомъ, говорилось объ обидахъ, причиняемыхъ православному духовенству, и о притѣсненіяхъ православной вѣры, но совершенно не упоминалось о крестьянствѣ[2]). И то же самое повторилось въ тотъ моментъ, когда польская государственная власть увидѣла себя подъ Зборовомъ на краю пропасти и вынуждена была заключить мирный договоръ съ вождемъ побѣдоноснаго возстанія. Въ основу постановленій этого договора легли не стремленія малорусскаго крестьянства, а принципъ, выставленный польскими панами, — «чтобы козакъ былъ козакомъ, а хлопъ хлопомъ».

Зборовскій договоръ давалъ полную амнистію всѣмъ шляхтичамъ, почему-либо принявшимъ участіе въ возстаніи, гарантировалъ возвращеніе имѣній тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ они были отняты, и обѣщалъ, что на будущее время должности и чины въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ будутъ

[1]) Въ письмѣ короннаго польскаго гетмана Станислава Потоцкаго Хмельницкому въ началѣ 1653 г. — Тамъ же, т. III (Кіевъ, 1852 г.), отд. III, стр. 26—27.
[2]) Тамъ же, т. I, отд III, стр. 120—124.

раздаваться исключительно мѣстнымъ шляхтичамъ православной вѣры. Онъ расширялъ, далѣе, права православной іерархіи, вводя кіевскаго митрополита въ сенатъ Рѣчи Посполитой, и обѣщалъ въ будущемъ прекращеніе преслѣдованій православія, уничтоженіе уніи и возвращеніе православной церкви отнятыхъ отъ нея имуществъ. Наконецъ, онъ повышалъ число козацкаго войска до 40.000 и предоставлялъ гетману право впредь до пополненія этого числа вписывать въ козацкій реестръ крестьянъ какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ имѣній въ опредѣленномъ районѣ; крестьяне же, вписанные въ реестръ за предѣлами этого района, могли, если хотѣли быть козаками, переселиться въ него со своимъ имуществомъ, не опасаясь никакихъ помѣхъ со стороны своихъ владѣльцевъ. Часть крестьянства этимъ путемъ вводилась въ привилегированные ряды козачества, но вся остальная, гораздо болѣе многочисленная, масса крестьянъ оставалась попрежнему подчиненной — въ королевскихъ имѣніяхъ замковымъ управленіямъ, въ имѣніяхъ шляхетскихъ — ихъ владѣльцамъ, и договоръ ни въ чем не измѣнялъ положенія этой массы [1]).

Такимъ образомъ Зборовскій договоръ сохранилъ въ неприкосновенномъ видѣ тотъ сословный строй, противъ котораго направляло свои удары возставшее по призыву Хмельницкаго крестьянство, и, поднявъ численную мощь козачества, оставилъ главную массу крестьянства въ прежнемъ подчиненіи безконтрольной и ничѣмъ не ограниченной вотчинной власти. Между возросшимъ въ своей численности козачествомъ и оставшимся подъ властью помѣщиковъ крестьянствомъ по договору сохранялась та же рѣзкая разграничительная линія, какая существовала между ними и до возстанія. И тому же Богдану Хмельницкому, который звалъ крестьянство на освободительную войну, довелось теперь, во исполненіе постановленій договора, закрѣплять эту линію и возвращать крестьянъ подъ власть помѣщиковъ. «Вольно уже въ миру и шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ пріѣзжать... — писалъ Хмельницкій въ сентябрѣ 1650 года въ своемъ универсалѣ къ нѣжинскому полковнику Прокопію Шумейку. — Кождый нехай изъ свого ся тѣшитъ: козакъ нехай свого глядитъ и своихъ волностей постерегаетъ, а до тыхъ, котори не суть приняты до реестру нашого, абы дали покой». И въ томъ же универсалѣ гетманъ предписывалъ занесеннымъ въ реестръ козакамъ, засѣ-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., т. III, № 303. III, с. 415—6.

явшимъ еще въ «военное лѣто» панскія нивы, снявъ хлѣбъ, вернуть самыя нивы во владѣніе пановъ, а тѣмъ, которые посѣяли на панскихъ поляхъ яровые хлѣба уже послѣ мира, дать панамъ еще и «десятую копу»: «бо уже по примирьи не годылось того чинить, досыть бы тѣшитися ласкою божіею и войсковою, що до волностей своихъ принялисмо» [1]).

Козаковъ стало много больше, и вольности ихъ значительно увеличились, а въ остальномъ все должно было оставаться по старому: панъ долженъ былъ быть паномъ, козакъ козакомъ, крестьянинъ крестьяниномъ. Однако этотъ результатъ двухлѣтней отчаянной борьбы такъ мало соотвѣтствовалъ ожиданіямъ возбужденнаго малорусскаго крестьянства, что примирившійся съ польскимъ правительствомъ козацкій гетманъ при первыхъ же практическихъ шагахъ къ выполненію условій мирнаго договора увидѣлъ необходимость, по крайней мѣрѣ, частичныхъ отступленій отъ него. Посылая весною 1650 г. королю войсковые реестры, Хмельницкій просилъ его не обращать по своей королевской милости большого вниманія на то, что число занесенныхъ въ нихъ козаковъ превышаетъ количество, условленное въ Зборовскихъ пунктахъ: «мы и такъ — прибавлялъ гетманъ — испытали большія трудности при составленіи компутовъ войска» [2]). Но всѣ подобныя частичныя уступки были безсильны измѣнить существо дѣла. Какъ ни много крестьянъ было внесено въ козацкій реестръ, даже сверхъ числа, условленнаго въ Зборовскомъ договорѣ, еще большее число ихъ осталось невнесенными въ реестръ, и теперь имъ предстояло возвращаться подъ власть тѣхъ пановъ, отъ которыхъ они разсчитывали было совсѣмъ освободиться. Уцѣлѣвшіе во время возстанія паны, дѣйствительно, не замедлили вернуться въ Украину, какъ только появилась надежда на осуществленіе условій Зборовскаго договора. У гетмана были — записывалъ въ октябрѣ 1650 года въ свой статейный списокъ проживавшій у Хмельницкаго московскій посланецъ Унковскій — «ляхи, панъ Шподъ съ товарыщи, слуги князя Вишневецкаго, да староста лубенской панъ Нагорецкой да Бедлинской, да и многіе поляки, слуги Потоцкаго и Адама Киселя и Конецпольскаго, да Бориско Грязной; а всѣ бьютъ челомъ гетману о листахъ, чтобъ имъ далъ листы, чтобъ ихъ въ городѣхъ и въ селѣхъ слушали

---

[1]) Кіевская Старина, 1888, № 7, с. 12 (смѣсь).

[2]) Памятники изд. Врем. Комиссіей, т. II, отд. III, с. 13—14.

мужики; и гетманъ имъ велѣлъ дать листы, опричь козаковъ, велѣлъ мужикомъ слушать» [1]).

Кое-кто изъ вернувшихся пановъ, успѣвшихъ болѣе или менѣе присмотрѣться къ состоянію страны, понималъ уже, впрочемъ, малую надежность гетманскихъ «листовъ» такого рода. Адамъ Кисель, ставшій за это время воеводой кіевскимъ, весною 1650 года писалъ королю, что козацкая старшина склонна къ соблюденію мирнаго договора. «Только окозачившаяся было чернь, исключенная изъ реестровъ, — прибавлялъ воевода — употребляетъ различные способы, чтобы уклониться отъ подданства своимъ панамъ: одни, распродавая полностью все свое имѣніе, идутъ въ оруженосцы и слуги къ козакамъ, другіе идутъ со всѣмъ имуществомъ за Днѣпръ и лишь нѣкоторые — какихъ наименьшая часть — кланяются уже своимъ панамъ. Только одинъ Господь Богъ въ своей премудрости знаетъ, какъ все это можетъ усмириться и успокоиться» [2]). Въ концѣ концовъ усмиреніе и успокоеніе непослушныхъ крестьянъ, не желавшихъ знать своихъ пановъ, взялъ на себя по панскимъ жалобамъ опять-таки Хмельницкій. «Дошла до насъ вѣдомость, — писалъ онъ 20 сентября 1650 г. въ своемъ универсалѣ къ «старшинѣ и черни войска его королевской милости Запорожского, яко тежъ мещаномъ и селяномъ, подданимъ усимъ, въ воеводствѣ Киевскимъ знайдуючимся», — дошла до насъ вѣдомость, же нѣкоторые своеволние подъ часъ теперешней, меновите которые до подданства належатъ, не будучи паномъ своимъ послушними и зычливыми, и овшемъ (напротивъ) неприятелми, много шляхти пановъ своихъ потопили, позабивали и теперь, не устаючи въ передсевзятю (упорствѣ) своимъ, на здоровье панское наступаютъ и послушними быти не хотятъ, але бунти и своеволю вчинаютъ, про то симъ универсаломъ нашимъ позволяемъ, жебы сами панове весполъ (сообща) съ полковниками нашими Бѣлоцерковскимъ або Киевскимъ сурово бы и на горлѣ карали, а тые зась, которые кровь невинную пролили и покой нарушили, горлового караня не уйдутъ, якожъ и тутъ за тое не единого на горло скарали есмо» [3]).

Нѣкоторые изъ вернувшихся въ свои имѣнія пановъ пытались привести къ повиновенію непослушныхъ крестьянъ и соб-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., VIII, Прибавленія, № 33. VIII, с. 345.
[2]) Памятники, изд. Врем. Комиссіей, II, отд. III, с. 22—3.
[3]) Памятники, изд. Врем. Комиссіей, II, отд. III, № 7, сс. 59—63 и Архивъ Ю.-З. Россіи, т. VI, ч. I, № 178, сс. 573—4.

ственной силой, не обращаясь къ помощи гетмана и его полковниковъ. Но находились среди возвращавшихся владѣльцевъ и такіе, которые старались добиться повиновенія отъ своихъ крестьянъ, дѣлая имъ въ свою очередь нѣкоторыя временныя уступки. «Вамъ, мѣщанамъ мглинскимъ и дроковскимъ, войтамъ, атаманамъ и всѣмъ мужамъ обѣихъ волостей этихъ городовъ — писалъ своимъ «подданнымъ» одинъ изъ крупнѣйшихъ владѣльцевъ Сѣверской земли, воевода троцкій Николай Абрамовичъ — съ пожеланіемъ вамъ при добромъ здоровьи благословенія Господня и мирнаго житія симъ объявляю: вручены мнѣ листы ваши, какъ отъ городовъ, такъ и отъ обѣихъ волостей, изъ коихъ усматриваю, что вы, опомнясь отъ прежнихъ своихъ преступленій и возмущенія, вновь обращаетесь къ надлежащему подданству мнѣ, господину своему... Въ чемъ поступаете истинно въ угоду Богу, ибо онъ въ предвѣчномъ своемъ божественномъ установленіи возложилъ на васъ такое состояніе, что быть вами подданными, а не панами. И отъ начала міра предки ваши въ семъ состояніи умирали и таковому Божьему опредѣленію, какъ люди богобоязненные, не воспротивлялись и на господъ своихъ руки никогда не подымали, за что, безъ всякаго сомнѣнія, наслаждаются на небесахъ лицезрѣніемъ Творца своего. Вы же, впавъ въ такой грѣхъ и воспротивясь Господу своему тѣмъ, что не оставались въ своемъ подданскомъ состояніи, умоляйте прежде всего Бога Творца своего, коему столь яростно воспротивились! — а ежели будете о томъ душевно скорбѣть и твердо вознамѣритесь болѣе въ такой грѣхъ не впадать, милосердный Богъ сіе вамъ проститъ... Какъ христіанинъ, прощаю вамъ все то, въ чемъ провинились вы въ нынѣшнія смутныя времена противъ всей отчизны и противъ меня, господина своего. И прощаю вамъ такъ: всѣ прегрѣшенія ваши ввергаю въ рѣку Ипуть и пускаю за водою въ море; и какъ невозможно обратить вспять сію текущую рѣку, такъ и я вспоминать вашихъ преступленій и карать кого-либо за нихъ не желаю и до самой смерти желать не буду; и хочу жить съ вами, какъ отецъ съ сыномъ своимъ, лишь бы и вы такъ же жили со мной, какъ должно жить добродѣтельнымъ сыновьямъ съ отцомъ, оказывая мнѣ надлежащее подданство и повиновеніе. Приношеніе ваше, хотя я и ожидалъ, что поклонитесь чѣмъ-нибудь лучшимъ, принимаю въ виду нынѣшняго голоднаго времени, надѣясь, что, когда дастъ вамъ Богъ поправиться послѣ нынѣшнихъ замѣшательствъ въ имуществѣ вашемъ, тогда не откажетесь мнѣ за это вознагра-

дить. Что касается облегченій въ податяхъ, то я распорядился не взыскивать того, что слѣдуетъ мнѣ лично, т. е. чиншей, дяколъ, медовъ, до самой осени, хотя и самъ я нуждаюсь, потерпѣвши такъ много раззореній въ моихъ маетностяхъ... Прошу лишь о томъ, чтобы вы для меня засѣяли на зиму жито, согласно указанію моему, данному подстаростѣ, который вамъ разскажетъ все въ подробности. Ничего тягостнаго отъ васъ не требую и увѣренъ, что вы къ сему преклонитесь и все это сдѣлаете; а я буду въ томъ имѣть доказательство, что вы искренно и самымъ дѣломъ, а не словами, возвращаетесь къ подданству и преданности мнѣ, господину своему»[1]).

Однако и «горловое каранье» «своевольников», производившееся Хмельницкимъ и его полковниками, и жестокія усмиренія крестьянъ, практиковавшіяся нѣкоторыми владѣльцами, и частичныя уступки другихъ владѣльцевъ, соединенныя съ болѣе или менѣе кроткими и благочестивыми увѣщаніями, мало помогали дѣлу. Малорусскіе крестьяне упорно не хотѣли соглашаться съ тѣмъ, что самъ Богъ отъ начала міра опредѣлилъ ихъ «быть подданными, а не панами», и то и дѣло впадали въ тотъ грѣхъ, отъ котораго ихъ предупреждалъ троцкій воевода. Въ различныхъ мѣстностяхъ официально замирившейся съ Польшею Украины безпрестанно вспыхивали частичныя волненія, и не одинъ шляхтичъ, поторопившійся вернуться въ свои украинскія маетности, заплатилъ жизнью за свою поспѣшность, не одна шляхетская семья вынуждена была вновь спасаться бѣгствомъ отъ непокорныхъ подданныхъ. А случалось — въ крестьянскихъ волненіяхъ принимали участіе и отдѣленные официально отъ крестьянъ козаки, и даже нѣкоторые изъ ближайшихъ помощниковъ Хмельницкаго въ лицѣ поставленныхъ имъ полковниковъ подчасъ готовы были всякое напоминаніе гетмана о необходимости соблюдать воинскія предосторожности понять въ смыслѣ приглашенія «заразъ ляховъ и урядниковъ шляхту, такъ на Украинѣ, яко и у Сѣверу выбивать»[2]). При такихъ условіяхъ постановленіе Зборовскаго договора о возвращеніи главной массы крестьянства въ прежнее ея состояніе во многихъ случаяхъ оставалось мертвой буквой, до поры до времени рѣзко расходившейся съ дѣйствительнымъ теченіемъ жизни.

---

[1]) А. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. I. Кіевъ, 1888, сс. 7—8.

[2]) См. цитированный выше универсалъ Б. Хмельницкаго нѣжинскому полковнику Пр. Шумейку. — Кіевъ. Старина, 1887, № 7.

Изъ запутаннаго положенія, въ которомъ бывшій герой и вождь народнаго возстанія оказывался въ роли усмирителя крестьянскихъ волненій и защитника панскихъ интересовъ, выходъ былъ открытъ поляками, въ свою очередь не желавшими мириться съ другими постановленіями Зборовскаго договора и категорически отказавшимися соблюдать эти постановленія. Съ своей точки зрѣнія правящій классъ Рѣчи Посполитой, дѣйствительно, считалъ невозможнымъ соблюденіе Зборовскаго договора, такъ какъ точное выполненіе условій послѣдняго должно было повести за собою не только отказъ отъ успѣвшей уже стать традиціонною польской политики по отношенію къ православной церкви, но и нѣкоторое смягченіе въ малорусскихъ областяхъ помѣщичьей власти, не могшей, какъ показала дѣйствительность, не считаться съ наличностью въ краѣ большой козацкой силы. А такъ какъ эта сила обнаруживала къ тому же явную тенденцію къ дальнѣйшему росту, то представлялось болѣе правильнымъ и благоразумнымъ еще разъ попытаться сломить ее однимъ сильнымъ ударомъ и, если не уничтожить совершенно, то, по крайней мѣрѣ, вернуть къ прежней строго подчиненной роли. Въ декабрѣ 1650 года польскій сеймъ объявилъ новую войну противъ мятежныхъ козаковъ, и положеніе внутри Украины вновь стало такимъ, какимъ оно было въ первые моменты поднятаго Хмельницкимъ движенія. Снова повторилось общее изгнаніе польскихъ пановъ изъ ихъ имѣній, снова мѣстныя крестьянскія волненія слились въ общее возстаніе, являясь лишь своеобразными партизанскими дѣйствіями въ великой народной войнѣ.

Но на этотъ разъ война была не такъ удачна. Военное счастье измѣнило Хмельницкому, успѣвшему потерять долю своей популярности въ народныхъ массахъ и испытавшему вдобавокъ неожиданную измѣну со стороны своего союзника — крымскаго хана. И новый, Бѣлоцерковскій, договоръ, явившійся результатомъ тяжелаго разгрома, понесеннаго козацкимъ войскомъ подъ Берестечкомъ, значительно сократилъ права и льготы, добытыя подъ Зборовомъ. Въ частности число козацкаго реестроваго войска понижалось по этому договору до двадцати тысячъ и войско это должно было располагаться исключительно въ королевскихъ имѣніяхъ кіевскаго воеводства, тогда какъ польское коронное войско могло становиться въ черниговскомъ и брацлавскомъ воеводствахъ. Диктуя возставшимъ эти условія, польскіе предводители разсчитывали путемъ ихъ ослабить козачество и сдѣлать

серьезный шагъ къ прочному возвращенію украинскихъ крестьянъ подъ власть помѣщиковъ. На практикѣ однако эти разсчеты плохо оправдались и Бѣлоцерковскій договоръ оказался еще менѣе жизнеспособнымъ, чѣмъ Зборовскій. Козачество и теперь не вмѣщалось въ рамки условленнаго реестра, крестьянство по прежнему не хотѣло знать надъ собою власти однажды прогнанныхъ «ляцкихъ пановъ» и вмѣсто мира, который долженъ былъ установить въ странѣ Бѣлоцерковскій трактатъ, въ ней почти тотчасъ же послѣ его подписанія вновь закипѣла ожесточенная и безпощадная борьба.

Два съ половиной года тянулась еще послѣ того эта борьба непримиримыхъ противниковъ и, наконецъ, Хмельницкій, убѣдившись въ невозможности отбиться собственными силами отъ польскихъ притязаній, принялъ рѣшеніе окончательно оторваться отъ Польши и соединиться съ сосѣднимъ Московскимъ государствомъ. Въ свою очередь правительство этого послѣдняго, упорно, несмотря на всѣ просьбы Хмельницкаго, уклонявшееся отъ прямой помощи ему, пока не имѣло достаточной увѣренности въ слабости Польши и не видѣло въ такой помощи реальныхъ выгодъ для себя, охотно приняло теперь предложеніе гетмана о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ. И съ момента этого соединенія съ Москвою въ жизни той части Малороссіи, которая удержалась въ немъ, началась новая эпоха — эпоха своеобразнаго развитія, совершавшагося уже внѣ всякой прямой зависимости отъ польскихъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ.

II

Исходнымъ пунктомъ этой новой эпохи, повидимому, должны были явиться условія соединенія Малороссіи съ Москвою, выработанныя между Богданомъ Хмельницкимъ и правительствомъ царя Алексѣя Михайловича. Именно эти условія, казалось бы, должны были точно опредѣлить и закрѣпить собою всѣ главнѣйшія черты въ укладѣ страны, только что рядомъ могучихъ усилій заново перестроившей основы своего соціальнаго и политическаго существованія. На дѣлѣ, однако, случилось не совсѣмъ такъ, и названныя условія получили въ жизни Малороссіи нѣсколько иное значеніе.

Было время, когда въ нашей исторической литературѣ шелъ

горячій споръ по вопросу объ общемъ характерѣ тѣхъ условій, на которыхъ состоялось присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству. Въ то время, какъ Н. И. Костомаровъ, слѣдуя установившейся традиціи, утверждалъ, что эти условія представляли собою договоръ Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ, принятый въ январѣ 1654 года Переяславской радой и тогда же закрѣпленный присягой московскихъ пословъ, Г. Ф. Карповъ страстно возражалъ противъ такого утвержденія, доказывая, что никакого договора между Богданомъ Хмельницкимъ и правительствомъ царя Алексѣя не существовало, а условія присоединенія Малороссіи явились въ результатѣ «челобитныхъ» малорусскаго гетмана и «пожалованій» московскаго царя [1]). Формальная правота въ этомъ спорѣ была, несомнѣнно, на сторонѣ противника Н. И. Костомарова. Московскіе бояре, присланные для приведенія Малороссіи къ присягѣ на имя московскаго государя и бывшіе на Переяславской радѣ 1654 года, сами, какъ подробно разсказано объ этомъ въ ихъ статейномъ спискѣ, рѣшительно отказались присягать за государя, и въ Москвѣ они получили потомъ за это спеціальную похвалу отъ царя. Условія присоединенія къ Москвѣ, вопреки повѣствованію лѣтописи Величка, на которое опирался въ данномъ случаѣ Костомаровъ, не могли быть читаны и приняты на Переяславской радѣ уже по той простой причинѣ, что названная рада происходила въ январѣ 1654 года, а условія эти были окончательно выработаны лишь въ переговорахъ съ посольствомъ Богдана Хмельницкаго въ Москвѣ въ мартѣ того же года [2]). И въ окончательномъ своемъ видѣ эти условія, сформулированныя уже послѣ принесенія населеніемъ Малороссіи присяги на вѣрность московскому государю, носили фор-

---

[1]) Н. И. Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Изданіе 4-е. Т. III, сс. 129—130, 132. Г. Карповъ. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. М. 1870, стр. 68—72, примѣчаніе 30-е.

[2]) Больше того, — въ полномъ своемъ видѣ эти условія не были объявлены въ Малороссіи во все время гетманства Богдана Хмельницкаго. Какъ разсказываетъ въ своемъ статейномъ спискѣ В. Кикинъ, отправленный посланникомъ въ Малороссію послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, вслѣдъ за похоронами гетмана «начальные люде и все войско, выслушавъ государеву грамоту, говорили промежъ себя въ радѣ гетманскому сыну Юрью Хмельницкому и писарю Ивану Выговскому, чтобъ они показали всему войску тѣ статьи всѣ, о чемъ ц. в-ву били челомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское и присылали къ ц. в-ву къ Москвѣ посланцовъ своихъ, судью войскового Самойла Богданова да переяславского полковника Павла Тетерю; а мы де всѣмъ войскомъ того, чѣмъ насъ противъ нашего войскового челобитья великій государь нашъ, его ц.в-во, пожаловалъ, и до сего часу ничего не вѣдаемъ». Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 3. VI, с. 799.

му не скрѣпленнаго двумя сторонами договора, а односторонняго пожалованія — царскихъ жалованныхъ грамотъ и царскихъ же резолюцій, положенныхъ на просительныхъ статьяхъ гетмана. Но эта внѣшняя сторона, несомнѣнно, имѣющая извѣстное значеніе, не должна, конечно, все же заслонять отъ насъ собою существо дѣла. Оторвавшись отъ Польши, Малороссія не просто перешла въ подданство Московскаго государства. Она или, точнѣе говоря, ея тогдашнее правительство поставило при этомъ рядъ условій, которыя и были приняты новымъ ея государемъ; только принятіе ихъ было облечено въ форму не договора, а пожалованія.

Не такъ легко поддается рѣшенію другой и гораздо болѣе важный вопросъ, связанный съ переговорами Богдана Хмельницкаго съ Москвою, — вопросъ о существѣ того порядка, какой долженъ былъ установиться въ результатѣ этихъ переговоровъ для Малороссіи, и о степени его соотвѣтствія съ тѣми дѣйствительными отношеніями, которыя успѣли сложиться внутри страны благодаря ея возстанію противъ Польши. И сложность этого вопроса, скрывающаяся подъ кажущейся его простотой, не разъ вводившей въ заблужденіе позднѣйшихъ историковъ, не вглядывавшихся въ него съ достаточно пристальнымъ вниманіемъ, стоитъ въ тѣсной связи съ самымъ характеромъ переговоровъ, ведшихся между малорусскимъ гетманомъ, официальнымъ главою отлагавшагося отъ Польши и объятаго возстаніемъ края, и московскимъ правительствомъ.

Обѣ стороны, участвовавшія въ переговорахъ, не обладали особенно большою освѣдомленностью другъ о другѣ и въ сущности не вполнѣ отчетливо представляли себѣ тѣ послѣдствія, которыя должно было повлечь за собою для каждой изъ нихъ задуманное и уже осуществлявшееся ихъ усиліями дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны, стремясь скорѣе достигнуть конечной цѣли переговоровъ, подчасъ не все въ нихъ договаривали до конца, предоставляя полное выясненіе нѣкоторыхъ сомнѣній времени. Вслѣдствіе этого въ самомъ разгарѣ переговоровъ кое-что въ нихъ оставалось не совсѣмъ яснымъ для самихъ участниковъ. И это происходило тѣмъ легче, что малорусское гетманское правительство не успѣло еще вполнѣ разобраться въ своемъ собственномъ положеніи и охватить достаточно широкой формулой жизненные факты, накопившіеся вокругъ него и отчасти даже созданные его собственной дѣятельностью. Въ виду этого оно старалось избѣгать черезчуръ большой опредѣленности и въ своихъ

требованіяхъ и просьбахъ, обращенныхъ къ Москвѣ, чаще всего говорило о подтвержденіи старыхъ правъ и привилегій Малороссіи, хотя подчасъ подъ прикрытіемъ этой формулы ему приходилось просить о подтвержденіи такихъ порядковъ, которые менѣе всего могли быть уложены въ рамки старыхъ правъ.

Этотъ характеръ переговоровъ ярко сказался уже въ тѣхъ бесѣдахъ, которыя велись въ январѣ 1654 года у гетмана и окружавшей его старшины съ бояриномъ Бутурлинымъ и его товарищами, присланными принять Малороссію подъ руку московскаго государя, и которыя сохранилъ намъ статейный списокъ московскихъ бояръ. Гетманъ—разсказывается, между прочимъ, въ этомъ спискѣ — «говорилъ боярину съ товарищи: чтобъ великій государь указалъ съ городовъ и мѣстъ, которые поборы напередъ сего сбираны на короля и на римскіе кляшторы и на пановъ, сбирати на себя государя; а за которыми де монастыри мѣста и села и мѣстечки даны, и чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ тому всему быти за монастыри и за церквами по прежнему, для того, что тѣ мѣста къ монастырямъ и къ церквамъ данье прежнихъ великихъ князей россійскихъ». Кромѣ того, «гетманъ еще говорилъ: отданы де у нихъ промыслы въ дву или въ трехъ городѣхъ на урочныя лѣта и изъ урочныхъ лѣтъ еще не вышли, а доведетца держать годы по два и по три; и чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ тѣ урочныя лѣта откупщикамъ додержать, а до урочныхъ лѣтъ промысловъ у нихъ не отнимать». Бутурлинъ съ товарищами завѣрилъ гетмана, что московскій государь не станетъ отнимать имѣній у православныхъ монастырей и церквей, равно какъ позволитъ наличнымъ откупщикамъ сборовъ додержать свои откупа до условленныхъ сроковъ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, войсковой писарь Выговскій заявилъ еще просьбу: «какъ де государь изволитъ прислать воеводъ въ городы, и чтобъ доходы на государя сбирать ихъ началнымъ людемъ и отдавать воеводамъ, для того, что де люди здѣсь къ вашимъ обычеемъ не признались». Не менѣе характерной оказалась другая часть бесѣды. Гетманъ и старшины говорили Бутурлину съ товарищами: «въ запорожскомъ де войскѣ кто въ какомъ чину былъ по ся мѣста, и нынѣ бы государь пожаловалъ, велѣлъ быть по тому, чтобъ шляхтичъ былъ шляхтичемъ, а козакъ козакомъ, а мѣщанинъ мѣщаниномъ; а козакомъ бы де судитца у полковниковъ и у сотниковъ. А чтобъ де не такъ быть, какъ были за полскимъ королемъ: покамѣста козакъ живъ, потамѣста за нимъ и мает-

ность; а какъ умретъ, и паны де тѣ маетности обирали на себя, а жонъ и дѣтей высылаютъ вонъ; да и волностей бы ихъ пожаловалъ государь, отнимать у нихъ не велѣлъ». Когда Бутурлинъ и товарищи его обѣщали, что и эти просьбы будутъ исполнены, Хмельницкій высказалъ желаніе, чтобъ число козацкаго войска было установлено въ 60.000 человѣкъ. Когда же бояре заявили, что объ этомъ слѣдуетъ бить челомъ государю, «гетманъ говорилъ: то де ему государю къ чести и къ повышенью, что у него государя войска будетъ много. Хотя бъ де государь пожаловалъ, велѣлъ у нихъ войску быть и болши того, то де и лутче; а жалованья они у царскаго величества на тѣхъ козаковъ не просятъ. А какъ де они были противъ короля подъ Зборовымъ, и въ тѣ де поры съ нимъ гетманомъ запорожскаго войска было 360.000». Наконецъ, гетманъ заявилъ боярамъ свое желаніе бить челомъ государю о пожалованіи ему на булаву чигиринскаго полка, а затѣмъ и войсковой писарь Выговскій сообщилъ, что намѣренъ просить государя о сохраненіи за нимъ имѣющихся у него маетностей и пожалованіи ему новыхъ[1]).

Такимъ образомъ, гетманъ съ старшиною отдавали во владѣніе московскаго государя всѣ бывшія королевскія имѣнія, равно какъ бывшія имѣнія пановъ и католическихъ монастырей, обезпечивая лишь сохраненіе имѣній за православными монастырями и церквами, передавали въ казну государя всѣ доходы, выговаривая лишь возможность сбора ихъ мѣстными «начальными людьми» да временное сохраненіе отданныхъ уже на откупъ сборовъ за ихъ откупщиками, и одновременно вызывались держать многочисленное войско безъ жалованья и какъ будто безъ доходовъ на него. Съ другой стороны, гетманъ и старшина какъ будто были озабочены сохраненіемъ строгихъ сословныхъ граней въ мѣстномъ населеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ предлагалъ держать неограниченное по численности козацкое войско, прямо ссылаясь въ этомъ случаѣ на многозначительный примѣръ Зборовскаго похода.

Эти противорѣчія, правда, значительно сгладились къ моменту окончательныхъ переговоровъ, для которыхъ въ мартѣ того же 1654 года въ Москву прибыли посланцы Хмельницкаго — войсковой судья Самойло Богдановъ и переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря. Но и въ этотъ заключительный моментъ пере-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., X., № 4, сс. 236, 244—5, 246; 242—3, 244.

говоровъ въ нихъ не было выставлено сразу вполнѣ ясной и опредѣленной формулы, настолько отчетливой, чтобы она не могла вызывать никакихъ сомнѣній. Въ «статьяхъ», которыми Богданъ Хмельницкій снабдилъ своихъ посланниковъ и которыя были ими предъявлены въ Москвѣ, имѣлось, пожалуй, нѣкоторое подобіе такой формулы въ видѣ недвусмысленнаго указанія на то, что гетманъ хотѣлъ бы поставить Малороссію въ положеніе приблизительно такого же вассала Московскаго государства, какими были для тогдашней Турціи Венгрія, Молдавія и Валахія, — вассала, обязаннаго уплачивать своему сюзерену опредѣленную дань и выставлять въ извѣстныхъ случаяхъ вспомогательное войско, но за то пользующагося полной свободой въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и даже нѣкоторой самостоятельностью въ сферѣ внѣшней политики [1]). Однакоже это указаніе далеко не занимало въ «статьяхъ» Хмельницкаго того центральнаго положенія, на какое оно могло бы претендовать по своему смыслу. Наоборотъ, брошенное какъ бы вскользъ, сопровождавшееся немедленными оговорками, оно вмѣстѣ съ тѣмъ было въ сущности и мало согласовано съ содержаніемъ другихъ «статей», среди которыхъ оно помѣщалось. При такихъ условіяхъ московскимъ боярамъ удалось сразу отбросить его, повидимому, даже безъ обсужденія, и посланники Хмельницкаго легко вернулись къ прежней постановкѣ вопроса о доходахъ, согласно которой они должны были собираться въ Малороссіи мѣстными должностными лицами и передаваться государевымъ воеводамъ или присланнымъ отъ государя людямъ. Политическая мысль повелителя Малороссіи и его ближайшихъ помощниковъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкото-

---

[1]) «Какъ по иныхъ земляхъ — говорилось въ 15-й изъ присланныхъ Хмельницкимъ статей — дань вдругъ отдаетца, волили бы есмя и мы, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ всѣхъ людей, которые твоему ц. в-ву належатъ; а если бы инако быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволять и о томъ договариватца, развѣ бы изъ тутошнихъ людей обобравши воеводу, человека достойного, имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду его ц. в-ву отдавати». Излагая условія гетмана на словахъ, посланцы эту статью передали слѣдующимъ образомъ: «а будетъ де государь изволитъ, и гетманъ де и войско запорожское учнутъ государю доходъ давать съ войска запорожского противъ того же, какъ собираетъ турской салтанъ съ Венгерской и съ Мутьянской и съ Волоской земли, смѣтя мѣстнымъ дѣломъ. А переписать бы тѣ всѣ доходы и въ смѣту положить кому государь укажетъ своему государеву человѣку». Акты Ю. и З. Р., X, № 8, сс. 449 и 441. Предыдущая статья заключала въ себѣ предупрежденіе, чтобы «ц. в-ву въ кручину не былъ» свободный пріемъ гетманомъ и войскомъ пословъ, которые «изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому»; гетманъ же бралъ на себя обязательство извѣщать о томъ, что будетъ «противъ его царскаго величества». Въ царской резолюціи это право гетмана на внѣшнія сношенія подверглось довольно существеннымъ ограниченіямъ.

рыхъ другихъ, не поспѣвала за событіями и даже не вполнѣ охватывала собою наличные факты жизни. Въ концѣ концовъ, въ своихъ переговорахъ съ Москвою Богданъ Хмельницкій въ значительной мѣрѣ еще чувствовалъ себя козацкимъ гетманомъ стараго типа, представителемъ не столько страны, сколько одной опредѣленной общественной группы, живущей своими обособленными интересами. И это обстоятельство наложило рѣзкій отпечатокъ на характеръ условій, привезенныхъ посланцами Хмельницкаго въ Москву.

Въ ряду этихъ условій на первомъ мѣстѣ были поставлены права и привилегіи козачества, сохраненіе за нимъ полной свободы самоуправленія, своего совершенно независимаго суда и всѣхъ вообще козацкихъ «вольностей». «Въ началѣ — говорилось въ первой же изъ присланныхъ Хмельницкимъ статей — изволь твое царское величество подтвердити права и волности наши войсковые, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ запорожскомъ, что своими правами суживались и волности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ; чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни столникъ въ суды войсковые не вступался, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товарищество сужены были: гдѣ три человѣка козаковъ, тогда два третьяго должны судить»[1]. За этимъ слѣдовали просьбы объ опредѣленіи числа козацкаго войска въ 60.000 человѣкъ, о свободномъ выборѣ гетмана, о пожалованіи ему на булаву Чигиринскаго староства, о неприкосновенности козацкихъ земельныхъ имуществъ и о сохраненіи ихъ по смерти козаковъ за ихъ вдовами и дѣтьми, о назначеніи жалованья на войсковую артиллерію, на гарнизонъ крѣпости Кодака и на запорожцевъ, о назначеніи жалованья деньгами и мельницами членамъ войсковой и полковой старшины, которые «расходъ великій имѣютъ» или же «на услугахъ войсковыхъ всегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ», наконецъ, о жалованьѣ всему войску козацкому. «Обычай тотъ бывалъ, — поясняла соотвѣтствующая «статья» — что все-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, с. 446. Послѣднія слова приведенной цитаты давали подчасъ поводъ къ нѣкоторому недоразумѣнію. «Такого суда не было...— замѣчалъ, напримѣръ, покойный А. М. Лазаревскій въ одной изъ своихъ работъ.— Повидимому, дипломатія «Войска Запорожскаго» включила въ «статьи» это свѣдѣніе, чтобы обезпечить въ будущемъ полную свободу суда, причемъ указанная форма послѣдняго, можетъ быть, и практиковалась на Запорожьи» (А. М. Лазаревскій. Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера о малорусскомъ дворянствѣ и о статутовыхъ судахъ. Харьковъ. 1898, с. 30). Но, думается, въ приведенныхъ словахъ слѣдуетъ видѣть не указаніе на опредѣленную форму суда, а лишь казуистическое опредѣленіе полной независимости козаковъ въ сферѣ суда отъ московскихъ властей.

гда войску запорожскому платили: просить и нынѣ его царскаго величества, чтобъ на полковника по 100 ефимковъ, на асауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на асауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на козаковъ по 30 золотыхъ». При этомъ гетманъ и войско въ своихъ «статьяхъ» обѣщали: «мы сами смотръ межъ себя имѣть будемъ и, кто козакъ, тотъ будетъ волность козацкую имѣть, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего».

Съ своей стороны московское правительство согласилось на всѣ эти условія, сдѣлавъ оговорки лишь по вопросу о жалованьѣ. На жалованье войсковой артиллеріи, гарнизону Кодака, запорожцамъ и старшинѣ оно дало свое согласіе, замѣтивъ только, что все это жалованье должно даваться «изъ тамошнихъ доходовъ». Отъ установленія же жалованья для всего козацкаго войска сперва рѣшено было «отговаривать» гетманскихъ посланниковъ, напомнивъ имъ, какъ самъ гетманъ въ январьскихъ переговорахъ съ Бутурлинымъ заявилъ, что не будетъ просить жалованья на козаковъ. Однако же посланники и послѣ такихъ «отговоровъ» упрямо стояли на своей просьбѣ. Тогда окончательное рѣшеніе этого вопроса было временно отсрочено. «А что — говорилось въ объявленной посланникамъ резолюціи — въ Малой Россіи въ городѣхъ и мѣстехъ какихъ доходовъ, и про то царскому величеству невѣдомо; и великій государь нашъ посылаетъ доходы описать дворянъ. А какъ тѣ царскаго величества дворяне доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ, и въ то время о жалованьѣ на войско запорожское, по разсмотрѣнію, и указъ будетъ».

Удѣляя такъ много мѣста и вниманія козачеству, гетманскія «статьи» все же разсматривали его при этомъ, какъ обособленный классъ малорусскаго общества, и самой козацкой администраціи, поскольку онѣ говорили о ней, придавали значеніе админстраціи, обслуживающей лишь данный классъ. Наряду съ этимъ въ «статьяхъ» Хмельницкаго говорилось и о другихъ отрасляхъ управленія и о другихъ общественныхъ классахъ, но уже далеко не съ такою обстоятельностью. Одною изъ «статей» охранялась вообще самостоятельность малорусскаго управленія отъ наѣзжихъ властей. «Въ городѣхъ — говорилось въ этой статьѣ — урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ подданными твоего царскаго величества исправляти или урежати и приходъ належачей въ

правду въ казну твоего царскаго величества отдавати». Однакоже въ послѣдовавшей царской резолюціи смысл этой статьи былъ нѣсколько сужен. «Государь — гласитъ эта резолюція — указалъ и бояре приговорили быть по ихъ челобитью; а быти бъ урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ; и доходы денежные и хлѣбные и всякіе на государя сбирати и отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, которыхъ государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ, кого для тое сборные казны государь пришлетъ, надъ тѣми сборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду». Такимъ образомъ, хотя сборъ доходовъ былъ оставленъ въ рукахъ выборныхъ городскихъ властей, но послѣднія должны были быть подчинены контролю присылаемыхъ московскимъ государемъ людей.

Что касалось, наконецъ, всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ Малороссіи, кромѣ козачества, то за ними «статьи» Хмельницкаго стремились сохранить то же самое положеніе, какое они занимали въ странѣ и раньше. И первое мѣсто среди этихъ классовъ условія, предлагавшіяся московскому государю вождемъ малорусскаго возстанія, отводили шляхтѣ, — правда, шляхтѣ лишь православнаго исповѣданія. «Шляхта, — говорилось въ одной изъ первыхъ же «статей» гетмана и войска — которые въ Малой Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной заповѣди Христовѣ, тебѣ, великому государю, учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ волностяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали и добра свои и волности имѣли, какъ при королехъ польскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя таковое пожалованье твоего царскаго величества, клонилися подъ область и подъ высокую и крѣпкую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ. Суды земскіе и градцкіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ добровольно оберутъ, исправлены быть имѣютъ, какъ и прежде сего». Въ другой изъ присланныхъ имъ статей гетманъ просилъ, чтобы вообще ни въ чемъ не нарушались «права, наданые изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людемъ». Кромѣ того, на словахъ гетманскіе посланники передали его просьбу, чтобы московскій государь далъ свои жалованныя грамоты кіевскому митрополиту и всему вообще малорусскому духовенству на ихъ права, привилегіи и владѣнія. На словахъ же была передана посланниками и еще одна просьба гетмана, — «чтобъ государь пожаловалъ его, велѣлъ ему и дѣтемъ его дать въ вотчину

городъ Гадячъ, что напередъ того бывало за Конецполскимъ, а ему де въ томъ мѣстѣ дворъ себѣ ставить и временемъ пріѣзжать жить». Московское правительство на всѣ эти просьбы и условія отвѣтило опять-таки согласіемъ [1]).

Таковы были условія, на которыхъ состоялось окончательное соглашеніе Богдана Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ. Въ нашей исторической и историко-юридической литературѣ результатъ этого соглашенія до самаго послѣдняго времени обычно характеризуется, какъ династическая унія Малороссіи съ Московскимъ государствомъ. Но правильнѣе, думается, была бы въ данномъ случаѣ другая характеристика. «Статьями» Богдана Хмельницкаго Малороссія не столько заключала династическую унію съ Москвой, сколько становилась по отношенію къ послѣдней въ положеніе вассальнаго государства. Во главѣ этого вассальнаго государства долженъ былъ стоять выборный гетманъ, носившій свой санъ пожизненно и не нуждавшійся въ утвержденіи московскаго государя, а лишь извѣщавшій его о своемъ избраніи и приносившій присягу на вѣрность. Гетманъ имѣлъ право сноситься съ другими землями, за исключеніемъ, однако, Польши и Турціи, причемъ о сношеніяхъ, носившихъ мирный характеръ, долженъ былъ только сообщать въ Москву, пословъ же, являвшихся съ «противнымъ дѣломъ» по отношенію къ московскому государю, обязывался задерживать и не отпускать безъ государева указа. Помимо этого вассальная зависимость Малороссіи должна была выражаться въ уплатѣ городскимъ и крестьянскимъ населеніемъ края сборовъ въ казну московскаго государя и въ службѣ козацкаго войска, — службѣ, за которую ему предполагалось вслѣдъ за выясненіемъ ожидаемыхъ изъ Малороссіи доходовъ назначить то или иное опредѣленное денежное жалованье. За предѣлами этихъ вассальныхъ отношеній Малороссія получала широкую внутреннюю автономію и удерживала самостоятельный соціальный строй, причемъ этотъ послѣдній, какъ предполагалось, долженъ былъ сохранить въ общемъ въ неприкосновенности старыя сословныя дѣленія общества. Серьезною новостью въ этой области являлись только численное увеличеніе козачества и расширеніе его привилегій, долженствовавшихъ, однако, и въ этомъ расширенномъ своемъ видѣ остаться принадлежностью одной сословной группы. Во всякомъ случаѣ,

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, passim.

рядомъ съ разросшимся козачествомъ сохранялись и другія сословныя группы: шляхта, которой гарантировались всѣ ея прежнія имущественныя и сословныя права, мѣщане, удерживавшіе свое городское самоуправленіе и свой сословный строй, наконецъ, крестьяне, которымъ представлялось отбывать ихъ «обыклую должность». При этомъ за московскимъ государемъ, какъ за преемникомъ правъ польскихъ королей, изъ-подъ власти которыхъ переходила къ нему Малороссія, признавалось право раздачи имѣній внутри страны, и первый, кто обратился къ такому его праву, былъ самъ малорусскій гетманъ. Для всѣхъ же вообще классовъ малорусскаго общества подтверждались прежнія «права, данныя отъ княжатъ и королей», иначе говоря, въ странѣ должны были оставаться въ силѣ какъ прежнія сословныя права и привилегіи, такъ и общіе законы, дѣйствовавшіе въ краѣ въ періодъ польскаго владычества надъ нимъ, — законы, въ свою очередь носившіе на себѣ рѣзкую печать строго сословнаго быта, въ рамкахъ котораго вдобавокъ интересы шляхетскаго сословія рѣшительно первенствовали надъ всѣми другими.

Вслѣдъ за установленіемъ этого соглашенія объ обязательствахъ и правахъ Малороссіи оно было закрѣплено рядомъ торжественныхъ актовъ московскаго правительства. Царская жалованная грамота, данная «войску запорожскому» 27 марта 1654 года, возвѣщала, что московскій государь пожаловалъ гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, «велѣлъ имъ быти подъ царскаго величества высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ ихъ правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣлъ». Перечисливъ важнѣйшія изъ условленныхъ правъ козачества — свой судъ по своимъ обычаямъ, 60.000-ную численность войска, свободный выборъ гетмана, неотъемлемость земельныхъ имуществъ, — грамота повторяла: «нашимъ царскаго величества подданнымъ, Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожскаго, и всему войску запорожскому быти подъ нашею высокою рукою по своимъ прежнимъ правамъ и привиліямъ и по всѣмъ статьямъ, которыя написаны выше сего». Менѣе важныя условія, равно какъ условія, не касавшіяся прямо козачества, не вошли въ жалованную грамоту, но были подтверждены царскими резолюціями подъ гетманскими «статьями», и списокъ такихъ статей съ резолюціями на нихъ былъ врученъ посланникамъ гетмана. Въ тотъ же день, какъ послѣдовала жа-

лованная грамота «войску запорожскому», 27 марта, была выдана и другая жалованная грамота — малорусской православной шляхтѣ. По просьбѣ гетмана и всего войска, — говорилось здѣсь — «мы, великій государь... шляхтѣ, которые пребываютъ въ нашей царскаго величества отчинѣ въ Малой Россіи, велѣли быть подъ нашею царскаго величества высокою рукою по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы даны имъ права и привилія и волности отъ королей польскихъ, а волностей ихъ шляхетцкихъ ни въ чемъ нарушивати не велимъ, и старшихъ имъ себѣ на уряды судовые земскіе и градцкіе выбирати межъ себя самимъ, и маетностями своими владѣть поволили, и судитись имъ межъ себя по своимъ правомъ поволили» [1]). Вслѣдъ затѣмъ нѣсколькимъ городамъ Малороссіи по ихъ просьбамъ были также даны царскія жалованныя грамоты, подтверждавшія имъ магдебургское право, которымъ они пользовались въ періодъ польскаго владычества, и нѣкоторыя другія привилегіи и льготы городского населенія. Наконецъ, рядъ царскихъ жалованныхъ грамотъ былъ выданъ малорусскому духовенству, равно какъ отдѣльнымъ лицамъ изъ среды населенія Малороссіи, которыя пошли по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго и обратились къ московскому государю съ просьбами о подтвержденіи за ними прежнихъ или пожалованіи имъ новыхъ имѣній.

Такимъ образомъ, судя по правовымъ нормамъ, установленнымъ въ переговорахъ съ Москвою, — нормамъ, выработаннымъ гетманскимъ правительствомъ и лишь принятымъ въ Москвѣ, — всѣ измѣненія въ соціальной жизни Малороссіи въ моментъ отторженія ея отъ Польши сводились къ численному увеличенію козачества и къ расширенію его правъ и привилегій. Во всемъ остальномъ эта соціальная жизнь и послѣ возстанія, оторвавшаго страну отъ Польши, должна была сохранять свой прежній укладъ со всѣми его характерными чертами. Такъ ли однако было это на дѣлѣ? Нѣсколько конкретныхъ эпизодовъ всего лучше помогутъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

III

Во время своихъ переяславскихъ разговоровъ, въ январѣ 1654 года, съ бояриномъ Бутурлинымъ Богданъ Хмельницкій и

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, сс. 489—494. 495—6.

окружавшая его козацкая старшина настаивали на томъ, чтобы въ Малороссіи и впредь «шляхтичъ былъ шляхтичемъ, а козакъ козакомъ, а мѣщанинъ мѣщаниномъ». Разговоры эти дошли до примкнувшихъ къ возстанію шляхтичей и, повидимому, пробудили въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вполнѣ опредѣленныя надежды, которыя они и попытались немедленно реализовать. «Къ бояриму Василію Васильевичу — разсказываетъ статейный списокъ Бутурлина — въ Переяславлѣ приходили шляхта и говорили, чтобъ шляхта была межъ козаковъ знатна и судились бы по своимъ правамъ, и маетностямъ бы за ними быть по прежнему. И приносили на писмѣ имена свои, воеводства и уряды себѣ росписали. И бояринъ Василій Васильевичъ говорилъ шляхтѣ, что они то дѣлаютъ непристойнымъ обычаемъ: еще ничего не видя, сами себѣ пописали воеводства и уряды, чего и въ мысль взяти не годилось; и о томъ они, бояринъ Василій Васильевичъ съ товарищами, станутъ говорить гетману; а прежъ сего отъ гетмана государю о томъ челобитья не было. И шляхта били челомъ, чтобъ гетману о томъ не сказывать: мы де такъ писали отъ своей мысли, а не по гетманскому приказу, и то въ волѣ государевѣ: а мы де пошли присягать и попишемъ имена, какъ кого зовутъ» [1]). Такимъ образомъ, одного напоминанія о козацкомъ гетманѣ оказалось достаточно для того, чтобы потушить затѣю шляхтичей въ самомъ ея зародышѣ. Слишкомъ легко было шляхтичамъ представить себѣ, что одно дѣло для гетмана и его старшины было разговаривать о томъ, чтобы «шляхтичъ былъ шляхтичемъ», и другое — вновь видѣть шляхту на тѣхъ воеводствахъ и урядахъ, съ которыхъ ее только что ссадило народное возстаніе. Два съ половиною мѣсяца спустя послѣ этого эпизода царская грамота, данная по просьбѣ гетмана, торжественно подтвердила шляхтѣ и ея имѣнія, и всѣ ея корпоративныя права. Но охотниковъ попытаться воспользоваться этими правами уже не нашлось. Нѣкоторое количество шляхтичей еще имѣлось въ это время въ странѣ: московскіе чиновники, приводившіе къ присягѣ Малороссію, насчитали въ ней около двухъ сотенъ шляхтичей [2]), а въ дѣйствительности ихъ было, вѣроятно, даже нѣсколько больше. Но, не говоря уже о томъ, что это былъ во всякомъ случаѣ ничтожный по количеству остатокъ еще недавно многочисленнаго и сильнаго класса, и эти наличные шляхтичи

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 4, с. 248.
[2]) Акты Ю. и З. Р., X, № 5, с. 294.

безслѣдно тонули въ рядахъ козацкаго войска, въ которое они вынуждены были вступить. Въ результатѣ съ появленіемъ царской грамоты была налицо бумага, провозглашавшая права шляхетскаго сословія, но не было класса, который могъ бы сдѣлать реальное употребленіе изъ этой бумаги. И только черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ послѣ грамоты 1654 года въ гетманской Малороссіи появились сословные дворянскіе суды, да и то организованные не вполнѣ согласно съ тѣмъ старымъ польскимъ образцомъ, какой указывался грамотой 1654 г.

Нѣчто подобное повторилось и въ другой области. Въ «статьяхъ» Богдана Хмельницкаго, между прочимъ, заключалась просьба о пожалованіи Чигиринскаго староства на гетманскую булаву. Просьба эта была выполнена московскимъ правительствомъ и данная 27 марта 1654 г. царская грамота повелѣвала «старосту чигиринскому со всѣми принадлежностями быть войска запорожскаго при гетманской булавѣ по прежнимъ правамъ и привиліямъ непорушимо»[1]). Кромѣ того Хмельницкій на словахъ черезъ своихъ посланниковъ просилъ пожаловать уже лично ему г. Гадячъ — «въ вѣчность ему и потомкамъ его». И эта просьба была исполнена, и особой грамотой 27 марта 1654 года московскій государь пожаловалъ Хмельницкаго, велѣлъ ему и его потомкамъ «тѣмъ городомъ Гадичемъ владѣть такъ, какъ прежъ того г. Гадичъ былъ за прежними вотчинники, со всѣми къ нему принадлежностями». Сверхъ того Хмельницкій черезъ своихъ посланниковъ предъявилъ въ Москвѣ данныя ему польскимъ королемъ въ 1649—50 гг. грамоты на мѣстечки Медвѣдовку и Жаботинъ съ слободкой Каменкой, на с. Борки и на слободку Новоселки въ Субботовскихъ земляхъ, и всѣ эти имѣнія были также подтверждены ему царскими грамотами[2]).

Среди козацкой старшины скоро нашлось не мало охотниковъ идти той же дорогой, по какой пошелъ Хмельницкій. И первыми пошли по его стопамъ его посланники въ Москвѣ, войсковой судья Богдановъ и переяславскій полковникъ Тетеря, среди дѣлъ своего посольства не упустившіе случая подать челобитную и о личныхъ своихъ нуждахъ. «Челомъ бьемъ и просимъ — писали они въ этой любопытной челобитной — о привиліяхъ, на хартіяхъ золотыми словами писаныхъ: мнѣ, судьѣ, на мѣстечко Имглѣевъ Старый съ подданными, въ немъ будучими,

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, с. 497.
[2]) Тамъ же, сс. 498, 462—3, 464—5, 499, 500—501.

и со всѣми землями, издавна до Имглѣева належачими, а мнѣ, полковнику, на мѣстечко Смѣлую также съ подданными, въ ней будучими, и со всѣми землями, къ ней належачими... И чтобъ сами были волны въ своихъ подданныхъ какъ хотя ими урежати и обладати, мы и дѣти и наслѣдники наши, которые бы имѣли отъ насъ тѣ маетности одержати, и чтобъ до нихъ никто, кромѣ насъ и наслѣдниковъ нашихъ, никакова дѣла не имѣлъ вѣчными времены. Также чтобъ намъ волно было на тѣхъ земляхъ своихъ... людей селить, какъ которые будутъ приходити, мелницы ставити и всякіе пожитки, какіе ни будь прежде были и какіе сами можемъ привлащить и вымыслить приспособляючи, безъ всякой въ томъ ни отъ кого помѣшки. Также и о томъ челомъ бьемъ, чтобы намъ волно было всякія питья для своихъ подданныхъ держати, вино курити и откупъ, какъ извычай есть на Украйнѣ, имѣти и при всемъ томъ извычаю, какъ въ томъ краю ведетца, пребывати. А намъ на волю, просимъ, пусть будетъ либо въ списку войска запорожскаго быти и съ нимъ службу отдавать, либо, въ присудкѣ воеводства града и земства кіевскаго будучи, службу его царскому величеству такую, какъ земяня и шляхта кіевскаго воеводства, исполняти и ровно съ ними тѣмъ же правомъ противъ потверженыхъ привиліемъ его царскаго величества правъ, судитися». Въ заключеніе своей просьбы челобитчики увѣряли, что они «тутъ ничего мимо дѣла не писали, но по извычаю, какъ тамъ въ тѣхъ краяхъ ведетца». И эта просьба также была исполнена, по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая касалась пожалованія просителей имѣньями: Богдановъ и Тетеря получили царскія грамоты, отдававшія «въ маетность» имъ и дѣтямъ ихъ желанныя ими мѣстечки «со крестьяны и со всѣми угодьи»[1]).

Богданов и Тетеря, мечтая стать владѣльцами имѣній, и притомъ даже не селъ, а цѣлыхъ мѣстечекъ, одновременно задумывали перейти изъ козаковъ въ шляхту. Другіе члены козацкой старшины просили только объ имѣніяхъ, но на послѣднія размахивались еще шире. Иванъ Ничипоровичъ Золотаренко, назначенный отъ Хмельницкаго наказнымъ гетманомъ надъ отрядомъ козацкаго войска, участвовавшимъ въ походѣ царя Алексѣя Михайловича въ 1654 г. подъ Смоленскъ, въ томъ же 1654 году обратился къ царю съ просьбой пожаловать ему «мѣсто Батуринъ со всѣми волостями, до того мѣста належачими». Просьба была

---

[1]) Тамъ же, сс. 487—8, 501—2.

удовлетворена, и царь велѣлъ «дать грамоту владѣть ему и женѣ его и дѣтямъ». Вслѣдъ за тѣмъ братъ Ивана, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, въ свою очередь обратился къ царю съ просьбою «за услуги и вѣрное подданство» пожаловать его «мѣстечкомъ Новыми Млинами съ деревнями и мелницами и со всякими угодьи, которое нынѣ недавными времены поселилося вновь на р. Сеймѣ», и эта просьба также была исполнена. Въ 1655 году Иванъ Золотаренко подъ тѣмъ предлогомъ, что мѣстечко Батуринъ «въ нынѣшнемъ году попущеніемъ Божіимъ все сгорѣло», просилъ государя «къ прежней дачѣ» пожаловать его еще «мѣстечкомъ Борзною и съ приселками его», а брата его, Василія, «мѣстечкомъ Меною, также съ принадлежностями», и эти имѣнія, «опричь козаковъ», опять-таки даны были просителямъ царскими грамотами «въ маетность». Въ томъ же году Ив. Золотаренко просилъ для себя еще мѣстечко Глуховъ и получилъ царскую грамоту и на него. Въ то же самое время стародубскій полковникъ Тимофей Оникіенко просилъ государя: «пожалуй меня за мою службу и радѣнье мѣстечкомъ Сосницею близко брата моего, наказного гетмана Ивана Никифоровича, и мѣстечка его Батурина, чтобъ мнѣ близко братей моихъ Ивана и Василья житіе имѣть». И Сосница, «опричь козаковъ», была отдана царской грамотой Оникіенку [1]). Такимъ образомъ, за два года значительная часть средняго теченія р. Сейма съ расположенными здѣсь крупными мѣстечками и селами была отдана во владѣніе семьи Золотаренковъ и въ рукахъ одного только Ивана Золотаренка оказались царскія грамоты на три мѣстечка съ деревнями и приселками.

Не менѣе торопливо шли по этой дорогѣ и нѣкоторые другіе члены козацкой старшины. Кіевскій полковникъ Антонъ Ждановичъ въ 1656 г. просилъ московскаго государя дать ему свою жалованную грамоту на «впустѣ будучіе мѣстечки въ повѣтѣ кіевскомъ» — на «Обоховку, Германовку и Любечъ да село Королевку со всѣми издавна къ нимъ принадлежностями» [2]). Еще большую стремительность въ этомъ направленіи проявилъ ближайшій помощникъ Богдана Хмельницкаго, войсковой писарь Иванъ Выговскій, со своими родственниками. До насъ дошелъ, — правда, въ не совсѣмъ полномъ видѣ, — составленный в Мо-

[1]) Акты Ю. и З. Р., XIV, № 7, сс. 171—4; № 23, сс. 605—6; № 35, сс. 785—6; № 35, сс. 783—4.
[2]) Акты Ю. и З. Р., III, № 354, с. 541.

сквѣ въ 1654 г. перечень царскихъ грамотъ на имѣнія, данныя семьѣ Выговскихъ. Согласно этому перечню, отецъ войскового писаря, шляхтичъ Евстафій Игнатьевичъ Выговскій, получилъ жалованную грамоту на прежнія свои маетности. Самому Ивану Выговскому даны были грамоты на г. Остеръ съ селами, на мѣстечки Козелецъ, Бобровицы, Триполье и Стайки, на села Лѣсовичи, Кошеватое и другія, наконецъ, на г. Роменъ «съ селы и со всякими доходы и со всякими угодьи». Брату Ивана, Данилу Выговскому даны были грамоты на г. Остеръ съ селами, на мѣ-Барышевку, Воронковъ, Басань, Бѣлгородку и Рожево «съ селы и со всякими доходы и со всякими угодьи». Третій изъ братьевъ Выговскихъ, Константинъ, получилъ грамоту на имѣнія Казарь и Кобыщу. Наконецъ, шурину Ивана Выговскаго, шляхтичу Ивану Боглевскому, дана была грамота на прежнія его маетности — мѣстечко Глинское и село Княжую Луку[1]).

Такимъ образомъ, едва только Украина перешла подъ власть Москвы и вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее право польскаго короля на раздачу имѣній въ странѣ было перенесено на московскаго государя, какъ часть козацкой старшины постаралась использовать это право въ своихъ интересахъ. Въ странѣ, только что цѣною напряженныхъ усилій и цѣлыхъ потоковъ крови освободившейся отъ старыхъ владѣльцевъ имѣній и «подданныхъ», появились лица, пріобрѣтавшія новыя права на тѣ же имѣнія и тѣхъ же «подданныхъ». И эти новыя права были очень обширны. Въ короткое время немалая часть Малороссіи была роздана царскими грамотами въ частное владѣніе, причемъ въ него отдавались не только села и деревни, но и мѣстечки и даже крупные города. Отдѣльные представители козацкой старшины успѣли при этомъ собрать въ своихъ рукахъ царскія грамоты на весьма значительныя владѣнія. Съ своей стороны московское правительство, выдавая такого рода грамоты по просьбамъ лицъ, занимавшихъ наиболѣе видныя и отвѣтственныя мѣста въ гетманской администраціи, врядъ ли могло сомнѣваться въ томъ, что оно дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ «по извычаю, какъ въ тѣхъ странахъ ведется». Еще менѣе, конечно, могло оно на первыхъ порахъ сомнѣваться въ томъ, что выпрашиваемыя у него и выдаваемыя имъ грамоты имѣютъ въ Малороссіи полную силу и сообщаютъ своимъ обладателямъ права, реализація которыхъ не

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., XV, № 1, сс. 1—4

встрѣчается никакихъ серьезныхъ затрудненій. Но довольно скоро ему пришлось убѣдиться, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ.

Въ 1657 г. Павелъ Тетеря, вновь пріѣхавшій въ Москву посланникомъ отъ Богдана Хмельницкаго, привезъ съ собою, между прочимъ, новыя челобитныя отъ Выговскихъ. Иванъ Выговскій просилъ на этотъ разъ, чтобы государь далъ ему имѣнія въ Бѣлоруссіи, принадлежавшія раньше его покойному тестю, Богдану Статкевичу, бывшему новгородскому каштеляну, и чтобы Константину Выговскому также были даны имѣнія въ Бѣлоруссіи, находившіяся прежде во владѣніи его тестя Мещерина. Въ Москвѣ нашли эту просьбу уже чрезмѣрной и Тетерѣ въ Посольскомъ приказѣ было указано, что «государь пожаловалъ его, писаря, и отца его и братью болшими городами и маетностями, и имъ изъ того мочно жить безъ нужды; а тѣ Статкевичевы маетности розданы шляхтѣ присяжной, а у нихъ назадъ взять нельзя». У Тетери, однако, нашелся неожиданный аргументъ. «Хотя — заявилъ онъ — царское величество его, писаря, и отца его, и братью и пожаловалъ, только де они тѣмъ ничѣмъ не владѣютъ, опасаясь отъ войска запорожскаго». Московское правительство въ это время собиралось отправить въ Малороссію для пріема ея доходовъ кн. Трубецкого, и Тетерю въ приказѣ стали успокаивать, что «нынѣ, какъ будутъ въ войскѣ запорожскомъ царскаго величества ближней бояринъ кн. А. Н. Трубецкой съ товарыщи и о тѣхъ маетностяхъ, чѣмъ кого царское величество пожаловалъ, объявятъ, и имъ мочно будетъ, съ вѣдома войска запорожскаго, тѣмъ всѣмъ владѣть свободно». Однако эти обѣщанія не успокоили, а, напротивъ, взволновали гетманскаго посланника. «И Павелъ Тетеря говорилъ, чтобы де царское величество въ войско ни про что про то, чѣмъ кто отъ его царскаго величества пожалованъ, объявляти не велѣлъ, потому что про то и гетманъ Богданъ Хмелницкой не вѣдалъ; а только де въ войскѣ про то свѣдаютъ, что онъ писарь съ товарыщи упросили себѣ у царскаго величества такіе великіе маетности, и ихъ де всѣхъ тотчасъ побьютъ, а учнутъ говорить: они де всѣмъ войскомъ царскому величеству служили и за него государя помирали, а маетности выпросили себѣ они одни, писарь съ товарыщи. Да они же де учнутъ говорить, чтобы всѣми городами и мѣсты, которые въ войскѣ запорожскомъ, владѣть одному царскому величеству, а имъ, опричь заплаты, ничто не надобно». Поэтому Тетеря вновь просилъ дать имѣнія Выговскимъ «въ литовскихъ краяхъ». «А въ войскѣ за-

порожскомъ — рѣшительно прибавлялъ онъ — владѣть имъ ничѣмъ нельзя». И тѣмъ не менѣе самъ Тетеря тутъ же «билъ челомъ» въ приказѣ: «дана ему царского величества жаловалная грамота на м. Смѣлую, и та де грамота была у него схоронена въ землю, опасаясь разоренья, и попортилась, и чтобъ царское величество пожаловалъ, велѣлъ ему тое свою государеву жаловалную грамоту переписать на харатьѣ; а въ войскѣ бъ де про то не являть же»[1]).

Этотъ эпизодъ достаточно ясно раскрываетъ дѣйствительное значеніе царскихъ грамотъ, дававшихся на имѣнія въ Малороссіи въ первый моментъ послѣ присоединенія ея къ Москвѣ. Часть козацкой старшины — въ значительной мѣрѣ та же самая, которая мечтала о сохраненіи въ странѣ шляхетскаго сословія со всѣми его правами и преимуществами, — задумывала обратиться при помощи московской власти во владѣльцевъ болѣе или менѣе крупныхъ населенныхъ имѣній. Но, питая такого рода замыслы и предпринимая даже столь серьезные съ виду шаги для ихъ осуществленія въ жизни, какъ пріобрѣтеніе царскихъ грамотъ на имѣнія, она не могла въ сущности проявлять эти свои стремленія сколько-нибудь открыто, рискуя иначе вызвать серьезное движеніе противъ себя въ рядахъ того «войска запорожскаго», офиціальной представительницей котораго она являлась. Такъ складывалось оригинальное положеніе. Отдѣльныя лица изъ рядовъ старшины пріобрѣтали въ Москвѣ права на имѣнія, но эти какъ будто вполнѣ законно пріобрѣтаемыя права не только не могли найти себѣ признанія тамъ, гдѣ они должны были примѣняться, а даже способны были въ случаѣ ихъ предъявленія стать источникомъ большой и серьезной опасности для своихъ обладателей. Послѣдніе поэтому и не предъявляли ихъ, запасаясь ими больше въ разсчетѣ на неопредѣленное будущее. Въ настоящемъ же владѣльцы такихъ царскихъ грамотъ, вмѣсто того, чтобы объявлять ихъ населенію, котораго онѣ непосредственно касались, старались, наоборотъ, всячески скрывать ихъ отъ него, и въ старшинскихъ сундукахъ, а порой и въ землѣ, мирно покоились царскія грамоты, отдававшія въ частное владѣніе цѣлый рядъ селъ, мѣстечекъ и городовъ, жители которыхъ и не подозрѣвали объ этомъ. И въ этомъ случаѣ документы, вполнѣ согласные съ условіями, на которыхъ Малороссія офиціально присоединилась къ

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., XI. Прибавленія, № 2, сс. 717—20, 764—5

Москвѣ, рѣзко расходились однако съ дѣйствительными отношеніями, сложившимися въ странѣ, и въ виду этого оставались лишь мертвой буквой.

То же самое повторилось и еще въ одномъ вопросѣ, получившемъ, казалось, вполнѣ опредѣленное и твердое рѣшеніе въ мартовскихъ переговорахъ 1654 года, — вопросѣ о численномъ составѣ козачества и объ отношеніяхъ послѣдняго къ другимъ группамъ населенія. Въ основу рѣшенія этого вопроса были опять-таки всецѣло положены нормы, предложенныя самимъ малорусскимъ гетманомъ. Хмельницкій просилъ, чтобы число козацкаго войска было установлено въ 60.000 человѣкъ, и московское правительство согласилось на это. Хмельницкій предложилъ отдѣлить козаковъ отъ крестьянъ — московское правительство опять согласилось и обязало гетмана доставить въ Москву списокъ козаковъ за своею рукою, подобно тому, какъ раньше такіе списки козаковъ посылались въ Варшаву. И неожиданно оказалось, что всѣ эти торжественныя условія и обязательства остались только на бумагѣ.

Гетманскіе посланники, бывшіе въ Москвѣ въ 1654 г., какъ мы видѣли выше, усиленно настаивали на опредѣленіи козацкому войску денежнаго жалованья. Съ своей стороны московское правительство, сперва не соглашавшееся на такое жалованье, затѣмъ дало на него свое условное согласіе, отложивъ однако окончательный указъ по этому вопросу до выясненія размѣра ожидаемыхъ съ Малороссіи доходовъ. Но такое условное рѣшеніе не удовлетворило гетманскихъ посланниковъ и они обратились къ царю съ особой челобитной, въ которой опять просили о немедленномъ назначеніи жалованья войску, хотя бы и не въ такомъ размѣрѣ, какой они указывали раньше. «Какъ столники твоего царскаго величества по городахъ къ вѣрѣ приводили, сказывали то, что войску запорожскому денги будутъ, и нынѣ во всѣхъ городѣхъ такова слава пошла — писали Богдановъ и Тетеря. — А если бы мы имѣли, того не умоливши у твоего царскаго величества, возвратитися, не вѣдаем, какъ имѣемъ мы, посланники, очи войску показати, и подлинно войско все по неволѣ имѣло бы ся велми засмутити, понеже не такъ идетъ войску запорожскому о деньгах, какъ идетъ о славѣ». Повторяя, что войску запорожскому и прежде всегда платили, посланники завѣряли, что малорусскихъ доходовъ не только хватитъ на жалованье войску, но еще «и сверхъ того въ казну твоего царскаго величества мо-

жетъ остатися»[1]). Эти настоянія произвели свое дѣйствіе на московское правительство и оно, оставивъ въ силѣ на будущее время свое прежнее постановленіе, рѣшилось въ настоящемъ прибѣгнуть къ временной мѣрѣ, явившейся своего рода компромиссомъ: отправленной въ апрѣлѣ 1654 года государевой грамотой Хмельницкому предписывалось «послать собрать на писаря и на списковыхъ на ясауловъ, и на обознаго, и на судей, и на полковниковъ, и на сотниковъ, и на козаковъ на 60.000 человѣкъ наше царскаго величества жалованье Малые Росіи со всѣхъ городовъ и съ мѣстъ и съ уѣздовъ и всякихъ арендъ и оброчные денги противъ прежнихъ звычаевъ, какъ и какими людми збирано напередъ сего, и роздать имъ, по чему доведетца»[2]). Еще раньше въ Москвѣ было рѣшено послать козакамъ экстренное жалованье отъ государя изъ московской казны въ видѣ какъ бы подарка при принятіи въ подданство. Часть этихъ денегъ, приходившаяся на 18.000-ный козацкій отрядъ, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ въ Литвѣ, была отправлена изъ Москвы въ іюлѣ 1654 года въ походъ къ государю, а остальная сумма на 42.000 козаковъ еще въ іюнѣ была послана съ дворяниномъ Протасьевымъ къ Богдану Хмельницкому. Но здѣсь Протасьева встрѣтила полная неожиданность. Оказалось, что послѣ всѣхъ настойчивыхъ хлопотъ о жалованьѣ козакамъ гетманъ и старшина никакъ не могутъ рѣшиться роздать имъ уже присланное жалованье.

Явившись къ Хмельницкому, Протасьевъ, слѣдуя своему наказу, потребовалъ было роспись 42.000 козаковъ, по которой онъ могъ бы роздать всѣмъ имъ государево жалованье. Гетманъ обѣщалъ посовѣтоваться объ этомъ съ полковниками и вслѣдъ затѣмъ прислалъ къ Протасьеву нѣсколько человѣкъ старшины, которые съ большими предосторожностями, выславъ изъ шатра всѣхъ остальныхъ своихъ и московскихъ людей, объяснили гонцу что не только такой росписи нѣтъ налицо, но и составить ее въ настоящее время нѣтъ возможности. «Природили де — передавалъ Протасьевъ данныя ему объясненія въ Москву — гетманъ и полковники такъ, что такой росписи нынѣ учинить на 60.000 никакими обычаи не умѣть, потому: нынѣ де, государь, они, козаки, собрались противъ твоего государева непріятеля большимъ сборомъ, кто былъ и не козакъ, и тотъ нынѣ козакъ, а всѣ де они ставятца въ равенствѣ козаками; а которые де были у нихъ на-

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 8, с. 485.
[2]) Тамъ же, сс. 568—9.

передъ сего козаки лестровые, какъ писаны были подъ Сборажемъ, и тѣ де люди многіе побиты и померли, а послѣ де того они войску запорожскому лестра не дѣлали и не переписывали... Пошли они нынѣ противъ твоего государева непріятеля, полского короля, всѣми своими головами безъ списковъ, нынѣ де ихъ есть въ сборѣ со 100.000 и болши, и того де, государь, нынѣ учинити роспись 60.000 и писать росписи выборомъ никакъ не умѣть, потому: у нихъ де, государь, въ войскѣ будетъ рознь и смута большая; которые не будутъ написаны въ лестру, и тѣ де всѣ пойдутъ по домомъ своимъ и служить не похотятъ, и у нихъ де въ запорожскомъ войскѣ людей будетъ мало и стати противъ непріятеля не съ кѣмъ». Ища выхода изъ создавшагося труднаго положенія, войсковой судья Богдановъ предложилъ было миргородскому полковнику Григорію Лѣсницкому, чтобы полковники взяли присланныя деньги къ себѣ и роздали каждый у себя въ полку, по скольку придется на человѣка. «И миргородской, государь, полковникъ — разсказывалъ Протасьевъ — на судью Самойла зашумѣлъ съ великою досадою: то де вы хотите того, чтобъ насъ, полковниковъ, козаки побили? вѣдаешь де, какіе у насъ люди самоволные? кому де государева жалованья недостанетъ, и они де чаютъ, что мы, полковники, тѣмъ завладѣли сами; не только де имъ, полковникомъ, взяти на полчанъ своихъ твое государево жалованье и имъ де, полковникомъ, и своихъ золотыхъ, что прислано къ нимъ твое государево жалованье, для всего войска взяти не умѣть». Въ концѣ концовъ, старшина предложила Протасьеву оставить присланную казну у гетмана. Протасьевъ написалъ въ Москву, но и тамъ не нашли другого выхода [1]).

Общей переписи козаковъ, которая строго отграничила бы козачество отъ другихъ общественныхъ группъ и прочно закрѣпила бы численность козацкаго войска, не было произведено въ Малороссіи и въ слѣдующіе годы гетманства Хмельницкаго. И, когда, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго стольникъ Кикинъ, ѣхавшій изъ Москвы на раду, которая должна была избрать новаго гетмана, по дорогѣ разспрашивалъ козаковъ, получаютъ ли они въ походахъ жалованье и извѣстно ли имъ объ условіяхъ, устанавливающихъ такое жалованье и опредѣляющихъ количество козацкаго войска, собесѣдники говорили ему, что они объ этомъ

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 15, сс. 685—8, 683—7; см. письмо Ив. Выговского къ боярину В. В. Бутурлину объ этомъ эпизодѣ — тамъ же, XIV, № 1, с. 50.

«не вѣдаютъ и по ся мѣстъ». «А насъ козаковъ — прибавляли они — въ войску запорожскомъ и нынѣ есть съ триста тысячъ» [1].

Вмѣстѣ съ тѣмъ не была осуществлена при Хмельницкомъ и другая мѣра, предположенная въ условіяхъ, принятыхъ его посланцами въ Москвѣ, — передача малорусскихъ доходовъ въ казну московскаго государя. Московское правительство уже въ маѣ 1654 года собралось было отправить въ Малороссію дворянъ для описи и пріема ея доходовъ и составило даже соотвѣтствующую инструкцію для одного изъ такихъ дворянъ — стольника Лодыженскаго. Однако эта посылка по просьбѣ гетмана была въ виду военнаго времени отложена, а вмѣстѣ съ ней было отложено и все рѣшеніе вопроса о малороссійскихъ доходахъ [2]. Вновь поднятъ былъ этотъ вопросъ съ московской стороны въ 1657 г., когда отправленному къ гетману окольничему Ѳ. Бутурлину поручено было указать Хмельницкому, что, хотя его посланники въ 1654 г. заключили условіе о томъ, чтобы въ большихъ городахъ Малороссіи, Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ, были царскіе воеводы и къ нимъ, равно какъ къ приказнымъ людямъ, доставлялись бы собранные мѣстными сборщиками доходы, но государь «Малыя Росіи въ городѣхъ указалъ быти своимъ воеводамъ толко въ одномъ городѣ Кіевѣ, а въ иныхъ городѣхъ воеводъ и по се время нѣтъ, а доходовъ никакихъ царское величество со всѣхъ городовъ Малыя Росіи, опричь кіевскихъ малыхъ доходовъ, въ свою казну ничего не имывалъ, и тѣ всѣ городы Малой Росіи вѣдаешь и съ тѣхъ городовъ всякіе доходы збираешь на себя ты же, гетманъ». Но Хмельницкій за истекшіе годы успѣлъ лучше освоиться съ своимъ положеніемъ и на приведенный упрекъ отвѣтилъ неожиданной для Москвы репликой. «А судьѣ де Самойлу и полковнику Тетерѣ — передавалъ отвѣтъ Хмельницкаго статейный списокъ Ѳ. Бутурлина — онъ, гетманъ, не приказывалъ и въ мысли у него не было, чтобъ царское величество въ большихъ городѣхъ, въ Черниговѣ, въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, велѣлъ быти своего царскаго величества воеводамъ, а доходы бы, сбирая, отдавати царскаго величества воеводамъ. Будучи онъ, гетманъ, на трактатѣхъ царскаго величества съ ближнимъ бояриномъ В. В. Бутурлинымъ съ товарищи, только домолвили, что быти воеводамъ въ одномъ г. Кіевѣ... А доходы де въ Малой Росіи небольшіе, а которые къ нему съ которыхъ городовъ и пришлютъ, и

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 3. VI, с. 806
[2]) Тамъ же, X, № 15, с. 665—6 и № 16, стр. 760—2.

то все расходится на кормы посломъ и посланникамъ разныхъ государствъ и на всякіе войсковые потребы»[1]). Такимъ образомъ, гетманъ теперь совершенно устранялъ вопросъ о передачѣ доходовъ Малороссіи въ московскую казну, оставляя ихъ всецѣло въ своемъ собственномъ завѣдываніи.

Съ своей стороны московское правительство не склонно было однако такъ легко помириться съ этимъ. Въ 1657 г. въ Москвѣ опять находился въ качествѣ гетманскаго посланника переяславскій полковникъ Тетеря, и къ нему обратились съ разспросами, собираетъ ли гетманъ поборы съ селъ и городовъ Малороссіи и платитъ ли условленное денежное жалованье козацкой старшинѣ и рядовымъ козакамъ. Тетеря сообщилъ, что, хотя нѣкоторые поборы и собираются полковниками, передающими часть собраннаго гетману, но «уставныхъ поборовъ по се время не збирывано и заплаты началнымъ людемъ и козакомъ не давывано». На дальнѣйшіе вопросы о размѣрѣ возможныхъ доходовъ Тетеря объяснилъ, что одними только поборами «войску запорожскому заплата будетъ и слишкомъ, а аренды всѣ учнутъ сбиратца въ государеву казну»: « хотя де тѣ поборы учнутъ сбирать со всякого крестьянского двора по золотому полскому или по два, и того де сберетца не мало, про то де ему Павлу вѣдомо подлинно, потому что онъ самъ въ воеводствѣ кіевскомъ сбиралъ поборы и собралъ съ кіевскаго воеводства со 120.000 золотыхъ полскихъ, а русскихъ числомъ 20.000 рублевъ». Утверждая, что передача, согласно условіямъ 1654 года, малорусскихъ доходовъ въ государеву казну съ выплатой изъ нихъ жалованья козацкому войску будетъ встрѣчена населеніемъ Малороссіи сочувственно, Тетеря намѣчалъ для московскаго правительства и планъ проведенія этой мѣры въ жизнь: «чтобъ государь — проектировалъ гетманскій посланникъ — изволилъ послѣ нынѣшняго времени, какъ война престанетъ, послать къ гетману и ко всему войску своихъ пословъ и, пріѣхавъ къ гетману, велѣть ему собрать полковниковъ и ясауловъ и всѣхъ началныхъ людей и учинить рада, и чтобы при всѣхъ людехъ та царскаго величества милость объявить и статьи вычесть; и хотя де гетману то будетъ и не любо, толко де войску всему то будетъ годно»[2]).

Въ тотъ моментъ, когда Тетеря давалъ эти совѣты и указанія московскому правительству, Богдана Хмельницкаго уже не было

[1]) Тамъ же, III, № 369, сс. 567,569.
[2]) Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 2. VIII, сс. 743—5.

на свѣтѣ и только до Москвы не успѣла еще дойти вѣсть объ этомъ. Дальнѣйшіе переговоры приходилось вести уже съ новымъ гетманомъ и они, казалось, облегчались тѣмъ обстоятельствомъ, что статьи 1654 г. были оглашены на избирательной радѣ и встрѣтили на ней, повидимому, общее сочувствіе [1]). Съ другой стороны, вслѣдъ за избраніемъ въ гетманы Выговскаго, послѣдній, обезпокоенный тѣмъ протестомъ, какой встрѣчала его власть въ наиболѣе демократическихъ слояхъ козачества, нашедшихъ себѣ вождя въ полтавскомъ полковникѣ Мартынѣ Пушкарѣ, охотно давалъ свое согласіе на присутствіе въ «большихъ городахъ» Малороссіи царскихъ воеводъ съ ратными людьми и самъ поднялъ вопросъ о скорѣйшемъ производствѣ общей переписи козаковъ. «Понеже — писалъ онъ въ 1658 г. въ наказѣ своемъ посланцамъ въ Москву, миргородскому полковнику Гр. Лѣсницкому съ товарищами, — болшая не удаетца къ смятеніямъ черезъ то причина, что безъ прямой войско зостаетъ по се время переписки, просить о томъ будетъ панъ полковникъ миргородскій, чтобы его царское величество, пославъ съ своей стороны, учинити роспись велѣлъ, чтобъ, не будучи въ росписи, не уступались въ непотребныя волности и съ тѣхъ мѣръ, еслибъ ихъ о томъ усмирять хотѣли старшіе, бунтовъ не вчиняли» [2]). Въ Москвѣ на этотъ разъ нѣсколько даже смутились такимъ предложеніемъ и стали разспрашивать посланцовъ, подлинно ли гетманъ приказалъ имъ просить присылки царскихъ комиссаровъ для переписки козаковъ и не будетъ ли отъ такой переписи бунта или какой помѣшки. Лѣсницкій съ товарищами завѣряли, что «буде великій государь изволитъ нынѣ послать въ войско запорожское комиссаровъ и всему войску учинить реистръ, и тому де дѣлу помѣшки никакіе не будетъ: войско будетъ войскомъ; нынѣ де много именуетца козаковъ, какъ реистру нѣтъ; а какъ де учнутъ писать въ реистръ, и прямыхъ де старыхъ служилыхъ козаковъ только бъ съ то число съ 60.000 и было; а то де всѣ гультяи и не прямые козаки и бунту за то всчинати имъ не за что». «А комисаровъ бы — не совсѣмъ послѣдовательно прибавляли гетманскіе посланники — изволилъ великій государь послать людей мочныхъ и при нихъ служилыхъ людей, чтобъ войску было страшно и бунтовъ бы никто всчинять не дерзалъ и не смѣлъ» [3]).

[1]) См. разсказъ присутствовавшаго на радѣ стольника Кикина — тамъ же, № 3. VI, с. 802.

[2]) Акты Ю. и З. Р., VII, № 76, с. с. 212.

[3]) Тамъ же, IV, № 61, сс. 108—9.

Во всякомъ случаѣ теперь, казалось, не было больше препятствій со стороны гетмана для осуществленія выработанныхъ въ 1654 г. условій. И попытка такого осуществленія была сдѣлана. Собираясь въ апрѣлѣ 1658 года отправить въ Малороссію боярина В. Б. Шереметева, московское правительство снабдило его инструкціей, согласно которой онъ долженъ былъ «говорити гетману и полковникомъ и сотникомъ и всему войску о числѣ войска запорожскаго, чтобы учинили смотръ и выбрать въ реестровые козаки 60.000 козаковъ, которые служатъ давно, а которые мѣщане или пашенные крестьяне записались въ козаки вновь, и тѣмъ бы быть въ прежнихъ своихъ чинахъ, а съ козаками бы имъ не мѣшатца». Вмѣстѣ съ гетманомъ и старшиной въ этомъ смотрѣ и разборѣ долженъ былъ принять участіе и самъ Шереметевъ. «А которые козаки — продолжала инструкція — за спискомъ будутъ въ лишкѣ, и тѣхъ, поговоря съ гетманомъ, устроить на пашню; а которые получше, и ихъ въ мѣщаня». Въ случаѣ, еслибы при этомъ въ Малороссіи былъ поднятъ вопросъ о жалованьѣ козакамъ, Шереметеву предписывалось отвѣчать, что оно будетъ даваться имъ во время походовъ изъ сборовъ съ малорусскихъ городовъ. Одновременно Шереметеву поручалось привести въ извѣстность и эти сборы въ томъ видѣ, какъ они практиковались при польскихъ короляхъ, для чего онъ долженъ былъ либо взять росписи сборовъ у гетмана, либо разспросить о нихъ въ городахъ мѣщанъ и ихъ выборныхъ людей. Такимъ же путемъ предписывалось собрать свѣдѣнія и о томъ, «сколько къ которому уѣзду и въ уѣздѣ крестьянскихъ дворовъ и что съ нихъ на короля и на пановъ радъ какихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ сбиралось, или гдѣ на пана пахали пашни и сколько гдѣ пахали». Переписавъ по собраннымъ свѣдѣніямъ всѣ доходы и угодья, Шереметевъ долженъ былъ «приказати въ королевскихъ и въ панскихъ и въ кляшторскихъ городѣхъ и мѣстѣхъ доходы всякіе сбирати тѣхъ городовъ и уѣздовъ войтамъ и бурмистрамъ и райцамъ и лавникамъ и отдавать въ казну сполна тѣмъ людемъ, которые для той казны по совѣту всѣхъ выбраны будутъ». Насчетъ же того, гдѣ и подъ чьимъ надзоромъ хранить эту казну и, въ частности, тѣ остатки ея, которые будутъ получаться послѣ раздачи жалованья козакамъ за походное время, Шереметевъ долженъ былъ поговорить съ гетманомъ[1]). Но, повидимому, московское правительство не черезчуръ сильно вѣрило въ успѣхъ

[1]) Тамъ же, VII, № 75, сс. 202—4.

миссіи Шереметева. По крайней мѣрѣ, почти одновременно съ составленіемъ инструкцій для послѣдняго оно прибѣгло къ другой, крайне оригинальной мѣрѣ, снабдивъ посылаемыхъ имъ въ малорусскіе города воеводъ секретными инструкціями съ предписаніемъ втайнѣ отъ жителей произвести описаніе страны, которое дало бы московскимъ властямъ свѣдѣнія какъ объ ея доходахъ, такъ и объ обычаяхъ и настроеніи ея населенія[1]). Въ этой своеобразной мѣрѣ какъ бы сказывалось уже предчувствіе неудачи предпріятія, возлагавшагося на Шереметева.

И задуманное предпріятіе, дѣйствительно, не удалось осуществить. Подъ кажущейся уступчивостью Выговскаго на самомъ дѣлѣ скрывалось лишь стремленіе совершенно порвать съ Москвою, и, когда онъ, наконецъ, сбросилъ съ себя маску и открыто попытался вновь возсоединить Малороссію съ Польшей, московскому правительству пришлось на время забыть о своихъ настояніяхъ насчетъ точнаго выполненія условій 1654 г. и думать только объ удержаніи Малороссіи въ своемъ подданствѣ. Правда, въ первыя минуты послѣ полученія извѣстій объ измѣнѣ Выговскаго въ Москвѣ не предполагали отказываться отъ сдѣланныхъ уже по отношенію къ Малороссіи шаговъ. Наоборотъ, въ эти первыя минуты московское правительство не только собиралось потребовать отъ новаго гетмана немедленнаго исполненія того, что обѣщалъ Выговскій, — переписи и разбора козаковъ и введенія царскихъ воеводъ въ «большіе города» Малороссіи, — но задумало даже новый и чрезвычайно серьезный шагъ въ видѣ требованія совершеннаго исключенія изъ территоріи гетманской Малороссіи

---

[1]) Въ «памяти», данной стольнику А. П. Чирикову, отправленному 26 апрѣля 1658 г. воеводой въ Полтаву, говорилось: «будучи ему въ Полтавѣ, провѣдать тайнымъ обычаемъ, чтобъ того никто не вѣдалъ, кто у нихъ нынѣ въ Полтавѣ со всякихъ товаровъ собираетъ всякую пошлину и съ арендовъ и съ мельницъ и съ иныхъ со всякихъ промысловъ откупные деньги, и на кого збираютъ: на гетмана ль, или на полковника или на какіе войсковые расходы, или бурмистры и войты корыстуютца сами, и сколько чаять тѣхъ всякихъ поборовъ въ Полтавѣ и въ городахъ полтавского полку зберетца въ годъ, и много ль тѣхъ будетъ городовъ, которые къ полтавскому полку, и какъ тѣ городы имянуютца, и какъ напередъ сего, какъ они были за королемъ, у нихъ суды отправлялись, какимъ правомъ, и какъ у нихъ были королевскіе уряды, какими расправными дѣлы они ихъ вѣдали, и съ чего какіе денежные и хлѣбные поборы на короля збираны ль, и по чему у нихъ на короля всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ запасовъ збиралось въ годъ, и съ кѣмъ тѣ поборы къ королю отсылались, и про иные про всякіе вѣсти и извычаи, какъ у нихъ дѣлалось при королѣ и которые дѣла были имъ любы или нелюбы, и какими обычаи они нынѣ живутъ, по прежнему ль или у нихъ полковники какіе дѣла и извычаи ввели вновь, и будетъ что ввели вновь, и то имъ любо ль или не любо, и что не любо». Такія же «памяти» даны были и другимъ «черкасскихъ городовъ воеводамъ», и «велѣно имъ тѣ памяти держать у себя тайно, чтобъ ихъ никто у нихъ не вѣдалъ». Акты Ю. и З. Р., XV, № 3, с. 158.

Сѣверской земли съ городами Новгородъ-Сѣверскомъ, Черниговомъ, Стародубомъ и Почепомъ, какъ старинныхъ областей Московскаго государства, лишь незадолго до возстанія Хмельницкаго отошедшихъ къ Польшѣ [1]). Скоро однако ему пришлось убѣдиться въ неосуществимости подобныхъ плановъ. Въ переговорахъ съ смѣнившимъ Выговскаго Юріемъ Хмельницкимъ, на переяславской радѣ въ октябрѣ 1659 года, московскимъ боярамъ удалось добиться довольно серьезныхъ ограниченій гетманской власти, но попытки сокращенія территоріи гетманщины встрѣтили такой рѣшительный отпоръ со стороны козацкой старшины, что мысль о нихъ пришлось оставить. Съ другой стороны, постановленія 1654 г. объ ограниченіи численности козацкаго войска до 60.000 человѣкъ и о передачѣ малорусскихъ доходовъ въ государеву казну были вновь подтверждены на этой радѣ. Но ожесточенная междоусобица, воцарившаяся вслѣдъ затѣмъ въ Малороссіи и на нѣсколько лѣтъ превратившая ее въ арену безпрерывныхъ войнъ, отнимала всякую возможность какихъ-либо шаговъ къ реализаціи этихъ постановленій.

Такая возможность явилась лишь послѣ сравнительнаго успокоенія, по крайней мѣрѣ, лѣвобережной Малороссіи, наступившаго съ гетманствомъ Бруховецкаго. Съ этого момента московская политика и возобновила опять свои настоянія. Бруховецкій, достигшій гетманской булавы, въ значительной мѣрѣ благодаря поддержкѣ московскихъ властей, пошелъ на встрѣчу такимъ настояніямъ и, пріѣхавъ осенью 1665 года въ Москву, «ударилъ челомъ государю малороссійскими городами». Въ слѣдующемъ году въ Малороссіи появились командированные изъ Москвы стольники, переписавшіе села и города лѣвобережной Малороссіи и обложившіе ихъ крестьянское и мѣщанское населеніе податями и поборами на государя, которые должны были собираться разсаженными по городамъ воеводами. Такъ по отношенію къ лѣвобережной Малороссіи, оставшейся за Москвою, политика послѣдней достигла, наконецъ, осуществленія условій, предположенныхъ въ 1654 г.: малорусское мѣщанство и крестьянство были отдѣлены отъ козачества и изъяты изъ-подъ вѣдѣнія козацкой администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшія отрасли государственнаго хозяйства Малороссіи переходили въ непосредственное завѣдываніе московской власти. Но для Малороссіи, успѣвшей уже привык-

[1]) Тамъ же, XV, №7, сс. 319, 323—5.

нуть къ иного рода порядкамъ, это явилось цѣлымъ переворотомъ и московскому правительству скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что, вопреки увѣреніямъ, которыя оно слышало раньше отъ отдѣльныхъ лицъ, населеніе страны далеко не сочувствуетъ такому перевороту. Едва успѣли московскіе переписчики закончить свою работу, едва воеводы разсѣлись по городамъ Малороссіи и приступили къ сборамъ податей и поборовъ съ мѣстныхъ мѣщанъ и крестьянъ, какъ въ Москву стали приходить тревожныя вѣсти. Изъ различныхъ мѣстъ лѣвобережной Малороссіи воеводы одинъ за другимъ сообщали, что въ городахъ мѣщане, а въ селахъ и деревняхъ крестьяне «пишутся въ козаки», что «мѣщане и поселяне многіе начали записываться въ козаки, а въ твою великаго государя казну по окладу денегъ и хлѣба не даютъ и ни въ чемъ воеводы не слушаютъ». Не помогало дѣлу, какъ доносили воеводы, и обращеніе къ полковникамъ. Одни изъ полковниковъ, какъ прилуцкій Лазарь Горленко, ссылались на отданный гетманомъ приказъ записывать желающихъ изъ мѣщанъ и крестьянъ въ козаки; другіе, какъ нѣжинскій Артемъ Мартыновичъ, говорили, что «въ полку люди надобны», или же высказывались еще прямѣе: «люди въ малороссійскихъ городахъ вольные, вольно мужикомъ въ козаки писаться, а онъ ихъ отсылать не будетъ»[1]). Наряду съ этимъ въ Москву приходили и еще болѣе тревожныя вѣсти, — что въ Запорожьѣ наблюдается «шатость», что эта шатость грозитъ перекинуться и въ полтавскій полкъ, такъ какъ «запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женою», что и въ другихъ полкахъ неспокойно, и воеводы «чаютъ всякаго дурна»[2]). Признаки надвигающейся грозы были налицо, и въ виду ихъ Москва рѣшила отказаться, по крайней мѣрѣ, отъ части своихъ пріобрѣтеній. Въ началѣ февраля 1668 года въ Москвѣ была изготовлена царская грамота Бруховецкому. «Если — говорилось въ этой грамотѣ — малодушные за что нынѣ волнуются и великую шатость безстрашно чинятъ, чтобъ воеводамъ нашимъ для ратныхъ людей хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ не вѣдать, развѣе того хотятъ на ся взяти, и чтобы о томъ явное челобитье отъ всѣхъ малороссійскихъ жителей къ намъ великому государю донесено, и то бы милостиво было принято и розсуждено во всемъ, какъ народомъ легче и Богу угоднѣе. Однакожъ мы великій государь, не-

---

[1]) Тамъ же, VII, № 8, сс. 12—24.
[2]) Тамъ же, VI, № 39, сс. 98—9; VII, № 8, с. 15.

разумныхъ людей вины отпустивъ... тѣ сборы съ черни ратныхъ нашихъ людей благоутѣшнымъ совѣтомъ указали полковникомъ съ бурмистры и съ войты со всей черни сбирать, по ихъ обычаемъ, безъ всякаго оскорбленія, и служивымъ людямъ въ кормѣхъ и въ одеждахъ безъ умаленія и безъ нужды давать, а воеводамъ сборщиковъ отъ себя не посылать»[1]). Но это отступленіе московской политики явилось слишкомъ поздно. Раньше, чѣмъ приведенная грамота могла быть отправлена по своему назначенію, въ Москву пришло извѣстіе, что вся Малороссія охвачена открытымъ возстаніемъ и во главѣ его стоитъ самъ гетманъ Бруховецкій.

Урокъ былъ жестокъ и онъ имѣлъ свое дѣйствіе. Въ теченіе дальнѣйшихъ десятилѣтій семнадцатаго вѣка руководители московской политики немало сдѣлали для того, чтобы возможно болѣе ослабить зачатки государственной самостоятельности Малороссіи и возможно крѣпче привязять послѣднюю къ Москвѣ. У гетмана постепенно было совершенно отнято право самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній, власть гетмана надъ старшиною была значительно ограничена и самый выборъ гетмана былъ, въ концѣ концовъ, поставленъ въ полную зависимость отъ центральной власти. И, проводя всѣ эти мѣры, московское правительство не останавливалось передъ откровеннымъ измѣненіемъ соотвѣтствующихъ «статей» Богдана Хмельницкаго, передъ внесеніемъ въ нихъ поправокъ и дополненій при выборѣ новыхъ гетманомъ. Но наряду съ этимъ то же правительство въ теченіе XVII столѣтія не пыталось болѣе настаивать на безусловномъ выполненіи тѣхъ статей Хмельницкаго, которыя касались состава и содержанія козацкаго войска и доходовъ съ малорусскихъ мѣщанъ и крестьянъ. Эти доходы, легшіе въ основу государственнаго хозяйства Малороссіи, остались всецѣло въ завѣдываніи мѣстныхъ малорусскихъ властей и центральное правительство вплоть до самаго XVIII вѣка не пыталось болѣе наложить на нихъ свою руку. Вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдѣнію мѣстныхъ малорусскихъ властей былъ предоставленъ на весь остатокъ XVII столѣтія и потерявшій свой интересъ для московскаго правительства вопросъ о разграниченіи козачества отъ другихъ общественныхъ группъ, равно какъ въ вѣдѣніе тѣхъ же властей отошла и забота о вознагражденіи козачества за службу. При этомъ

---

[1]) Тамъ же, VII, № 13, сс. 33—4.

денежное жалованье козакамъ, на которомъ нѣкогда такъ усиленно настаивали въ Москвѣ посланники Богдана Хмельницкаго, продолжало еще нѣкоторое время по традицiи упоминаться въ гетманскихъ статьяхъ, продолжали нѣкоторое время и гетманы ходатайствовать о немъ у московскаго правительства. Но послѣднее неизмѣнно указывало въ этихъ случаяхъ на мѣстныя средства и постепенно такiя ходатайства прекратились, уступивъ мѣсто признанiю того факта, что козаки несутъ службу исключительно съ своихъ земельныхъ участковъ[1]). Такимъ образомъ, если «статьи» Богдана Хмельницкаго говорили о строго разграниченныхъ одна отъ другой общественныхъ группахъ въ лицѣ, съ одной стороны, козачества, состоящаго на денежномъ жалованьѣ московскаго государя, съ другой — мѣщанства и крестьянства, уплачивающихъ черезъ своихъ выборныхъ людей подати въ казну того же государя, то малорусская дѣйствительность XVII вѣка представляла собою нѣчто совершенно иное: крестьяне и мѣщане въ этой дѣйствительности были такъ же подчинены гетманской власти, какъ и козаки, и наполняли своими взносами не государеву, а войсковую казну; козачество же, служа безъ всякаго жалованья, только за земли и вольности, вмѣстѣ съ тѣмъ было лишь очень слабо отграничено отъ другихъ общественныхъ слоевъ. Условiя 1654 г. и въ этихъ своихъ пунктахъ явились лишь мертвой буквой, не вошедшей въ дѣйствительную жизнь.

Все сказанное позволяетъ намъ придти къ нѣкоторому общему заключенiю о значенiи условiй 1654 г. въ жизни Малороссiи послѣ ея отторженiя отъ Польши. Меньше всего можно искать въ этихъ условiяхъ полнаго и яснаго отраженiя дѣйствительной жизни той страны, которой они касались. Наоборотъ, въ рядѣ случаевъ они какъ нельзя болѣе рѣзко расходились съ дѣйствительностью, пытаясь закрѣпить такiя нормы, которыя въ данный моментъ совершенно отсутствовали въ послѣдней. Вслѣдствiе этого въ самый моментъ заключенiя названныхъ условiй они въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ были уже совершенно несостоятельны. Въ цѣломъ же, заключенныя въ то время, когда

[1]) Такъ, гетманъ Самойловичъ, прося въ 1676 г. у царя денежной поддержки для уплаты жалованья наемнымъ отрядамъ «компанейцевъ», прибавлялъ: «А которые козаки живутъ домами своими, и тѣ о его великаго государя жалованьѣ не бьютъ челомъ, и впредь о томъ бити челомъ великому государю не будутъ, служить они ради непрестанно ему великому государю без жалованья». Акты Ю. и З. Р., XII, № 163, с. 577.

группа лицъ, выдвинутыхъ возстаніемъ Хмельницкаго на роли правителей страны, не успѣла еще ни вполнѣ освоиться со своимъ новымъ положеніемъ, ни освободиться отъ старыхъ представленій о своемъ мѣстѣ въ обществѣ и отношеніяхъ къ центральной государственной власти, — эти условія въ гораздо большей мѣрѣ отразили въ себѣ психологическія переживанія данной группы, ея взгляды и желанія, чѣмъ дѣйствительныя отношенія, установившіяся въ странѣ въ результатѣ возстанія. Подлиная жизнь Малороссіи, въ частности ея соціальная жизнь, во всякомъ случаѣ не уложилась въ рамки этихъ условій. И для того, чтобы получить вполнѣ ясное представленіе объ этой жизни, намъ надо обратиться къ другого рода свидѣтельствамъ, къ источникамъ, полнѣе и точнѣе отразившимъ въ себѣ дѣйствительныя отношенія, чѣмъ могли это сдѣлать акты переговоровъ и соглашеній гетманскаго правительства съ Москвою.

IV

Поднимаясь на зовъ Богдана Хмельницкаго и сходясь подъ его знамена, украинское крестьянство вдохновлялось вполнѣ опредѣленнымъ и яснымъ стремленіемъ — уничтожить господство «ляцкихъ пановъ». Это стремленіе направляло дѣйствія крестьянскихъ массъ въ годы кровопролитной борьбы съ Польшею, оно болѣе всѣхъ другихъ факторовъ опредѣлило собою ходъ возстанія и съ момента окончательнаго отторженія Малороссіи отъ Польши эта цѣль оказалась достигнутой. Паны, какъ особое шляхетское сословіе, надѣленное рядомъ чрезвычайныхъ правъ и преимуществъ, обладавшее прочной сословной организаціей и возвышавшееся надъ всѣми другими общественными классами, исчезли въ освободившейся отъ польской власти Малороссіи. Ни гетманскія «статьи», ни царская жалованная грамота не смогли возродить въ странѣ шляхетскаго сословія, сметеннаго съ лица земли ураганомъ народнаго движенія. Шляхта, какъ сословіе, продолжала существовать только на бумагѣ, — въ дѣйствительной жизни соединившейся съ Московскимъ государствомъ Малороссіи она отсутствовала. Но исчезли ли въ странѣ вмѣстѣ съ этимъ исчезновеніемъ шляхетскаго сословія и всѣ шляхетскія владѣнія, исчезли ли въ ней съ побѣдой возстанія вообще помѣщики и зависимые отъ нихъ помѣщичьи крестьяне?

Въ началѣ XVIII вѣка, когда въ людской памяти нѣсколько уже стерлись подлинныя перипетіи грандіозной борьбы, связанной съ именемъ Хмельницкаго, отдѣльныя лица въ Малороссіи на первый изъ этихъ вопросовъ нерѣдко склонны были давать положительный отвѣтъ, облекая его притомъ въ форму весьма категорическихъ утвержденій. Въ 1717 г. въ генеральномъ войсковомъ судѣ разбирался споръ нѣжинскихъ полчанъ съ Кіево-Печерской Лаврой изъ-за степа, примыкавшаго къ с. Лосиновкѣ. Лавра въ доказательство своихъ правъ представила, между прочимъ, «фундушъ», данный въ 1649 г. на спорную землю Омбышскому монастырю вдовою черниговскаго скарбника Екатериной Угорницкой. Но противники Лавры не хотѣли признавать какой-либо силы за этимъ документомъ. «Фундушъ пани Угорницкой — возражали они — писанъ уже по войнѣ Хмельницкаго, когда нихто з ляховъ не мѣлъ власти надъ своими маетностями, зачимъ и Угорницкая завоеванними добрами не сильна била диспоновати (распоряжаться) и, чинъ скарбничества чернѣговскаго на себѣ носячая, мусѣла (должна была) в той часъ в преслѣдованю зоставати, Хмельницкому зась (же) било ненавистно имя короля полского, якож бы мѣлъ тотъ фундушъ своимъ унѣверсаломъ конфѣрмовати, в которомъ вклярь (ясно) виражено, что на потверженіе оного еще привилей королевскій имѣлъ виправитися»[1]. Другой разъ, при разборѣ тѣмъ же судомъ въ 1729 г. спора изъ-за с. Суличовки между бунчуковымъ товарищемъ Павломъ Скоропадскимъ и вдовою черниговскаго полкового хорунжаго Маріей Прокофьевой, доказывавшей, что Суличовка досталась ей по наслѣдству отъ ея прабабки, шляхтянки Грязной, въ свою очередь владѣвшей этимъ селомъ еще во время принадлежности лѣвобережной Малороссіи Польшѣ, повѣренный Скоропадскаго, сынъ его Тимофей, выдвинулъ такой аргументъ: «а хотя де она, челобитчица, имѣетъ якую отъ своей прабаби шляхтянки Грязной крѣпость, только тая крѣпость козацкою де шаблею есть скасована».

Эта послѣдняя фраза — о «скасованіи» всѣхъ шляхетскихъ крѣпостей козацкою саблей — перешла въ современную историческую литературу въ качествѣ общей характеристики порядковъ землевладѣнія, созданныхъ въ Малороссіи возстаніемъ

[1]) Румянцевская опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 40. Генеральный судъ не согласился однако съ этими разсужденіями и призналъ силу фундуша Угорницкой.

Богдана Хмельницкаго. Впервые въ этомъ смыслѣ воспользовался приведенной фразой, заимствовавъ ее изъ архивнаго документа, покойный А. М. Лазаревскій въ своихъ «Малороссійскихъ посполитыхъ крестьянъ»[1]). Съ той поры не было, кажется, почти ни одного историка, писавшаго о соціальномъ строѣ и, въ частности, о порядкахъ землевладѣнія гетманской Малороссіи, который не привелъ бы той же фразы, какъ совершенно безпорнаго свидѣтельства объ исходномъ пунктѣ этихъ порядковъ. И однакоже такое пользованіе ею въ сущности основано лишь на простомъ недоразумѣніи.

Дѣло въ томъ, что въ свое время споръ Скоропадскаго съ Прокофьевой вовсе не былъ разрѣшенъ приведеннымъ аргументомъ перваго изъ нихъ. Наоборотъ, генеральный судъ, вопреки этому аргументу, призналъ право на спорное село за Прокофьевой, которой послѣднее и было вслѣдствіе этого подтверждено универсаломъ гетмана Апостола и отдано въ дѣйствительное владѣніе. И случилось это потому, что Прокофьева не оставила безъ отвѣта аргумента своего противника и сумѣла опровергнуть его. «А что — заявила она въ этомъ опроверженіи — онъ, отвѣтчикъ, показалъ, будто прабаби ея крѣпость шаблею козацкою скасована, то онъ показалъ неправду, ибо по выгнаню ляховъ зъ Малой Росіи оную крѣпость гетманъ Богданъ Хмелницкій унѣверсаломъ своимъ ствердилъ и протчие по немъ гетманы и полковники подтверждали, а не касовали»[2]). Въ доказательство же справедливости своихъ словъ Прокофьева представила рядъ документовъ, причемъ первое мѣсто въ этомъ ряду занималъ универсалъ Богдана Хмельницкаго, выданный 23 іюня 1657 г. шляхтянкѣ Грязной и обращенный къ «панамъ полковникамъ, асауламъ, сотникамъ, атаманамъ и всей старшинѣ и чернѣ войскъ запорожскихъ, въ тягненню за войскомъ идучимъ и зъ войска поворачаючимъ, коннымъ и пѣшимъ, вшелякой кондиціи (всякаго положенія) людемъ, меновите залогамъ». «Поневажъ — писалъ Хмельницкій въ этомъ универсалѣ — Богъ

---

[1]) Записки Черниговскаго губ. стат. комитета. Книга первая. Ч. 1866, с. 5 и прим. 2-е. Въ своемъ изложеніи даннаго эпизода Лазаревскій и остановился на приведенной фразѣ, потому ли, что онъ считалъ дальнѣйшее содержаніе документа неважнымъ, или потому, что не обратилъ на него достаточно вниманія. Позднѣйшіе же писатели повторяли весь этотъ эпизодъ со словъ Лазаревскаго, не свѣряя его изложенія съ подлиннымъ документомъ, на которомъ оно было основано.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729 — 1730 г. Изданіе редакціи «Земскаго Сборника Черниговской губерніи». Подъ редакціей Н. П. Василенка. Ч. 1909. № 140, сс. 412, 414.

Всемогущій наклонилъ шляхту до войска запорожского, мы, ихъ ласкаве принявши, ихъ маетности и грунтовъ власнихъ уживать (пользоваться), яко здавна уживалы, позволилисмо». Поэтому гетманъ подъ страхомъ своей немилости и «строгаго войскового караня», сурово приказывалъ, чтобы никто изъ козаковъ «въ маетностяхъ и селахъ панѣ Катеринѣ Борисовой Гразное, меновите въ селахъ Слабине, Яновцахъ, Лукашовце, Стефановце, Суличовце, Пересяжжю и всякихъ до тихъ селъ принадлежностяхъ людемъ, тамъ мешкаючимъ, найменшой кривди чинить не важился (не осмѣлился), подачокъ, стаціи жадной не вимишлялъ, ани вибиралъ, але заразъ за показанемъ сего писанія залога тамошній, въ тихъ маетностяхъ будучій, вишменованние маетности панѣ Грзаной зо всѣмъ подалъ, такъ, яко здавна те маетности въ собе мелися, а люде, тамъ мешкаючие, спокойно, за показаниемъ сего писания нашего, сидели»[1]). На основаніи этого универсала Екатерина Грязная и удержала за собою с. Суличовку, а въ 1660 г. добровольнымъ записомъ отдала его своей дочери Маринѣ и зятю Константину Мазапетѣ[2]), отъ которыхъ оно, переходя по наслѣдству изъ рукъ въ руки, дошло, наконецъ, и во владѣніе Прокофьевой.

Универсалъ, выданный Екатеринѣ Грязной, не былъ совершенно исключительнымъ актомъ въ дѣятельности Хмельницкаго, какъ и сама Грязная не была единственнымъ человѣкомъ среди шляхты, котораго «всемогущій Богъ наклонилъ до войска запорожскаго». Въ то время, какъ крестьянская масса стремилась уничтожить всѣхъ «ляцкихъ пановъ», не разбираясь въ томъ, какіе изъ нихъ были польскаго и какіе малорусскаго происхожденія, какіе держались католической и какіе православной вѣры, главные вожди возстанія сознательно старались привлечь, если не всю, то хоть часть имѣвшейся въ Малороссіи шляхты на сторону своего дѣла, которое меньше всего представлялось имъ кореннымъ соціальнымъ переворотомъ. Въ мартѣ 1654 года войсковой писарь Выговскій сообщилъ въ Москву Павлу Тетерѣ, что Радзивиллъ и польскій король разослали по Малороссіи универсалы съ обѣщаніемъ вольностей населенію. «Сего ради, возбраняючи тѣмъ прелестемъ, — продолжалъ Выговскій — такожде и мы универсалы разослали есмя, чтобъ шляхта украинская, тамъ будучая, къ намъ уклонялась, обнадеживая ихъ жа-

---

[1]) Такъ же, № 138, с. 408.
[2]) Тамъ же, № 139.

лованьемъ царя его милости и поступаючи имъ ихъ маетности и всякому, кто толко приклонится, достойное удоволство»[1]). И раньше 1654 года Хмельницкій, если и не обращался къ шляхтѣ съ общими предложеніями такого рода, то во всякомъ случаѣ охотно принималъ на тѣхъ же условіяхъ всѣхъ шляхтичей, которые соглашались вступить въ ряды возставшаго козачества и связать свою судьбу съ его дѣломъ. Но, конечно, число такихъ шляхтичей не могло быть велико, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могло быть велико и количество шляхетскихъ имѣній, имѣвшихъ шансы на сохраненіе за прежними своими владѣльцами и въ гетманщинѣ. Съ одной стороны, мѣстныя крестьянскія волненія, сопровождавшія все возстаніе Хмельницкаго, направлялись непосредственно противъ шляхты, и при такихъ условіяхъ представителямъ послѣдней даже въ томъ случаѣ, если они до извѣстной степени сочувствовали другимъ — національнымъ и религіознымъ — цѣлямъ, поставленнымъ на знамени возстанія, все же довольно трудно было вступить въ ряды формировавшихся въ мѣстахъ ихъ жительства козацкихъ отрядовъ и гораздо чаще приходилось спасаться отъ этихъ отрядовъ бѣгствомъ. Съ другой стороны, въ той лѣвобережной Украинѣ, которая осталась и позднѣе въ соединеніи съ Московскимъ государствомъ и составила территорію собственно гетманщины, шляхетскія имѣнія въ моментъ, непосредственно предшествовавшій возстанію Хмельницкаго, были представлены, главнымъ образомъ, владѣніями крупныхъ польскихъ магнатовъ, меньше всего имѣвшихъ желанія и возможности сойтись съ Хмельницкимъ и его козачествомъ.

Были однако среди шляхты лѣваго берега Днѣпра и другіе элементы. Въ старинной Сѣверской землѣ, позднѣе вошедшей въ составъ территоріи Стародубовскаго и Черниговскаго полковъ[2]), сохранялось нѣсколько старыхъ туземныхъ родовъ, владѣвшихъ здѣсь крупными имѣніями еще въ то время, когда

---

[1]) Акты Ю. и З. Р, X, № 8, сс. 559—60.

[2]) Гетманская Малороссія въ территоріальномъ отношеніи раздѣлялась на полки. Въ лѣвобережной Малороссіи въ моментъ соединенія съ Московскимъ государствомъ такихъ полковъ было 7: нѣжинскій, черниговскій, кіевскій, переяславскій, кропивенскій, миргородскій и полтавскій. Позднѣе — минуя нѣкоторыя другія эфемерныя перемѣны — изъ нѣжинскаго полка былъ выдѣленъ стародубовскій и еще часть территоріи отошла к черниговскому, часть кропивенскаго полка отошла къ переяславскому, а оставшаяся часть образовала лубенскій полкъ, изъ полтавскаго же полка выдѣлились еще прилуцкій и гадяцкій. Такъ образовались 10 полковъ лѣвобережной Малороссіи, сохранившіеся до конца гетманщины.

эта область принадлежала Московскому государству, и съ той поры кое-какъ отстаивавшихъ свое положеніе среди наплыва новыхъ польскихъ владѣльцевъ. Было въ Сѣверщинѣ немало и мелкихъ помѣщиковъ-шляхтичей польскаго и малорусскаго происхожденія, а мѣстами встрѣчались цѣлыя гнѣзда старинныхъ «земянъ», мелкихъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся шляхетскими правами, но по условіямъ своего хозяйственнаго быта мало чѣмъ отличавшихся отъ зажиточныхъ козаковъ. Въ южныхъ областяхъ лѣвобережной Малороссіи привольно раскинулись панскія латифундіи, но и среди нихъ кое-гдѣ попадались мелкія владѣнія — деревеньки и села, перепавшія отъ щедротъ магнатовъ ихъ «оффиціалистамъ», служилой шляхтѣ, въ числѣ которой были опять-таки и лица малорусскаго происхожденія. Среди этихъ-то слоевъ мѣстной шляхты нашлось все же нѣкоторое количество лицъ, въ силу различныхъ побужденій примкнувшихъ къ возстанію Хмельницкаго и при этомъ попытавшихся удержать въ своихъ рукахъ прежнія свои владѣнія или даже пріобрѣсти новыя. И, хотя количество шляхетскихъ имѣній, дѣйствительно сохранившихся этимъ путемъ за прежними своими владѣльцами, права которыхъ не были въ моментъ возстанія «скасованы» ни козацкою саблею, ни крестьянскими пиками, было не особенно велико, оно не было все же и столь ничтожно, какъ это обычно представлялось до сихъ поръ въ исторической литературѣ [1]).

На территоріи позднѣйшаго Стародубскаго полка однимъ изъ старыхъ землевладѣльческихъ родовъ былъ родъ Бороздна. Борозды владѣли въ Сѣверщинѣ большими имѣніями еще въ то время, когда она принадлежала Московскому государству, а вслѣдъ за переходомъ ея въ началѣ XVII вѣка къ Польшѣ пра-

---

[1]) Такъ, А. М. Лазаревскій, въ послѣднихъ своихъ работахъ, подъ вліяніемъ знакомства съ новымъ матеріаломъ, нѣсколько отступившій отъ прежняго своего мнѣнія о полномъ истребленіи возстаніемъ Хмельницкаго шляхетскихъ владѣній. все же настаиваетъ на крайней незначительности сохранившихся владѣній такого рода. «Для насъ несомнѣнно, — говоритъ онъ въ одной изъ этихъ работъ — что въ лѣвобережной Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка русская шляхта находилась въ самомъ незначительномъ количествѣ, а послѣ 1654 г. тутъ ея оставалось лишь нѣсколько семействъ, которыя почти всѣ уже и извѣстны. Изъ крупной шляхты остались здѣсь Борозды, Рубцы, Бакуринскіе... Изъ мелкой шляхты можемъ назвать Сулимъ, Болдаковскихъ, Пироцкихъ, Добронизскихъ, Богушей, Кисель-Загорянскихъ... Можетъ быть, еще столько же можно назвать изъ мелкой русской шляхты, но едва ли болѣе» (Лазаревскій, Замѣчанія на историческія монографіи Д. П Миллера, Харьковъ, 1898, с. 8). Какъ мы увидимъ, назвать можно нѣсколько болѣе.

вительство послѣдней въ свою очередь подтвердило въ 1620 году четыремъ братьямъ Борозднамъ ихъ имѣнія — м. Горскъ съ разными селищами. Но въ мартѣ 1648 года Осипъ Бороздна за неявку къ суду подвергся банниціи (изгнанію изъ предѣловъ страны). Вслѣдъ за тѣмъ онъ перешелъ къ Хмельницкому, а послѣдній универсаломъ, выданнымъ 2 сентября 1656 г., утвердилъ за сыномъ Осипа, Лаврентіемъ Бороздной, наслѣдственныя Бороздниинскія имѣнія. «Мы, маючи взглядъ на пана Лаврентія Бороздну, — говорилось въ этомъ универсалѣ — подалисьмо ему въ поссесію села: Горскъ, Клюси, Куршоновичи, Жолведь, островъ Тарасовскій и Заджеверскій, селище Медведово, пустошь Бутовское, д. Ярцово, селище Заничи, Бахаевское, также въ Мглинской волости селище Тростянское и селище Рощининское, селище Ровское надъ рѣкою Бѣлогощею, село Кгарцево зъ млиномъ, д. Хоромное, пустошь Борозина... маетность его власную (собственную), въ повѣтѣ Стародубовскомъ будучую». При этомъ гетманъ подъ страхомъ строгой и неминуемой кары при малѣйшей жалобѣ запрещалъ «у вышъ речоныхъ селахъ и маетностяхъ кривду якую ему самому и людемъ чинити» [1]). Не ограничиваясь возвращеніемъ Бороздне наслѣдственныхъ имѣній, Хмельницкій далъ ему еще и новое имѣніе — с. Бѣлогущу [2]). Въ свою очередь Выговскій, ставъ гетманомъ, также подтвердилъ Бороздне его имѣнія. «Углядаючи — писалъ Выговскій въ своемъ универсалѣ 8 сентября 1658 г. — на прислугу у войску нашомъ пана Лаврентія Борозны, которій и теперь, и кождое дороги до войска становлячися не опускаетъ и зъ нами посполу (вмѣстѣ) стаетъ противъ непріятелей, заховуемъ его при власныхъ маетностяхъ, очистымъ (отцовскимъ) правомъ ему належачихъ, меновите при м. Горску и зъ селами, до него належачими, зо всѣми належними пожитками» [3]). И эти имѣнія съ прибавкою еще нѣсколькихъ селъ, поселенныхъ частью на наслѣдственныхъ, частью на купленныхъ земляхъ, оставались послѣ того въ родѣ Бороздиъ до конца XVIII

---

[1]) Обозрѣніе Рум. Описи, вып. III, сс. 746—7 и Акты. Ю. и З. Р., III, № 357, с. 514; см. еще оборонительный универсалъ Б. Хмельницкаго, данный 5 сентября 1656 г. на имѣніе Борозды, — тамъ же, № 360, с. 546.

[2]) Объ этомъ селѣ старожилы въ 1729 г., разсказывали, что его «за владѣнія полского осажовалъ слободою полскій шляхтичъ Николай Абрамовичъ и било в собственномъ его владѣніи», а по «изгнаніи ляховъ гетманъ Богданъ Хмелницкій надалъ Бороздиѣ старому», послѣ котораго владѣлъ полковнихъ Рославецъ. См. генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки кіевской коллегіи Галагана № 9, л. 51 об. — 52.

[3]) Акты Ю. и З. Р., IV, № 78, с. 144.

вѣка [1]). Точно также перешли къ Хмельницкому и сохранили благодаря этому переходу свои имѣнія члены другого стараго и богатаго землевладѣльческаго рода Сѣверщины, извѣстнаго въ ней съ половины XVI вѣка, — рода Рубцовъ. «Мы, — говорилось въ универсалѣ Богдана Хмельницкаго 4 сентября 1656 г. — маючи взглядъ на пп. Рубцовъ, Михайла и Иллю, и на прислугу ихъ у войску нашомъ запорожскомъ, подалисьмо имъ въ посессію села: Курозново, Раженичи изъ млиномъ, с. Бобки, Чернооковъ, Брахловъ зъ отчинами, до тыхъ селъ здавна належачими... зъ селищами Полховымъ и Стобки, зо всѣми до ныхъ принадлежностями, маетности ихъ власные, въ повѣтѣ Стародубовскомъ будучіи» [2]). Выговскій въ свое гетманство универсаломъ 26 февраля 1658 г. подтвердилъ тѣ же имѣнія за «услугу п. Иліи и п. Михаила Рубцовъ, шляхтичей повѣту стародубовского, у войску запорожскомъ, которую за (при) небожчика (покойника) Золотаренка въ колку (нѣсколькихъ) экспедиціяхъ ронили» [3]).

Наряду съ крупными имѣніями Борозднъ и Рубцовъ въ Стародубщинѣ сохранилось и нѣсколько мелкихъ шляхетскихъ владѣній, собственники которыхъ сумѣли во-время разсчитать силу возстанія и снискать себѣ расположеніе его главы. «Маючи взглядъ — писалъ Хмельницкій въ универсалѣ, данномъ 2 сентября 1656 г. шляхтичамъ Воронамъ, — на пановъ Мартина и Ѳедора Вороновъ шляхту, взявши въ протекцію нашу и наклонивши ухо до прозьбы ихъ, подалисьмо онымъ въ посессію села по отцу и стрію (дядѣ) Тимоѳею и Бенедихти Воронахъ, въ повѣтѣ стародубовскомъ лежавшые, то есть село Савостяновичи зъ селищами Букми, дворищемъ Вадковичами, Туровичами, деревню Бурновичи зъ селищемъ и зъ гумнищемъ и зо всѣми до ныхъ здавна належитостьми и пожитками» [4]). Подобнымъ же образомъ шляхтичъ Маркъ Фай сохранилъ за собою и послѣ отторженія Малороссіи отъ Польши пустоши Торки и Новоселки и весь «Фаевскій обрубъ» съ поселеннымъ въ предѣлахъ послѣдняго селомъ Стахорщиной [5]). Село Тростань при полякахъ принадлежало Зѣн-

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, 174, 381—2, 433—5.

[2]) Акты Ю. и З. Р., III, № 359, с. 545.

[3]) Обозрѣніе Румянцевской Описи Малороссіи, III, с. 693. Гетманъ Бруховецкій въ 1665 г. прибавилъ Михайлу Рубцу еще 11 селъ, составлявшихъ Ропскую волость, но въ 1679 г. эти села были отобраны у Рубцовъ Самойловичемъ. — Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, I, 394—8.

[4]) Акты Ю. и З. Р., III, № 358, с. 545.

[5]) См. универсалъ Бруховецкаго Марку Фаю 1663 г. — Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, III, 828—9; просьбу Фаевъ о царской грамотѣ —

ченкамъ, и въ 1655 г. полковникъ «Нѣжинскій и всего Сѣвера» Гр. Гуляницкій подтвердилъ Опанасу Зѣнченку его «отчину» въ Тростани, прибавивъ при этомъ: «а мешкать ему волно любъ въ Стародубѣ, любъ игде хочетъ» [1]). Стародубскіе «земяне» Смолевицкіе сохранили въ своемъ владѣніи с. Смолевичи, въ концѣ XVII вѣка проданное ими одному изъ сыновей Лаврентія Борозды [2]). Шляхтичи Хмѣлевскіе, вступившіе съ возстаніемъ Хмельницкаго въ козацкое войско, причемъ одинъ изъ нихъ около 1650 г. былъ поставленъ стародубовскимъ хорунжимъ, удержали за собой поселенныя ихъ отцомъ слободки Случокъ и Хмѣлевку [3]). Точно такъ же мелкими шляхтичами, удержавшими въ своихъ рукахъ небольшія владѣнія въ Стародубщинѣ, были Случановскіе и занимавшій въ 1650 г. должность полкового стародубовскаго сотника Полуляхъ [4]). Село Зѣваки, съ начала XVII вѣка принадлежавшее семьѣ Козловскихъ, и послѣ возстанія Хмельницкаго осталось за тогдашнимъ главою этой семьи, Федоромъ Козловскимъ, хотя другія родовыя села отошли отъ него [5]). Селомъ Выстриковомъ при полякахъ владѣлъ шляхтичъ Шкирмонтъ; онъ же остался владѣльцемъ этого села и послѣ изгнанія поляковъ и владѣлъ имъ до самой своей смерти [6]). Деревня Меженки «во время войны Богдана Хмельницкого и по войнѣ была владѣльца полского благочестивой вѣры шляхтича Павла Водашинского» [7]). Селомъ Левенкою при полякахъ владѣлъ шляхтичъ Кохановскій, а «по вигнаню ляховъ его сынъ, живучи въ Украинѣ

Акты Ю. и З. Р., V, № 11, XVIII, с. 24; с. Стахорщина позднѣе отошло изъ-подъ владѣнія Фаевъ, но еще въ 1728 г. одинъ изъ Фаевъ собирался было откупить его у владѣвшаго имъ тогда великороссійскаго резидента Наумова — см. Журналъ поѣздки въ Москву гетм. Апостола въ Матеріалахъ для отеч. исторіи, изд. М. Судіенко, I, 121. Мелкое владѣніе Фаевъ въ Стахорщинѣ сохранялось въ первой половинѣ XVIII вѣка и только во второй половинѣ столѣтія совсѣмъ исчезло — см. Лазаревскій, Описаніе ст. Малор., I, 217.

[1]) Обозрѣніе Рум. Описи, III, 684, 680—1. Тростань скоро отошла, впрочемъ, изъ-подъ владѣнія Зѣнченковъ, но за ними остались поселенныя на ея земляхъ слободки Людковщина и Шоломинъ, причемъ въ Людковщинѣ владѣніе Зѣнченковъ сохранилось до конца XVIII вѣка — тамъ же, 681 и Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, I, 421.

[2]) Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, I, 374. Продавъ Смолевичи, Смолевицкіе сохранили за собой до конца XVIII вѣка незначительное владѣніе въ сл. Михайловскѣ.

[3]) Обозрѣніе Рум. Описи, III, 525—8 и Лазаревскій, Описаніе ст. Малор., I, 163—4.

[4]) Обозрѣніе Рум. Оп., 447 и 449; шляхтичъ Титъ Полуляхъ при полякахъ владѣлъ д. Полуляховой Будой — Лазаревскій, Описаніе ст. Малор., I, 178.

[5]) Лазаревскій, Описаніе ст. Малор., I, 309—10.

[6]) Генеральное слѣдствіе о местностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись библіотеки коллегіи Галагана, л. 31 об.

[7]) Тамъ же, л. 47 об.

въ полку чернѣговскомъ, владѣлъ тоею жъ Левенкою по унѣверсалу гетмана Многогрѣшного»[1]). Тому же Кохановскому, наконецъ, отдана была находившаяся при полякахъ во владѣніи шляхтича Грабовскаго д. Пихторовка, и онъ владѣлъ ею, «живучи въ козацкомъ званіи, по гетманскимъ универсаламъ»[2]). Такимъ образомъ, на территоріи позднѣйшаго Стародубовскаго полка больше трехъ десятковъ селъ и деревень и послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго представляли собою шляхетскія имѣнія, сохранившіяся въ рукахъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, либо переданныя другимъ изъ уцѣлѣвшихъ въ странѣ шляхтичей.

Не меньшее, если не большее, количество такихъ имѣній сохранилось и на территоріи сосѣдняго Черниговскаго полка. Здѣсь жилъ шляхтичъ Станиславъ Кохановскій, удержавшій, какъ мы только что видѣли, два села въ Стародубщинѣ. Оставшись въ Малороссіи, онъ скоро былъ поставленъ полковымъ черниговскимъ сотникомъ, а одно время, въ 1659 г., исполнялъ и обязанности наказнаго черниговскаго полковника. Богданъ Хмельницкій позволилъ ему посадить въ Черниговскомъ полку на его собственныхъ земляхъ слободку Гучинъ, а въ 1658 г. эта слободка была подтверждена ему Выговскимъ «за зичливость (доброжелательство) его и працу (работу, службу) войсковую, которую щире ставилъ противъ кождого непріятеля»[3]). Кромѣ того, Кохановскій поселилъ еще слободу Листвинъ, затѣмъ разросшуюся въ село, и владѣлъ сс. Сибережемъ и Бѣлоусомъ[4]). Другой крупный владѣлецъ остался въ Черниговщинѣ въ лицѣ шляхтича Юрія Бакуринскаго. Братья его во время возстанія ушли въ Польшу, а онъ вступилъ на службу къ Хмельницкому и черезъ нѣсколько лѣтъ такой службы обратился къ гетману съ просьбой утвердить за нимъ земли и села, купленныя въ свое время его отцомъ, Николаемъ Бакуринскимъ, «въ розной шляхты пановъ Быялтовъ и Пероцкихъ». Гетманъ склонился на эту просьбу и 26 іюня 1656 г. приказалъ «ему Юрію Бакуринскому унѣверсалъ написати, стверждаючи по куплѣ отца его села Великая Вѣсь,

---

[1]) Тамъ же, л. 25.

[2]) Тамъ же, л. 26 об.

[3]) Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца, т. IV, отд. III, сс. 110, 106—7; Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, № 125; въ 1658 г. сотникъ Станиславъ Коханенко и жена его Раина отдали «маетность хуторъ Гучинъ зъ млиномъ и слободою» въ приданое («въ посагъ») дочери своей Аннѣ и ея мужу Карпу Мокріевичу — тамъ же. № 123.

[4]) Тамъ же, сс. 45, 27, 35—6; сс. Листвинъ и Сибережъ перешли потомъ по наслѣдству къ Мокріевичамъ, с. Бѣлоусъ — по наслѣдству же къ Красовскому.

Осняки, Рѣпки, Гусинка, Буявки и слободка вновь зачатая садить отцемъ его Николаемъ на дубровѣ Свинопуское, островъ Грабовскій съ займою, на млинъ згожою, млинъ верхъ Вира, прозиваемая Пилипча, млинъ на рицѣ Глинянцѣ, яко оніе села имѣютъ въ себѣ ограниченіе... ему Юрію Бакуринскому и женѣ его въ спокойное владѣніе»[1]). Другихъ столь же крупныхъ владѣльцевъ въ Черниговщинѣ отъ польскихъ временъ не сохранилось, но среднихъ и мелкихъ шляхетскихъ владѣній здѣсь уцѣлѣло не такъ ужъ мало.

Такъ, цѣлая группа мелкихъ владѣній сохранилась въ любецкой сотнѣ, бывшемъ любецкомъ повѣтѣ, гдѣ было много мелкой шляхты и старинныхъ «земянъ». Не сдвинуло ихъ съ ихъ родовыхъ гнѣздъ и возстаніе Богдана Хмельницкаго. «Видячи — писалъ Хмѣльницкій въ универсалѣ, выданномъ 31 марта 1656 г., — прихилнихъ и зичливихъ щире войску запорожскому всю шляхту повѣту любецкого, а меновите Саву Унучка, сотника любецкого, и Артема Красковского изъ всею шляхтою тамошнею, которые, отъ початку войны щире служачи у войску запорожскомъ, въ кождихъ потребахъ добре ставаютъ и за вѣру православную бьются, которихъ мы захову ючи при добрахъ власнихъ отчистихъ, яко въ привилеи отъ королей здавна наданномъ маютъ, сурово приказуемъ, жебы жаденъ (чтобы никто) такъ зъ старшини и черни и посполитихъ людей въ добрахъ ихъ отчистихъ найменшой кривди... чинить не важился». Въ 1657 и 1660 гг. этотъ универсалъ былъ утвержденъ гетманами Выговскимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, причемъ послѣдній изъ нихъ грозилъ «непослушнихъ своеволцовъ», которые бы стали мѣшать названной шляхтѣ «въ добрахъ своихъ всѣхъ спокойне зостаючи заживати», «сурово, бы и на горлѣ, безъ фолги (пощады) карати»; подтвердили его затѣмъ и гетманы Бруховецкій и Многогрѣшный[2]). Въ той же любецкой сотнѣ небольшая деревня

---

[1]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, л. 109-об; тамъ же, л. 104—5, грамота короля Сигизмунда III отъ 20 дек. 1609 г. Николаю Бакуринскому на купленныя имъ отъ пановъ Глѣбовичей Пироцкихъ земли и с. Рѣпки; тамъ же, л. 76, — универсалъ черниговскаго полковника Еф. Лизогуба, выданный 8 мая 1699 г. Климу и Якову Бакуринскимъ, «товариству значному полковому» и позволяющій имъ, согласно гетманскому универсалу, «владѣти обоими въ с. Рѣпкахъ частми людьми, якіе на ихъ власнихъ праотчистихъ грунтахъ сидять».

[2]) Универсалы Б. Хмельницкаго и Выговскаго см. Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниг. полка, №№ 172 и 173; универсалы Ю. Хмельницкаго, Бруховецкаго и Многогрѣшнаго — Румянцевская Опись въ библіотекѣ Академіи Наукъ т. 7. Въ универсалѣ Ю. Хмельницкаго названъ еще одинъ изъ этой любецкой

Кислые осталась во владѣніи шляхтича Щуковскаго, также, повидимому, принадлежавшаго къ любецкимъ «землянамъ»; позднѣе Щуковскій продалъ ее [1]).

Подобныя же и нѣсколько болѣе крупныя владѣнія сохранились и въ другихъ мѣстностяхъ Черниговскаго полка. Въ 1656 г. Хмельницкій подтвердилъ Олифѣру Радченку за его «прислуги», «которіе зъ початку звиклъ отправовати въ войску нашомъ запорожскомъ», его селище Пустовбицу. При этомъ, воспрещая сосѣднимъ обывателямъ пустошить и присваивать земли Радченка, гетманъ грозилъ, что всякаго непослушнаго будетъ «за взятіемъ вѣдомости срого безъ отпусту, бы и на горло, карати» [2]). Въ слѣдующемъ году Хмельницкій подтвердилъ шляхтичу Лукашу Носачевичу его «грунтъ» за Черниговомъ, «съ которого передъ тимъ грунту конную отправовалъ въ войску службу, а теперъ у войску нашомъ такъ же повинность належную отдавати маетъ», и обязалъ жителей слободы Ройской, осѣвшей на этомъ грунтѣ, «абы конечно зъ того десятину кождій давалъ» Носачевичу [3]). Другимъ универсаломъ 1657 г. Хмельницкій «приворотилъ» бывшему польскому коменданту Стараго Быхова, шляхтичу Павлу Ярмолтовскому, за «зичливость (доброжелательство) его въ подданю фортеци Биховской», «село его власное, Вербичи названное, такъ же въ с. Горбове волокъ шесть и млинокъ» [4]).

шляхты — Иванъ Лишукъ, а въ универсалѣ Многогрѣшнаго (21 марта 1670 г.) дается и болѣе подробное перечисленіе ея: «схиляючися ми — говорится здѣсь — до унѣверсаловъ славной памяти въ Богу зешлихъ гетмановъ, антецессоровъ своихъ, на вѣчистіи добра Савѣ Унучку, Івану Скугару, Федору Красковскому, Алексѣю Кривопише, Ничипору Богушу, Семену Селицкому, Артему Злобѣ, Прокопу Величковскому, Василю Демидовичу, шляхтѣ любецкой, наданихъ, симъ унѣверсалнимъ листомъ нашымъ конфѣрмуемъ». За исключеніемъ Унучковъ, или, точнѣе, Унучковъ-Посудевскихъ, владѣвшихъ нѣсколькими селами и деревнями, все это были мелкіе «земяне», о размѣрахъ владѣній которыхъ можетъ дать понятіе слѣдующій фактъ: въ 1691 г. полковникъ Яковъ Лизогубъ подтвердилъ одному изъ такихъ владѣльцевъ, Артему Жлобѣ, три частки грунту въ с. Шибириновкѣ — «а на тихъ часткахъ сидять девять человѣка мужиковъ». Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/2776.

[1]) Обозрѣніе Рум. Описи, I, 48. Продалъ онъ ее отцу сотника Савича (въ Обозрѣніи невѣрно: сотнику Савичу).

[2]) Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниг. полка, № 90.

[3]) Тамъ же, № 107; въ 1658 г. Выговскій подтвердилъ ему «слободу грунта его дѣдизніе зъ людми, на томъ грунтѣ мешкаючими, и зо всѣми приналежностямы» — тамъ же, № 108. Въ обоихъ этихъ универсалахъ Носачевичъ не называется шляхтичемъ, но въ 1659 г. онъ, какъ «шляхтичъ повѣту чернѣговского», продалъ сл. Ройскую войсковому товарищу Карпу Мокріевичу — тамъ же, № 106.

[4]) Тамъ же, № 76; сказка вербицкихъ старожиловъ, занесенная въ текстъ генеральнаго слѣдствія, поясняетъ владѣніе Быховскаго коменданта этой деревней: «владѣлъ оною — сказано здѣсь — значковій полку чернѣговского козакъ Ерматовскій, которій послѣ войни лядской женился на дочери шляхецкой, на-

Семья Бутовичей и въ XVIII в. владѣла с. Солоновкой, на которое, какъ на хуторъ еще, королемъ Яномъ Казиміромъ въ 1649 г. дана была грамота «урожоному Богдану Бутовичу» [1]). Точно такъ же с. Церковищи и послѣ возстанія Хмельницкаго удержали въ своихъ рукахъ Кривкевичи, владѣвшіе имъ «по королевскимъ привиліямъ», с. Борковку — сынъ убитаго во время возстанія Хмельницкаго шляхтича Борковскаго, ставшій выбельскимъ сотникомъ, с. Рогощи — шляхтичъ Болдаковскій, поставленный бѣлоускимъ сотникомъ [2]). Память мѣстныхъ старожиловъ еще въ началѣ XVIII вѣка хранила свѣдѣнія и о другихъ остаткахъ шляхетскихъ владѣній въ Черниговщинѣ. Такъ, по показаніямъ этихъ старожиловъ, села Яновка и Ладинка сохранились во владѣніи шляхтянки Екатерины Грязной, отъ нея перешли къ ея зятю Константину Мазапетѣ, а отъ него къ его зятьямъ. Селами Голубичами и Буровкой владѣлъ «по наслѣдству отъ польской шляхты» нѣкій Сташевскій, а потомъ зять его Лежинскій. Селомъ Жуктками послѣ возстанія владѣлъ шляхтичъ Константинъ Угровецкій, ставшій затѣмъ полковымъ обознымъ. Село Сахновка «было во владѣніи за оставшимся полякомъ Григоромъ, никакого чина не имѣющимъ», до смерти его. Наконецъ, села Радичевъ и Ивашковъ, которыми до возстанія владѣлъ «ляхъ Соломѣй», по изгнаніи поляковъ остались во владѣніи жены его, Аѳанасіи Юдицкой, которая, постригшись въ дѣвичьемъ Печерскомъ монастырѣ и ставъ тамъ игуменьей, передъ смертью отдала эти села Кіево-Печерской лаврѣ [3]).

слѣдницы той деревни», — тамъ же, с. 26. Во время переписи Малороссіи московскими стольниками въ 1666 г. стольнику Кир. Хлопову подалъ въ Черниговѣ челобитную «иноземецъ шляхтичъ Павелъ Ярматовской», сообщая, что онъ выѣхалъ изъ Стараго Быхова «на вѣчное жиле з женою и дѣтми» въ Черниговъ при Б. Хмельницкомъ, который по его просьбѣ далъ ему д. Вербичи, «и онъ де Павелъ по тому ево гетманскому листу тоею деревнею Вербичами отъ тѣхъ мѣстъ и по сее время владѣетъ и всякіе государеви службы съ чернѣговскими козаками служить безпрестанно». Хлоповъ «велѣлъ ему тоею деревнею владѣть по прежнему» — Рум. Опись въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, л. 620 — об. Гетманомъ Многогрѣшнымъ въ 1670 г. село Вербичи было подтверждено вдовѣ Ярмолтовскаго, «которій за едно зъ нами завше противко кождихъ непріятелей застановлялся», въ уваженіе его заслугъ. Потомъ оно перешло по наслѣдству къ зятю Ярмолтовскихъ, Петру Ворошилу, и его дѣтямъ — Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниг. полка, №№ 77, 78, 79.

[1]) Тамъ же, № 172.

[2]) Тамъ же, № 73 и въ текстѣ слѣдствія, с. 25; Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора-лѣтописца, т. IV, отд. III, с. 115; Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниг. полка, с. 42 и Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, II, 244.

[3]) Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниг. полка, сс. 6, 14, 22, 24, 92, 34, 74, 148. Въ записи самой Юдицкой названы еще сс. Мѣзинъ и Вишенки — Акты Ю. и З. Р., VIII, № 43, сс. 150—1.

Были такіе остатки шляхетскихъ владѣній и на территоріи Нѣжинскаго полка, сосѣдняго съ Стародубовскимъ и Черниговскимъ, но здѣсь этихъ остатковъ было уже несравненно меньше. Жена шляхтича Силича еще въ 1657 г. владѣла с. Щербами, которое она въ этомъ году отдала Кербутовскому монастырю, не успѣвшему однако почему-то воспользоваться этимъ даромъ [1]). Село Бурковка, какъ разсказывали въ 1729 г. мѣстные старожилы, еще въ гетманство Сомка оставалось во владѣніи «нѣякогось шляхтича полского Синявского» [2]). Владѣвшій при полякахъ селомъ Кочуровкою шляхтичъ Ясилковскій, или Ясликовскій, получилъ подтвердительный универсалъ на него отъ Богдана Хмельницкаго, а позднѣе отъ Дорошенка, но въ концѣ концовъ все же не удержалъ за собою названнаго села [3]). Счастливѣе оказался нѣжинскій войтъ Цурковскій, который, не ограничившись гетманскимъ подтвержденіемъ, рѣшилъ добиться еще царскаго. «Прежъ сего — писалъ онъ въ 1660 г. въ своей челобитной царю — владѣлъ я при полскомъ королѣ и при гетманѣ Юрасѣ Хмелницкомъ въ нѣжинскомъ уѣздѣ родственными вотчинами д. Кукшинкою, д. Колесниками, д. Мылниками съ мелницею, и со крестьяны и со всякими угодьи... и привилья у меня на тѣ деревни и на мельницы со всякими угодьи королевскіе и гетманскіе есть». Поэтому онъ и просилъ дать ему «жаловальную грамоту, по чему мнѣ и дѣтемъ моимъ впредь владѣть». Ему и была, дѣйствительно, тогда же выдана царская грамота, которой повелѣвалось, «буде онъ нынѣ владѣетъ и спору ни съ кѣмъ нѣтъ, владѣти ему и дѣтемъ его» названными деревнями [4]). Тогда же обратился въ Москву съ просьбой о выдачѣ ему царской грамоты на находившіяся въ его владѣніи села нѣжинскій городской (магистратскій) писарь Васютинскій. «Прежъ сего — писалъ онъ — владѣлъ я при полскомъ королѣ и при запороскихъ гетманѣхъ вотчинами въ нѣжинскомъ уѣздѣ д. Хибаловкою съ мелницею, да д. Красиловкою со крестьяны и со всѣми угодьи, и на тѣ деревни и мел-

---

[1]) Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, II, 441.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. Изданіе редакціи «Земскаго Сборника Черниговской губерніи». Подъ редакціей Н. П. Василенка. Ч. 1901, с. 10.

[3]) Тамъ же, с. 62; Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, II, 480.

[4]) Акты Ю. и З. Р., V, № 5, с. 10. Старожилы въ 1729 г. о д. Колесникахъ показали, что ею «отъ полского владѣнія нѣкоторая шляхтянка удова, прозиваемая Петровская, владѣла; потимъ лянтъ-войтъ нѣжинскій Цурковскій, поняьши оную шляхтичку за себе, и д. Колесниками завладѣлъ». Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Нѣж. полка, с. 3.

ницу со всякими угодьи у меня королевскіе и запороскихъ гетмановъ (привилья) есть». И ему была выдана грамота съ тѣмъ же условіемъ — владѣть, если у него, дѣйствительно, есть «привилья» и ни отъ кого не будетъ заявлено спора. Въ Красиловкѣ Васютинскому, кажется, все же не удалось укрѣпить свое владѣніе, но селомъ Хибаловкою онъ владѣлъ еще въ гетманство Самойловича [1]).

Изъ южныхъ полковъ въ Переяславскомъ сохранилось владѣніе Сулимъ. Еще въ началѣ XVII вѣка польный гетманъ Станиславъ Жолкевскій, владѣвшій крупными имѣніями въ Поднѣпровьѣ, уступилъ одному изъ своихъ «официалистовъ», Ивану Сулимѣ, кусокъ земли съ правомъ садить на ней слободы. Такъ возникли села Сулимовка, Лебединъ и Кучаковъ, и Сулимы удержали это владѣніе за собою и послѣ возстанія Хмельницкаго. Въ 1677 г. сынъ Ивана, Федоръ Сулима, жаловался въ полковой переяславскій судъ на «обывателей села своего дѣдизного Сулиминецъ, якоже Лебединскихъ и Кучаковскихъ, до той же его власности старожитне прислушающихъ и належащихъ», что они прежде «отдавали послушенство и походячие належности, а теперь, въ томъ ся оперши, усиловали отъ того жъ елѣберовати (освободиться) и съ подданства, которое предкове ихъ на собѣ мѣли, визутися». Судъ вызвалъ свидѣтелей и «Миско Харченко и Андрей Вѣтченко, мужеве барзо подейшлие, по сумленю (совѣсти) старости своей визнали, же еще на спочатку, якъ ся садила Баришовка, тогда тое все положеня, где тие села осѣли, Сулиминцы, Лебедынъ и Кучаковъ, надалъ панъ Жолкевскій Івану Сулимѣ въ заслугахъ у

[1]) Акты Ю. и З. Р., V, № 11, XIV, с. 22. Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Нѣж. полка, сс. 80 и 6. Другой Васютинскій, очевидно, братъ городского писаря, подавъ тогда же двѣ челобитныя царю, въ первой изъ нихъ называлъ себя «шляхтичемъ», во второй — «райцею». Акты Ю. и З. Р., V, № 11, XIV, с. 22. А. М. Лазаревскій въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ, отступая отъ взгляда, нѣкогда развитаго имъ въ «Малороссійскихъ посполитыхъ крестьянахъ», высказалъ мнѣніе, что именно эти царскія грамоты 60-хъ годовъ XVII столѣтія, среди которыхъ онъ особенно выдѣляетъ грамоту Цурковскому, «должны были положить начало возобновленію того строя междусословныхъ отношеній, который былъ и при полякахъ» («Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера» с. 13.) Но мы видѣли, что шаги къ такому возстановленію были сдѣланы въ Малороссіи еще до 60-хъ годовъ, и притомъ совершенно независимо отъ воздѣйствія московскаго правительства. Съ другой стороны, царскія грамоты Цурковскому и Васютинскому носили условный характеръ, подтверждая названнымъ лицамъ ихъ владѣнія въ томъ случаѣ, если у нихъ есть на эти владѣнія юридическіе документы, на которые они ссылаются, и права ихъ никѣмъ не оспариваются. Очевидно, не такія условныя подтвержденія могли положить начало возобновленію прежнихъ отношеній, и, чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить судьбу гораздо болѣе категорическихъ грамотъ, выданныхъ въ 50-хъ годахъ Тетерѣ, Выговскимъ и Золотаренкамъ

вѣчность, абы собѣ тамъ сколко могъ и хотѣлъ осадывъ людей ку своему подданству». Тогда судъ, подтвердивъ владѣніе Сулимы, постановилъ, что «хто схочетъ на тихъ его отчизнихъ грунтахъ жити, повиненъ будетъ ему во всемъ належитое вдавати послушенство и повинность» [1]).

Въ другихъ южныхъ полкахъ шляхетскихъ владѣній не сохранилось вовсе. Выговскій въ свое гетманство сдѣлалъ было, правда, попытку возстановленія такихъ владѣній въ Полтавскомъ полку, отдавъ здѣсь Юрію Немиричу городки Кременчугъ, Кишенку, Кобеляки, Бѣликовъ, Переволочную и Новый Санжаровъ, на томъ основаніи, что «тѣ маетности прежніе его наданые отъ королей полскихъ» [2]), но эта попытка рушилась вмѣстѣ съ властью Выговскаго, не оставивъ по себѣ никакого слѣда.

Во всякомъ случаѣ, какъ показываютъ приведенные выше факты, возстаніе Богдана Хмельницкаго не уничтожило безъ остатка всѣ прежнія шляхетскія владѣнія въ странѣ, и не всѣ шляхетскія крѣпости были благодаря ему «скасованы козацкою саблей». Наоборотъ, нѣкоторое, хотя и небольшое, количество такихъ крѣпостей сохранило свою силу и нашло себѣ признаніе и въ новыхъ условіяхъ жизни, созданныхъ возстаніемъ. Какъ только совершилось окончательное отдѣленіе Малороссіи отъ Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ стала затихать буря народнаго волненія, тѣ шляхтичи, которые во время возстанія примкнули къ Хмельницкому, поспѣшили обратиться къ нему съ просьбами о подтвержденіи имъ прежнихъ ихъ имѣній. И эти просьбы не остались безъ удовлетворенія. И Богданъ Хмельницкій, и слѣдовавшіе за нимъ гетманы благожелательно «наклоняли къ нимъ ухо» и охотно подтверждали старыя, а порой давали и новыя имѣнія тѣмъ шляхтичамъ, которыхъ «всемогущій Богъ наклонилъ до войска запорожского», которые оказывали «войску» какія-либо услуги, отбывали вмѣстѣ съ нимъ его «экспедиціи» и несли «працу войсковую». Въ своемъ стремленіи возстановить и укрѣпить прежнія права такихъ шляхтичей на ихъ имѣнія и земли бывшій вождь народнаго возстанія не останавливался даже передъ угрозами смертной казни для нарушителей этихъ правъ. Такъ и послѣ возстанія въ Малороссіи уцѣлѣла — правда, не-

---

[1]) Сулимовскій Архивъ. К. 1884, № 17, сс. 22—3; ср. предисловіе, IV—VII. См. также А. Стороженко. Очерки переяславской старины, К. 1900, с. 105 и слѣд.

[2]) Акты Ю. и Р., XV, № 2, сс. 31, 39—41, 40—1, 43—4, 54—5; тамъ же, т. IV, № 61. с. 109.

большая и расположенная по преимуществу въ Сѣверщинѣ, этомъ главномъ на лѣвомъ берегу очагѣ мелкой шляхты, — группа частновладѣльческихъ имѣній.

Собственники этихъ имѣній обязывались при этомъ и на будущее время военной службой. Само по себѣ это обязательство еще не заключало въ себѣ ничего новаго, такъ какъ и раньше на владѣвшихъ имѣніями шляхтичахъ лежала повинность военной службы. Сообразно этому гетманскіе универсалы разсматривали служебную повинность шляхтичей, которымъ подтверждались ихъ имѣнія, какъ простое продолженіе старыхъ порядковъ, и выставляли требованіе, чтобы владѣльцы имѣній, подобно тому, какъ они раньше «отправовали въ войску службу», такъ и теперь «повинность належную отдавали». Порою это требованіе ставилось и въ болѣе конкретной формѣ, нисколько не утрачивая при этомъ своей связи съ старымъ порядкомъ. Въ цитированномъ уже мною универсалѣ гетмана Многогрѣшнаго, данномъ любецкой шляхтѣ 21 марта 1670 г., подтвержденіе этой шляхтѣ ея земельныхъ владѣній мотивируется слѣдующимъ образомъ: «поневажъ (такъ какъ) оная шляхта любецкая яко од зачатое у войску войны за цѣлость добра посполитого (общенароднаго) заставлялася, такъ и теперь каждій шляхтичъ з службы [1]) своей, хто будетъ тихъ кгрунтовъ уживати, ведлугъ (согласно) стародавнего порадку на добромъ коню з риштункомъ (вооруженіемъ) военного козака, если не самъ, до боку нашого повиненъ будетъ выставляти, а которій бы не хотѣлъ шляхтичъ, пожиткуючи оними грунтами, военного з службы своей козака до боку нашого висилати, албо самъ на услугу войсковую виежжати, таковій кождій од держания кгрунтовъ одпадатиметъ» [2]). Дѣйствительность, однако, далеко отвела сохранившихся въ Малороссіи шляхтичей отъ того стараго порядка, о которомъ напоминали и на который ссылались гетманскіе универсалы. Если военная служба шляхтичей и не являлась новостью, то условія, въ которыхъ должна была теперь протекать эта служба, были совершенно новыми и влекли за собою важныя послѣдствія. Отбывая службу въ рядахъ «войска запорожского», уцѣлѣвшіе шляхтичи, слишкомъ малочисленные для того, чтобы составить собою особый классъ, неизбѣжно сливались съ этимъ «войскомъ» и такое сліяніе наступило на первыхъ же порахъ. При этомъ болѣе состоятельные и пользовавшіеся

---

[1]) «Служба» въ данномъ случаѣ означаетъ земельное владѣніе.

[2]) Румянцевская опись хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т 7.

вліяніемъ въ своихъ мѣстахъ шляхтичи заняли сотенные, а то и полковые «уряды», болѣе бѣдные и незамѣтные затерялись въ массѣ рядового козачества, но тѣ и другіе одинаково оказались сравненными съ козаками, и единственнымъ въ сущности отличіемъ, выдѣлявшимъ ихъ изъ рядовъ послѣднихъ, оставалось обладаніе имѣніями, подтвержденными шляхтичамъ гетманскими универсалами.

Что же, однако, представляли собою самыя эти имѣнія? Въ исторической литературѣ такимъ знатокомъ исторіи Малороссіи, какъ покойный А. М. Лазаревскій, неоднократно и весьма категорически высказывалось мнѣніе, что въ тѣхъ универсалахъ, которые выдавались Богданомъ Хмельницкимъ на имѣнія отдѣльнымъ лицамъ, рѣчь шла всегда исключительно о землѣ, но никакъ не о правѣ на крестьянскій трудъ. «Въ универсалахъ Хмельницкаго и Выговскаго, — писалъ А. М. Лазаревскій въ одномъ изъ первыхъ своихъ трудовъ, — нѣтъ упоминанія о «послушенствѣ» крестьянъ». Универсалы съ упоминаніемъ такого «послушенства» — писалъ и подчеркивалъ онъ въ одной изъ послѣднихъ работъ — «Богданъ Хмельницкій выдавалъ *только монастырямъ*» [1]). Но какъ ни категоричны эти утвержденія покойнаго историка, съ ними нельзя согласиться. Выше мы видѣли уже одинъ фактъ, стоящій въ противорѣчіи съ такими утвержденіями. Подтверждая шляхтичу Носачевичу землю, на которой поселилась слобода Ройская, Хмельницкій вмѣстѣ съ тѣмъ обязалъ жителей этой слободы уплачивать десятину Носачевичу. Можно указать и другой, болѣе яркій фактъ, еще рѣзче противорѣчащій приведеннымъ утвержденіямъ. Укрѣпляя универсаломъ 26 іюня 1656 г. за Юріемъ Бакуринскимъ имѣнія его отца, Хмельницкій заканчивалъ свой универсалъ такими словами: «грозно приказуемъ, ижби (чтобы) якъ полковникъ чернѣговскій, старшина полковая, сотники, атаманы, такъ и нѣхто другій ему Бакуринскому не важился чинити жадное перешкоди (никакой помѣхи), войти зась и посполитіе всѣхъ тихъ вышшеписанныхъ селъ абы ему, Бакуринскому, всякое подданическое послушенство отдавали, мѣти хочемъ и грозно приказуемъ» [2]). И, если въ другихъ сохранившихся до нашего времени универсалахъ Богдана Хмельницкаго, данныхъ отдѣль-

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне, с. 19; его же, Замѣчанія на историческіе монографіи Д. П. Миллера, с. 6.

[2]) Румянцевская опись, хранящаяся в библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 7, л. 620—об.

нымъ лицамъ на ихъ имѣнія, и нѣтъ столь же ясныхъ и опредѣленныхъ упоминаній о «подданическомъ послушенствѣ» крестьянъ, то все содержаніе этихъ универсаловъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что такое «послушенство» прямо подразумѣвалось ими. Владѣльцамъ подверждались и давались въ этихъ универсалахъ не просто земли, а «маетности», «села» и «деревни» со всѣми къ нимъ «принадлежностями» и со всѣми ихъ доходами, или «пожитками». И какъ гетманъ, подтверждавшій и дававшій эти села и деревни, такъ и получавшіе универсалы владѣльцы, несомнѣнно, имѣли при этомъ въ виду «маетности» стараго типа, въ составъ «пожитковъ» съ которыхъ входилъ обязательный трудъ крестьянъ. Юрій Бакуринскій не могъ представлять, — и, конечно, не представлялъ собою, — въ этомъ случаѣ единичнаго исключенія. Такое же, какъ онъ, право на крестьянское «послушенство» сохранили за собою и всѣ другіе владѣльцы уцѣлѣвшихъ шляхетскихъ имѣній.

Сохранивъ за собою право пользованія крестьянскимъ трудомъ внутри имѣній, владѣльцы послѣднихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили въ своихъ рукахъ и право свободнаго распоряженія самыми имѣніями. Послѣднія не только переходили по наслѣдству, но и передавались владѣльцами по завѣщанію, отдавались въ приданое за дочерьми, продавались на сторону и отдавались въ даръ, и всѣ эти акты распоряженія совершались вполнѣ безпрепятственно. Дем. Кондр. Унучко-Посудевскій завѣщалъ слободку Веркіевку «въ вѣчное владѣніе» своей дочери Жиляховской [1]). Шляхтянка Грязная «добровольнымъ записомъ» отдала с. Суличовку своей дочери и ея мужу Мазапетѣ. Шляхтичъ Кохановскій, онъ же сотникъ Коханенко, вмѣстѣ со своей женой въ 1658 г. точно также отдали слободку Гучинъ своей дочери и ея мужу Мокріевичу. Шляхтичъ Носачевичъ съ сыновьями продалъ въ 1659 г. слободу Ройскую тому же Мокріевичу. «Якъ я тилко держалемъ и уживалемъ и на тое право мѣлъ, — писалъ онъ при этомъ въ своей купчей — такъ зъ людми и подданствомъ всѣ тіе грунта съ доброй своей волѣ пану Карпу Мокриевичу... на вѣчное и спокойное держане ему самому, малжонце и потомству его продалемъ» [1]). Въ 1665 г. игуменья Аѳанасія Салтановна Юдицкая, вдова шляхтича Саломѣя, отдала Кіево-Печерской Лаврѣ свои имѣнія въ Черниговщинѣ. «Тѣ мои всѣ вотчины и маетности, —

[1]) Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниг. полка, № 193.
[2]) Тамъ же, № 106.

писала она, — Вишенки, Радичевъ, Иванковъ, Мезинъ и ихъ всѣ принадлежности, села, люди, земли, дубровы, озера и рѣки, мельницы, рудни, дани, угодья и всякіе пожитки со всѣмъ вовсе на хвалу Господу Богу и въ честь пресвятой Богородице и преподобнымъ отцемъ печерскимъ нашимъ, за мое же и сродниковъ моихъ всѣхъ живыхъ и усопшихъ спасеніе, надала есми и вѣчно отъ сего дня... лаврѣ Печерской Кіевской и въ ней нынѣ и впредь живущимъ всечестнымъ архимандритомъ и всей братіи записую и поступаюсь»[1]). Передавались и переходили изъ рукъ въ руки во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, опять-таки не только земли, но и «люди» съ лежащимъ на нихъ «подданствомъ».

Такимъ образомъ въ освободившейся отъ польскаго владычества и начинавшей новую эпоху своего существованія Малороссіи сохранились все же и помѣщики въ лицѣ уцѣлѣвшихъ въ рядахъ козацкаго войска шляхтичей, и зависимые отъ нихъ крестьяне въ ихъ имѣніяхъ. Эти шляхетскія имѣнія, разбросанныя небольшими островками среди массы другихъ поселеній, успѣвшихъ совершенно освободиться отъ прежнихъ своихъ владѣльцевъ, представляли собою какъ бы обломокъ стараго порядка, уцѣлѣвшій въ новомъ строѣ. Правда, по своимъ размѣрамъ этотъ обломокъ былъ очень невеликъ. Но рядомъ съ нимъ сохранился и другой, гораздо болѣе значительный по размѣрамъ, остатокъ стараго порядка. Этимъ другимъ остаткомъ были монастырскія владѣнія.

V

Православные монастыри Малороссіи въ моментъ, непосредственно предшествовавшій возстанію Богдана Хмельницкаго, были крупными помѣщиками, владѣя значительными имѣніями на обоихъ берегахъ Днѣпра. И, когда малорусское крестьянство поднялось на зовъ Хмельницкаго противъ своихъ пановъ, волна народнаго возстанія захлестнула и монастырскія маетности, раздѣлившія общую судьбу панскихъ имѣній. Особенно сильно пострадалъ при этомъ Густынскій Прилуцкій монастырь, сумѣвшій, очевидно, передъ тѣмъ вызвать противъ себя большое ожесточеніе въ окрестномъ населеніи. По крайней мѣрѣ, среди послѣдняго

[1]) Акты Ю. и З. Р., VIII, № 43, стр. 150—1.

послѣ первыхъ же побѣдъ Хмельницкаго нашлись «своевольцы», которые «монастиръ разграбовали и чернцовъ окрутне мордовавши били, а иныхъ въ смерти побили» [1]). Въ другихъ мѣстахъ волненіе не выливалось въ такія крайнія формы, но все же серьезно угрожало, если не жизни, то имущественнымъ интересамъ монаховъ. Монастырскимъ управляющимъ приходилось укрываться отъ волновавшагося населенія, монастырскіе лѣса и поля захватывались крестьянами, отказывавшимися вдобавокъ отъ какого бы то ни было «послушенства», а въ монастырскихъ селахъ, какъ и во всѣхъ другихъ, безпрепятственно формировались козацкіе отряды, въ которые свободно вступали вчерашніе «подданные», тѣмъ самымъ окончательно выходя изъ-подъ власти монастырей. Идя по этому пути, возстаніе обѣщало закончиться полнымъ освобожденіемъ монастырскихъ крестьянъ и монахи засыпали Хмельницкаго жалобами, создававшими для него тѣмъ болѣе трудное положеніе, что официальнымъ лозунгомъ возстанія являлась защита угнетенной поляками православной вѣры. Правда, сами монастырскія власти въ своихъ дѣйствіяхъ не особенно стѣснялись этимъ лозунгомъ. Въ самый разгаръ борьбы малорусскаго народа съ польскимъ владычествомъ они были больше всего озабочены сохраненіемъ своихъ земельныхъ владѣній и, во время Хмельницкаго, какъ и послѣ него, при всякомъ успѣхѣ польскаго оружія готовы были прежде всего выпрашивать охранныя и подтвердительныя грамоты у польскаго правительства, совершенно такъ же, какъ при иномъ оборотѣ дѣлъ выпрашивали подобныя грамоты въ Москвѣ и у козацкаго гетмана.

Какъ бы то ни было, Хмельницкій на первыхъ же шагахъ побѣдоноснаго возстанія былъ осажденъ жалобами монаховъ, горько сѣтовавшихъ на то, что козаки, возставшіе за поруганную правую вѣру и объявляющіе себя покровителями православной церкви, сами разоряютъ имущества этой церкви и тѣмъ подрываютъ ея благосостояніе. И вождь возстанія какъ нельзя болѣе близко принялъ къ сердцу эти жалобы и какъ нельзя болѣе энергично отозвался на нихъ. И самъ Хмельницкій, и его полковники пустили въ ходъ чрезвычайно рѣшительныя мѣры для возстановленія прежняго порядка въ монастырскихъ имѣніяхъ. Уже въ іюнѣ 1648 года Хмельницкій приказалъ прилуцкому сотнику и атаману поймать и покарать своевольниковъ, разграбившихъ

---

[1]) Изъ актовой лѣтописи, составленной монастыремъ въ 1765 г. См. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, 395.

Густынскій монастырь, и тогда же далъ монахамъ послѣдняго особый универсалъ, воспрещавшій кому бы то ни было чинить «кривды» въ монастырскихъ имѣніяхъ. Когда въ слѣдующемъ году крестьяне принадлежавшаго Густынскому монастырю села Мацѣевки вышли изъ повиновенія монахамъ, Хмельницкій, по жалобѣ послѣднихъ, предписалъ прилуцкому полковнику, чтобы онъ «козаковъ и селянъ Мацѣевскихъ смирилъ, которіе непослушни монастырю»[1]). Не менѣе рѣшительно охраняли подъ воздѣйствіемъ Хмельницкаго монастырскія имѣнія и его ближайшіе помощники. «Вамъ, обывателямъ Бабскимъ, и посторонннимъ — писалъ наказный гетманъ Иванъ Золотаренко въ своемъ универсалѣ 14 іюня 1654 г. — приказуемъ суровимъ нашимъ писаніемъ, ижбы господиномъ отцемъ законникамъ монастира Макошинского жадной найменшой кривди въ грунтахъ монастирскихъ чинить не важилися подъ горломъ на каждого таковогo противного тому писанію нашому, гдижъ (такъ какъ) таковое мѣемъ росказаніе отъ его милости пана гетмана Богдана Хмелницкого, абысмо того стеригали найбарзѣй, абыся жадніе кривди и перепоны въ грунтахъ монастирскихъ не дѣяли. Позволяемъ тежъ велебнимъ господиномъ отцемъ монастира тамошнего законникомъ кождого противного до полковника нашего наказного отсилати, прето таковой горломъ каранъ быти имѣетъ ведлугъ (согласно) росказания нашого»[2]). Подобнымъ же образомъ кіевскій полковникъ Павелъ Яновичъ Хмельницкій, охраняя владѣніе Межигорскаго монастыря въ с. Чернинѣ, писалъ въ своемъ универсалѣ 17 іюля 1655 г.: «которіе бы мимо унѣверсалъ его милости пана гетмана, добродѣя моего, въ пожиткахъ Чернинскихъ найменшую перешкоду капитуле монастыря Межигорскаго чинить мѣли и втикатсе хотѣли, таковій кождій не чимъ иншимъ, иле горломъ каранъ буде, иначе не чинечи»[3]). Продолжая ту же традицію, Выговскій въ свое гетманство выдалъ 16 ноября 1658 г. Батуринскому монастырю универсалъ, въ которомъ, воспрещая самовольныя порубки въ монастырскихъ пущахъ, требовалъ, «абы жаденъ (никто) и ногою не вступивъ у монастырскіе грунта».

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 395.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ Архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевского университета, № 1616—25. Цитированный универсалъ здѣсь въ позднѣйшей копіи въ декретѣ 1735 г. полковой черниговской канцеляріи по дѣлу Макошинскаго монастыря съ козаками с. Бабы.

[3]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. VIII, № 8.

«Не тилко — прибавлял он — дуба зрубати, але и прута вирубати не позволяемъ подъ зарукою тысечи копъ; а хто бы былъ въ томъ спречнимъ бунти своеволнiи подiймати, на церковь Божiю черничиковъ похвалки на забойство, такового приказуемъ горломъ карати, иначей не чинячи» [1]).

Такъ энергично водворяя спокойствiе среди монастырскихъ крестьянъ и охраняя монастырскiя земельныя имущества отъ всякихъ покушенiй на нихъ со стороны окрестнаго населенiя, Хмельницкiй и его ближайшiе сподвижники не менѣе энергично противились уменьшенiю числа «подданныхъ» въ имѣнiяхъ православныхъ монастырей. Даже въ самомъ началѣ возстанiя, когда для Хмельницкаго были особенно важны и цѣнны всѣ прибывавшiя къ нему силы, онъ не оставался глухъ къ жалобамъ монаховъ на такое уменьшенiе, происходившее благодаря вступленiю монастырскихъ «подданныхъ» въ ряды поднявшагося на войну козачества. Уже въ iюнѣ 1648 года онъ выдалъ Густынскому монастырю универсалъ, которымъ «запретилъ, дабы подданныхъ монастырскихъ въ козаки не принимано» [2]). Въ концѣ того же года подобный универсалъ былъ данъ имъ и Дѣвичьему Печерскому монастырю. «Листомъ моимъ гетманскимъ и владзою нашею гетманскою — писалъ здѣсь Хмельницкiй — сурово напоминаемъ, абысте, яко вы, подданные, такъ и тѣе, которые съ охоты своее подъ тотъ часъ въ козачество, не хотячи

---

[1]) Чтенiя въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. V, Акты по исторiи монастырскаго землевладѣнiя въ Малороссiи, сообщенные А. М. Лазаревскимъ, с. 57. Малорусская «копа» равнялась 50 копѣйкамъ; 1000 копъ — 500 р.

[2]) Лазаревскiй, Описанiе старой Малороссiи, т. III, с. 395. До насъ сохранился самый универсалъ. Онъ гласитъ такъ: «Богданъ Хмельницкiй гетманъ з войскомъ Его Кор. млти Запорозскимъ. Всѣмъ вобецъ и кождому з особна, кому о томъ вѣдати будетъ належало, а меновите козакомъ войска нашего, въ Прилуце будучимъ: жадали отъ насъ господинове отцове монастыра общежителного Густинского, ижъ, маючи отъ благочестивыхъ князей и пановъ побожныхъ христiянскихъ ктиторовъ на церковь Божiю и на хвалу имени его святого надане за отпущенiе грѣховъ своихъ не мало кгрунту для выхованя мешкаючихъ при томъ святомъ мѣсцу, чого оны, приспособивши собѣ старанемъ и працею своею кгрунту и хутора, а при немъ и для помочи своей приспособили людей убогихъ меновите на Мацкевцѣ, прето просили насъ, *абы з ихъ кгрунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не прiймовали* и ихъ кгрунтовъ, такъ лѣсовъ, яко и сѣножатей и пасѣкъ без жадныхъ перешкодъ и турбацiй. *Што мы на ихъ прозбу, яко богомолцовъ своихъ вцале, безъ жадного нарушеня заховуемо под ласкою нашею. А хто бы мѣлъ онымъ през сей нашъ листъ перешкоду и кривду чинити, теды мы таковoго яко незбожного и непрiятеля церкви Божiя, карати росказуемъ.* На што мы сей нашъ листъ подъ печатю войсковою и съ подписомъ руки нашое власное даемъ. Писанъ въ Чегеринѣ, дня 2 iюля року 1648. Богданъ Хмелницкiй гетманъ рукою власною». Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библiотеку Кiев. ун-та, —1616—977.

до того монастыря работы отправляти, удалилися, честной законницѣ госпожѣ Магдалинѣ Бѣлецкой, игуменьѣ Кіево-Печерской, и всѣмъ сестрамъ того же монастыря послушны были и повинности и работы всякіе отправляли, постерегаючи на себе войскового карания, бо мы со всимъ войскомъ не хочемъ отъ монастыря, особливо отъ убогихъ законницъ, подданныхъ отыймовати. Дастъ Богъ на услугу войсковую охочихъ и безъ людей церковныхъ. А если росказаню и листу нашому хто изъ васъ спротивится, таковый, яко войсковый непріятель и зневажачъ листу нашого, горломъ караный будетъ»[1]). Даже тѣ изъ монастырскихъ крестьянъ, которые успѣли уже вступить въ козацкіе отряды и совершить вмѣстѣ съ ними первый побѣдоносный походъ, обязывались, такимъ образомъ, подъ страхомъ смертной казни вернуться въ ряды монашескихъ «подданныхъ» и на будущее время всѣмъ этимъ «подданнымъ» закрывался выходъ изъ ихъ состоянія. Въ имѣніяхъ православныхъ монастырей вождь возстанія соглашался всей силою своей власти поддерживать старый порядокъ, тотъ самый порядокъ, противъ котораго, въ мысляхъ народной массы, и было направлено все возстаніе.

Но съ ростомъ успѣховъ возстанія для монаховъ этого оказалось уже мало. Побѣды Хмельницкаго раскрывали передъ ними другія, болѣе заманчивыя перспективы въ смыслѣ возможности не только упроченія, но и расширенія имущественнаго благосостоянія существовавшихъ въ краѣ православныхъ монастырей. Побѣдоносная борьба козацкаго войска, провозглашавшаяся борьбой за угнетенную православную вѣру, давала, казалось, этимъ монастырямъ удобный случай вернуть себѣ находившіяся прежде въ ихъ владѣніи и почему-либо отнятыя поляками имѣнія, а, быть можетъ, пріобрѣсти еще и новыя изъ имѣній католическихъ монастырей. Къ Хмельницкому и посыпались просьбы въ этомъ смыслѣ и гетманъ опять-таки не остался равнодушенъ къ нимъ. «Поневажъ — писалъ онъ въ своемъ универсалѣ, данномъ 11 января 1651 г. кіевскому Братскому монастырю — всемогущею своею рукою десною Богъ и Сотворитель неба и земли сподобилъ мнѣ непріятелей и гонителей всходней православной церкви, матки нашей, ляховъ зъ Украины въ Польшу далеко прогнаты, стараніе маю пилное около благолѣпія церквей Божіихъ и о монастырехъ для размноженья хвалы Божой;

[1]) Акты З. Р., т. V, № 25.

а яко инымъ многимъ церквамъ и монастырямъ для поправы и выжевеня придавалемъ маетности лядскіе и млины, такъ монастыреви Богоявленскому Братскому Кіевскому домениканскіе маетности, а особливо село, названное Мостища... зъ всѣми принадлежными грунтами, полями, сѣножатьми, борами, лѣсами и всѣми млинами и пожитками подалемъ въ владзу и спокойное уживанье»[1]). Другимъ универсаломъ того же года Хмельницкій возвратилъ Кіевскому Пустынно-Никольскому монастырю земли, еще въ 1612 г. присужденныя ему люблинскимъ трибуналомъ, но оставшіяся во владѣніи кн. Вишневецкихъ, и при этомъ отдалъ монахамъ поселившееся здѣсь мѣстечко Чигринъ-Доброву съ окрестными селами. «Росказуемъ, — писалъ онъ — аби въ месте Чигринъ-Дуброви и селахъ, тамъ належачихъ, всѣ тіе, которіе колвекъ въ реестръ войска Запорожского не писаны, послушенство звиклое отдавали и, яко подданіе, повинности своей досить чынили и ни в чемъ спречними и противними не были урядникамъ и старшинѣ, отъ игумена и капитули монастиря Николского посланимъ». Во всемъ этомъ — прибавлялъ Хмельницкій — для монастыря «козаки не маютъ бити перешкодою (не должны мѣшать) и овшемъ (напротивъ) радою и помочю, въ млини, аренди, шинки и иншие монастирские пожитки не втручаючися, бо предъ тимъ моремъ и землею справи своей шаблею поживение мѣли и церкви Божие надаряли»[2]). Не менѣе щедрый даръ получилъ нѣжинскій монастырь Рождества Богородицы: Хмельницкій далъ ему м. Салтыкову Дѣвицу съ селами Блистовой, Стольной, Волосковичами и Степановкой и бывшее передъ тѣмъ во владѣніи доминиканскихъ монаховъ мѣстечко Мринъ съ селами его волости[3]). Подобнымъ же образомъ одарены были и нѣкоторые другіе монастыри.

Моментъ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ далъ монастырямъ случай выступить съ своими просьбами и притязаніями уже не передъ козацкимъ гетманомъ, а передъ московскимъ царемъ, и они не замедлили воспользоваться этимъ случаемъ. Въ 1654 г. въ Москву явились посланцы кіевскаго митро-

---

[1]) Памятники, изд. Врем. Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, II, отд. I, № 18, сс. 210—12.

[2]) Харьковскій Историческій Архивъ, Архивъ Малороссійской Коллегіи, Черниговскій отдѣлъ, № 3658.

[3]) Акты Ю. и З. Р., V, № 7 XX, с. 25; Документы монастырей, перед. изъ архива Черн. Каз. Палаты въ 6—ку Кіевскаго ун—та, № 1616-2287 и слѣд.; см. также Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 50.

полита и монастырскихъ властей — просить у московскаго государя для кіевскихъ монастырей подтвержденія находившихся въ ихъ владѣніи имѣній и пожалованія новыхъ. Мотивами для такого пожалованія указывалось и то, что монастырскія имѣнія разорены войной, и то, что у монастырей пропали за нѣкоторыми польскими панами данныя имъ взаймы деньги. «Адамъ Кисель, бывшій воевода кіевскій, виноватъ намъ — писалъ, напримѣръ, въ своей челобитной намѣстникъ кіевскаго Братскаго монастыря — денегъ нашихъ золотыхъ 60.000, сирѣчь 10.000 рублей московскихъ, не отдалъ намъ тѣхъ денегъ и умеръ, и далъ намъ былъ малъ городъ Новоселки и три деревни, которые, и егда аще не опустѣли, едва 5.000 р. стоили, а нынѣ, войною тою разорены, опустѣли тако, яко едва двадесять есть крестьянъ въ той отчинѣ, отнюду же ни корму имѣти не можемъ, но скитающеся и милостыни просяще едва пищу пріобрѣтати худую возможемъ. Молимъ убо прилежно, изволи царское ваше величество насъ пожаловати, ту отчину опустѣлую Новоселки нашу намъ своею царскою грамотою утверди и за тѣ наши монастырскіе деньги 10.000 р., что намъ Адамъ Кисель виноватъ не отдалъ, его которое имѣніе и отчину, здѣ по немъ оставшую, городъ Мену, пожалуй и своею грамотою утверди, да оттуду возможемъ питатися». На такомъ же основаніи Братскій монастырь просилъ отдать ему г. Ржищевъ, часть котораго раньше принадлежала пану Вороничу, также не уплатившему своего долга монастырю [1]). Крестьяне, освободившіеся отъ своихъ владѣльцевъ, въ глазахъ монаховъ, очевидно, продолжали оставаться панскимъ имуществомъ, на которое могло быть обращено взысканіе за долги прежняго владѣльца. Въ свою очередь Пустынно-Никольскій монастырь, прося отдать ему всѣ имѣнія, на которыя у него есть старыя права, но которыми въ настоящее время «по изгнанію ляховъ Богданъ Хмельницкій, гетманъ вашего царскаго величества запорожскій, обладаетъ», увѣрялъ, что Хмельницкій и самъ очень хочетъ вернуть эти имѣнія монастырю, только «безъ повелѣнія вашего царскаго величества отдати не дерзаетъ» [2]).

Московское правительство однако отнеслось къ этимъ просьбамъ съ нѣкоторою осторожностью. Оно рѣшительно отказалось впредь до предполагавшейся переписи Малороссіи

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 16, с. 731.
[2]) Тамъ же, сс. 745—6, 753—4.

жаловать монастырямъ новыя имѣнія и ограничилось тѣмъ, что подтвердило кіевскому митрополиту и монастырямъ тѣ имѣнія, которыя въ этотъ моментъ находились въ дѣйствительномъ ихъ владѣніи. Разрѣшая въ этихъ имѣніяхъ «доходы всякіе, которые съ тѣхъ маетностей сбирывали и нынѣ сбираютъ, имати по прежнему», московское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ, по просьбѣ монастырей, запретило своимъ кіевскимъ воеводамъ вступаться въ судъ надъ населеніемъ монастырскихъ имѣній. «И какъ къ вамъ — говорилось въ отправленной воеводамъ по этому поводу царской грамотѣ — ся наша грамота придетъ, и кто вамъ учнетъ бить челомъ на митрополичьихъ домовыхъ всякихъ людей и на крестьянъ и Печерскаго монастыря и иныхъ монастырей на слугъ и на крестьянъ, и вы бъ ихъ отсылали къ митрополиту и въ монастыри, кто гдѣ судимъ, да ни въ какіе бы еще духовные дѣла не вступались, отсылали къ митрополиту» [1]).

Не успѣвъ увеличить свои владѣнія при помощи московской власти, монастыри вновь обратились съ своими просьбами на этотъ счетъ къ Богдану Хмельницкому. Послѣдній съ своей стороны и послѣ 1654 года не отказывался расширять монастырское землевладѣніе. Такъ, лубенскому Мгарскому монастырю онъ не только подтвердилъ всѣ прежнія его имѣнія, но и далъ земли, принадлежавшія раньше поселеннымъ въ Лубнахъ кн. Вишневецкимъ бернардинскимъ монахамъ, а заодно отдалъ «въ моць и послушенство» и людей, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ [2]). Макошинскій монастырь получилъ бывшія «панскія поля» въ менской сотнѣ Черниговскаго полка [3]). Густынскому монастырю Хмельницкій въ 1655 г. отдалъ третій поставъ въ мельницѣ, два постава въ которой были даны ему раньше кн. Вишневецкими, а черезъ два дня послѣ этого далъ цѣлое село. «Мы — писалъ онъ въ своемъ универсалѣ 17 мая 1655 г. — з побожности нашой село Половое, стоячое на кгрунтахъ монастыря Густинскаго, ферова-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., X, № 16, сс. 760—62; 761—64.

[2]) Лазаревскій, Историческіе очерки полтавской лубенщины XVII—XVIII вв. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора, кн. XI, отд. II, сс. 90, 96, 102, 103.

[3]) «П. сотнику Менскій, — писалъ 13 марта 1656 г. «полковникъ нѣжинскій и всего Сѣвера» Григорій Гуляницкій, — дошла намъ вѣдомость, ижъ нѣкоторые товариство и посполитие люде недавними часи поля пахають панские завоевание во всѣхъ трохъ рукахъ, теди ми зъ владзи полковнитства нашего приказуемъ, абися жаденъ не важилъ того заживать поля: далисмо до заживаня монастиру Макошинскому, а меновите черницамъ монастирскимъ, а повторе приказуемъ сурове, аби жадное перешкоди въ тихъ поляхъ нѣхто не важился чинити». Документы монастырей, переданные изъ Архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616—1408.

лисмо отцемъ, въ монастырѣ Густинскомъ будучимъ, на вижи-влене, въ которомъ селѣ обывателѣ зостаючие во всемъ абы были послушними монастыреви и вшелякую повынность без спорки жадное отдавали, тымъ писанемъ срокго напоминаемъ» [1]). Батуринскому Крупицкому монастырю Хмельницкій въ 1655 г. «для вшелякое ему даня помочи» отдалъ «зовсѣмъ вѣчисте» с. Хмыловъ, приказавъ тамошнимъ крестьянамъ, «абы игуменови Батуринскому и отъ его зосланому были послушными и во всемъ слухали безъ противенства жадного». «Варую а прошу и приказую, — приписывалъ гетманъ въ своемъ универсалѣ, — щомъ з волѣ нашей надалемъ, и по мнѣ наступаючимъ паномъ гетманомъ войска Запорозкого не отнѣмать, але еще потвержать, иначей не чинячи» [2]). Монастырю Межигорскому Хмельницкій еще въ декабрѣ 1655 года въ возмѣщеніе разореній, произведенныхъ въ монастырскихъ имѣніяхъ литовскими войсками, далъ «село Чернинъ з подданними въ уживане вѣчное». «Подданнимъ тамошнымъ росказуемъ, — писалъ онъ въ данномъ монастырю универсалѣ, — абыстеся (чтобы вы) во вшелякой повинности знайдовали и послушними мѣстцу святому Межигорскому были, иначей не чинечи, а непослушныхъ волно будетъ отцу ігуменови и чернцомъ того монастыря належачимъ карать, яко подданнихъ мѣстца святого, ведлугъ проступковъ ихъ» [3]). Въ 1655 г. кіевскій полковникъ Павелъ Яновичъ Хмельницкій, утверждая, согласно гетманскому универсалу, с. Чернинъ за Межигорскимъ монастыремъ, съ своей стороны вновь подтверждалъ: «а подданые, тамъ мешкаючіе, вшелякую повинность якъ з давныхъ часовъ паномъ отдавали, абы и теперъ въ той повинности своей велебному господину отцу ігуменови и всей капитуле монастыра Межигорского вымовними не были подъ каранемъ срокгимъ» [4]).

---

[1]) Тамъ же, №№ 1616—998 и 1616—979. Отданный монастырю третій поставъ («коло») мельницы шелъ до того «на аренду», и универсалъ Хмельницкаго поэтому прибавлялъ: «а щосмо одвернули коло отъ арендара, теды у нагороду того кола при експѣрованю аренды тому арендарови, що держить аренду, дефолкати (сдѣлать скидку) обецуемъ».

[2]) «Приказуемъ сурове, — заканчивалась эта приписка — яко отъ насъ посланнымъ, такъ и тамъ живучимъ козакомъ, аби жадней кривде не было онымъ людемъ, яко і велебному отцу ігуменови под карностю войсковою і зарукою тисяча злотихъ, и подводникомъ не давать». Тамъ же, № 1616—1462. Самый универсалъ этотъ напечатанъ А. М. Лазаревскимъ въ Чтеніяхъ Истор. Общества Нестора-лѣтописца, кн. V, отд. III, с. 54, но проведенная приписка къ универсалу въ печати опущена.

[3]) Румянцевская Опись, библіотека Кіевскаго Университета, Кіевскій полкъ Документы Остерской сотни, т. VIII, № 6.

[4]) Тамъ же, № 8.

Сохраняя за православными монастырями ихъ прежнія имѣнія и прибавляя къ нимъ новыя, удерживая въ рукахъ монаховъ право пользоваться «послушенствомъ» крестьянъ и карать непослушныхъ, Хмельницкій вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ за монастырями и другія владѣльческія привилегіи стараго порядка, въ частности — привилегіи, дававшія владѣльцамъ возможность въ извѣстныхъ случаяхъ пользоваться трудомъ и тѣхъ крестьянъ, которые не входили въ число ихъ «подданныхъ». Наиболѣе распространенная привилегія такого рода связана была въ Малороссіи съ владѣльческими плотинами (греблями), расположенными на проѣзжихъ дорогахъ. Починка такихъ плотинъ обычно представляла собою повинность окрестнаго крестьянскаго населенія, и въ монастырскихъ владѣніяхъ Хмельницкій, рядомъ частныхъ распоряженій, удержалъ эту повинность, обезпечивавшую собою существованіе доходныхъ монастырскихъ «млиновъ» (мельницъ), распространивъ ее въ отдѣльныхъ случаяхъ не только на свободныхъ крестьянъ и мѣщанъ, но и на козаковъ. «Селяномъ Боршнянскимъ, Дѣдовскимъ, Половянскимъ — писалъ, напримѣръ, онъ въ универсалѣ, выданномъ 15 мая 1655 г. Густынскому монастырю, — приказуемъ симъ нашимъ писанемъ, абысте (чтобы вы), якъ предъ симъ греблю монастырскую гатили, такъ и теперъ послушными были, а ежелибысте спротивными быти мѣлы писаню нашему и гребли направляти не хотѣлы, теды приказуемъ полковникови Прилуцкому, абы васъ сурово каралъ, а въ небытности наказному, и вину жебы на васъ бралъ» [1]). Въ другой разъ, подтверждая Батуринскому Крупицкому монастырю подаренный ему млинъ на р. Ромнѣ подъ с. Липовымъ, Хмельницкій въ своемъ универсалѣ требовалъ, чтобы «греблю тую всѣ направовали, якъ козакъ, такъ и мищанинъ, подъ ласкою нашею и зарукою 11 копъ до скарбу войскового» [2]). Подобные же универсалы получали отъ гетмана и другіе монастыри, обращавшіеся къ нему съ соотвѣтственными просьбами.

Такъ вождь возстанія прилагалъ съ своей стороны всѣ усилія, чтобы сохранить въ имѣніяхъ православныхъ монастырей тѣ порядки, противъ которыхъ боролись массы малорусскаго крестьянства, примкнувшія къ возстанію. Здѣсь, въ этихъ имѣніяхъ, и послѣ возстанія сохранилось привязанное къ своему

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-978.

[2]) Тамъ же, 1616-1451.

званію и не имѣвшее права выхода изъ него крестьянство; сохранилось право владѣльцевъ требовать отъ своихъ подданныхъ «послушенства», карать непослушныхъ и вообще судить крестьянъ своимъ вотчиннымъ судомъ; сохранялся, наконецъ, рядъ важныхъ привилегій крупнаго владѣльческаго хозяйства. Поставленныя, такимъ образомъ, монастырскія имѣнія представляли собою настоящій обломокъ стараго порядка, но притомъ обломокъ несравненно болѣе значительный, чѣмъ уцѣлѣвшія шляхетскія владѣнія. Въ конечномъ счетѣ возстаніе, благодаря усвоенной его главарями политикѣ, не только не ослабило монастырскаго землевладѣнія, но, наоборотъ, значительно расширило и площадь земель, находившихся въ обладаніи монастырей, и количество крестьянъ, подчиненныхъ ихъ власти. Въ Кіевѣ и въ лѣвобережной Малороссіи, оставшихся за Москвою по Андрусовскому договору и составившихъ собою территорію собственно гетманщины, насчитывалось въ половинѣ XVII вѣка болѣе трехъ десятковъ православныхъ монастырей и большинство ихъ владѣло нѣсколькими селами. Общее же количество монастырскихъ селъ и деревень доходило до нѣсколькихъ сотъ и вдобавокъ эти села и деревни были разбросаны по всѣмъ десяти полкамъ лѣвобережной Малороссіи, образуя и на сѣверѣ, и на югѣ ея одинаково замѣтную величину.

Стихійный порывъ народныхъ массъ, вылившійся въ форму возстанія противъ польскаго владычества и опрокинувшій вмѣстѣ съ послѣднимъ и старый соціальный порядокъ, не уничтожилъ такимъ образомъ этого порядка совершенно. Отъ него сохранились кой-какіе остатки въ видѣ уцѣлѣвшихъ шляхетскихъ и монастырскихъ владѣній и населявшихъ тѣ и другія группы зависимаго крестьянства. Но, конечно, и здѣсь эта зависимость не могла уже сохранить своего прежняго безусловнаго характера и проявлялась въ дѣйствительной жизни въ нѣсколько иномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, какъ пытались ее установить охранявшія эти владѣнія распоряженія гетманскаго правительства. Рядомъ съ зависимыми крестьянами стояли теперь неизмѣримо большія массы крестьянъ, совершенно освободившихся отъ помѣщичьей власти, и первымъ было настолько легко перейти въ ряды вторыхъ, что это не могло не отражаться на ихъ положеніи и не ослаблять ихъ зависимость отъ владѣльцевъ. Съ другой стороны, и въ тѣхъ селахъ, гдѣ сохранились старыя владѣнія, теперь, во всякомъ случаѣ, появилась новая группа населенія.

Несмотря на всѣ усилія Богдана Хмельницкаго, руководившагося въ своихъ дѣйствіяхъ соціальнымъ консерватизмомъ примкнувшихъ къ возстанію высшихъ слоевъ малорусскаго общества и старавшагося поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ задержать окозаченіе населенія, такое окозаченіе въ болѣе или менѣе сильной степени совершилось повсемѣстно. Даже въ селахъ, въ которыхъ до возстанія были только крестьяне, за время возстанія бокъ-о-бокъ съ ними образовались группы козаковъ, самымъ своимъ существованіемъ въ извѣстной мѣрѣ умалявшія права владѣльцевъ. Случалось даже, что наличность въ данной мѣстности большого числа козаковъ совершенно исключала возможность реальнаго осуществленія такихъ правъ и вслѣдствіе этого бывало, что монастыри, уже выпросивъ себѣ у Хмельницкаго подтвердительные универсалы на то или иное село, либо цѣлую группу селъ, до поры до времени не пользовались этими универсалами и оставляли ихъ мирно лежать въ архивахъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльческія права находили себѣ осуществленіе на практикѣ, окозаченіе части населенія неизбѣжно сокращало объемъ этихъ правъ. Такое сокращеніе, дѣйствительно, и произошло почти во всѣхъ владѣльческихъ «маетностяхъ», какъ шляхетскихъ, такъ и монастырскихъ. И для того, чтобы яснѣе представить себѣ, какъ оно совершалось на практикѣ и какія формы принимало, достаточно вглядѣться въ конкретныя подробности исторіи хотя бы одной изъ такихъ «маетностей».

Во второй четверти XVII вѣка, въ черниговскомъ воеводствѣ жила шляхтянка Екатерина Угорницкая, вдова черниговскаго скарбника, владѣвшая неподалеку отъ Нѣжина селами Лосиновкой и Обмышемъ. Въ своихъ владѣніяхъ она устроила женскій монастырь, а затѣмъ, уже передъ самымъ возстаніемъ Хмельницкаго, задумала основать и мужской монастырь. Съ помощью Кіево-Печерской лавры она и осуществила свое намѣреніе, устроила въ Омбышѣ мужской монастырь и передала ему свои имѣнія «з подданными, в преречоныхъ маетностяхъ... мѣшкаючими, з ихъ грунтами, пожитками и вшелякими повинностями». Въ свою очередь лавра, вѣдавшая этотъ Омбышскій монастырь, въ 1660 г. получила отъ польскаго короля Михаила подтвердительную грамоту на свои имѣнія, въ которую, между прочим, внесла и подчиненные ея монастыри, въ томъ числѣ Омбышскій, съ «даровизнами отъ разныхъ владѣльцовъ издревле надаными людми, подданными, боярами и ихъ повинностями (никого не выключая,

на грунтахъ монастырскихъ имѣющаго осѣдлость), службами, работами, чиншами, податми, доходами, десятинами» [1]). Дѣйствительныя отношенія въ Обмышѣ сложились, однако, нѣсколько иначе. «Передъ Хмѣлницкого войною, — разсказывалъ въ XVIII вѣкѣ со словъ своего отца одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, «бояринъ» Савка Грушевскій, — за владѣния въ селѣ Омбишѣ благочестивого пана Угорнѣцкаго и по его смерти вдовствуючой его паней Екатерины Угорнѣцкой, не бывало козаковъ, но все подданіе, якъ самой паней, такъ и монастиря Омбишского дѣвичого черницямъ повинность подданическую безъ противства исполняючіе, были; якъ же панѣ Угорницкая въ старости своей начала ослабѣвати, за порадою своихъ приятелей отдалася в вѣчную протекцию за архимандрита Іосифа Тризни Свято-Печерской обытели и, вручивши маетности свои Лосиновку и Омбишъ в вѣчное владѣніе, требовала и упросила, да и мужескій монастиръ былъ бы устроенъ, и по ей хотѣнию законники великого Печерского монастира прислани, монастирь устроенъ и хвала Божия исполнялась, и она, жиючи в обоихъ монастирахъ, законницъ и черцювъ пищею и одѣяниемъ удоволяла до войни Хмелницкого, въ которую, когда всюди подданіе не стали своихъ пановъ слухати, а в смерть вбивати, тогдѣ нѣкоторие и Омбищцѣ, запротивившися и не схотѣвши въ подданствѣ быти, хотѣли панюю Угорнѣцкую вбити, если бы старанием отца моего, Елиазара боярина, до Киева не втекла, а отецъ мой, боярско служачий, что мало его не вбыли, принужденъ всю худобу свою доволную оставити и з семею при единихъ толко душахъ за Днѣпръ утекти, откуду у одиннадцять ажъ лѣтъ когда до Омбиша отецъ мой пришовъ, худобу заставъ разрабованую (разграбленную) и пропалую и бувшихъ подданихъ заставъ при кияхъ козакуючихъ». Когда, — разсказывалъ тотъ же Грушевскій въ другой разъ, — «отецъ мой до Омбиша прійшовъ, означенныхъ самоволцовъ не при оружю, но с кіями, не в походѣ войсковомъ, но въ карчмахъ бушуючихъ позостававъ, въ монастырѣ дѣвичомъ не единой душѣ уже не знайшовъ, и той монастырець опустѣлъ, а в чернечомъ хочай и було скилко черцовъ, да належите нѣлзя було нерозишовшимися подданными владѣти за назвавшимися козаками, якіе насилно чрезъ лютую свою злобу панскими и людскими борами, лѣсами, полями, сѣнокосами

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, №№ 1616—1756 и 1616—1751.

и прочіими пахатними и непахатними грунтами и рыболовлями, отнимаючи, позавладѣвали» [1]).

То, что произошло въ Омбышѣ, съ нѣкоторыми лишь варіаціями происходило и въ другихъ мѣстахъ. Въ тѣхъ селахъ, гдѣ уцѣлѣли прежнія владѣнія, часть крестьянскаго населенія во всякомъ случаѣ вышла въ козачество и вмѣстѣ съ собою вывела изъ-подъ панской власти и свои земли. И владѣльцамъ имѣній приходилось волей-неволей мириться съ этими послѣдствіями возстанія. Въ томъ же Омбышѣ лаврскіе монахи только въ XVIII вѣкѣ собрались было доказывать, что въ этомъ селѣ вовсе не должно быть козаковъ, для чего и привлекли свидѣтельство Грушевскаго. Но, когда даже изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній выяснилось, что большинство переписавшихся здѣсь въ козаки крестьянъ, якобы только «съ кіями козаковавшихъ» и «въ корчмахъ бушевавшихъ», на самомъ дѣлѣ послѣ Хмельницкаго ходило, хотя и не регулярно, въ походы, монастырскія власти благоразумно рѣшили «о семъ до полкового правленія не удаватися». Точно такъ же и уцѣлѣвшимъ шляхтичамъ не удалось возстановить прежнихъ своихъ правъ въ полномъ объемѣ, а тѣ изъ шляхтичей, за которыми такія права не были признаны вскорѣ послѣ возстанія, и совсѣмъ утеряли ихъ, такъ какъ за это время успѣли вырости и найти себѣ признаніе новыя права. Дѣйствительно, когда затихли послѣдніе отголоски эпохи возстанія, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи нашлись и такія лица, которыя выступили съ притязаніями на земли во имя старыхъ шляхетскихъ правъ, остававшихся непризнанными за все предъидущее время, но эти притязанія встрѣтили рѣшительный отпоръ. Въ 1690 г. черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ обратился къ населенію своего полка съ особымъ универсаломъ, въ которомъ жаловался на непрестанную докуку, причиняемую ему земельными спорами, возникающими вслѣдствіе того, что «ославляючіися шляхтою, за антецессоровъ моихъ, прошлыхъ пановъ полковниковъ, черезъ всѣ мѣнущіе лѣта, не обзивалися до грунтовъ и не доходили ихъ, ажъ теперъ давнимъ шляхецкимъ правомъ, якъ передъ войною было, почали себѣ за отчизніе винаходити и трудности немалии чинити». При этомъ полковникъ сообщалъ, что, по совѣту съ полковой старшиной и «значнымъ войсковымъ товариствомъ», онъ для всѣхъ такихъ дѣлъ устанавливаетъ слѣдующее рѣшеніе:

---

[1]) Тамъ же, № 1616—1164.

такъ какъ со времени войны Хмельницкаго «волне и свободне помежи тими и на тихъ то шляхецкихъ грунтахъ пооседали селами войсковіе и посполитіе люде, а оніи тіи жъ шляхецкіе грунта запустѣліи зостали», другіе же отданы гетманскими универсалами «годнымъ особамъ», «теди на чомъ хто оседѣлъ зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описаннихъ прошлими часы и теперь сколко собою разробленихъ своихъ уживае и держить грунтовъ, а болше роспахати и разробити самъ не може, абы тимъ ся контентовали (довольствовались) и тѣе за власность свою мѣли». По отношенію же къ остальнымъ землямъ, «еще не разробленымъ и запустѣлымъ», которыя «за отчискіе собѣ шляхта звикла ославлювати и давнимъ шляхецкимъ правомъ граничити», полковникъ требовалъ, чтобы «ровне и спокойне зъ шляхтою и всякіе люде, якихъ хто може, каждіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе грунта посѣдали, розробляли и ку пожитковѣ своему безъ жаднихъ заводовъ и турбаціи приводили» [1]).

Въ свою очередь ограниченіе правъ владѣльцевъ имѣній въ пользу козаковъ находило себѣ не менѣе рѣшительное признаніе. Въ 1691 г. гетманъ Мазепа въ универсалѣ, обращенномъ къ кіевскому полковнику Мокіевскому, съ рѣзкимъ осужденіемъ отзывался о тѣхъ владѣльцахъ имѣній, которые, «вивѣдуючи о давнихъ грунтахъ, поляхъ и сѣножатехъ панскихъ, якие за лядское державі при дворцахъ бывали, а од першое войны славное памети гетмана Хмельницкаго пришли подъ область козацкую, смѣютъ оніе отъ козаковъ отнимати и приворочать подъ свою владзу». Вспоминая подвиги козаковъ въ войну Хмельницкаго, гетманъ утверждалъ, что «тиѣ отважники того и теперь заживати повинни, що имъ тогда шаблею и кровию загорнулось въ руки», и требовалъ, чтобы какъ свѣтскіе, такъ и духовные владѣльцы имѣній «козаковъ, здавна въ тихъ маетностяхъ мешкаючихъ, жадною и найменшою кривдою не домикали, и грунтовъ жаднихъ здавна ими завладѣнихъ, хочъ бы такъ доводилось, же (что) за державы польское панскими найдовались, отнимать онихъ не важились». Присваивать «давнія панскія» земли гетманъ разрѣшалъ владѣльцамъ имѣній только въ томъ случаѣ, еслибы эти земли «пусто, а не въ подѣлу и заживаню козацкомъ найдовались» [2]).

Такимъ образомъ уцѣлѣвшіе остатки стараго порядка, вліяя, конечно, въ извѣстной мѣрѣ на жизнь страны, въ то же время

[1]) Кіевская Старина, 1885, № 3, сс. 541—2.
[2]) Кіевская Старина, 1892, № 1, сс. 139—40.

сами находили себѣ нѣкоторыя ограниченія въ окружавшемъ ихъ новомъ строѣ, созданномъ возстаніемъ. Намъ пора теперь перейти къ этому строю и попытаться возстановить главныя его очертанія.

VI

Начиная свое возстаніе, Богданъ Хмельницкій едва-ли имѣлъ въ виду коренной соціальный переворотъ и, во всякомъ случаѣ, не выдвигалъ опредѣленныхъ плановъ полной и радикальной перестройки существовавшаго въ Украинѣ общественнаго уклада. Не выдвигалъ такихъ плановъ Хмельницкій, какъ мы видѣли, и позже, когда послѣ первыхъ одержанныхъ побѣдъ велъ переговоры съ польскимъ правительствомъ, и даже тогда, когда присоединялъ Украину къ Московскому государству. Расширить численность и права козачества, нѣсколько улучшить положеніе крестьянства и въ остальномъ сохранить въ неприкосновенности прежній сословный строй — такъ можно было бы формулировать соціальную задачу возстанія въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась Хмельницкому и окружавшей его козацкой старшинѣ. Но въ такой постановкѣ задачи возстанія скрывалось внутреннее противорѣчіе, дѣлавшее ее неразрѣшимой. И въ дѣйствительности она была разрѣшена иначе. Стихійная сила народнаго возстанія увлекла его вождей неизмѣримо дальше, чѣмъ они того хотѣли, и соціальный строй, водворившійся въ Малороссіи послѣ возстанія, оказался совершенно непохожимъ на тотъ, какой существовалъ въ ней въ моментъ, когда Богданъ Хмельницкій выступалъ изъ Запорожской Сѣчи въ первый свой походъ противъ поляковъ.

Прежде всего, высшій классъ стараго общества — шляхта — былъ, какъ мы уже видѣли, совершенно сломленъ бурей возстанія. Часть шляхтичей погибла отъ руки крестьянъ въ возставшихъ селахъ и деревняхъ Украины, часть бѣжала въ Польшу, а немногочисленные уцѣлѣвшіе шляхтичи не смогли уже удержать за собою положенія особой сословной группы и остатки шляхты растворились въ рядахъ козацкаго войска, къ которому они примкнули. Правда, нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ родовъ старой шляхты въ житейскомъ обиходѣ довольно долго и упорно сохраняли за собою свое прежнее имя. Еще въ первой и даже въ началѣ вто-

рой четверти XVIII вѣка встрѣчались отдѣльныя семьи, продолжавшія именовать себя «шляхтичами» и «земянами»[1]). Но не только въ эту болѣе позднюю эпоху, а и непосредственно послѣ возстанія это имя было уже однимъ только голымъ именемъ, за которымъ не стояло никакихъ реальныхъ правъ, являлось просто бытовымъ терминомъ, не связаннымъ ни съ какими юридическими понятіями. Тотъ же самый человѣкъ, который въ одномъ актѣ называлъ себя «шляхтичемъ», въ другихъ назывался по должности, какую онъ занималъ въ козацкомъ войскѣ, или, если не имѣлъ въ данное время никакой должности, именовался, смотря по степени того вліянія, которымъ онъ пользовался въ своей мѣстности, «значнымъ товарищемъ войсковымъ» или просто «войсковымъ товарищемъ». И эта послѣдняя терминологія вполнѣ отвѣчала существу дѣла. Дѣйствительно, такой «шляхтичъ», или «земянинъ» по своимъ правамъ нисколько не отличался отъ всякаго другого козака и шляхетскія семьи въ этомъ смыслѣ вполнѣ уравнивались со всѣмъ остальнымъ «товариствомъ». Даже больше того, — потомки нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ родовъ съ теченіемъ времени, опускаясь подъ давленіемъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ все ниже и ниже, перешли въ ряды крестьянъ или «посполитыхъ» и въ свою очередь попали въ положеніе «подданныхъ».

Такова была, между прочимъ, судьба довольно многихъ семей изъ числа той мелкой любецкой шляхты, которая во время возстанія присоединилась къ Хмельницкому и получила отъ него подтвержденіе своихъ земель. Въ 1723 г. жители с. Семаковъ въ жалобѣ, поданной ими замѣнявшему гетмана «администратору», разсказывали, что предки ихъ при польскихъ короляхъ «обще всѣ шляхта суща служили въ войску», а потомъ, «по испраздненіи пановъ польскихъ», служили въ сотнѣ любецкой, въ куренѣ Зубашиномъ, «на своихъ вѣкуистыхъ дѣдизныхъ добрахъ сидѣли и изъ тыхъ добръ войсковую службу отбывали». Когда же въ послѣдней четверти XVII вѣка черниговскимъ полковникомъ сталъ Яковъ Лизогубъ, онъ вкупился въ ихъ земли и «единого времени, при-

---

[1]) Въ 1714 г. Лук. и Ив. Пищики, «земляне любецкіе», продаютъ свой Пищиковскій грунтъ, на которомъ сами живутъ, полковнику черниговскому Павлу Полуботку. — Рум. Опись въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6. Въ 1726 г. «Тимохъ Стефановъ Величко, земянинъ любецкій, житель Бѣлоуса Евтуховаго», продаетъ свою землю въ с. Старыхъ Величкахъ — тамъ же, т. 7 и документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, №№ 1616—2748 и 1616—1356.

звавши до себе всѣхъ Семаковцовъ, заказалъ онымъ, абы его тилко двора смотрѣли, а подъ сотнею не служили, и оттолѣ, по малу-малу подбивши подъ власть свою, якъ хотѣлъ, уже зъ ними и поступовалъ, Семаковцами. Первѣе поборы бралъ по шостаку зъ нихъ, а потомъ и по другомъ, а далѣй рокъ отъ року (годъ отъ году) и по гривнѣ. Змершу же Іякову Лизогубу, насталъ сынъ его Евфимъ Лизогубъ полковникомъ черниговскимъ и сталъ такъ драти Семаковцовъ, же (что) перше бралъ по золотому, далѣй по другому, а на остатокъ по полтинѣ, кромѣ панщиною немѣрной тяготы бѣду отъ него терпѣли, а когда и Евфимъ померъ Лизогубъ, насталъ сынъ его, Семенъ Лизогубъ, надъ Семаковцами паномъ» [1]). Въ 1749 г. четверо жителей д. Скугаровъ жаловались въ генеральный войсковой судъ: «зъ начала де вступленія Малороссіи зъ польского владѣнія за гетмана Богдана Хмельницкаго подъ высокославную всероссійскаго престола державу вся любецкаго уѣзду шляхта при прежнихъ своихъ вольностяхъ, свободахъ и военской службѣ оставлена... во время же гетмана Мазепы какъ прочую любецкую шляхту, такъ де и ихъ Скугаровъ онъ, Мазепа, подвернулъ себѣ въ подданство, после жъ того прочіимъ владѣльцамъ роздалъ въ подданство, въ томъ числѣ и ихъ, Скугаровъ, умершому полковнику черниговскому Полуботку отдалъ, а Полуботокъ Антоніевскому монастырю Любецкому» [2]). Подобные же случаи происходили и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1742 г. Павелъ и Иванъ Добродѣи, жители д. Добродѣевки стародубовскаго полка, жаловались войсковому генеральному суду, что предки ихъ во время принадлежности Малороссіи Польшѣ были шляхтичами, а послѣ отдѣленія отъ Польши «стародубовскимъ полковникамъ наслуговали дворянско», самихъ же ихъ «въ свое подданство повернулъ», завладѣвъ предварительно ихъ землями, войсковой канцеляристъ Романъ Коншицъ. Произведенное слѣдствіе выяснило, что Добродѣи дѣйствительно шляхетскаго происхожденія, но дѣдъ ихъ убилъ дѣда Романа Коншица и за это убійство уступилъ сыну убитаго половину своихъ земель, а позднѣе Коншицы завладѣли остальными землями и самими Добродѣями [3]).

Такимъ образомъ, въ новой эпохѣ жизни Малороссіи сохра-

---

[1]) Румянцевскій Музей, Архивъ Маркевича, № 866; см. также № 965.

[2]) Протоколы войскового генеральнаго суда. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла бывшей Черниговской Палаты Угол. и Гражд. Суда, опись 17, связка 12, кн. 48, дѣло 275, л. 206.

[3]) Тамъ же, св. 7, кн. 37, д. 114, лл. 603 об. — 606.

нялось еще въ теченіе нѣкотораго времени прежнее имя шляхты, но этимъ именемъ обозначалось теперь лишь происхожденіе отдѣльныхъ семей и лицъ, не обладавшихъ никакими правами и не смыкавшихся въ обособленную сословную группу. Шляхта же, какъ особое привилегированное сословіе, какъ высшій классъ общества, послѣ возстанія Хмельницкаго исчезла изъ малорусской жизни.

Параллельно съ этимъ крупнымъ измѣненіемъ на верхней ступени общественной лѣстницы не менѣе существенныя перемѣны произошли и на нижнихъ ея ступеняхъ. И эти перемѣны не ограничивались тѣмъ, что главная масса малорусскаго крестьянства совершенно освободилась отъ панской власти и тѣмъ самымъ пріобрѣла себѣ личную свободу и гражданскія права. Одновременно съ этимъ исчезли и вообще рѣзкія грани, установленныя раньше закономъ между отдѣльными классами общества. При первыхъ же своихъ шагахъ возстаніе стерло такія грани и создало возможность свободнаго перехода изъ одной группы населенія въ другую. И эта возможность не была пріурочена только къ первому моменту возстанія, явившемуся вмѣстѣ съ тѣмъ моментомъ окозаченія значительныхъ массъ населенія, но сохранилась и позже. «А во всѣхъ полкѣхъ — сообщалъ о войскѣ Богдана Хмельницкаго присланный къ нему въ 1650 г. изъ Москвы Унковскій — письменныхъ казаковъ 40.000. А ко времени и мѣщане и уѣздные люди козаки»[1]). Мѣщане и крестьяне за все время возстанія свободно переходили въ ряды козаковъ, и одни только монастырскіе крестьяне встрѣчали затрудненія при такомъ переходѣ со стороны гетманской власти, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ онъ происходилъ совершенно безпрепятственно, тѣмъ болѣе, что такое окозаченіе населенія увеличивало военную силу возстанія. И это окозаченіе достигало такихъ размѣровъ, что не только во многихъ селахъ и деревняхъ, но и въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ все населеніе поголовно оказалось перешедшимъ въ козачество. Въ Стародубѣ, напримѣръ, московскіе люди, приводившіе въ 1654 г. населеніе Малороссіи къ присягѣ на вѣрность московскому государю, не нашли ни одного мѣщанина: всѣ здѣшніе мѣщане переписались въ козаки. Но, если такъ свободно совершалось вступленіе въ козачество, то не менѣе свободнымъ являлся и выходъ изъ него. Въ декабрѣ 1653 года московскіе гонцы,

[1]) Акты Ю. и З. Р., VIII, Прибавленія, № 33. VIII, сс. 351—2

посланные къ Хмельницкому, сообщали государю, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи имъ трудно было достать себѣ провожатыхъ изъ козаковъ, не смотря на помощь пристава: «онъ по козаковъ посылалъ, и козаки, государь, изъ городовъ не сбираются, его не слушаютъ, а иные, государь, за скудостью въ козакахъ быть не похотѣли и почали быть въ мѣщанехъ»[1]. И явленіе, отмѣченное московскими гонцами, не было ни мѣстнымъ, ни случайнымъ. Обѣднѣвшіе почему-либо козаки, не имѣвшіе болѣе возможности нести воинскую службу и отправлять походы съ «товариствомъ» ни сами, ни черезъ наймита, отказывались отъ дальнѣйшаго участія въ войскѣ, переходя въ ряды «посполиства» — мѣщанъ или крестьянъ, и такой переходъ въ свою очередь совершался безпрепятственно и представлялъ собою въ эпоху возстанія широко распространенное явленіе.

Съ окончаніемъ возстанія населеніе постепенно и распредѣлилось между этими двумя группами — «товариства», или козаковъ, и «посполиства», въ которомъ объединялись мѣщане и крестьяне, причемъ часть стараго мѣщанства и крестьянства, вышедшаго въ бурные годы возстанія въ ряды козачества, вновь вернулась въ прежнія свои группы. Такое распредѣленіе совершалось, однако, внѣ прямыхъ мѣръ воздѣйствія со стороны власти и въ основу этого распредѣленія легли по преимуществу соображенія экономическаго характера. «Якъ осѣли люде, — разсказывали въ 1729 г. старожилы одной изъ мѣстностей Стародубовскаго полка исторію своего села — тогда можнѣйшіе (болѣе зажиточные) пописалися въ козаки, а подлѣйшіе (болѣе бѣдные) осталися въ мужикахъ»[2]. То же самое происходило и въ другихъ мѣстахъ. Болѣе состоятельные въ экономическомъ отношеніи элементы населенія брали на себя требовавшую большихъ расходовъ, но зато освобождавшую отъ большинства другихъ повинностей по отношенію къ государству военную службу, менѣе состоятельные — оставались въ посполиствѣ или переписывалисеь въ него и несли на себѣ бремя повинностей, отъ которыхъ было избавлено козачество. Установившіяся такимъ путемъ группы населенія и въ дальнѣйшей своей жизни не замыкались и не обособлялись одна отъ другой. Между ними поддерживалось не-

---

[1]) Акты Ю и З. Р., X. № 3. XIX, с. 81.

[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка. Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго (теперь въ библіотекѣ Кіевскаго университета): л. 794, сказка жителей с. Горчаковъ.

прерывное общеніе и шелъ постоянный обмѣнъ людьми. Живя въ однихъ и тѣхъ же поселеніяхъ бокъ-о-бокъ съ мѣщанами и крестьянами, козаки вступали съ ними въ самыя разнообразныя отношенія, создававшія почву для такого обмѣна. Случалось, что козакъ, женясь на дочери мѣщанина или крестьянина, переходилъ во дворъ тестя и вмѣстѣ съ тѣмъ входилъ въ его группу, выходя изъ козаковъ. Случалось также, что крестьянинъ или мѣщанинъ, женясь на козачкѣ и поселясь во дворѣ ея отца, становился козакомъ. Но бывало также, что крестьянскій дворъ со вступленіемъ въ него зятя-козака переходилъ въ число козацкихъ, а козацкій при подобныхъ же условіяхъ становился крестьянскимъ. Не менѣе часто бывало, что козаки переходили въ крестьяне или «посполитые» и обратно внѣ всякой зависимости отъ родственныхъ связей, исключительно по соображеніямъ экномическаго характера. И случалось, что изъ двухъ отдѣльно жившихъ братьевъ одинъ былъ козакъ, а другой посполитымъ [1]).

Такой переходъ изъ одной группы населенія въ другую совершался тѣмъ легче, что по размѣру своихъ правъ онѣ оказались послѣ возстанія стоящими очень близко одна отъ другой. Не говоря уже о мѣщанахъ, и крестьяне пріобрѣли теперь всю полноту гражданскихъ правъ и, въ частности, сдѣлались полными собственниками своихъ земельныхъ участковъ. И это пріобрѣтеніе крестьянствомъ правъ земельной собственности было до такой степени полнымъ и всеобщимъ, что распространилось даже на тѣхъ крестьянъ, которые остались въ зависимости отъ уцѣлѣвшихъ въ странѣ помѣщиковъ—шляхтичей и монастырей. Въ тѣхъ самыхъ имѣніяхъ, которыя по традиціямъ стараго порядка, унаслѣдованнымъ новой эпохой, переходили по наслѣдству, завѣщались, дарились и продавались «со всѣми принадлежностями, съ подданными и съ ихъ землями», эти «подданные» являлись теперь собственниками земель, на которыхъ они сидѣли, и въ свою очередь обладали по отношенію къ нимъ неограниченнымъ правомъ отчужденія. Вслѣдствіе скудости источниковъ, сохранившихся отъ той эпохи, о которой у насъ идетъ сейчасъ рѣчь, мы не имѣемъ, правда, современныхъ этой эпохѣ свидѣтельствъ, достаточно ясно обрисовывающихъ только что указанныя отношенія. Но въ источникахъ немного болѣе поздняго времени встрѣчается немало

---

[1]) «Братъ мой былъ въ мужичьемъ тяглѣ, а я издавна всегда былъ въ услугахъ войсковыхъ, какъ и нынѣ», — писалъ въ 1678 г. гетману одинъ изъ жителей с. Розлетъ. Акты Ю. и З. Р., XIII. № 159. с 699.

эпизодовъ, бросающихъ яркій ретроспективный свѣтъ на эти отношенія.

Въ 1705 г. въ генеральномъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ Новгородсѣверскаго монастыря на козаковъ с. Мѣзина, скупившихъ часть земель у монастырскихъ посполитыхъ вопреки гетманскому универсалу, «грозно забороняючому» имъ такую покупку. Призванные къ отвѣту «Остапъ Ветохъ, атаманъ Мѣзинскій, съ товариствомъ», какъ записано въ рѣшеніи суда, «твердили тое, же (что) якъ намъ, мовитъ, козакамъ въ подданыхъ монастырскихъ, такъ взаемне и подданымъ монастырскимъ у насъ, козаковъ, вольно бывало всякіе грунта куповати и оными владѣти». Въ данномъ случаѣ судъ въ виду наличности спеціальнаго гетманскаго универсала, «грозно заказуючого, жебы они, козаки, въ тяглыхъ людей, подданныхъ монастырскихъ, а тяглые люде у ихъ, козаковъ, жадныхъ (никакихъ) грунтовъ куповати не важилися», не призналъ правомѣрными дѣйствія козаковъ и отсудилъ отъ нихъ спорныя земли [1]). Но еще въ началѣ XVIII вѣка бывали случаи, когда тотъ же генеральный судъ признавалъ за владѣльческими посполитыми право продажи ихъ земель на сторону. Въ 1702 г. генеральный судъ разбиралъ земельный споръ между Новгородсѣверскимъ Спасскимъ монастыремъ и «обывателькой новгородской» вдовой нѣкоего Гануса Стягайла. Въ этомъ спорѣ рѣчь, между прочимъ, шла о земляхъ, купленныхъ Ганусомъ Стягайломъ подъ монастырскимъ селомъ Ксендзовкой, и по отношенію къ этимъ землямъ судъ вынесъ такое рѣшеніе: такъ какъ вызванные свидѣтели «очне предъ судомъ сознали, же суть (эти земли) чрезъ него, Гануса, купленныя, то, яко право научаетъ, же купленные грунта даромъ ни у кого отнимованы быти не маютъ, такъ грунта тіи Ганусовы у вольномъ владѣнію и спокойномъ заживанию пани Стягайловой и сыновъ оной маютъ быти безъ перешкоды вѣчными часы». Между тѣмъ продавали Ганусу и обмѣнивали съ нимъ земли не кто иной, какъ подданые Новгородсѣверскаго монастыря и притомъ «безъ благословенія его милости господина отца архимандриты Новгородского» [2]). Судъ, однако, не усмотрѣлъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ ничего, что могло бы разрушить силу заключенной гражданской сдѣлки.

Продавая свои земли на-сторону, владѣльческіе посполитые

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616—2536.

[2]) Тамъ же, № 1616—2542, лл. 19 и 24.

порой продавали ихъ и собственнымъ владѣльцамъ. Въ 1733 г. нѣсколько жителей с. Грабова, подданныхъ Троицкаго Черниговскаго монастыря, засвидѣтельствовали передъ черниговскимъ магистратомъ, что «въ прошлыхъ старыхъ годахъ, чему будетъ лѣтъ больше пятидесяти», предки ихъ, подданные того же монастыря, продали ему часть своихъ земель за 200 р.; засвидѣтельствованіе это сдѣлавшіе его посполитые просили занести въ магистратскія книги, «чтобъ въ потомніе времена тая предковъ ихъ продажа обители была крѣпка и вѣроятна» [1]). Въ 1690 г. «войтъ съ громадой» селъ Соболевки и Малыхъ Лѣтковъ въ Кіевскомъ полку продали «пану Сергію Солонинѣ, хоружому нашему полковому и панови», свой собственный «ставокъ» подъ с. Малыми Лѣтками за двадцать золотыхъ (4 р.) и позволили занять здѣсь греблю и построить млинъ, на что и выдали свое «громадское писаніе». Въ послѣднемъ они при этомъ оговаривали, чтобы къ ихъ полямъ и сѣножатямъ, прилегающихъ къ проданному ставку, «панъ хорунжій жадною мѣрою не надлежалъ и до нихъ не втручался и къ себѣ не привлащалъ, бо самую только рѣку продаемо, а грунтовъ нѣтъ» [2]).

Сами владѣльческіе посполитые еще въ началѣ второй четверти XVIII вѣка считали, что они имѣютъ неоспоримое право собственности на предковскія земли, на которыхъ сидятъ, въ частности — могутъ сохранять эти земли за собою, выходя изъ-подъ власти владѣльца имѣнія, равно какъ могутъ продавать ихъ на сторону. И, встрѣчая препятствія въ такихъ дѣйствіяхъ, они, случалось, еще и въ это время обращались въ судъ или къ высшей власти страны, ища у нихъ возстановленія своего нарушеннаго права. Въ 1725 г. посполитый Тимохъ Нетягъ съ братьями, жившій передъ тѣмъ въ с. Хмелевкѣ подъ Стародубомъ, а оттуда перешедшій въ слободу Костобобръ, жаловался въ генеральную войсковую канцелярію на прежняго своего владѣльца, бывшаго стародубовскаго городничаго Паливоду, который, вытѣснивши своими притѣсненіями его и его братьевъ изъ Хмелевки, «не допустивши намъ никому нашихъ грунтовъ продавать, не только самъ завладѣлъ оными полями, сѣножатми, гаями и огородами, лечъ и будувлю (но и строенія) зъ дворовъ нашихъ собѣ позабиралъ,

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи наукъ, т. 6.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. III, № 310. Въ данномъ случаѣ дѣло происходило въ новомъ владѣніи: с. Соболевка дано было Солонинѣ гетм. Мазепой въ 1689 г. Ген. слѣдствіе о маетностяхъ Кіев. полка (Кіевъ, 1892), с. 7.

а иную въ винницѣ у себя попалилъ, жадной (никакой) намъ за тое не чинячи нагороды и платы». Нетягъ просилъ произвести розыски объ обидахъ, причиненныхъ ему Паливодой, «и грунта наши, неслушне (несправедливо) имъ завладѣніе, намъ возвратить, любъ оныхъ продать кому-нибудь не боронить»[1]). Подобную же претензію заявили въ 1731 г. нѣсколько посполитыхъ Жаровскаго хутора, принадлежавшіе гетману Апостолу. Въ поданной гетману челобитной они сообщали, что одни изъ нихъ еще въ 1715 г., другіе въ 1726 г. перешли въ «державу» Апостола изъ с. Жаровки, находившагося во владѣніи Полуботковъ, и все время послѣ этого перехода «владѣли грунтомъ своимъ Жаровскимъ и поля засѣвали». «А нынѣ — продолжали жалобщики — теперешнего времени зъ нашихъ грунтовъ на ихъ милостей пановъ Полуботковъ панщиною наше жито пожали и копы съ поля поперевожували въ с. Жаровку». Усматривая въ этомъ явное нарушеніе своихъ правъ, челобитчики просили гетмана вернуть имъ какъ хлѣбъ, снятый съ ихъ земли, такъ и самую землю [2]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльческіе посполитые осуществляли свое право собственности на земельные участки, на которыхъ они сидѣли, путемъ продажи этихъ участковъ другимъ посполитымъ того же владѣльца или ему самому, земля, по крайней мѣрѣ, не выходила изъ службы послѣднему. Иначе складывалось дѣло, когда посполитый уходилъ изъ «маетности», сохраняя за собою земельный участокъ, или же продавалъ этотъ послѣдній посполитому, не подчиненному данному владѣльцу, либо козаку. Въ этихъ случаяхъ интересы владѣльца имѣнія терпѣли прямой и существенный ущербъ и, тѣмъ не менѣе, еще въ началѣ XVIII столѣтія владѣльцы, даже жалуясь на убыточность для нихъ такого рода сдѣлокъ, не всегда рѣшались оспаривать ихъ правомѣрность. Въ 1712 г. архимандритъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря вмѣстѣ съ братіей послѣдняго обратился къ гетману Скоропадскому съ горькой жалобой на разнаго рода бѣдствія, испытываемыя монастыремъ. «Село Талалаевка — писали, между прочимъ, въ этой жалобѣ монахи — именемъ точію монастырское называется, а вещію многіе инніе владѣютъ господа, подъ которыхъ поподдававшися наши подданные

---

[1]) Харьковскій Историческій Архивъ Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 1070.

[2]) Тамъ же, № 12.540.

онымъ повинность отбуваютъ, а наши грунта монастырскіе пашутъ. Другіе наши же подданные позаводили то заставою (закладомъ), то продажою на сторону пахатные грунта, а сами то повходили, то знищали, откуду умалилось людей, що не на чомъ иншому сѣсти. Прикажи, ваша панская милость, тимъ вступити (уступить), а мы монастырскими грошми сплатимъ, а тіе, що подъ иншихъ власть повдавались, дабы знову монастыру послушные были»[1]). Указывая на убытокъ, какой принесла монастырю продажа посполитыми «монастырскихъ грунтовъ», монахи все же такимъ образомъ ходатайствовали только о разрѣшеніи выкупить проданныя земли, а не о безденежномъ ихъ возвращеніи, и лишь посполитыхъ, ушедшихъ въ другія владѣнія и продолжавшихъ пользоваться прежними своими землями, прямо просили вернуть въ послушенство монастырю.

Приведенные эпизоды конца XVII и начала XVIII вѣковъ, сохранившіе въ себѣ явственные отголоски правовыхъ воззрѣній предшествовавшей эпохи, позволяютъ составить достаточно ясное представленіе о тѣхъ порядкахъ, какіе водворились въ Малороссіи въ сферѣ правъ на землю даже въ уцѣлѣвшихъ владѣльческихъ имѣніяхъ непосредственно вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго. Крестьяне, населявшіе эти имѣнія, являлись теперь собственниками своихъ земельныхъ участковъ и могли не только передавать ихъ по наслѣдству, но и закладывать, продавать и вообще отчуждать всякими способами на-сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи лично свободными людьми, они могли въ любой моментъ уйти изъ имѣнія и порой, уйдя дѣйствительно изъ него, продолжали пользоваться прежними своими землями, а если не пользовались сами, то продавали ихъ, и притомъ продавали не только посполитымъ, но и козакамъ. Не трудно представить себѣ, какія серьезныя ограниченія вносилъ этотъ порядокъ въ права владѣльцевъ имѣній и какъ сокращалъ онъ въ практикѣ жизни эти послѣднія права. Въ практикѣ, — потому что въ теоріи существовало нѣчто другое. Въ самомъ дѣлѣ, вновь пріобрѣтенныя крестьянствомъ права не были закрѣплены за нимъ никакимъ общимъ законодательнымъ опредѣленіемъ и суды, и администрація въ тѣхъ случаяхъ, когда признавали ихъ, не могли въ сущности сослаться ни на какія ясныя положенія закона. Эти права опирались лишь на обычаѣ,

[1]) Румянцевскій Музей, Архивъ Маркевича, № 349.

создававшемся изъ всего хода вещей, изъ слабости уцѣлѣвшихъ въ странѣ владѣльцевъ имѣній и силы только что одержавшаго грандіозную побѣду крестьянства. Законы же страны — тѣ законы, которые были торжественно подтверждены ей въ результатѣ переговоровъ Богдана Хмельницкаго съ московскимъ правительствомъ, — говорили о другомъ порядкѣ, и именно о такомъ, въ составъ котораго входили широкая власть помѣщика надъ личностью зависимаго отъ него крестьянина и право собственности перваго на земли, находящіяся въ пользованіи второго. Соотвѣтствующія статьи Литовскаго Статута оставались не отмѣненными и не замѣненными никакимъ другимъ закономъ, какъ бы сохраняя всю свою силу. На практикѣ, однако, въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за возстаніемъ, оторвавшимъ Малороссію отъ Польши, примѣнять эти статьи не было возможности и не находилось охотниковъ ссылаться на нихъ. Онѣ оставались въ бездѣйствіи и между не отмѣненнымъ, но и не примѣняемымъ закономъ и дѣйствительнымъ теченіемъ жизни существовалъ глубокій разладъ.

Этотъ разладъ былъ лишь однимъ изъ частныхъ проявленій того общаго несоотвѣтствія, какое водворилось въ Малороссіи послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, между закономъ, взятымъ въ наслѣдство отъ старой эпохи, и дѣйствительною жизнью страны. Законъ стараго времени зналъ общество, раздѣленное на рѣзко разграниченныя сословныя группы. На дѣлѣ послѣ возстанія, какъ мы уже видѣли, общественныя группы частью слились, частью сблизились одна съ другой и между «товариствомъ» и «поспольствомъ», на которыя распалось теперь населеніе, между козачествомъ, мѣщанствомъ и крестьянствомъ не было никакой рѣзкой, непереходимой грани. Въ каждую изъ этихъ группъ открытъ былъ доступъ для членовъ другой и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ были близки одна къ другой по размѣрамъ тѣхъ правъ, какими обладали члены каждой изъ нихъ. Мѣщане и крестьяне, объединившіеся подъ именемъ «поспольства», наравнѣ съ козаками пользовались въ новомъ строѣ не только гражданскими, но и политическими правами. Складывавшійся, такимъ образомъ, общественный строй былъ много проще, самое общество — несравненно однороднѣе, чѣмъ это допускалось включенными въ число «правъ и вольностей» Малороссіи законами польскаго времени, и соотвѣтствующія части этихъ законовъ оставались опять-таки безъ примѣненія къ жизни. Разли-

чіе дѣйствительно существовавшихъ въ послѣдней общественныхъ группъ заключалось не столько въ объемѣ принадлежавшихъ ихъ членамъ правъ, сколько въ характерѣ лежавшихъ на нихъ обязанностей по отношенію къ государству. Военной службѣ козаковъ, дававшей имъ большую самостоятельность и нѣкоторыя хозяйственныя льготы, соотвѣтствовала финансовая служба поспольства, выражавшаяся въ разнаго рода платежахъ и повинностяхъ. Несеніе же того или иного вида службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и принадлежность къ той или иной общественной группѣ опредѣлялись, благодаря возможности перехода изъ одной группы въ другую, свободнымъ выборомъ каждаго лица, — выборомъ, въ основу котораго всего чаще ложились экономическія причины. Разорявшіеся почему-либо козаки, для которыхъ становилась черезчуръ тяжелой военная служба, спускались въ ряды посполитыхъ, а разбогатѣвшіе посполитые и мѣщане, нерѣдко, наоборотъ, стремились перейти и дѣйствительно переходили въ ряды козачества.

Тѣ же самыя экономическія причины создавали, конечно, извѣстное разслоеніе и внутри указанныхъ группъ. Въ частности, среди козачества на первыхъ же порахъ явственно обозначился особый разрядъ «значнаго товариства». Въ него вошли, прежде всего, старыя козацкія семьи, выдѣлявшіяся и раньше своею экономическою состоятельностью и своимъ вліяніемъ въ войскѣ. Въ дальнѣйшемъ къ нимъ примкнулъ рядъ семей и лицъ, которыя такъ или иначе выдвинулись за время долгихъ войнъ, сопровождавшихъ отдѣленіе Малороссіи отъ Польши, пріобрѣтя ли себѣ въ этихъ войнахъ значительныя имущественныя средства или успѣвъ оказать болѣе или менѣе серьезныя услуги «войску запорожскому». Сюда же вошли въ своемъ большинствѣ уцѣлѣвшіе въ странѣ остатки владѣльческой шляхты и нѣкоторые изъ прежнихъ «земянъ». Всѣ эти элементы, близкіе одинъ къ другому по своему хозяйственному положенію, образовали собою какъ бы особый, высшій разрядъ козачества. Но этотъ разрядъ въ свою очередь менѣе всего былъ замкнутой группой. По самымъ условіямъ своего образованія онъ обладалъ измѣнчивымъ и текучимъ составомъ, постоянно отдавая своихъ членовъ другимъ общественнымъ группамъ и воспринимая изъ нихъ въ себя новые элементы. Никакія правовыя опредѣленія не отграничивали его отъ остальной козацкой массы и выдѣлялся онъ изъ послѣдней лишь бытовыми условіями. Правда, память о

прежнихъ правахъ польской шляхты и наличность въ составѣ самого этого разряда бывшихъ шляхтичей не прошли совершенно безслѣдно для психологіи входившихъ въ него лицъ и уже довольно рано вызвали въ ихъ средѣ попытки прочнѣе закрѣпить свое положеніе путемъ пріобрѣтенія грамотъ на шляхетское или дворянское достоинство. Переходъ Выговскаго на сторону Польши сопровождался нобилитаціей части козацкихъ семей и обѣщаніемъ періодическаго повторенія такой нобилитаціи въ будущемъ. Въ свою очередь поѣздка Бруховецкаго въ 1665 г. въ Москву принесла самому гетману санъ боярина, а лицамъ, занимавшимъ въ тотъ моментъ должности генеральной старшины и полковниковъ, — грамоты на дворянское достоинство. Наряду съ этимъ удачныя попытки полученія грамотъ на дворянство предпринимались и отдѣльными лицами. Такъ, напримѣръ, Забѣлы выхлопотали себѣ нобилитацію въ Польшѣ [1]). Въ Польшѣ же былъ нобилитованъ въ 1661 г. уманскій полковникъ Иванъ Лизогубъ, а братъ его, каневскій полковникъ Яковъ Лизогубъ, получилъ въ 1667 г. жалованную грамоту на дворянство отъ московскаго государя [2]). Въ 1673 г. польскій сеймъ и король возвели въ шляхетское званіе переяславскаго полковника Род. Гр. Дмитрашка [3]). Въ сущности, однако, всѣ эти попытки не давали и не могли дать сколько-нибудь серьезныхъ результатовъ. И, когда переяславскій полковникъ Данило Ермоленко, вмѣстѣ съ другими полковниками временъ Бруховецкаго получившій изъ Москвы дворянское званіе, вслѣдъ за тѣмъ, будируя противъ московскаго правительства, сказалъ: «мнѣ дворянство не надобно, я по старому козакъ» [4]), онъ въ этихъ словахъ лишь давалъ совершенно правильное опредѣленіе своего общественнаго положенія, опредѣленіе, которое могло быть повторено и по отношенію ко всѣмъ другимъ лицамъ той эпохи, получившимъ грамоты на шляхетство изъ Варшавы или на дворянство изъ Москвы. Всѣ они, въ концѣ концовъ, оставались по старому козаками, такъ какъ ни королевскія, ни царскія грамоты на дворянство, въ виду отсутствія въ Малороссіи особаго дво-

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., VI, № 61, стр 177.

[2]) Лазаревскій, Люди старой Малороссіи, К. 1882, с. 1; Акты Ю. и З. Р., VI, № 58, стр. 163; самая грамота Як. Лизогубу напечатана въ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи Ригельмана, М. 1847, ч. II, стр. 101—102, примѣчаніе.

[3]) Акты Ю. и З. Р., XI, № 106, стр. 331—333.

[4]) Акты Ю. и З. Р., VI, № 41, стр. 101—102.

рянскаго сословія, не сообщали своимъ обладателямъ никакихъ реальныхъ правъ. На этомъ пути, по которому и пошли лишь очень немногія лица, не могли такимъ образомъ создаться условія для сколько-нибудь прочнаго обособленія «значнаго товариства» отъ остальной массы козачества. Но скоро возможность такого обособленія намѣтилась на другомъ пути, опредѣлившемся тѣмъ развитіемъ, какое получили установившіеся въ странѣ порядки управленія, — развитіемъ, подготовившимъ условія для преобразованія расплывчатой группы «значнаго товариства» въ сравнительно сплоченный классъ старшины.

VII

Оторвавшись отъ Польши, «Войско Запорожское», какъ оффиціально именовало себя образовавшееся подъ властью Богдана Хмельницкаго государство, порвало и съ порядками управленія польской эпохи. Старыя власти или, по крайней мѣрѣ, высшія изъ нихъ, какъ и старый общественный строй, были уничтожены вихремъ возстанія, а на мѣсто ихъ за время того же возстанія возникли новыя власти и новый порядокъ управленія, создавшіеся, съ одной стороны, подъ прямымъ воздѣйствіемъ порядковъ козацкаго войска, съ другой — подъ вліяніемъ ожившихъ въ народной массѣ старыхъ общинныхъ традицій.

Основной ячейкой новаго государственнаго строя, сложившагося за время возстанія, явилось свободное село, представлявшее собою самоуправляющуюся общину. Если — какъ это и бывало въ большинствѣ случаевъ — въ одномъ селѣ жили и крестьяне, и козаки, то въ немъ складывались двѣ общины — посполитская «громада» и козацкое «товариство». Во главѣ первой стоялъ выбираемый ею войтъ, вѣдавшій всѣ ея административныя дѣла и разбиравшій вмѣстѣ съ нѣсколькими «мужами», обычно въ присутствіи всей громады, судебныя тяжбы посполитыхъ. Козаки въ свою очередь въ каждомъ селѣ выбирали себѣ атамана, который въ походѣ былъ ихъ предводителемъ, а въ остальное время исправлялъ по отношенію къ нимъ тѣ же обязанности, что войтъ по отношенію къ посполитымъ, соединяя въ своемъ лицѣ административную и судебную власть; при этомъ свой судъ онъ также вершилъ въ присутствіи сельскаго «товариства» и съ участіемъ нѣсколькихъ наиболѣе авторитетныхъ «товарищей вой-

сковыхъ». Нерѣдко и вся община принимала дѣятельное участіе въ судѣ какъ атамана, такъ и войта, беря на себя производство слѣдствія и розыскъ обвиняемыхъ, а подчасъ оказывая и прямое воздѣйствіе на постановку приговора. Если то или иное судебное дѣло, возникшее въ предѣлахъ села, касалось и козаковъ, и посполитыхъ, оно разбиралось «зупольнымъ» или «зобопольнымъ (общимъ, совмѣстнымъ) урядомъ» — атаманомъ и войтомъ съ «товарищами» и «мужами» — въ присутствіи товариства и громады. Оба «уряда», козацкій и посполитскій, выступали и дѣйствовали совмѣстно и въ разнаго рода административныхъ дѣлахъ, касавшихся цѣлаго села, и въ дѣлахъ судебныхъ, въ которыхъ все село являлось истцомъ или отвѣтчикомъ. Наконецъ, передъ сельской общиной и ея выборными лицами заключались ея членами всякаго рода гражданскія сдѣлки, тѣмъ самымъ пріобрѣтавшія прочную санкцію [1]).

Нѣсколько селъ объединялись въ болѣе крупный административный и судебный округъ — сотню. Такія сотни частью прямо замѣнили собою прежнія «волости», унаслѣдовавъ ихъ территорію, частью были образованы вновь. Въ сотенномъ мѣстечкѣ, являвшемся центромъ сотни, мѣщане, согласно старому порядку, практиковавшемуся въ мѣстечкахъ еще въ польское время, выбирали для завѣдыванія своими административными и судебными дѣлами ратушу съ войтомъ во главѣ ея. Но теперь эта ратуша во многомъ измѣнила свое значеніе. Съ одной стороны, она вѣдала теперь администрацію и судъ не только по отношенію къ мѣщанамъ своего мѣстечка, но и по отношенію къ посполитымъ всей сотни. Съ другой, сама ратуша подчинялась сотенному козацкому уряду, точнѣе говоря — сотнику, который принималъ участіе и въ административныхъ ея распоряженіяхъ, и въ

---

[1]) Д. П. Миллеръ, посвятившій въ своей цѣнной работѣ о статутовыхъ судахъ въ гетманской Малороссіи нѣсколько интересныхъ, хотя и не свободныхъ отъ кое-какихъ частныхъ ошибокъ, страницъ судамъ времени, непосредственно слѣдовавшему за возстаніемъ Хмельницкаго, между прочимъ, утверждаетъ, что «сельскимъ судамъ принадлежало право актованія всякихъ договоровъ и сдѣлокъ, записыванія въ свои книги протестовъ, совершенія купчихъ и духовницъ на малыя суммы» («Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII в.» Сборникъ Харьк. Истор.-филолог. Общества, т. 8, стр. 70). А. М. Лазаревскій («Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера», X, 1898, стр. 31) возражаетъ на это, что, хотя сельскій урядъ и присутствовалъ при совершеніи разнаго рода юридическихъ актовъ, «но актикаціи при этомъ не совершалось, потому что некому и негдѣ (книгъ не было) было производить записку актовъ». Съ своей стороны, и мнѣ не доводилось встрѣчать въ источникахъ никакихъ указаній, которыя позволяли бы сдѣлать заключеніе о веденіи актовыхъ книгъ сельскими урядами.

судебныхъ засѣданіяхъ, занимая въ томъ и другомъ случаѣ положеніе прямого ея начальника. Сообразно этому, и въ выборѣ сотника, являвшагося предводителемъ козаковъ своей сотни въ походѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшаго администраторомъ и судьей для всего населенія сотни, принимали участіе не только козаки, но также и мѣщане и свободные посполитые. Помимо сотника, сотенный козацкій урядъ составляли еще сотенный городовой атаманъ, сотенный асаулъ, писарь и хорунжій. Вся эта сотенная старшина, выбиравшаяся козачествомъ, занимая должности въ козацкомъ войскѣ, одновременно вѣдала вмѣстѣ съ сотникомъ административныя дѣла сотни, касавшіяся козаковъ. Судебныя же дѣла послѣднихъ, какъ и дѣла мѣщанъ и посполитыхъ, обычно разбирались «зобопольнымъ урядомъ, козацкимъ и мѣскимъ (городскимъ)», или «войсковымъ и мѣскимъ», въ составъ котораго чаще всего входили сотникъ, городовой атаманъ, войтъ и бурмистры. Нерѣдко къ участію въ судѣ привлекались и «знатные» войсковые товарищи, и мѣщане, а порой въ немъ дѣятельно участвовали и все товариство, и мѣщанская громада, передъ которыми онъ совершался. Сотенный урядъ, и въ этихъ случаяхъ опять-таки по большей части «зобопольный», принималъ, наконецъ, отъ населенія сотни заявленія о всякаго рода гражданскихъ сдѣлкахъ и заносилъ эти сдѣлки въ свои книги.

Сотни въ свою очередь объединялись въ еще болѣе крупныя территоріальныя единицы — полки. Во главѣ каждаго изъ послѣднихъ стоялъ выбранный населеніемъ полковникъ съ окружавшей его выборной же козацкой старшиной, занимавшей въ полку должности, аналогичныя тѣмъ, какія существовали въ сотнѣ, съ прибавкою еще должностей обознаго и судьи. Полковники и полковая старшина опять-таки соединяли въ себѣ и воиновъ, и администраторовъ, причемъ власти полковника въ полку, какъ власти сотника въ сотнѣ, равно подчинялось и «товариство», и «посполитство». Не избѣгли подчиненія власти полковниковъ даже мѣщане крупныхъ городовъ, обладавшихъ Магдебургскимъ правомъ, обезпечивавшимъ имъ полную независимость сословнаго самоуправленія. Сила козацкой сабли, только что сломившей старый строй съ его правами и привилегіями, была слишкомъ велика, и, несмотря на грамоты московскаго правительства, однимъ изъ крупныхъ малорусскихъ городовъ подтвердившаго, а другимъ вновь давшаго Магдебургское право, магистраты этихъ городовъ оказались въ полномъ подчиненіи

власти полковниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраняя свои специальныя функціи въ сферѣ управленія и суда надъ мѣщанами города, эти магистраты, подобно ратушамъ болѣе мелкихъ городовъ, были приспособлены и къ болѣе широкимъ нуждамъ: въ полковыхъ городахъ также состоялось сліяніе «войсковогo» и «мѣскаго» урядовъ, при которомъ козацкая старшина отправляла судъ и надъ козаками, и надъ посполитыми совмѣстно съ выборными представителями мѣщанскаго населенія[1]).

Полковники, которымъ подчинялись и у которыхъ судились сотники, съ своей стороны были подчинены гетману, главѣ всего «Войска Запорожскаго». Вмѣстѣ съ генеральною старшиною, своими помощниками въ дѣлѣ управленія козацкимъ войскомъ и въ дѣлѣ правленія страною, гетманъ долженъ былъ избираться на общей войсковой радѣ, въ которую входили и «товариство», и «поспольство», и, однажды будучи избранъ, получалъ широкую власть надъ всѣмъ населеніемъ страны, сосредоточивая въ своихъ рукахъ права не только верховнаго администратора и судьи, но въ извѣстной мѣрѣ и законодателя. Та же войсковая рада могла, однако, и лишить его гетманства, «скинуть съ уряда», подобно тому, какъ полчане могли въ любое время «скинуть съ уряда» своего полковника и членовъ полковой старшины, сотняне — своего сотника и сотенную старшину, наконецъ, сельчане — своего атамана или войта.

Этотъ строй, намѣченный мною въ самыхъ общихъ чертахъ, не былъ установленъ какимъ-либо общимъ декретомъ, какимъ-нибудь общимъ законодательнымъ актомъ, а сложился, подъ непрерывный почти звонъ оружія, путемъ постепеннаго, хотя и очень быстро совершившагося приспособленія страны къ новымъ условіямъ жизни. Сообразно этому онъ не установился во всѣхъ своихъ деталяхъ сразу и не сразу принялъ по всей странѣ вполнѣ однообразныя формы. Довольно долго въ немъ существовали и мѣстныя отличія, и значительная неопредѣленность порядковъ.

---

[1]) При этомъ «Войско Запорожское» въ лицѣ своихъ главныхъ руководителей, повидимому, одинаково стремилось воспользоваться и судебнымъ опытомъ, накопившимся у мѣщанства за время предыдущей его жизни, и нормами дѣйствовавшаго въ городахъ права. Въ 1665 г. гетманъ Бруховецкій въ Москвѣ «билъ челомъ, чтобъ великій государь умилосердился: войту, бурмистру и всѣмъ мѣщанамъ Гадицкимъ особою своею государскою грамотою Майдебургское право дати, противъ иныхъ началнѣйшихъ мѣстъ, изволилъ, чтобъ противъ права Майдебургского моистратъ въ Гадичѣ учиненъ былъ, для того, что при гетманѣ нынѣ и потомъ многіе дѣла великіе и головные прилучатися будутъ, которые судомъ и правомъ Майдебургскимъ доброе докончаніе и правдѣ святой не противное, безъ вреда совѣсти человѣческіе, взяти могутъ». Акты Ю. и З. Р., VI, 1. XVI, стр. 16—18.

Мѣстами, какъ въ Стародубовскомъ полку, свободныхъ посполитыхъ еще въ началѣ XVIII вѣка вѣдали особые «волоскіе (волостные) сотники», зависимые отъ магистрата, въ другихъ же мѣстахъ подобныхъ должностей, повидимому, вовсе не возникло [1]). Полковые судьи еще въ 1654 г. были не во всѣхъ полкахъ, а наряду съ этимъ въ одной изъ сотенъ Кіевскаго полка въ XVII вѣкѣ существовалъ сотенный судья [2]) — должность, оставшаяся, кажется, совершенно неизвѣстной другимъ сотнямъ Кіевскаго, какъ и всѣхъ иныхъ полковъ. Съ повсемѣстнымъ возникновеніемъ полковыхъ судей судъ все же не сосредоточился исключительно въ ихъ рукахъ. Въ 1662 г. «судьями Черниговскаго полку», напримѣръ, одинъ документъ называетъ городового атамана и полкового судью[3]). Судилъ въ полковомъ судѣ и самъ полковникъ, единолично или съ участіемъ нѣкоторыхъ лицъ изъ полковой старшины и «товариства», судили, по порученію полковника, и другіе члены полковой старшины, а то и просто «войсковые товарищи». Вмѣстѣ съ тѣмъ первое время полковой судъ не былъ и пріуроченъ къ одному опредѣленному мѣсту. Нерѣдко, когда въ той или иной сотнѣ требовалось разобрать болѣе или менѣе серьезное дѣло, въ нее являлся «высланный» или «сосланный отъ пана полковника» членъ полковой старшины либо войсковой товарищъ и, «засѣвши на мѣстцу звыкломъ судовомъ», сообща съ мѣстною сотенной и городовой старшиною въ присутствіи товариства и громады творилъ судъ, причемъ такое судебное засѣданіе считалось полковымъ судомъ. Подобный же порядокъ практиковался и по отношенію къ генеральному суду. «Высланыя по росказанью пана гетмана особы», среди которыхъ далеко не всегда непремѣнно находился и генеральный судья, точно такъ же выѣзжали въ полки и совмѣстно съ мѣстными властями вершили тамъ судъ, выносяя рѣшенія, имѣвшія значеніе рѣшеній генеральнаго суда. Судебная власть считалась въ сущности принадлежащей главнымъ правителямъ края — сотникамъ, полковникамъ и гетману — и каждый изъ нихъ могъ делегировать ее въ предѣлахъ подвластной ему территоріи любому подчиненному лицу, нисколько не нарушая

---

[1]) О «волоскихъ сотникахъ» Стародубовскаго полка см. у Лазаревскаго, Описаніе старой Малороссіи, I, 117; быть можетъ, аналогію этимъ сотникамъ представляетъ упоминающійся въ Прилуцкомъ полку въ одной купчей 1684 г. рядомъ съ атаманомъ с. Полонокъ «сотникъ мѣщанскій». Лазаревскій, Оп. ст. Малор., III, стр. 152, пр. 1.

[2]) Именно, въ сотнѣ Носовской въ документѣ 1684 г. упоминается «судія носовскій». Обозрѣніе Рум. Описи, II, 144—145.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 3.

этимъ правильности самаго суда, лишь бы послѣднiй происходилъ съ соблюденiемъ установленныхъ формъ и съ извѣстнымъ участiемъ той общины, интересы которой затрагивались даннымъ судебнымъ дѣломъ. Не было также первое время установлено ни строгаго распредѣленiя дѣлъ между судами по ихъ компетенцiи, ни строгаго порядка судебныхъ инстанцiй, хотя, конечно, съ самаго начала нѣкоторыя болѣе важныя дѣла рѣшались лишь высшими судами, а вмѣстѣ съ тѣмъ практиковалось и обжалованiе приговоровъ низшихъ судовъ въ высшiе. Лишь постепенно установились предѣлы компетенцiи отдѣльныхъ судовъ, создался точный инстанцiонный порядокъ, полковые суды и судъ генеральный установили свой составъ и прочно усѣлись въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Лишь постепенно также установились вполнѣ опредѣленные и однообразные для всей страны порядки въ сферѣ администрацiи и мѣстнаго хозяйства. Нѣкоторыми своими сторонами этотъ процессъ формированiя административныхъ и судебныхъ порядковъ зашелъ далеко въ XVIII вѣкъ. Но много раньше, чѣмъ онъ успѣлъ закончиться, въ самыхъ основахъ того строя, который породилъ эти порядки, произошли существенныя и важныя измѣненiя.

На первыхъ порахъ простота установившагося административнаго строя вполнѣ соотвѣтствовала простотѣ сложившагося въ Малороссiи послѣ возстанiя Хмельницкаго общественнаго уклада. И если въ этой простотѣ и примитивности административнаго устройства и были свои, подчасъ довольно существенные, недочеты, то они въ значительной мѣрѣ покрывались тѣмъ участiемъ, какое принимало въ дѣлахъ управленiя и суда само населенiе, и той зависимостью, въ какой стояли отъ послѣдняго его административные и судебные органы. По существовавшему въ народной массѣ воззрѣнiю, эта зависимость являлась безусловной и неограниченной, равно охватывая собою администрацiю на всѣхъ ея ступеняхъ. Сельскiй войтъ и атаманъ, сотникъ, полковникъ и гетманъ, сотенная, полковая и генеральная старшина — всѣ они должны были избираться на свои должности населенiемъ и могли быть всегда смѣщены съ нихъ волею того же населенiя. Самая административная служба, отбываемая въ такихъ условiяхъ, конечно, не могла протекать въ строгомъ порядкѣ лѣстничнаго восхожденiя, съ каждой проходимой ступенью все болѣе отдаляющаго правителя отъ управляемыхъ. Наоборотъ, одинъ и тотъ же человѣкъ въ этихъ условiяхъ могъ послѣдова-

тельно занимать то болѣе высокія, то болѣе низкія по своему значенію должности, могъ быть возвращаемъ въ среду рядовыхъ гражданъ и затѣмъ вновь оказаться призваннымъ къ несенію той или другой должности.

Такъ оно въ значительной мѣрѣ и было на первыхъ порахъ. Нѣсколько конкретныхъ примѣровъ лучше всего смогутъ показать, какъ мало іерархичности было въ первоначальномъ административномъ строѣ гетманщины и какъ легко въ первое время измѣняли свое положеніе на ступеняхъ административной лѣстницы отдѣльные члены старшины. Въ Лубенскомъ полку въ 1659—60 гг. былъ полковникомъ Яковъ Засядко; спустя пятнадцать лѣтъ, въ 1675—7 гг., тотъ же Засядко занималъ въ Лубнахъ сравнительно невидную должность городового атамана. Въ Прилуцкомъ полку въ 1671 г. былъ смѣщенъ съ полковничества Иванъ Маценко и полковникомъ сталъ Семенъ Третякъ; одновременно полковымъ судьей былъ сдѣланъ Лазарь Горленко, передъ тѣмъ уже дважды (въ 1661 и 1664—8 гг.) занимавшій должность полковника. Въ слѣдующемъ году полковникомъ вновь сталъ Горленко, а должность полкового судьи досталась Маценку. Полтавскимъ полковникомъ въ началѣ 70-хъ годовъ XVII вѣка былъ Демьянъ Гуджолъ. Въ 1674 г. онъ былъ смѣщенъ съ этого уряда полчанами и послѣ того года три занималъ должность полтавскаго городового атамана, въ 1678 г. онъ сталъ полковымъ судьею, а въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ не несъ никакого уряда, находясь въ числѣ рядовыхъ козаковъ. Въ Стародубскомъ полку Тимофей Алексѣевъ изъ стародубскаго городового атамана въ 1676 г. сталъ полковникомъ и оставался имъ до 1678 г., когда вновь занялъ должность городового атамана, а въ 1678—90 г. опять былъ полковникомъ. Въ Нѣжинскомъ полку Матвѣй Шендюхъ, бывшій въ 1671 г. полковымъ обознымъ, въ 1679—85 гг. занималъ должность дѣвицкаго сотника, а потомъ опять сталъ полковымъ обознымъ. Около того же времени Михаилъ Забѣла, исправлявшій должность нѣжинскаго полкового писаря, перешелъ на урядъ борзенскаго сотника [1]). То же самое имѣло мѣсто и по

[1]) А. М. Лазаревскій, Историческіе очерки полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца, т. XI, отд. II, с. 37. Его же, Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 11. Его же. Полтавщина въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. Старина, 1891, № 9, с. 370. Его же. Описаніе старой Малороссіи, т. I, сс. 18,27; т. II сс. 107—8, 139. Самъ А. М. Лазаревскій склоненъ былъ объяснять нѣкоторые изъ подмѣченныхъ имъ фактовъ такого рода исключительно индивидуальными причинами, но, прослѣдивъ хотя бы собранные въ его работахъ

отношенію къ генеральной старшинѣ: если полковники, а случалось, и сотники, переходили на уряды генеральной старшины, то и обратно — генеральный асаулъ или генеральный хоружій могли стать и, дѣйствительно, становились по выбору населенія полковниками. Но, являясь естественнымъ послѣдствіемъ замѣщенія должностей волей населенія, такой порядокъ могъ, конечно, безраздѣльно и господствовать въ жизни лишь при условіи вполнѣ безпрепятственнаго проявленія этой воли. Между тѣмъ она уже въ первые моменты существованія новаго строя встрѣтила передъ собой нѣкоторыя препятствія, не позволявшія ей развернуться во всей ея полнотѣ.

Этотъ новый строй, вызванный къ жизни возстаніемъ, и въ дальнѣйшемъ, благодаря отчаянной борьбѣ, поведенной Польшей за Малороссію, долженъ былъ рости и развиваться подъ непрерывный почти громъ оружія, среди непрекращавшихся войнъ. И эта обстановка, въ которой пришлось осуществляться вновь слагавшемуся административному строю, оказала на него глубокое вліяніе, направивъ его развитіе въ опредѣленную сторону. Если возстаніе Хмельницкаго, сломивъ въ Малороссіи польскую государственность, возродило въ новомъ видѣ власть народной общины, то сопровождавшія это возстаніе и послѣдовавшія за нимъ войны позволили выборнымъ лицамъ общины высвободиться изъ-подъ ея вліянія и, сохраняя всѣ полученныя отъ нея полномочія, стать выше ея.

Раньше и рѣзче всего это сказалось въ отношеніяхъ высшихъ властей страны — гетмана и рады. Рада выбирала гетмана, она же могла направлять и контролировать его дѣйствія, могла и лишить его власти. Пока гетманъ, какъ это было въ польское время, являлся лишь предводителемъ сравнительно немногочисленнаго козацкаго войска, а рада — собраніемъ послѣдняго для выбора себѣ начальниковъ, она могла безъ особыхъ затрудненій выполнять свои задачи. Но примѣненіе той же формы непосредственнаго демократическаго правленія въ государствѣ съ значительной территоріей и съ большимъ населеніемъ, естественно, встрѣтило серьезныя затрудненія. И гетманы не замедлили воспользоваться этимъ, чтобы по возможности совсѣмъ освободиться отъ рады. Сдѣлать это имъ было тѣмъ легче, что во время отсутствія рады

списки старшины XVII вѣка, не трудно убѣдиться, что въ подобныхъ фактахъ мы имѣемъ дѣло съ проявленіями общаго порядка, дѣйствовавшаго въ теченіе извѣстнаго періода во всей Малороссіи.

въ ихъ рукахъ оставалась неограниченная власть надъ войскомъ. Когда умеръ Богданъ Хмельницкій, находившійся въ это время въ Москвѣ посланецъ его, Павелъ Тетеря, высказывая московскому правительству свои предвидѣнія на счетъ будущаго, между прочимъ говорилъ: «при гетмановѣ сынѣ есть такіе многіе люди, которые ему дружны, а съ полковники не въ совѣтѣ, и учнутъ ему говорить, чтобъ онъ, гетмановъ сынъ, рады не собиралъ для того, чтобъ ему своего владѣнія не убавить, такъ же, какъ и отецъ его рады не сбиралъ, а владѣлъ всѣмъ одинъ, что роскажетъ, то всѣмъ войскомъ и дѣлаютъ» [1]).

Въ дѣйствительности послѣ смерти Богдана Хмельницкаго рада, правда, собралась, какъ собиралась и послѣ того, но она сохраняла за собою лишь выборъ и — въ экстренныхъ случаяхъ — смѣщеніе гетмановъ, причемъ сама оставалась совершенно неорганизованной. Активной роли въ опредѣленіи политики гетмановъ рада при такихъ условіяхъ играть не могла и эта роль перешла къ совѣщаніямъ старшины, практиковавшимся уже при Богданѣ Хмельницкомъ въ качествѣ «тайной рады». Съ теченіемъ времени установились періодическіе съѣзды къ гетману генеральной старшины, полковниковъ, сотниковъ, значнаго товариства и поспольства, повторявшіеся дважды въ годъ — на Крещенье и на Пасху [2]). На этихъ съѣздахъ обсуждались важнѣйшія дѣла внѣшней и внутренней политики, вырабатывались общія для всей страны мѣры, разбирались споры между населеніемъ и властями. Постепенно къ этимъ съѣздамъ приблизились по своему составу и выборныя рады, и рядовое козачество являлось на нихъ уже лишь въ качествѣ почетнаго эскорта старшины и своего рода декораціи, тѣмъ болѣе призрачной, что уже со времени избранія Многогрѣшнаго выборъ гетмана окончательно предрѣшался на предварительныхъ совѣщаніяхъ старшины. Высвободившись изъ-подъ вліянія широкихъ народныхъ массъ, гетманская власть такимъ образомъ подпала подъ прямое воздѣйствіе сравнительно тѣснаго круга лицъ, объединеннаго общими интересами, какіе создавались въ его средѣ на почвѣ пользованія урядами и болѣе или менѣе высокаго имущественнаго благосостоянія. Эти интересы тѣмъ сильнѣе давали о себѣ знать, что наряду съ гетманами и

---

[1]) Акты Ю. и З. Р., XI, Прибавленія, № 2. с. 764.

[2]) Въ лѣтописяхъ упоминанія объ этихъ съѣздахъ начинаются со времени гетманства Бруховецкаго, — см.: Лѣтопись Самойла Величка, т. II, сс. 87, 95, 160; см. также Акты Ю. и З. Р., IX № 80, с. 323; XI, № 35, с. 137 и № 107, с. 335; XII, № 113, с. 338 и № 221, с. 844.

нерѣдко при непосредственной ихъ помощи и носители низшихъ урядовъ уже очень скоро начали высвобождаться изъ-подъ влiянiя подвластнаго имъ населенiя. Населенiе полка обладало, правда, правомъ въ любое время «скинуть съ уряда» своего полковника. Но воспользоваться этимъ правомъ не всегда оказывалось удобнымъ и возможнымъ.

Въ 1679 г. нѣсколько видныхъ полтавскихъ полчанъ, въ томъ числѣ Демьянъ Гуджолъ, Федоръ Жученко, Павелъ Герцикъ и другiе, прислали гетману Самойловичу «листъ», жалуясь, что полковникъ Прокопъ Левенецъ «на ихъ здоровя похвалки чинить, самихъ безчестить, перестаетъ (водится) з винникамы и броварниками и из ихъ слугами». Жалобщики просили, чтобы гетманъ «особу якую енералную отъ себе віслалъ въ Полтаву для одобрания отъ пана Левенця уряду его полковницкого, а з межи нихъ кому другому оний вручилъ». Гетманъ, однако, не согласился исполнить эту просьбу. «Зрозумѣвши ми — писалъ онъ всей старшинѣ, «товариству и посполству и всѣмъ въ полку томъ Полтавскомъ обывателемъ» — з ихъ листу, же нѣ для чего намъ подъ сей часъ туди енералное особи зсилати, а гамуючи (порицая) ихъ такъ наглую и скорую рѣчь, оразъ по васъ з мѣстца нашого рейментарского мѣти хочемъ и приказуемъ сурово и такую нашу вамъ волю освѣдчаемъ: хто колвекъ (кто бы ни былъ) з старшого и меншого полку вашего товариства, котрий би вѣдалъ и зналъ доволне якую противъ его царского пресвѣтлого величества и нашому рейментови (правленiю) гетманскому походячую нежичливость (недоброжелательство) Левенцову и неправду, тие всѣ нехай, дастъ Богъ дочекавши (дождавшись) святого Воскресення Христова, посполу (вмѣстѣ) з нимъ же полковникомъ до насъ въ Батуринъ прибуваютъ; а тутъ хочъ би рудному батьку, не толко ему полковниковѣ и кому иншому, еслибися мѣло що на кого показати, не сполгуютъ (спустятъ). До тихъ однакъ часъ жадною мѣрою (никакимъ образомъ) абисте ему полковникови не важилися отмѣнности чинити, але цалѣ его во всемъ слухали, под неласкою нашою гетманскою повторе приказуемъ». «Годится намъ и вамъ — не безъ ядовитости прибавлялъ гетманъ — на его вспоменути прислуги, котории подоймовалъ прошлого року (въ прошломъ году) въ очахъ нашихъ, не жалуючи здоровя своего, противъ неприятелей; а иншие з вашихъ же товаришей, которие въ листе подписалися, въ той часъ гвалтовний, утѣкши на сюю сторону Днѣпра, по под возами криючися, песокъ

терли, и сами можете розумомъ дойти того, хто». И, свидѣтельствуя въ заключеніе полтавскимъ полчанамъ свою «пріязнь», гетманъ требовалъ отъ нихъ «захован'я вшелякое скромности и оддавания старшому послушенства» [1]).

Храбрые и искусные въ военномъ дѣлѣ полковники нужны были гетманамъ и раньше Самойловича, и, если такіе полковники находились въ хорошихъ отношеніяхъ съ гетманомъ, они всегда могли разсчитывать при недоразумѣніяхъ съ полчанами на его властную поддержку, дѣлавшую разрѣшеніе этихъ недоразумѣній путемъ лишенія полковника уряда крайне затруднительнымъ. Руководясь тѣми же соображеніями, гетманы нерѣдко и прямо назначали полковниковъ, и молчаливаго признанія такого назначенія со стороны полчанъ было достаточно, чтобы уравнять его съ выборомъ. Полчане могли, конечно, заявить и рѣшительный протестъ противъ назначеннаго полковника, но въ условіяхъ военной или полу-военной жизни, всегда допускавшихъ возможность суровой расправы гетмана съ ослушниками его воли, для такого протеста требовались очень серьезныя основанія. Такъ наряду съ выборомъ полковниковъ уже на первыхъ порахъ практиковалось и ихъ назначеніе, а съ теченіемъ времени и самый ихъ выборъ, поскольку онъ сохранялся, все больше переходилъ въ руки полковой старшины и тѣсно примыкавшаго къ ней «значнаго товариства».

Въ свою очередь полковники уже очень рано проявили стремленіе замѣнить выборъ сотниковъ ихъ назначеніемъ властью полковника. Въ іюнѣ 1657 г. браславскій полковникъ Зелинскій писалъ Выговскому, тогда еще войсковому писарю, «жалобу чиня на мужиковъ, которые всюду бунты подносятъ (поднимаютъ) бездѣлнѣ», «къ старшинамъ съ неправдами ходятъ и хотятъ надъ полковникомъ быть старшинами, сотниковъ сами себѣ обираючи». «Самъ, ваша милость, изволишь знать, — прибавлялъ Зелинскій — что то не ихъ урядъ есть: то убо на полковникахъ всюды належитъ сотниковъ обирать» [2]). Правда, сотники были слишкомъ близкою къ населенію властью, для того, чтобы такое стремленіе могло осуществиться вполнѣ безпрепятственно. Выборъ сотниковъ оставался поэтому обычнымъ явленіемъ въ те-

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго п. н.: Полтавскіе земельные универсалы, № 23. Говоря о«прислугахъ» Левенца, Самойловичъ разумѣлъ его участіе въ 1678 г. въ битвахъ подъ Чигириномъ съ турками.

[2]) Акты Ю. и З. Р., XI. Прибавленіе, № 2, 2.11, с. 740.

ченіе всего XVII вѣка[1]), но рядомъ съ такимъ выборомъ встрѣчались все же и случаи ихъ назначенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что было еще важнѣе, полковники успѣли въ значительной мѣрѣ подчинить себѣ и дѣятельность выборныхъ сотниковъ, своимъ властнымъ вмѣшательствомъ ослабляя контроль надъ нею со стороны сотнянъ.

Такимъ образомъ съ разнымъ успѣхомъ на разныхъ ступеняхъ власти принципъ назначенія во всякомъ случаѣ съ первыхъ же моментовъ дѣйствія новаго строя конкурировалъ съ принципомъ выбора, а, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все большіе успѣхи дѣлалъ среди военныхъ сумятицъ и междоусобій, на долгіе годы наполнившихъ собою жизнь Малороссіи послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, этотъ принципъ назначенія и вмѣстѣ все больше развивалось высвобожденіе органовъ власти изъ-подъ вліянія широкихъ массъ населенія. Оба эти обстоятельства влекли за собою важныя послѣдствія. Даже тогда, когда уряды замѣщались свободнымъ выборомъ населенія, этотъ выборъ, поскольку при немъ имѣлись въ виду болѣе важные уряды, чаще всего падалъ на представителей «значнаго товариства», на членовъ зажиточныхъ и вліятельныхъ въ своей округѣ козацкихъ семей. По мѣрѣ же того, какъ такой выборъ сосредоточивался въ рукахъ сравнительно тѣснаго круга лицъ или прямо замѣнялся назначеніемъ, «значное товариство» все больше сближалось съ старшиною, становясь своего рода кадромъ, изъ котораго черпались члены послѣдней. Съ другой стороны, освобожденіе старшины изъ-подъ вліянія массъ населенія чрезвычайно увеличивало ея значеніе въ народной жизни. Сотникъ въ своей сотнѣ, полковникъ въ своемъ полку, являвшіеся представителями всей мѣстной общины и носителями всѣхъ ея правъ, пріобрѣтали съ того момента, какъ исчезалъ или ослаблялся ея контроль надъ ихъ дѣйствіями, широкую власть надъ населеніемъ, тѣмъ болѣе широкую, что при-

---

[1]) Въ 1686 г. гетманъ Самойловичъ въ наказаніе Орельскихъ городковъ полтавскаго полка, жители которыхъ уходили въ «лядскіе затяги», разбили крымскаго посланца и убили ѣхавшаго съ нимъ царскаго гонца, приказалъ полтавскому полковнику «всѣхъ сотниковъ Орѣльскихъ отъ уряду ихъ поотставляти, а на мѣстца ихъ зъ инщихъ городовъ полку Полтавского добрыхъ и справнихъ молодцовъ понасилати». Это и было исполнено, но вскорѣ Орельскіе жители, «тую новину, насланіе сотниковъ, за великую себѣ вмѣнивши обиду и тяжесть», просили гетмана отмѣнить ее, угрожая иначе разойтись. И универсаломъ 11 апрѣля 1686 г. Самойловичъ вновь разрѣшилъ имъ выборъ сотниковъ, — «яко розумѣемъ, що сотники оніе насланіе не каждому въ смакъ межи вами найдутся».— Лѣтопись Величка, II, 554—7.

митивная организація управленія соединяла въ одномъ и томъ же лицѣ одновременно и военнаго начальника, и гражданскаго администратора, и судью. Если въ сферѣ управленія эта широкая и разносторонняя власть открывала легкую дорогу къ произволу, то въ области суда она вела и еще къ одному немаловажному результату. Возстаніе Хмельницкаго, уничтоживъ старые порядки, не уничтожило, какъ мы видѣли, старыхъ кодексовъ права и они сохранились въ Малороссіи въ качествѣ дѣйствующаго закона. Но, пока въ судѣ силенъ былъ народный элементъ, пока судъ вершился при живомъ и дѣятельномъ участіи представителей мѣстныхъ общинъ, эти кодексы находили себѣ подчасъ серьезныя ограниченія и поправки въ дѣйствовавшихъ среди народной массы правовыхъ обычаяхъ. Съ увеличеніемъ же власти старшины и соотвѣтственнымъ ослабленіемъ народнаго элемента въ судѣ уменьшалась возможность такихъ поправокъ и открывался путь къ постепенному возстановленію прежней силы старыхъ кодексовъ даже въ тѣхъ ихъ частяхъ, въ которыхъ они недавно были опрокинуты жизнью.

Власть, сосредоточивавшаяся такимъ образомъ въ рукахъ старшины и обнаруживавшая явную наклонность къ возростанію, получала особенное значеніе въ виду характера тѣхъ средствъ, какими обезпечивалось содержаніе администраціи въ гетманщинѣ. Первоначальный проектъ обезпечить козацкую старшину денежнымъ жалованьемъ изъ московской казны остался не осуществленнымъ послѣ того, какъ московскому правительству не удалось получить въ свои руки доходовъ съ крестьянскаго и мѣщанскаго населенія Малороссіи. Гетманское же правительство, въ распоряженіи котораго остались эти доходы, само не въ силахъ было провести подобной мѣры, и въ соотвѣтствіи съ общимъ уровнемъ хозяйственнаго развитія страны содержаніе администраціи пріобрѣло въ ней такой же примитивный характеръ, какъ и самая организація управленія. Главными источниками содержанія властей явились разнообразные поборы съ населенія, частью воскрешавшіе собою старинные обычаи, частью установленные вновь. Сотникъ, какъ глава мѣстной общины, собиралъ съ посполитыхъ и козаковъ своей сотни «весельныя (свадебныя) куницы» — особый денежный сборъ при заключеніи браковъ[1]).

[1]) О «весельныхъ куницахъ» см. мою рецензію на второй томъ «Описанія старой Малороссіи» А. М. Лазаревскаго въ Отчетѣ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова и отдѣльно п. н. Къ исторіи Нѣжинскаго полка, приложеніе № 9. Первымъ обратилъ вниманіе на право сотника собирать «весель-

Дважды въ годъ подчиненныя сотнику сельскія и ратушныя власти, равно какъ и отдѣльные сотняне, являлись къ нему съ «ральцомъ» — праздничными приношеніями деньгами и натурой. Помимо того, каждый обыватель, обращавшійся по какому-нибудь дѣлу къ сотнику, обычно чествовалъ его спеціальнымъ «поклономъ». Ремесленные цехи сотеннаго мѣстечка дарили сотника своими издѣліями и присылали своихъ членовъ для той или иной необходимой работы во дворѣ «пана сотника». Получавшимися путемъ такихъ поборовъ доходами сотникъ дѣлился и съ сотенной старшиной. Подобные же поборы деньгами, припасами и трудомъ, только въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ, практиковались въ полку полковникомъ и полковой старшиной. Сотники привозили полковнику «ралецъ», ремесленные цехи доставляли ему свои издѣлія, а подчасъ и работниковъ, мѣстные торговцы уплачивали въ его пользу особые сборы, ратуша полкового города поставляла на городской дворъ полковника съѣстные припасы. «А съ ратуши — сообщалъ въ Москву въ 1666 г. переяславскій воевода Вердеревскій — полковнику и атаману и судьѣ идетъ съ мѣста съ продавцовъ десятая рыба; а съ ратуши по всякъ день вино, и пиво, и медъ, и харчъ всякой» [1]). Случалось также, что полковникъ привлекалъ посполитыхъ полка къ тѣмъ или инымъ работамъ въ своемъ частномъ хозяйствѣ. Размѣръ этихъ работъ и поборовъ, взимавшихся съ населенія въ пользу сотенной и полковой старшины, не былъ установленъ никакими опредѣленными правилами и это обстоятельство въ связи съ широкою властью сотниковъ и полковниковъ создавало большой просторъ для разнаго рода злоупотребленій. Жалобы на такія злоупотребленія послышались уже очень рано. Полковникъ — разсказывалъ, напримѣръ, въ Полтавѣ мѣстный полковой судья пріѣхавшему въ Малороссію въ 1667 г. стольнику Кикину — «со всего полтавского полку согналъ мелниковъ и заставилъ ихъ на себя работать, а мужики изъ селъ возили ему, полковнику, лѣсъ, и устроилъ онъ себѣ домъ такой, что у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ» [2]).

ную куницу» не только съ посполитыхъ, но и съ козаковъ С. П. Моравскій («Федоръ Лисовскій», К. 1891, с. 32), и онъ же указалъ на близость этого явленія къ западно-европейскому merchetum, въ которое, по крайней мѣрѣ, въ Англіи, входила, по словамъ проф. Виноградова, и «пошлина за бракъ, платившаяся не сеньеру, а общинѣ или сотнѣ». («Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка», с. 62).

[1]) Акты Ю. и З. Р., VI № 41, сс. 101—2.

[2]) Тамъ же, VI, № 62, VII, сс. 195—6.

Другимъ серьезнымъ источникомъ доходовъ сотенной и полковой старшины являлся судъ. Козакъ, мѣщанинъ или посполитый, уличенный на судѣ въ кражѣ, разбоѣ, грабежѣ, нанесенiи тяжкихъ побоевъ, убiйствѣ, «чужоложствѣ», нарушенiи супружеской вѣрности, изнасилованiи или въ какомъ другомъ уголовномъ преступленiи, помимо опредѣленнаго въ законѣ наказанiя, уплачивалъ еще болѣе или менѣе значительный штрафъ въ пользу разбиравшей его дѣло старшины и «пана полковника»[1]). Если преступникъ подвергался смертной казни, штрафъ своимъ чередомъ взыскивался изъ оставшагося послѣ казненнаго имущества. Случалось, что судъ, когда потерпѣвшая сторона не особенно настаивала на наказанiи преступника, миловалъ послѣдняго, но «належитая врядовая и панская вина» неукоснительно взималась и въ этомъ случаѣ. Бывало даже и такъ, что полковникъ обращалъ принадлежавшее ему право помилованiя въ новый источникъ дохода. Въ 1690 г. сотенный и городовой урядъ м. Бѣликовъ съ участiемъ высланнаго изъ Полтавы бурмистра и «значныхъ старинныхъ Бѣлицкихъ людей» приговорилъ Кирила Хведорченка за покражу лошадей и пчелъ къ смертной казни. Мать Хведорченка просила, однако, помиловать его, обѣщая вернуть цѣну украденнаго. Въ виду этой просьбы матери преступника обвинители «не барзо настояли на его смертельной карности» и «припустили на волю уряду мѣского», который въ свою очередь обратился къ полковнику. Послѣднiй, «увѣдомившись, що мати Кирилова ручится за сына своего, а людского злочинцу, обдарилъ сына еи животомъ и казалъ пустити на покаянiе; а за тую поруку, що Хведорчиха поручилася за сына, и за его злодѣйское Кирилово проступство взялъ его милость панъ Феодоръ Жученко, полковникъ Полтавскiй, млиновые кола (мельничные поставы) на рѣцѣ Ворсклѣ и лѣсъ Кириловъ Хведорченко»[2]). Въ 1700 г. полковой полтавскiй урядъ судилъ нѣкоего Тимка Гаптара за убiйство шинкарки и призналъ было убiйцу подлежащимъ

---

[1]) Въ 1719 г. прилуцкiй полковой судья Марковичъ жаловался гетману, что духовенство вмѣшивается въ разборъ дѣлъ о блудодѣянiи и убiйствѣ и беретъ на себя большiе штрафы, «чого нѣкогды въ полку нашемъ не бывало, ибо, въ томъ не труждаючися, неприлично и брати». Марковичъ просилъ, «чтобы зъ сану духовного въ такiя дѣла не интересовался нѣхто... бо, еслибы мѣла духовная власть тiе себѣ неналежнiе подгорнути приходи, то з чого будетъ и власть свѣцкая жити, развѣ зъ того, чтобы тилко градскiе порядки устроевати и всякiе трудности отбувати дармо». Лазаревскiй. Описанiе старой Малороссiи, III, сс. 115—6.

[2]) А. М. Лазаревскiй. Замѣчанiя на историческiя монографiи Д. П. Миллера, X, 1898, приложенiя, с. 56.

смертной казни, тѣмъ болѣе, что и «рожоная сестра» убитой «домовлялася судового всказанія». Но полковникъ «суду росказалъ даровати его горломъ за усиловнымъ кривавослезнымъ матки его Тимковой и тещи оного жъ зъ жоною его, а до того, ижъ (что) онъ, Тимко, видячи такъ великое по Бозѣ его милости пана полковника отцевское надъ собою милосердіе, ижъ не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ (имуществѣ) ненарушономъ зосталъ, во вѣчные и неуставаючіе роды зъ жоною своею поручилъ себе въ доживотную дому его панскому службу»[1]).

Размѣръ судебныхъ штрафовъ не былъ установленъ никакими точными правилами и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялся волей суда, точнѣе говоря — сотника или полковника. Въ полтавскомъ полку «за (при) пана Леонтія Черняка полковникуючого зыманый былъ Собко на богомерзкомъ дѣлѣ съ быдлиною, именно зъ шкапою (кобылой); и тогды врядови мѣскому платилъ вину належную, а панъ Чернякъ тую жъ шкапу, зъ которою его, Собка, зловлено, взялъ за проступство оного»[2]). Въ 1674 г. сотенный урядъ м. Кереберды судилъ одного изъ жителей этого мѣстечка за «чужоложство» и, получивъ сознаніе обвиняемаго, обратился къ полковнику за «наукой», приложивъ при этомъ и реестръ «худобы» преступника. «Наука» полковника оказалась такова: «до двора полковничого взято за вину: воловъ пять, лошака и ручницу зъ рогомъ; а сотникъ Керебердянскій, зо всѣмъ тамошнимъ урядомъ, за позволенемъ полковниковымъ взялъ быковъ два, овецъ двадцат и двѣ и жупанъ синій; а остатокъ худобы его, проступцы, зоставленъ его дѣтемъ»[3]). Довольно разнообразны были и самые виды налагаемыхъ такимъ путемъ штрафовъ. Брались они деньгами, но брались также, и притомъ гораздо чаще, скотомъ, различными вещами домашняго обихода, земельными участками, даже мельницами, — смотря по достатку и характеру занятій осужденнаго. Если у приговореннаго къ штрафу не оказывалось ни денегъ, ни пригодныхъ для полковника вещей, ни земель, близкихъ къ землямъ послѣдняго, случалось, что мѣстный сотникъ уплачивалъ штрафъ въ пользу полковника изъ своихъ средствъ, а за это бралъ себѣ сѣнокосъ или пахатное поле осужденнаго[4]). И эта неопредѣленность вида и

---

[1]) Тамъ же, с. 70.

[2]) Тамъ же, с. 62.

[3]) Тамъ же, с. 54.

[4]) Вотъ для примѣра одинъ такой случай: въ 1697 г. Гапка Павловская, «жителка Ушенская», судилась на городовомъ урядѣ за «пополненіе вшетеченства»

размѣра судебныхъ штрафовъ создавала опять-таки возможность злоупотребленій со стороны старшины, — возможность, которая недолго оставалась неиспользованной. «А кто козакъ или мужикъ упадетъ хотя въ малую вину, — разсказывалъ въ 1667 г. полтавскій полковой судья о дѣйствіяхъ мѣстнаго полковника Витязенка — и онъ, полковникъ, того человѣка животы всѣ и лошади и животину емлетъ на себя... А приводитъ его, полковника, на всякое злое дѣло и на корысть и на грабленіе жена его полковникова да писарь его полковой; а онъ, писарь, и пуще полковника корыстуется и людей невинно грабитъ безъ остатку»[1]).

Эти поборы и доходы, собиравшіеся старшиной съ населенія и повышавшіеся вмѣстѣ съ повышеніемъ ея власти, замѣтно отражались, конечно, на хозяйственномъ благосостояніи отдѣльныхъ ея членовъ. Даже рядовой козакъ, попавшій на тотъ или иной старшинскій урядъ и просидѣвшій на немъ нѣсколько лѣтъ, по большей части сходилъ съ него съ такимъ достаткомъ, который уже не давалъ своему обладателю затеряться въ общей массѣ «обывателей» и выдвигалъ его въ группу «значнаго товариства». Власть и соединенные съ нею доходы старшины содѣйствовали такимъ образомъ постепенному образованію въ ея лицѣ новаго слоя малорусскаго общества. Но особенно глубокую грань между нею и остальною массою населенія провели тѣ права, которыя пріобрѣла старшина въ сферѣ землевладѣнія.

VIII

Крушеніе стараго порядка, вызванное возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, обратило, какъ мы видѣли, бывшихъ панскихъ «подданныхъ» въ свободныхъ собственниковъ тѣхъ земельныхъ участковъ, на которыхъ они сидѣли. Но рядомъ съ землями, занятыми козаками и крестьянами, одинаково являвшимися теперь собственниками своихъ участковъ, лежали еще значительныя площади собственно «панскихъ» земель и бывшія «панскія» угодья, находившіяся раньше въ непосредственномъ распоряженіи панскихъ дворовъ, равно какъ большія пространства никѣмъ

(прелюбодѣянія)»; присужденный съ нея штрафъ полковнику заплатилъ менскій сотникъ, а она отдала ему свою сѣножать. Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 22.

[1]) Акты Ю. и З. Р., VI, № 62, VII, сс. 195—6.

еще не занятой и не воздѣланной земли. Право собственности на всѣ эти земли сосредоточилось теперь въ рукахъ «Войска Запорожскаго» и составлявшихъ его мѣстныхъ территоріальныхъ общинъ, а право распоряженія такими землями перешло къ войсковымъ властямъ и къ главѣ ихъ — гетману, являвшимся представителями этихъ общинъ и объединявшихъ ихъ въ одну государственную общину «Войска Запорожскаго».

Использованіе этихъ правъ на первыхъ же порахъ происходило различными путями. До насъ дошло нѣсколько свидѣтельствъ, говорящихъ о томъ, что въ первое время послѣ изгнанія поляковъ какъ центральныя власти «Войска Запорожскаго», такъ и мѣстныя общины распродавали оставшіяся послѣ изгнанныхъ пановъ земли и угодія. Такъ, сохранился универсалъ Богдана Хмельницкаго, данный имъ въ 1655 г. его шурину Якиму Сомку, такъ трагически впослѣдствіи окончившему въ борьбѣ за гетманство свою жизнь, на бывшія «панскія» земли селъ Воронкова и Рогозова въ переяславскомъ полку. «Ознаймуемъ симъ нашимъ писанемъ, кому бы о томъ вѣдать надлежало, — говорится въ этомъ универсалѣ — ижъ (что) отдалъ до скарбу нашего войскового Якимъ Сомковичъ, товаришъ нашъ, сумму певную (нѣкоторую, опредѣленную) за всѣ грунта панскіи, такъ Воронковскіи, яко и Рогозовскіи, за которими нивами сумму отобравшы, оніи въ поссесию и въ вѣчное уживанье (пользованіе) помененному Якимови подаемъ»[1]). Въ параллель съ этимъ эпизодомъ можно поставить другой, въ которомъ въ аналогичной роли выступаетъ уже не войсковой скарбъ и не гетманская власть, а мѣстная община. Въ 1719 г. между Мгарскимъ лубенскимъ монастыремъ и обывателями м. Лохвицы шелъ споръ изъ-за мельницы Святской на рѣчкѣ Сулицѣ. При разбирательствѣ этого спора высланными отъ лубенскаго полковника коммиссарами «бережане (т. е. «побережные жители Лохвицкіе») представили многолѣтной старости козака годного, иногда (нѣкогда) въ Лохвицѣ атаманскій урядъ носившаго, Івана Лесченка, который созналъ такъ: ижъ за державы еще лядской наиперве̂й пререченную гребелку занялъ и устроилъ шляхтичъ Святскій, которій бивало временемъ и товару (скота) чрезъ оную

---

[1]) Цитированный универсалъ напечатанъ по сохранившейся копіи его Лазаревскимъ (Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи, вып. V, К., 1899, сс. 94—5); въ копіи же онъ сохранился въ Рум. Описи — Р. О. въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, документы Воронцовской сотни, № 1.

перепускать не кажетъ; а по вигнанию ляховъ з Малой Россіи заразъ Самохвалъ козакъ набулъ былъ (пріобрѣлъ) собѣ отъ товариства, и не за велико, оную»[1]).

Наряду съ продажей, производившейся отъ имени всего «войска» либо товариства той или другой сотни и даже того или другого села, происходилъ и простой раздѣлъ бывшихъ «панскихъ» земель. Въ новгородсѣверской сотнѣ стародубовскаго полка старый козакъ Михѣй разсказывалъ въ началѣ XVIII столѣтія, что онъ владѣлъ своимъ полемъ и сѣножатью «отъ самой лядчины». «А то поле и сѣножать — прибавлялъ онъ — были пана Песочинского, якіе намъ, товариству войсковому, блаженные памяти панъ Васюта, полковникъ на тотъ часъ будучи нѣжински стародубовски, подѣлилъ былъ за услуги наши къ его царскому величеству пресвѣтлаго монарха Алексѣя Михайловича»[2]). Еще чаще, надо думать, происходилъ захватъ земель, уже позднѣе освящавшійся санкціей войсковой власти въ лицѣ соотвѣтствующаго ея представителя. Въ 1660 г. кіевскій полковникъ Дворецкій особымъ универсаломъ отдалъ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ «пляцы ксендзовъ бернадиновъ и езовѣтовъ и ормянскіе, якіе въ своей долгости и широкости маютъ, зъ усими пожитками и куничниками, на нихъ будучими, хто колвекъ (кто бы то ни было) зъ мещанъ, окромъ козаковъ, на вышепомененныхъ пляцахъ кляшторныхъ побудовался (построился)». «Стороны зась (а что касается) козаковъ, — продолжалъ полковникъ — которые собѣ волныхъ пляцовъ шляхетскихъ шаблею добыли и, за вѣдомостю прежнихъ полковниковъ и моею побудовавшися, живутъ, за заслуги на то листы одъ насъ и одъ ихъ милостей, пановъ гетмановъ войска запорожского, даные маютъ и ведлугъ (согласно) пунктовъ, въ статяхъ на столицы при его царскомъ пресвѣтломъ величествѣ поставленныхъ, козаки зъ дѣтками и жонами своими зъ вышпомененныхъ пляцовъ кляшторныхъ и шляхетскихъ отъ подачокъ и куницъ волними быти маютъ»[3]). Такое же добываніе саблею земель происходило и въ другихъ мѣстахъ и долгіе годы спустя послѣ возстанія Хмельницкаго крестьяне и посполитые во многихъ мѣстностяхъ указывали въ числѣ своихъ владѣній земли, «займаніе по згону ляховъ».

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-594.

[2]) С. П. Моравскій, Федоръ Лисовскій, с. 29.

[3]) Кіевская Старина, 1885, № 4, с. 745.

Рядомъ съ такимъ захватомъ бывшихъ панскихъ земель или раздѣломъ ихъ старшиною между рядовыми козаками, рядомъ съ случаями продажи прежнихъ панскихъ земель и угодій центральной войсковой властью и мѣстными общинами, шла, наконецъ, и раздача этихъ земель болѣе или менѣе значительными площадями въ однѣ руки безъ всякой платы. Подобно тому, какъ кіевской церкви Николая Добраго полковникъ Дворецкій далъ «пляцы» бернардиновъ, іезуитовъ и армянъ въ Кіевѣ, Мгарскій монастырь, какъ мы уже видѣли, получилъ отъ Хмельницкаго принадлежавшія раньше бернардинскимъ монахамъ земли въ Лубнахъ и около Лубенъ, а монастырю Макошинскому полковникъ Гуляницкій отдалъ «поля панскія завоеванныя» въ менской сотнѣ. Подобнымъ же образомъ раздавались прежнія панскія земли и другимъ монастырямъ. Но эта раздача практиковалась не только въ пользу монастырей и охватывала собою не только бывшія панскія, а и вообще свободныя земли.

Верховнымъ распорядителемъ всѣхъ земель, перешедшихъ въ собственность «Войска Запорожскаго», являлся «звѣрхнѣйшій властитель» и «рейментарь» Малороссіи — гетманъ. Ему, какъ главѣ всего «Войска», олицетворявшему послѣднее и сосредоточивавшему въ своихъ рукахъ его державныя права, принадлежало право раздачи свободныхъ земель на территоріи всей Малороссіи и гетманы съ первыхъ же лѣтъ широко пользовались этимъ правомъ для вознагражденія заслугъ отдѣльныхъ войсковыхъ товарищей. Такое право принадлежало однако не только гетману. Наряду съ послѣднимъ тѣмъ же правомъ раздачи земель располагали полковникъ на территоріи своего полка, сотникъ — въ предѣлахъ своей сотни. Только размѣръ такого права у всѣхъ этихъ лицъ не былъ вполнѣ одинаковъ.

Наиболѣе скромными были права сотника, который могъ лишь раздавать на территоріи своей сотни небольшіе участки свободной земли. «Поневажъ (такъ какъ) — писалъ, напримѣръ, почепскій сотникъ Кошанскій въ своемъ универсалѣ 1677 г. — Мартинъ Щуровичъ, товаришъ войсковый, зъ дозволенія прежнего сотника селище пустое, прозиваемое Нянково, держалъ и зъ покосовъ сѣннихъ, не зносячи ни отъ кого жадной перешкоди, пожитокъ собѣ мѣлъ, теди и ми, стосуючись до того (принимая во вниманіе), же онъ просбу свою внеслъ, также по прежнему мененное селище владѣти позволяемъ, варуючи (обусловливая) то, абы жаденъ (никто) съ товариства, яко и зъ мужей, до

ласки войсковой не важился (отважился) быти перешкодою»[1]). Какъ можно видѣть изъ этого примѣра, сотникъ самостоятельно давалъ въ своей сотнѣ дозволеніе на пользованіе небольшими участками пустой земли «до ласки войсковой» — до милости войска. Такого рода распоряженія сотника не подлежали никакому постоянному контролю со стороны высшихъ властей, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждое изъ нихъ могло быть отмѣнено, не говоря уже о гетманѣ, и тѣмъ полковникомъ, которому подчинялся данный сотникъ.

Права полковника были уже несравненно шире. Онъ также могъ раздавать, и притомъ въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, лежавшія на территоріи управляемаго имъ полка свободныя земли и «пустовщины»[2]). Онъ могъ, кромѣ того, выдавать и, дѣйствительно, постоянно выдавалъ разрѣшенія на постройку «млиновъ» (мельницъ) какъ на собственныхъ земляхъ строителей, такъ и на свободныхъ и могъ также давать владѣльцамъ мельницъ серьезныя податныя льготы. Обычно для устройства водяной мельницы требовалось и разрѣшеніе мѣстной «громады» и «това-

[1]) Обозрѣніе Румянцевской Описи, III, с. 594.

[2]) Иного рода взглядъ неоднократно высказывался А. М. Лазаревскимъ, приписывавшимъ подобныя права лишь нѣкоторымъ полковникамъ, которымъ ихъ давала особая милость гетмана. Такой взглядъ съ особенной категоричностью былъ высказанъ Лазаревскимъ въ комментаріи къ напечатанному имъ «листу» миргородскаго полковника Даніила Апостола, данному въ 1705 г. власовскому сотнику Сахненку въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго разрѣшить ему владѣть пустымъ «кутомъ» земли у р. Цыбулника, «якъ бы власнымъ купленымъ грунтомъ». «Яко теды — писалъ въ своемъ листѣ Апостолъ — пустовскіе, а иле лежачіе добра не кому иншому въ полку нашомъ належитъ вѣдати и диспоновати, тылко намъ, яко господареви, по милости Божой и рейментарской, того миргородского полку, такъ, уважаючи давныѣ значныѣ въ войску запорожскомъ прислуги п. Устима Сахненка... кутъ оный... яко пустовщину, позволяемъ ему обняти и такъ власне держати и владѣти въ часы потомныѣ, якъ бы мѣлъ за гроши». «По милости Божьей и гетманской» — замѣчалъ Лазаревскій по поводу этого «листа» — «Апостолъ считалъ себя полноправнымъ распорядителемъ вольныхъ земель («пустовщинъ»). Такіе размѣры власти могли присвоивать себѣ далеко не всѣ полковники: при Мазепѣ «лежачіи добра» могли раздавать лишь тѣ изъ полковниковъ, которые долгою своею службою «войску» пріобрѣтали особый у гетмана почетъ; такими полковниками были — Данило Апостолъ, Яковъ Лизогубъ, Михайло Миклашевскій, Дмитрій Горленко»... (К. Старина, 1892 г., № 9, с. 411). Въ этомъ комментаріи сказалась наклонность покойнаго историка чрезмѣрно индивидуализировать подмѣченныя имъ явленія малорусской исторіи. Въ дѣйствительности и цитированный документъ даетъ не совсѣмъ то, что содержится въ комментаріи Лазаревскаго. Апостолъ называетъ себя въ этомъ документѣ «милостью Божой и рейментарской господаремъ миргородскаго полка», а право раздачи земель является въ его листѣ слитымъ съ должностью полковинка. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ при Мазепѣ, какъ и до него. Не говоря уже о примѣрахъ, приведенныхъ въ текстѣ, въ напечатанныхъ въ послѣдніе годы сборникахъ документовъ малорусской исторіи XVII—XVIII вв. можно видѣть большое количество полковничьихъ универсаловъ, а еще большее количество такихъ универсаловъ хранится въ архивахъ. И, какъ мы еще увидимъ, права полковника въ сферѣ землевладѣнія шли въ эту эпоху много дальше раздачи пустовщинъ.

риства», часть земель которыхъ могла быть подтоплена при постройкѣ «гребли». Особенно же важнымъ являлось это разрѣшеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда будущій владѣлецъ мельницы затѣвалъ такую «греблю», поддержка которой превышала его средства и требовала помощи со стороны жителей одного или нѣсколькихъ свободныхъ селъ. Въ этихъ случаяхъ еще до постройки мельницы предстояло запастись обязательствомъ будущихъ сосѣдей гатить предположенную греблю. Вотъ одинъ изъ примѣровъ того, какъ получались подобныя обязательства. Въ 1686 г. лубенскій полковой асаулъ Леонтій Свѣчка, будучи на пасхальномъ съѣздѣ старшины съ «ральцемъ» у полковника Илляшенка, получилъ отъ послѣдняго «письмо» съ разрѣшеніемъ построить «млинъ» на р. Переводѣ, выше Гурбинскаго моста. Съ этимъ «письмомъ» Свѣчка явился къ гетману и «слова были вельможности его: а далиби людямъ тоею греблею великого утяження не було». Тогда «панъ Леонтій Свѣчка, скоро пріихавши изъ Батурина, всѣхъ атамановъ тихъ селъ тракту Пирятинского, которіи тракти до города мѣютъ презъ той Гурбинскій мостъ, казалъ созвати въ городъ на праздникъ Преполовленія Господня и всю речь имъ вишъ описанную презентовалъ. Теди усѣ атамани, будучи и съ товариствомъ своимъ, ухвалили листъ его милости мосцѣ пана полковника добродѣя і милостивое слово велможной его милости мосцѣ пана гетмана, яко единими усти мовили: лучше намъ разъ нарадити греблю у вѣчность, нежели пущи свои пустошити що року (каждый годъ) на мостъ, которій мало и маемо, з поля же живучи, и всѣ зезволили (согласились) греблю гатити»[1]). Построивъ мельницу, Свѣчка черезъ нѣсколько лѣтъ продалъ ее пирятинскому протопопу, но обязательство окрестныхъ селянъ гатить греблю при ней не потеряло своей силы при этой перемѣнѣ владѣльца и было подтверждено для нихъ гетманскимъ универсаломъ[2]). Въ данномъ случаѣ Свѣчка обратился къ селянамъ въ виду колебанія гетмана, затруднившагося прямо утвердить разрѣшительное «письмо» полковника на постройку «млина». Чаще же согласіе громады и товариства испрашивалось еще до разрѣшенія полковника и представлялось послѣднему вмѣстѣ съ просьбой о такомъ разрѣшеніи. Въ 1655 году, напримѣръ, въ м. Кобыжчѣ былъ для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ

---

[1]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета. Документы Лубенскаго полка, № 1.
[2]) Тамъ же, № 11.

«зосланный» отъ наказного нѣжинскаго полковника Григорія Кобилецкого «товаришъ» Иванъ Патока. И, когда «громада тамошняя дня первого априля зобралисе при иннихъ громадскихъ росправахъ», передъ нею выступилъ «зайшлый (зашедшій) въ громаду» человѣкъ Сидоръ Сенченко, и, назвавъ себя мельникомъ, «оповедилъ в громаде, жемъ (что я) на грунте Кобижскомъ займище давное гребли, на которомъ млинъ станути с пожиткомъ скарбу войскового можетъ, угледѣлъ». Патока «питалъ громаде, ежели тое займище не есть на перешкоде млиномъ и сѣножатемъ Кобижскимъ; теди всѣ одностайне (единодушно) казали, козаки и мещане и мельники, въ громаде будучи, охотне то у себе признали: ми таковому человѣковѣ и ремесниковѣ и ради, ему, Сидоровѣ самому, жонѣ и потомкамъ ихъ ни в чомъ перешкоди отъ громади не есть и не будеть, але (но) того желаемо и зычимо (хотимъ), жеби подвишался скарбъ Божий и войсковий». Въ виду этого наказный нѣжинскій полковникъ «именемъ его милости пана гетмана Сѣверского» далъ Сидору Сенченку разрѣшеніе построить мельницу на высмотрѣнномъ имъ займищѣ, предлагая, когда она «уже в своей станетъ перфекціи, на тотъ часъ удатися до его милости пана гетмана Сѣверского, котorий, яко иншимъ за таковие кошти (расходы), будоване новихъ млиновъ, ласку свою панскую показуетъ», такъ можетъ показать ее и Сидору [1]. Но разрѣшеніе полковника могло и замѣнить собою согласіе громады, равно какъ обязательство окрестныхъ селянъ гатить нужную для «млина» греблю могло быть не только дано ими добровольно, но и наложено на нихъ властью полковника.

Выдавая разрѣшенія на «занятіе» гребель и постройку мельницъ, полковникъ выступалъ въ роли не только представителя полковой общины, сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ ея права на земли, но и хранителя интересовъ войсковой казны. Дѣ-

---

[1]) Тамъ же, Кіевскій полкъ, Документы Бобровицкой сотни, т. I, № 83. Кобилецкій выдаетъ разрѣшеніе «именемъ гетмана Сѣверскаго», т. е тогдашняго нѣжинскаго полковника Золотаренка, и лишь обѣщаетъ, что послѣдній дастъ льготы строителю «млина», такъ какъ самое право выдавать разрѣшенія на займища подъ млины и на постройку самыхъ млиновъ принадлежало лишь «цѣлому» полковнику, «наказный же», временно назначавшійся на эту должность, самимъ ли «цѣлымъ» полковникомъ на время его отсутствія изъ полка или гетманомъ впредь до выбора «цѣлаго», такого права не имѣлъ. «А и вашмости, яко зуполной власти полковнической не имѣючому, — писалъ въ 1719 г. гетманъ Скоропадскій полковому сотнику и наказному полковнику стародубовскому, Ивану Чарнолузкому,— таковыхъ свидѣтельствъ вмѣсто универсаловъ на заняте гребель и другихъ угодій давати впредь не надлежитъ, приказуемъ». Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2403.

ло въ томъ, что мельницы, являвшіяся одной изъ наиболѣе доходныхъ статей тогдашняго малорусскаго хозяйства, были вмѣстѣ съ тѣмъ обложены значительнымъ сборомъ на войсковыя нужды. Половина, а то и двѣ трети «розмѣра», т. е. взимавшейся хлѣбомъ платы за помолъ, шли подъ именемъ «войсковой мѣрочки» въ пользу «войска» и только остальная половина или треть поступала владѣльцу мельницы, который долженъ былъ, кромѣ того, уплачивать добавочные сборы, носившіе наименованіе «покабанщины» и «поколющины» [1]). Полковникъ въ качествѣ владыки и хозяина («господаря») своего полка былъ при такихъ условіяхъ озабоченъ увеличеніемъ числа мельницъ въ полку въ интересахъ увеличенія войсковыхъ доходовъ и этотъ мотивъ заставлялъ полковника проявлять свою «ласку» къ строителямъ новыхъ мельницъ и давать такимъ строителямъ временныя льготы въ платежѣ полагавшихся съ нихъ сборовъ. «Будучи я — писалъ, напримѣръ, въ 1669 г. въ одномъ изъ своихъ универсаловъ черниговскій полковникъ Лисенко — сторожемъ скарбу въ полку моемъ войскового, слушной (справедливой) прозбѣ Кузми Речичанина, товариша сотни березинской, не отмовивши (отказавши), греблю на рѣцѣ Березной своимъ власнымъ (собственнымъ) коштомъ занявши, млинъ виставити позволилемъ и, по виставленію того млина, слободи на полтора рока (года) ему надалемъ» [2]). Этотъ же мотивъ велъ права полковника и дальше. Мало того, что послѣдній, «при звѣрхности полковничой воленъ будучи въ своемъ полку таковыми добрами и грунтами войсковими диспоновати (распоряжаться)», раздавалъ «подлугъ (по) власти полковничой и волѣ своей доброй» земли подъ мельницы и разрѣшенія на постройку самыхъ мельницъ [3]). «Привлащаючи (умножая) скарбъ войску Запорожскому», онъ вдобавокъ привлекалъ къ гаченью нѣкоторыхъ гребель жителей

---

[1]) Половина «розмѣра» взималась съ козацкихъ мельницъ, гребли которыхъ гатились окрестными селянами; двѣ трети «розмера» шли въ войсковой скарбъ съ мельницъ посполитскихъ (см. Лазаревскій. Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера, приложенія X, с. 76; см. еще Акты Ю. и З. Р., VI, № 1. XVIII, с. 19.) Но, повидимому, отъ этаго общаго правила допускались и отступленія. По крайней мѣрѣ, мнѣ приходилось встрѣчать въ архивныхъ документахъ и такіе случаи, когда съ козацкой мельницы, содержимой средствами самого владельца, въ войсковой скарбъ взимались все-таки двѣ трети «розмѣра».

[2]) Обозрѣніе Рум. Описи, I, с. 97.

[3]) Цитированные опредѣленія полковничьей власти см. въ универсалахъ черниговскаго полковника Вас. Борковскаго 1679 г. (документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2141) и кіевскаго полковника Констант. Мокіевскаго 1696 г. (Рум. Опись въ б-кѣ Кіев. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни. т. III, № 308).

окрестныхъ селъ, создавая такимъ образомъ для нихъ особую повинность. При этомъ самую «войсковую мѣрочку» или «войсковую часть» доходовъ съ мельницы полковникъ могъ отдать и въ частное пользованіе, тому ли или иному монастырю либо священнику «для лучшой хвалы Божой» или какому-нибудь «товарищу войсковому» за ревностную службу «Войску Запорожскому». Такая отдача въ частное пользованіе войскового дохода съ мельницы не мѣшала однако ни сохраненію, ни установленію для такой мельницы упомянутой повинности гаченья гребли окрестными жителями. Полковникъ могъ и въ этомъ случаѣ требовать отъ послѣднихъ аккуратнаго выполненія такой повинности, какъ въ цѣляхъ содержанія въ исправности дорогъ, такъ и въ тѣхъ видахъ, чтобы «пущенный» властью — предполагалось, въ интересахъ «войска» — въ частное пользованіе «пожитокъ (доходъ) войсковой части розмѣра не гинулъ». Самая раздача полковникомъ «войсковой мѣрочки» обычно носила временный и условный характеръ: полковникъ по большей части отдавалъ эту «мѣрочку» «до ласки войсковой» или «до далшой ласки звѣрхнѣйшого властителя нашего ясневелможного его милости пана гетмана» и выданный въ этомъ смыслѣ однимъ полковникомъ универсалъ при вступленіи на урядъ новаго полковника нуждался въ подтвержденіи съ его стороны.

Наряду съ этимъ однако права полковника шли и дальше раздачи «пустовщинъ», выдачи разрѣшеній на постройку мельницъ и передачи въ частное пользованіе войскового дохода съ послѣднихъ. Раздавая пустыя и свободныя земли, полковникъ могъ разрѣшать и поселенія на нихъ, и притомъ не только такія поселенія, которыя имѣли характеръ новыхъ свободныхъ селъ, но и такія, въ которыхъ складывалась частная зависимость поселенцевъ отъ получившаго полковничій универсалъ владѣльца земли. Поселенія послѣдняго рода разрѣшались полковниками съ первыхъ же моментовъ дѣйствія новаго строя. Такъ, въ 1657 г. черниговскій полковникъ Иванъ Аврамовичъ разрѣшилъ своему «пріятелю» Ивану Войцеховичу сзывать какъ посполитыхъ, такъ и козаковъ на слободу и далъ этой послѣдней податныя льготы на двадцать лѣтъ. Черезъ короткое время изъ этой слободы выросло большое село Дубровна, которое въ 1672 г. было подтверждено гетманомъ Многогрѣшнымъ сыну Ивана Войцеховича, полтавскому полковому писарю Богдану

Войцеховичу, какъ «по отцу зешлимъ, слушнымъ правомъ, яко синовѣ, належачое»[1]). Подобныя же разрѣшенія на поселеніе слободъ въ большомъ количествѣ выдавались и другими полковниками. Самыя разрѣшенія на постройку мельницы, когда они давались монастырю, священнику, тому или иному члену старшины, либо «значному» козаку, очень часто сопровождались позволеніемъ осадить при мельницѣ слободу и такое позволеніе вполнѣ входило въ предѣлы власти полковника. Въ 1683 г. черниговскій полковникъ Борковскій выдалъ любецкому сотнику Устимовичу универсалъ на пользованіе войсковою частью въ построенной имъ съ разрѣшенія полковника мельницѣ и на владѣніе поселенными на расположенныхъ около нея земляхъ «людцами». Дозволилъ я это — пояснялъ онъ въ своемъ универсалѣ — «въ надѣю (надеждѣ) тоей ко мнѣ звѣрхного владци и господаря отчизны нашой, щесливе намъ рейментуючого (правящаго), ясневелможного его милости пана Ивана Самойловича, ласки, по якой воленъ естемъ въ полку своемъ при урядѣ полковничества вшелякими (всякими) войсковыми добрами на семъ боку Снови диспоновати (распоряжаться) и не тилко къ моему пожитковѣ онихъ уживати (употреблять), овшемъ (но), углядуючи по заслугахъ, и подручному товариству удѣляти»[2]). Но такой же «лаской» гетмана или, точнѣе говоря, такимъ же правомъ, не регулированнымъ никакимъ закономъ, но прочно установленнымъ въ обычаѣ, пользовались и другіе полковники.

Это право встрѣчало однако себѣ извѣстныя ограниченія въ верховныхъ правахъ гетмана. Послѣдній, въ качествѣ носителя верховной власти «Войска Запорожскаго», могъ отмѣнить всякое распоряженіе полковника въ дѣлѣ раздачи «войсковыхъ добръ», хотя и не подвергалъ такихъ распоряженій своему постоянному контролю. Поэтому лица, получившія болѣе или менѣе значительныя «войсковыя добра» отъ полковника, часто старались получить еще подтвержденіе тѣхъ же «добръ» отъ гетмана и по большей части успѣвали въ этомъ. Съ другой стороны, гетманъ и непосредственно осуществлялъ на всей подвластной ему территоріи свое право раздачи «войсковыхъ» земель и угодій, выдавая прямо отъ себя универсалы на свободныя земли, на постройку мельницъ и на пользованіе «войсковою частью» въ нихъ, наконецъ, на осаженіе слободъ. Въ этомъ послѣднемъ слу-

[1]) Сулимовскій Архивъ, №№ 173 и 174.
[2]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. № 181.

чаѣ распоряженіями гетманской власти, какъ и аналогичными распоряженіями полковниковъ, въ жизни страны создавался новый фактъ въ видѣ появленія новой группы крестьянъ, находящихся въ частной зависимости. Но одновременно тотъ же фактъ создавался и инымъ путемъ — путемъ прямой раздачи свободныхъ селъ.

Въ первый моментъ послѣ окончательнаго отторженія отъ Польши всѣ села и мѣстечки Малороссіи, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя остались во владѣніи православныхъ монастырей и немногихъ уцѣлѣвшихъ въ «войскѣ» шляхтичей, обратились въ «свободныя войсковыя» села и мѣстечки. Населявшіе эти мѣстечки и села посполитые, избавившись отъ частной зависимости, «купно подъ сотнею, якъ волніи люде, съ козаками были»[1]). При этомъ въ дѣлѣ распредѣленія ложившихся на посполитыхъ повинностей на «войсковыя потребы», посполитые каждой сотни тяготѣли къ своему сотенному мѣстечку и его ратушѣ, и села всякой сотни, говоря языкомъ актовъ немного болѣе поздней эпохи, «въ общенародныхъ повинностяхъ городу помогали». Но такъ какъ самыя ратуши оказались въ непосредственномъ подчиненіи сотниковъ и сотенной старшины, засѣдавшихъ въ нихъ вмѣстѣ съ ратушными членами и съ помощью послѣднихъ, но на правахъ прямого начальства, творившихъ здѣсь свой судъ и расправу, то посполитское населеніе свободныхъ войсковыхъ селъ и мѣстечекъ оставалось «подъ сотней», находясь въ непосредственномъ административномъ и судебномъ подчиненіи сотеннымъ и полковымъ властямъ, не говоря уже о власти гетманской. Говоря опять-таки терминами, встрѣчающимися въ актахъ нѣсколько болѣе поздняго времени, но, тѣмъ не менѣе, точно передающими характеръ складывавшихся въ данную эпоху отношеній, свободныя войсковыя мѣстечки и села, поскольку рѣчь шла объ ихъ посполитскомъ населеніи, находились «подъ правленіемъ сотеннымъ, въ вѣдомствѣ полковомъ и въ диспозиціи гетманской»[2]). Эта непосредственная зависимость свободныхъ по-

---

[1]) Показаніе козаковъ с. Семеновки конотопской сотни въ 1754 г., приведенное А. М. Лазаревскимъ въ его очеркѣ Села конотопскаго уѣзда. Записки Черниг. Губ. Стат. Комитета, кн. II, сс. 189—90.

[2]) Фактъ тяготѣнія свободныхъ войсковыхъ селъ къ ратушамъ создалъ въ исторической литературѣ и, въ частности, въ трудахъ А. М. Лазаревскаго нѣкоторыя недоразумѣнія. Подробный разборъ этихъ недоразумѣній данъ мною въ рецензіи на второй томъ Описанія старой Малороссіи Лазаревскаго («Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова» и отдѣльно «Къ исторіи Нѣжинскаго полка». СПБ. 1896, сс. 74—83).

сполитыхъ отъ чиновъ войсковой администраціи при примитивности общаго характера государственнаго строя страны отразилась, какъ мы уже отчасти и видѣли, и на повинностяхъ такихъ посполитыхъ, внеся въ эти повинности нѣкоторыя черты, свойственныя частноправовому укладу жизни. Посполитые несли на себѣ рядъ разнообразныхъ повинностей въ пользу всего «войска». У посполитыхъ расквартировывались приходившія въ Малороссію московскія войска, посполитые же доставляли кормъ появившимся вскорѣ у гетмановъ наемнымъ отрядамъ «сердюковъ» и «компанейцевъ», равно какъ фуражъ для лошадей тѣхъ изъ этихъ наемныхъ воиновъ, которые отбывали свою службу на коняхъ. Подобнымъ же образомъ посполитые заготовляли на войсковыхъ степахъ сѣно на зиму для лошадей войсковой артиллеріи. Лежалъ на свободныхъ посполитыхъ и рядъ другихъ повинностей въ пользу «войска». Но рядомъ съ этимъ они отбывали и нѣкоторыя повинности въ пользу отдѣльныхъ членовъ старшины. Въ свободныхъ мѣстечкахъ и селахъ съ посполитыхъ собирался особый оброкъ въ пользу гетмана, взимавшійся съѣстными припасами и носившій названіе стаціи. Наряду съ этимъ посполитые нѣкоторыхъ поселеній несли на себѣ спеціальную повинность — заготовки сѣна и дровъ для гетманскаго двора. Въ полкахъ подобныя же «работизны» отправлялись свободными посполитыми для полковника и полковой старшины, въ сотняхъ — для сотника[1]). Трудъ посполитыхъ во всѣхъ этихъ случаяхъ являлся средствомъ вознагражденія старшины за ея службу «Войску Запорожскому».

На первыхъ же порахъ однако такой способъ вознагражденія за службу принялъ и болѣе рѣзкую и отчетливую форму — форму раздачи имѣній въ частное владѣніе. Тѣ широкіе планы созданія въ Малороссіи громадныхъ частныхъ имѣній въ рукахъ старшины, какіе явились послѣ присоединенія къ Москвѣ въ умахъ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Хмельницкаго, оказались, правда, неосуществимыми. Но болѣе скромные шаги въ томъ же направленіи не остались безъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, борзенскій сотникъ Петръ Забѣла уже въ 1656 г. получилъ царскую грамоту, отдававшую ему и его потомкамъ пять селъ въ борзенской сотнѣ, и успѣлъ, дѣстви-

---

[1]) «Во всѣхъ сотеннихъ городкахъ—показывали въ 1729 г. сотники и сотенная старшина полтавскаго полка — обрѣтаючіеся сотники зъ урядниками городовими прежде сего посполитихъ обивателей на вспоможене домовъ своихъ употребляли для кошеня въ лѣта на зиму лошадямъ ихъ сѣна и ради возки дровъ».

тельно, удержать эти села за собой [1]). Съ такимъ же успѣхомъ, большею частью при содѣйствіи гетмановъ, получили въ первые годы послѣ присоединенія къ Москвѣ царскія грамоты на небольшія сравнительно имѣнія и нѣкоторые другіе члены старшины. Наряду съ этимъ гетманы, начиная уже съ Богдана Хмельницкаго, стали и своей властью раздавать свободныя села и мѣстечки въ вознагражденіе за службу на томъ или иномъ «урядѣ» или вообще за «войсковыя услуги». Такъ, миргородскому полковнику Лѣсницкому Хмельницкій отдалъ во владѣніе м. Шишакъ [2]). Подобнымъ же образомъ надѣлилъ онъ имѣніями и нѣкоторыхъ другихъ членовъ старшины, а ближайшіе его преемники стали пользоваться правомъ раздачи имѣнія въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и это право не осталось сосредоточеннымъ въ рукахъ одного только гетмана. Если послѣдній пользовался имъ на территоріи всей Малороссіи, какъ верховный носитель власти «Войска Запорожскаго», то полковники, въ качествѣ представителей полковыхъ общинъ и «диспозиторовъ добръ войсковыхъ» въ ихъ предѣлахъ, располагали такимъ же правомъ раздачи свободныхъ имѣній каждый на территоріи своего полка, причемъ распоряженія полковника въ этой сферѣ не требовали непремѣнно утвержденія со стороны гетмана, хотя и могли быть отмѣнены послѣднимъ. И въ этомъ случаѣ повторялось такимъ образомъ то же соотношеніе территоріальныхъ властей, какое мы имѣли уже случай наблюдать въ другихъ областяхъ распоряженія имуществами «Войска Запорожскаго». На первыхъ порахъ, пока еще сильна была идея о правахъ «Войска», раздача свободныхъ имѣній, производившаяся всѣми этими властями, даже тогда, когда она сопровождалась весьма категорическими формулами передачи ихъ въ частную собственность, на практикѣ носила временный и условный характеръ: не только каждый полковничій универсалъ, данный на свободное село, могъ быть отмѣненъ гетманомъ или новымъ полковникомъ, не только право, данное кому-либо на такое село гетманомъ, могло быть всегда взято назадъ тѣмъ же гетманомъ или его преемникомъ, но и царская жалованная грамота не обезпечивала прочности владѣнія и, случалось, село, от-

---

[1]) А. М. Лазаревскій, Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товаращъ. Кіевская Старина, 1883 г., № 7, с. 506.

[2]) Акты Ю. и З. Р., III, сс. 497 и 558 и Ген. слѣдствіе о маетностяхъ Миргор. полка, П. 1912, сс. 44—5.

данное такой грамотой въ потомственное владѣніе, отбиралось у владѣльца гетманскимъ распоряженіемъ. Но, какъ бы то ни было, путемъ этой раздачи въ странѣ, во всякомъ случаѣ, образовывались новыя частныя имѣнія и новые владѣльцы, пріобрѣвшіе права надъ крестьянскимъ населеніемъ. И этотъ фактъ рѣзкими чертами запечатлѣлся въ народной памяти. Села и деревни Малороссіи — разсказывали въ 1730 г. старожилы мглинской сотни, козаки и тяглые люди, — «когда гетманъ Богданъ Хмельницкій зъ войскомъ козацкимъ выбилъ всѣхъ ляховъ зъ Украины, стали быть во владѣніи гетманскомъ и войсковомъ, и якъ уже онъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, поддался подъ высокодержавнѣйшую руку монарха всероссійскаго, тогда началъ раздавать нѣкоторіе заслужонымъ и знатнымъ людемъ малороссійскимъ въ подданство зъ вѣрніе ихъ услуги войсковіе, вмѣсто ляцкихъ пановъ, заохочуючи малороссіянъ до большихъ услугъ войсковыхъ же, что и прочіе гетманы такожде чинили по Хмельницкомъ»[1]).

На первыхъ же шагахъ новой жизни Малороссіи въ ней стала такимъ образомъ рядомъ съ остатками прежняго владѣльческаго класса складываться въ лицѣ старшины и все больше сливавшагося съ нею «значнаго товариства» и новая группа владѣльцевъ имѣній или, говоря тогдашнимъ языкомъ, «державцевъ маетностей». Селилъ ли такой владѣлецъ слободу на купленныхъ или свободныхъ земляхъ съ разрѣшенія полковника либо гетмана или получалъ по распоряженію одного изъ нихъ въ свое владѣніе свободное войсковое село, въ томъ и другомъ случаѣ надъ крестьянами становилась частная власть, вырывавшая ихъ изъ самоуправляющейся сотенной общины и пріобрѣтавшая право на пользованіе частью доходовъ съ ихъ труда. Въ томъ и другомъ случаѣ крестьянинъ равно подчинялся власти «державцы» и обязывался отбывать въ его пользу «обыклое послушенство». Размѣръ этого «послушенства» не установлялся властями при раздачѣ имѣній и опредѣленіе его предоставлялось обычаю. На первыхъ порахъ, пока свѣжи были воспоминанія о грандіозномъ крестьянскомъ движеніи эпохи Хмельницкаго, такой обычай не могъ, конечно, складываться особенно отяготительно для крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ и во владѣльческомъ имѣніи оставался лично свободнымъ человѣкомъ, сохранялъ право

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, с. 676

ухода изъ имѣнія, сохранялъ и свои имущественныя права, вплоть до права собственности на перешедшую къ нему по наслѣдству или купленную имъ землю. При такихъ условіяхъ права владѣльцевъ имѣній были не особенно велики. Но все же появленіе этихъ правъ представляло собою новый шагъ въ дѣлѣ разслоенія малорусскаго общества. Съ одной стороны, въ немъ образовывался теперь многочисленный и быстро разроставшійся классъ «державцевъ», состоявшій изъ монастырей, части свѣтскаго духовенства и изъ старшины, съ другой — быстро увеличивалась въ своемъ числѣ группа находящагося въ частной зависимости крестьянства. И вмѣстѣ съ этимъ разслоеніемъ въ новыхъ условіяхъ государственной жизни страны вновь возникалъ споръ между двумя формами общественнаго строя — свободнымъ селомъ и владѣльческимъ имѣніемъ, — споръ, какъ казалось одно время народнымъ массамъ, уже разрѣшенный возстаніемъ Богдана Хмельницкаго.

2. ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНѢ XVII—XVIII ВВ.

I

Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше отодвигалась эпоха востанія Хмельницкаго, тѣмъ сильнѣе выростали въ глазахъ населенія размѣры вліянія, оказаннаго ею на формы землевладѣнія въ странѣ. И подъ конецъ XVIII вѣка жители гетманщины, оглядываясь на прошлое, подчасъ склонны были представлять себѣ время Богдана Хмельницкаго, какъ эпоху мгновеннаго и кореннаго переворота въ формахъ землевладѣнія. «Когда, при помощи божіей, — разсказывали въ 1773 г. козаки с. Покошицъ — малороссіяне зъ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ держави польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха великого государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая, потамисть, покамисть они первѣе — подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и потому сталися всѣ добра (имѣнія) малороссіянамъ быть власними (собственными) чрезъ займы. Оніе жъ займи свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе копцами обносили и рвомъ окопували, клякам[1]) ограничали и что хотѣли въ тѣхъ займахъ строили, гаи (рощи) возращали и сади заводили, футори, слободы, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ

[1]) Кляки — знаки, зарубки на деревьяхъ.

користь приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мелницъ мѣста, тамъ оніе строили» [1])...

Еслибъ этотъ и подобные ему разсказы, идущіе отъ конца XVIII столѣтія, можно было признать заключающими въ себѣ вполнѣ правильныя и точныя свѣдѣнія о предъидущемъ времени, то на основаніи ихъ эволюція формъ землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ за XVII—XVIII вѣка рисовалась бы въ такомъ видѣ: первоначально, въ моментъ отдѣленія отъ Польши, вся земля была объявлена общей, затѣмъ она была раздѣлена — сперва между полками, на которые распалась гетманщина, потомъ, внутри каждаго полка, между сотнями, послѣ того, внутри каждой сотни, между отдѣльными поселеніями и, наконецъ, путемъ индивидуальныхъ «займовъ» или заимокъ разошлась въ личную собственность. Приблизительно такое представленіе объ этой эволюціи и высказывалось нерѣдко въ исторической литературѣ. Покойный А. М. Лазаревскій, впервые опубликовавшій въ своей работѣ: «Малороссійскіе посполитые крестьяне», процитированный мною разсказъ козаковъ с. Покошицъ, съ своей стороны комментировалъ его такими словами: «въ этомъ разсказѣ — полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи» [2]). Много позже г-жа Ефименко, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, все же находила, что приведенный разсказъ «хорошо обрисовываетъ положеніе дѣлъ послѣ катастрофы, первый организаціонный шагъ». «Земля была «сполная и общая» всего малорусскаго народа, — говорила она, — разумѣется, это и не могло быть иначе». И болѣе или менѣе правильно обрисованными представлялись ей въ разсказѣ покошицкихъ козаковъ и дальнѣйшія стадіи эволюціи малорусскаго землевладѣнія[3]). Еще болѣе категорически высказывался въ этомъ же смыслѣ авторъ спеціальной работы о малорусскомъ землевладѣніи, г. Филимоновъ, утверждавшій, на основаніи того же самаго разсказа покошицкихъ козаковъ, что «въ періодъ освобожденія всѣ межи были уничтожены и объявлена въ Малороссіи была «спольность» и «нераздѣльность» владѣнія всей территоріи между всѣми жи-

---

[1]) См. А. М. Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне. Записки Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Кн. I. Черниговъ. 1866. с. 26.

[2]) Тамъ же

[3]) А. Ефименко, Южная Русь, Спб. 1905, т. I, с. 396 (въ статьѣ: «Дворищное землевладѣніе въ южной Руси», напечатанной первоначально въ Русской Мысли въ 1892 г.).

телями Украйны»[1]). И утвержденія названныхъ авторовъ слѣдомъ за ними повторялись рядомъ другихъ писателей, такъ или иначе касавшихся вопроса объ исторіи формъ землевладѣнія въ Малороссіи въ XVII—XVIII вв.

Въ дѣйствительности однако въ приведенномъ разсказѣ покошицкихъ козаковъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ ему разсказахъ, идущихъ отъ того же времени, подлинный историческій процессъ отразился недостаточно полно и точно. Начать съ того, что ни во время возстанія 1648—54 гг., ни послѣ него не было такого момента, когда бы «вся земля» по обѣ стороны Днѣпра или хотя бы по одну лѣвую сторону его была объявлена «спольной и общей землей малороссіянъ». Права на землю, которыя застало въ Украинѣ возстаніе Богдана Хмельницкаго, далеко не всѣ были ликвидированы имъ, — наоборотъ, нѣкоторыя изъ такихъ правъ именно во время этого возстанія нашли для себя болѣе прочную санкцію. Православные монастыри Украины, за немногими исключеніями, удержали за собой не только земли и угодья, находившіяся въ ихъ обладаніи во время польскаго владычества, но и цѣлый рядъ населенныхъ имѣній. Извѣстное количество имѣній сохранилось и въ рукахъ той православной шляхты, которая во время возстанія вошла въ ряды козацкаго войска. Въ свою очередь козаки и мѣщане сохранили свои земельные участки и въ то же время крестьяне стали собственниками земель, ранѣе находившихся въ ихъ пользованіи. Правда, наряду съ этимъ одновременно съ созданіемъ гетманской Малороссіи въ ней создался и громадный запасъ свободныхъ земель, которыя образовались частью изъ бывшихъ «панскихъ» земель, частью изъ земель, никѣмъ еще не занятыхъ, и верховнымъ собственникомъ которыхъ являлось «Войско Запорожское». Но все же возстаніемъ не были уничтожены всѣ земельныя межи въ странѣ, вся земля ея не была и не могла быть объявлена общей и нераздѣльной и позднѣйшіе разсказы объ этомъ являются не болѣе, какъ преданіемъ, въ основѣ котораго, несомнѣнно, лежитъ извѣстная доля исторической истины, но которое тѣмъ не менѣе нельзя признавать въ полномъ его объемѣ точно передающимъ дѣйствительные факты. Болѣе или менѣе то же самое надо сказать и о другой части приведеннаго выше разсказа.

[1]) Е. С. Филимоновъ, Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія Вып. II. Краткій историческій очеркъ Малорусскаго землевладѣнія. Пермь 1895, с. 1; ср. также с. 2.

Процессъ размежеванія свободныхъ земель, ихъ заимки и постепеннаго перехода въ личную собственность сыгралъ громадную роль въ исторіи малорусскаго землевладѣнія за XVII—XVIII вв. Но этотъ процессъ былъ много сложнѣе, чѣмъ онъ изображается въ цитированномъ разсказѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, начальныя стадіи его были вовсе не такъ оторваны отъ существовавшихъ въ Малороссіи раньше, до возстанія Богдана Хмельницкаго, формъ землевладѣнія, какъ могло бы показаться по первому впечатлѣнію отъ этого разсказа. По отношенію къ формамъ землевладѣнія возстаніе 1648—54 гг. менѣе всего явилось кореннымъ переворотомъ, однимъ ударомъ уничтожившимъ все старое и позволившимъ новой жизни развиться на совершенно расчищенномъ мѣстѣ. Буря возстанія снесла, хотя и не вполнѣ, верхній этажъ существовавшаго до нея въ Украинѣ землевладѣнія — землевладѣніе помѣщичье, — но она не затронула непосредственно другихъ видовъ и формъ землевладѣнія въ странѣ и лишь видоизмѣнила ихъ взаимоотношеніе, поставивъ ихъ въ новыя условія развитія. И поэтому для того, чтобы сколько-нибудь ясно представить себѣ исторію землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ за вторую половину XVII-го и за XVIII-е столѣтіе, необходимо прежде всего остановиться на тѣхъ формахъ землевладѣнія, какія застало здѣсь возстаніе Богдана Хмельницкаго, и на тѣхъ отношеніяхъ, какія оно установило между ними.

Одною изъ такихъ формъ, и притомъ довольно широко распространенной, являлась личная собственность на землю. Въ документахъ, сохранившихся до нашего времени отъ эпохи Богдана Хмельницкаго и непосредственно слѣдовавшихъ за нею лѣтъ, встрѣчаются неоднократныя упоминанія о существованіи такой собственности въ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. На сѣверѣ ея, въ нынѣшней Черниговщинѣ, такія упоминанія встрѣчаются чаще, на югѣ, въ Полтавщинѣ, рѣже, но все же встрѣчаются. При этомъ они имѣютъ мѣсто по отношенію къ представителямъ различныхъ общественныхъ слоевъ. Козаки и посполитые, мѣщане и крестьяне одинаково являются порою въ документахъ этой эпохи въ роли единоличныхъ собственниковъ земли, свободно распоряжающихся своими земельными участками, безъ какихъ бы то ни было ограниченій пользующихся ими и безпрепятственно отчуждающихъ ихъ, цѣликомъ или частями,

на сторону, въ чужія руки. Предшествовавшее историческое развитіе успѣло выработать въ Малороссіи личную земельную собственность, нашедшую себѣ въ польскую эпоху прочное обоснованіе и защиту въ законѣ и наиболѣе ярко воплотившуюся въ привилегированномъ помѣщичьемъ землевладѣніи. Большая часть этого послѣдняго была уничтожена возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, но лишенная спеціальныхъ привилегій личная земельная собственность и послѣ того осталась въ странѣ, какъ наслѣдіе предъидущей эпохи ея существованія.

Эта личная собственность на землю не была однакоже ни единственной, ни даже господствующей въ странѣ формой землевладѣнія. Рядомъ съ нею существовали и другія формы, на первыхъ порахъ рѣшительно оттѣснявшія ее на задній планъ. Наряду съ упоминаніями о землѣ, находящейся въ личной собственности, въ малорусскихъ актахъ второй половины XVII и начала XVIII вѣковъ встрѣчается гораздо большее количество упоминаній о земляхъ другого типа — земляхъ «общихъ», «грунтовыхъ», «совокупныхъ», «недѣленыхъ». Въ 1699 г., напримѣръ, козакъ с. Браницы въ бобровицкой сотнѣ Кіевскаго полка Леско Приходко продалъ «поля половину, що и за Антономъ Глѣбенкомъ по половинѣ недѣленное»[1]). Въ остерской сотнѣ того же полка въ д. Святое Ульяна Наумиха и Андрей Савущенко въ 1741 г. продаютъ свои «двѣ полянки совокупние»[2]). Въ 1740 г. козакъ той же сотни Иванъ Жгунъ, продавъ «братаничовъ (племянниковъ) своихъ Жгуновъ гуртовие гаи и поля», взамѣнъ ихъ уступаетъ свою ниву[3]). Въ 1730 г. два жителя м. Поповки Нѣжинскаго полка продали своего «гуртового огорода и з садомъ знатную часть»[4]). Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести громадное количество, и притомъ изъ самыхъ различныхъ мѣстностей лѣвобережной Малороссіи. А наряду съ указанными опредѣленіями земель въ документахъ XVII—XVIII столѣтій очень часто встрѣчаются и другіе термины, въ свою очередь недвусмысленно говорящіе о существованіи въ странѣ — если не въ тотъ самый моментъ, къ которому относятся эти документы, то въ недалекомъ прошломъ — такихъ формъ землевладѣнія, которыя не совпадаютъ съ личной собственностью на землю. Такъ,

[1]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Бобровицкой сотни, т. VI, № 226.
[2]) Тамъ же, Документы Остерской сотни, т. VI, № 33.
[3]) Тамъ же, т. V, № 191.
[4]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 53.

въ документахъ, относящихся опять-таки къ самымъ различнымъ мѣстностямъ по лѣвому берегу Днѣпра, то и дѣло упоминаются «паи» или «пайки» въ землѣ и водныхъ угодьяхъ и земельные «помѣрки». Въ 1682 г. купецъ г. Полтавы продаетъ свой «пай» въ ставкѣ (прудѣ), половину его [1]). Въ 1732 г. житель м. Носовки Кіевскаго полка продалъ «пай свою, изовище старое отчизное» [2]). Два козака с. Переходовки мринской сотни Нѣжинскаго полка въ 1739 г. продаютъ «свою властную отческую пайку нивы» [3]). Козачка с. Мелни того же Нѣжинскаго полка въ 1749 г. продаетъ сѣнокосъ «въ урочищи на пайкахъ... въ смежности пайковъ Ксензовскихъ», т. е. с. Ксензовки [4]). Въ 1712 г. жительница м. Новыхъ Млиновъ въ Нѣжинскомъ полку продаетъ «сѣножатку власную свою, прозиваемую помѣрокъ» [5]). Въ 1750 г. житель того же мѣстечка продаетъ сѣнокосъ, смежный «отъ помѣрковъ мѣскихъ (городскихъ) [6]). Въ с. Киселевкѣ Черниговскаго полка въ 1764 г. упоминается «нива на помѣркахъ» [7]). Козакъ с. Горбова въ выбельской сотнѣ того же полка продаетъ въ 1764 г. свою «ниву отческую и дѣдовскую, прозиваемую помѣрокъ» [8]). Изъ сохранившихся купчихъ на земли с. Быстрика кролевецкой сотни Нѣжинскаго полка въ промежутокъ времени отъ 1715 г. до 1768 г. 27 купчихъ были заключены на помѣрки, причемъ въ числѣ послѣднихъ упоминаются и «помѣрки бора», и «помѣрки поля» [9]). Въ 1715 г. 12 козаковъ и посполитыхъ с. Стараго Бѣлоуса въ Черниговскомъ полку, «мѣючи по части певной (опредѣленной) кождий з нихъ на едномъ мѣстцу землѣ зъ дубровами, помѣрками себѣ опредѣленной», продали эти помѣрки, кто — по два, кто — по одному, знатному товарищу Ивану Силичу, причемъ цѣна каждаго отдѣльнаго помѣрка была назначена въ 8 золотыхъ [10]). И подобными упоминаніями о «паяхъ», «пайкахъ»

---

[1]) Протоколы Полтавскаго полкового суда XVII—XVIII вв., рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, кн. I, л. 230 об.

[2]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Накуъ, т. 30, л. 692.

[3]) Тамъ же, т. 36, л. 491.

[4]) Тамъ же, т. 57, документы с. Мелни.

[5]) Тамъ же, Т. 58.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же, т. 25, документы с. Киселевки, л. 119.

[8]) Тамъ же, т. 4.

[9]) Тамъ же, т. 63, документы козаковъ с. Быстрика.

[10]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616-2845. Малорусскій «золотой» равнялся 20 копейкамъ.

и «помѣркахъ» буквально пестрятъ земельные документы XVII—XVIII вв.

Уже одна эта терминологія позволяла бы заключить, что личнымъ землевладѣніемъ и личной собственностью далеко не исчерпывались формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи той эпохи, о которой у насъ идетъ рѣчь. Но уцѣлѣвшіе документы этого и нѣсколько болѣе поздняго времени даютъ и неизмѣримо болѣе ясныя и подробныя, хотя все же, къ сожалѣнію, не всегда достаточно полныя, свидѣтельства о существованіи и широкой распространенности въ указанную эпоху иныхъ формъ землевладѣнія, въ основѣ которыхъ лежали принципы, весьма еще далекіе отъ чистаго принципа личной собственности.

Среди этихъ формъ на сѣверѣ Малороссіи, особенно въ тѣхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ сохранились наиболѣе древнія поселенія, въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ, на первое мѣсто надо поставить сябринное землевладѣніе, «сябринство» или «сяберство», какъ оно называется въ документахъ XVII—XVIII столѣтій [1]).

Слово «сябръ», синонимами котораго служили слова «спольникъ» и «участникъ» [2]), примѣнялось въ Малороссіи XVII—XVIII вв. не въ одной только сферѣ землевладѣнія, но и въ нѣкоторыхъ сопредѣльныхъ съ нею областяхъ, и въ общемъ своемъ значеніи обозначало дольщика въ совмѣстномъ владѣніи тѣмъ или инымъ имуществомъ. Такъ, въ это время въ Малороссіи было очень сильно распространено сябринное владѣніе водяными мельницами или «млинами». Постройка такой мельницы для одного человѣка, не обладавшаго большими средствами, была слишкомъ крупнымъ предпріятіемъ и потому для него, особенно въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, часто соединялось нѣсколько человѣкъ. И вотъ, если нѣсколько человѣкъ сообща строили мельницу, участвуя

---

[1]) Впервые обстоятельное описаніе и изслѣдованіе малорусскаго сябриннаго землевладѣнія дано было проф. И. В. Лучицкимъ въ его статьѣ: Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи («Сѣв. Вѣстникъ», 1889. № 1). Позднѣйшая статья А. Я. Ефименко: Дворищное землевладѣніе въ южной Руси (напечатана въ Р. Мысли въ 1892 г., позднѣе перепечатана въ сборникѣ статей г-жи Ефименко п. з. Южная Русь, т. I) мало что прибавила къ этому изслѣдованію. Цитированная мною выше книжка Е. С. Филимонова (Краткій историческій очеркъ малорусскаго землевладѣнія. Пермь. 1895) заключаетъ въ себѣ подчасъ очень цѣнные матеріалы, но ихъ въ ней все-таки не очень много, а собственныя построенія автора черезчуръ смѣлы и порой даже фантастичны.

[2]) См. хотя бы документъ 1700 г. въ Румянц. Описи, хранящейся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. V, № 158; документъ 1755 г.—тамъ же, Переяславскій полкъ, Документы Березанской сотни, т. II, № 120; документъ 1757 г. въ документахъ монастырей, переданныхъ изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку кіевск. ун-та, № 1616-1409.

ли всѣ въ ея постройкѣ своими средствами и трудомъ на равныхъ началахъ, или давая одни — тѣ или иныя средства, а другіе — средства и трудъ, либо только трудъ, то выстроенная мельница поступала въ общую собственность строителей и послѣдніе являлись по отношенію другъ къ другу «сябрами», причемъ каждый изъ нихъ былъ собственникомъ той или иной опредѣленной, въ зависимости отъ его участія въ расходахъ, доли въ общей мельницѣ и пользовался соотвѣтственнымъ доходомъ съ нея. «Половинщикъ и сябръ» называли иногда другъ друга владѣльцы такой мельницы, если ихъ было только двое [1]). Но ихъ могло быть, и часто бывало въ дѣйствительности, и много больше. Въ 1737 г. «козаки сотнѣ березанской села Лукашовъ Миронъ, Лукянъ да Семенъ Яценки, брати родніе, по согласію своемъ упросили (мѣстнаго же козака) Гарбузу при врядѣ сѣлскомъ Лукашовскомъ, чтобъ имъ позволилъ на (своей) гребелцѣ млинъ всѣмъ ихъ коштомъ построить, а з оного б приходи били во время млива имъ и ему, Гарбузѣ, пополамъ и гребелку б подгачувать тожъ пополамъ, и в ставку рибу волно б имъ, Яценкамъ, сябрамъ его, Гарбузи, ловити, потоль, поколь вновь построенна ими клѣтка можетъ продолжитись, а какъ розвалится, то б другой уже имъ на Гарбузиной гребелцѣ ни под какимъ видомъ не строить и какъ до гребелки, такъ и до ставка никакова дѣла впредь не имѣть» [2]). Въ данномъ случаѣ одинъ изъ четырехъ сябровъ долженъ былъ получать половину дохода, а трое остальныхъ — другую половину, но самый сябринный договоръ носилъ лишь временный характеръ. Въ большинствѣ случаевъ сябринное владѣніе мельницами было болѣе устойчивымъ, его участники являлись не временными, а постоянными совладѣльцами, но и это не мѣшало подчасъ числу ихъ быть довольно большимъ, а ихъ долямъ въ общей собственности являться не одинаковыми. Въ 1714 г. нѣсколько мельниковъ построили въ с. Хвесковѣ Черниговскаго полка водяную мельницу, истративъ на ея постройку 100 золотыхъ. Макошинскій монастырь, владѣнія котораго лежали по сосѣдству, вер-

[1]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Пещанской сотни, т. III, № 51 — документъ 1765 г.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Березанской сотни, т. II, № 120. Приведенная въ текстѣ цитата взята изъ жалобы, поданной въ 1749 г. Гарбузою въ сотенное правленіе по другому дѣлу; точность передачи въ этой цитатѣ контракта Гарбузы съ Яценками вполнѣ подтверждается изложеніемъ текста этого контракта, сдѣланнымъ въ декретѣ полкового суда 1755 г., см. тамъ же.

нулъ строителямъ половину произведенныхъ ими расходовъ, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь стать участникомъ во владѣніи этой мельницей. И по договору, заключенному послѣ того между первоначальными строителями мельницы и монастыремъ, она была объявлена общей собственностью и половина доходовъ отъ помола («млива») должна была идти въ пользу монастыря, а другая половина въ пользу всѣхъ остальныхъ участниковъ или сябровъ [1]. Но и тогда, когда мельницею владѣли сообща только два сябра, они не обязательно были «половинщиками» и ихъ доли не всегда бывали одинаковы. Въ 1669 г. нѣкій Тимошъ, Туболчишинъ зять, ставши предъ полтавскимъ полковымъ урядомъ, заявилъ, что «принялъ собѣ за товариша Михаила мелника Опошнянского на стародавную гать на рѣцѣ Ворсклу в луцѣ Булановой названной, такъ межъ собою постановивши: Михаило повиненъ працею (работой) и дозоромъ своимъ при приданной ему отъ мене челяди на той гати млыни ставити на шесть ставидлъ (поставовъ), а якъ дасть Богъ сооружити все якъ треба, то мнѣ, Тимошу, каменей (поставовъ) чотири мѣетъ быти, а Михаилу каменей два с третею частю гати, женѣ и потомкомъ его» [2]. Наконецъ, и тогда, когда первоначальныя доли сябровъ были одинаковы, съ теченіемъ времени легко могло получиться — и на практикѣ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ получалось — неравенство владѣнія. Каждый сябръ, если только сябринный договоръ съ самаго начала не былъ временнымъ, передавалъ свою долю собственности въ общей мельницѣ, какъ и всякую другую собственность, по наслѣдству, могъ завѣщать ее одному или нѣсколькимъ лицамъ, могъ отчудить, полностью или частью, и въ постороннія руки. Такимъ путемъ доли отдѣльныхъ сябровъ очень скоро становились неравномѣрными даже въ томъ случаѣ, если доли первоначальныхъ владѣльцевъ были совершенно одинаковы, такъ какъ эти первоначальныя доли съ теченіемъ времени въ свою очередь дѣлились на болѣе мелкія части, неодинаково распредѣлявшіяся между позднѣйшими совладѣльцами. Въ 1758 г. козаки м. Носовки Кіевскаго полка Назаръ, Климъ, Прокопъ и Николай Самокиши продали бунчуковому товарищу Якову Шаулѣ съ согласія своихъ братьевъ и племянниковъ, Якова, Игна-

---

[1] Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ б-ку Кіев. ун-та, № 1616-1391.

[2] Протоколы Полтавского полкового суда, рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, л. 29 об.

та, Кирила, Никиты и Романа Самокишъ, часть мельницы на р. Острѣ близъ м. Носовки, «а именно», говорится въ купчей, продали «с насъ Назаръ полную часть третую, Климъ третой части половину часть, Прокопъ да Николай с третой части по пятой части жъ» [1]). Какъ видно, эта мельница сперва принадлежала на равныхъ правахъ тремъ владѣльцамъ, имѣвшимъ поэтому въ ней одинаковыя доли. Одна такая третья доля до 1758 г. сохранилась полностью въ однихъ рукахъ, другая къ этому времени составляла уже собственность двухъ лицъ, владѣвшихъ ею пополамъ, третья успѣла раздѣлиться на еще болѣе мелкія части — пятыя, каждая изъ которыхъ имѣла своего владѣльца. Послѣ продажи 1758 г. $^1/_3 + {}^1/_6 + {}^2/_{15}$ мельницы перешли въ руки одного владѣльца, б. т. Шаулы, а остальная ея часть осталась собственностью нѣсколькихъ другихъ владѣльцевъ. Среди малорусскихъ актовъ XVII—XVIII столѣтій нерѣдко можно встрѣтить акты купли и продажи еще болѣе дробныхъ частей мельницъ. Это были, конечно, не реальныя части «млиновъ», а своего рода идеальныя доли, дававшія лишь право на опредѣленное, пропорціональное данной долѣ участіе въ доходахъ съ общаго имущества [2]). Но это не мѣшало владѣльцамъ такихъ долей передавать ихъ по наслѣдству, завѣщать, закладывать и продавать и путемъ всѣхъ этихъ операцій подвергать дальнѣйшему дробленію.

Исходя даже изъ приведенныхъ мною немногихъ конкретныхъ примѣровъ, не трудно уже видѣть, что представляло собою сябринное владѣніе мельницами въ Малороссіи. Это было совмѣстное, паевое или долевое владѣніе общей собственностью, владѣніе, въ основѣ котораго лежалъ товарищескій договоръ. Если отъ порядковъ сябриннаго владѣнія мельницами обратиться къ порядкамъ сябриннаго землевладѣнія, то въ послѣднихъ можно найти очень много сходнаго съ первыми. Но аналогія въ данномъ

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 29, л. 587.

[2]) Реально доля участія каждаго сябра въ доходѣ съ мельницы выражалась обычно правомъ взимать въ свою пользу плату за помолъ въ теченіе опредѣленнаго срока. Поэтому и въ актахъ продажи частей мельницъ такія части иногда обозначались сутками. Въ 1747 г., напр., козакъ с. Воробейны почеповской сотни Стародубовскаго полка продаетъ «двое сутокъ» въ мельницѣ — см. Обозрѣніе Румянцевской Описи, т. III, с. 591—2; ст. тамъ же, с. 593. Ср. также чрезвычайно обстоятельный договоръ, заключенный въ 1759 г. между четырьмя сябрами — в. т. Мих. Трусевичемъ, зн. т. Гр. Базилевичемъ, Черниговскимъ Катедральнымъ и Глуховскимъ Петропавловскимъ монастырями — о возобновленіи и эксплуатаціи мельницы въ с. Богдановкѣ воронежской сотни Нѣжинскаго полка — см. Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-3122.

случаѣ не обозначаетъ собою тожества явленій. Сябринное владѣніе мельницами — явленіе, несравненно болѣе позднѣе, чѣмъ сябринное землевладѣніе, и для того, чтобы наглядно представить себѣ происхожденіе этого послѣдняго, его сущность и постепенное развитіе, необходимо обратиться къ такимъ фактамъ, которые въ сябринномъ владѣніи мельницами уже не играли особенно существенной роли.

Перебирая имена тѣхъ поселеній, которыя существовали на лѣвомъ берегу Днѣпра въ XVIII столѣтіи, легко замѣтить, что очень большое количество селъ, деревень и хуторовъ, расположенныхъ здѣсь, носили патронимическія названія. И нужно сказать, что даже и въ XVIII столѣтіи эти названія нерѣдко еще не утратили своего смысла и вполнѣ отвѣчали существу дѣла. Не только въ первой, но даже и во второй половинѣ этого вѣка на территоріи лѣвобережной Малороссіи встрѣчается цѣлый рядъ поселеній, населенныхъ исключительно или почти исключительно родственниками, носящими одну и ту же фамилію, которая перешла и въ названіе поселенія. Такъ, въ Черниговскомъ полку въ д. Семендеяхъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка жительствовали Семендеи, въ с. Семакахъ жили козаки Семаки, въ д. Величкахъ — козаки Велички, въ с. Вертѣевкѣ — козаки Вертѣйки. Въ Стародубовскомъ полку д. Колюды была заселена Колюдами, д. Кузнецы — Кузнецами. Въ Кіевскомъ полку х. Бабарики заселяли козаки Бабарики, с. Сараи — козаки Сараи, с. Манки — козаки Манки, с. Шуманы — козаки Шуманы, д. Пузики — козаки Пузики. Въ Полтавскомъ полку въ с. Яковцахъ жили козаки Яковченки [1]). Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще цѣлый рядъ. И къ нимъ надо прибавить еще слѣдующее. Иногда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ XVIII в. мы встрѣчаемъ въ одномъ поселеніи нѣсколько семей, носящихъ разныя фамиліи, документальными свидѣтельствами можно установить, что всѣ эти семьи произошли отъ одной, первоначально жившей въ данномъ поселеніи, давшей ему свое имя и затѣмъ распавшейся на нѣсколько семей съ разными фамильными прозвищами [2]).

---

[1]) См. соотвѣтствующіе томы Рум. Описи; см. также И. В. Лучицкій, Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи, «Сѣв. Вѣстникъ», 1889, № 1, отд. оттискъ, с. 11.

[2]) См. такіе случаи у И. В. Лучицкаго, назв. ст., с. 11—12.

Этотъ фактъ или, точнѣе говоря, этотъ рядъ фактовъ самъ по себѣ уже бросаетъ яркій лучъ свѣта на тотъ путь, какимъ совершалось заселеніе лѣвобережной Малороссіи. Во многихъ ея мѣстностяхъ — и, повидимому, въ особенности на сѣверѣ, гдѣ патрономическія названія селъ встрѣчаются наиболѣе часто, — такое заселеніе шло путемъ основанія поселковъ отдѣльными семьями. Съ разростаніемъ такихъ семей разростались и поселки, болѣе или менѣе долго не утрачивая своего первоначальнаго характера поселенія лицъ, связанныхъ между собою родственными узами. И это обстоятельство стояло въ тѣсной связи съ устанавливавшимися въ странѣ въ періодъ ея заселенія формами и порядками землевладѣнія, явственные слѣды которыхъ въ свою очередь сохранялись довольно долго.

Еще во второй половинѣ XVIII столѣтія въ селахъ лѣвобережной Малороссіи встрѣчалось немало дворовъ, населенныхъ нѣсколькими родственными семьями, которыя сообща владѣли принадлежавшей къ данному двору землей и вели на ней общее хозяйство или, говоря языкомъ актовъ того времени, «на совокупныхъ земляхъ сидѣли» и «на едномъ хлѣбѣ жили». Такое общее хозяйство на нераздѣльно владѣемыхъ, «совокупныхъ» земляхъ нерѣдко вели не только родители съ женатыми сыновьями, отчимы съ пасынками, тести съ зятьями, но и семьи нѣсколькихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, дяди съ племянниками и т. д. Встрѣчались въ эту пору и такіе случаи, когда нѣсколько родственныхъ семей, живя даже въ отдѣльныхъ дворахъ, все же владѣли землею сообща и вели на ней хозяйство общими силами. Но случаи этого послѣдняго рода были уже сравнительно рѣдки и, видимо, представляли собою лишь остатокъ быстро исчезавшаго изъ жизни прежняго порядка. Соединеніе же въ одномъ дворѣ нѣсколькихъ родственныхъ семей, сообща владѣющихъ землею, было очень распространеннымъ явленіемъ еще въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, когда производилась знаменитая Румянцевская Опись, и засвидѣтельствовано этой послѣдней во многихъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. «На совокупныхъ земляхъ сидѣли», «на едномъ хлѣбѣ жили» подчасъ 6—7 семей, а то и больше — цѣлые семейные союзы.

Съ другой стороны — даже тѣ родственники, которые, живя въ одномъ ли дворѣ или въ различныхъ, владѣли землею раздѣльно и владѣли, повидимому, на началахъ полной собственности, все же сохраняли въ эту эпоху извѣстныя права на земли

другъ друга. Продажа земли въ постороннія руки обычно совершалась въ XVIII вѣкѣ «за порадою кревныхъ» (по совѣту съ родными), «съ согласія кревныхъ». И такое согласіе требовалось со стороны не только тѣхъ родственниковъ, которые непосредственно участвовали во владѣніи этою землей, но и тѣхъ, которые не были такими непосредственными участниками, — продажа земли въ чужія руки являлась какъ бы общимъ отказомъ всѣхъ родственниковъ отъ правъ на данную землю. Въ 1732 г. козачка м. Поповки Нѣжинскаго полка Василиса Тихая съ сыновьями, продавъ мѣстному священнику «окопъ», въ купчей записи оговариваетъ: «и неповинни нинѣ сини мои и всякіе покревніе въ тую продажу интересоватись, ибо всѣ обще продавалисмо» [1]). Въ 1749 г. козакъ с. Обмочева продалъ сѣножать, какъ пишетъ онъ въ купчей — «по совѣту жены моей и дѣтей и сродственниковъ моихъ, якъ близкихъ, и далекихъ». Въ 1750 г. сынъ сотника Якимъ Демидовскій продаетъ «плецъ запустѣлій зъ садомъ и берегомъ» «за порадою кревнихъ своихъ близкихъ и далекихъ и протчіихъ наслѣдниковъ». Козакъ с. Обмочева въ 1767 г. продаетъ ниву «за совѣтомъ жены и дѣтей своихъ, такожъ и сродниковъ ближнихъ и далекихъ» [2]). Въ 1751 г. житель с. Мачухъ въ Полтавскомъ полку продаетъ мѣстному козаку ниву и въ купчемъ записѣ отмѣчаетъ, что продаетъ ее «с общого моего родства согласия» [3]). Въ м. Олишевкѣ Нѣжинскаго полка въ 1766 г. мѣстный козакъ продаетъ двѣ нивы «за вѣдомомъ и дозволеніемъ всѣхъ свойственниковъ» [4]). Въ томъ же 1766 г. козакъ с. Обмочева продаетъ ниву «за совѣтомъ жены и дѣтей своихъ и за объявленіемъ братовъ своихъ» [5]). Иногда эта краткая формула замѣнялась въ документахъ болѣе подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ продажу земли. Въ 1731 г. козакъ Павло Дейнека продалъ олишевскому сотнику Ив. Шрамченку свое поле, унаслѣдованное отъ покойнаго тестя, Полюляха. «Хочай — объяснялъ Дейнека въ купчей эту продажу — оповѣщалемъ Матвѣю да Петру, шваграмъ своимъ, Полюляхамъ при Игнату Зубцу, абы они мнѣ тое поле заплатили, якъ то будучи близшими, однакъ, же (такъ какъ) такъ отказали, что намъ, мовить,

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 53.
[2]) Тамъ же т. 57.
[3]) Харьковскій Историческій Архивъ, Архивъ Малор. Коллегіи, Полтавскій отдѣлъ, Рум. Опись, связка № 10, документы с. Мачухъ.
[4]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 36.
[5]) Тамъ же, т. 57.

и своего доволствуеть поля, не потреба его», то Дейнека и продалъ поле въ чужія руки [1]). Въ другомъ случаѣ, относящемся къ 1729 г., продавецъ — разсказывается въ купчей — «дядкамъ своимъ ознаймовалъ, ежели обще хочете, то заплатите... а ежели непроможность (невозможность) ваша, то продамъ кому колвекъ (кому-нибудь). Теди они отказали... и велѣли купить Туриленку, понеже онъ зять» [2]).

Если «объявленія» роднымъ не было сдѣлано, если продажа земли происходила безъ «порады и согласія кревныхъ», то послѣдніе имѣли право выкупить проданную землю у купившаго ее, вернувъ ему уплаченныя за нее деньги. Такое право они однако утрачивали, если отказывались помочь продавцу въ моментъ продажи и были во-время освѣдомлены о ней. Въ 1718 г. писарь батуринской сотни Нѣжинскаго полка Іосифъ Ивановичъ купилъ у нѣкоего Романа Микитченка и замужней сестры его Ганны Процихи Микитовны двѣ части сѣножати, которой они владѣли нераздѣльно съ своимъ братомъ Грицкомъ. При заключеніи купчей Романъ Микитченко заявилъ передъ урядомъ: «поневажъ (такъ какъ) я, Романъ, посилалемъ до сина своего, в Коропѣ служачого, жеби (чтобы) спомоглъ чимъ колвекъ до новини на хлѣбъ, аби для его ж не збути (лишиться) чего, а же (такъ какъ) оний, мнѣ ничого не давши, дядкови своему, а моему брату Грицку далъ шостакъ грошей, того ради синъ мой Иванъ, хочай и не бувъ при сей продажи, не повиненъ нѣкогда жадною мѣрою (никакимъ способомъ) за оную сѣножать его писара, турбовать (безпокоить)». Съ своей стороны покупатель также сдѣлалъ уряду заявленіе, которое просилъ внести въ купчую. «Еще толко сторговавъ, не платячи тие двѣ части сѣножати, — заявилъ онъ — въ торгу у Батуринѣ обачивши (увидавши) Грицка Микитченка, презентовалъ ему, яко ближайшему посесоровѣ, что сторговалемъ двѣ части отчизной сѣножати, чи самъ заплатитъ ли или мнѣ позволитъ заплатити, которій, свою часть варуючи (оговаривая, исключая), позволялъ платить». Послѣ того — продолжалъ покупатель — «вже и заплативши оние двѣ части сѣножатѣ, на мѣстѣ при многолюдствѣ говорилемъ ему Грицку Микитченку, жеби любо ехалъ дѣлити, албо (или) гроши мнѣ возвратилъ»; когда же при дѣлежѣ сѣнокоса вышли пререканія, опять «говорилемъ ему, жеби безъ турбаціи, не дѣлячи, гроши мои мнѣ... отдавъ, и

---

[1]) Тамъ же, т. 37, л. 395.
[2]) И. В. Лучицкій, назв. ст., с. 10, прим. 2.

выговаривалемъ, если вичищу своею працею (работой) тую сѣножать, яко отнюдь не возможно за розмножиемъ давнолѣтно рокити косить, тогда не можно будетъ откупити». Все это покупатель «для своего впредъ тоей сѣножати покойного уживания» (пользованія) просилъ «при купчомъ записи приложити» и сотенный урядъ, «чуючи (выслушавъ) слушний Юска писара до Грицка Микитченка отзовъ, велѣли оное записати» [1]).

Въ приведенномъ эпизодѣ рѣчь шла объ отказѣ отъ выкупа со стороны родственника, владѣвшаго совмѣстно съ продавцомъ нераздѣленной до момента продажи землей. Грицко Микитченко могъ выкупить («заплатить») сторгованную уже другимъ лицомъ землю своего брата и послѣ заключенія торга, и даже послѣ уплаты денегъ, и лишился этого права только потому, что самъ отказался отъ него. Но точно такъ же обстояло дѣло и тогда, когда продавались земли, находившіяся въ раздѣльномъ владѣніи. Родичи, и притомъ родичи «якъ близкіе, такъ и далекіе», обладали правомъ преимущественной покупки и должны были быть освѣдомлены о продажѣ земли. Если они отказывались отъ ея покупки, она могла быть продана въ постороннія руки. Въ противномъ же случаѣ родичамъ принадлежало право выкупа и лишь постепенно это право начало обставляться различными ограниченіями. Въ 1734 г. одинъ изъ жителей с. Плешкановъ гельмязовской сотни Переяславскаго полка продалъ нѣкоему Ивану Дѣденку свой лѣсокъ на р. Супои за 9 копъ. При этомъ въ купчей было оговорено, что, если современемъ продавецъ или его братъ вздумаютъ выкупить проданный лѣсъ, то они должны будутъ, сверхъ возврата полученныхъ за него денегъ, уплатить Дѣденку за каждый годъ, втеченіе котораго лѣсъ будетъ оставаться у него, по копѣ; «а моглъ би — продолжалъ продавецъ — хто из чужихъ или из кревнихъ моихъ откупить, кромѣ мене и брата моего, оній лѣсъ у Ивана Дѣденка, то таковій повиненъ оному Ивану и з нагорожою (наградой, прибавкой) дать, в чомъ онъ похочетъ» [2]). Право выкупа и за далекими «кревными», такимъ образомъ, признавалось и только обставлялось нѣсколько болѣе стѣснительными условіями. И это право являлось настолько обычнымъ и распространеннымъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оно отри-

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 55.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета. Переяславскій полкъ, Документы Гельмязовской сотни т. I, № 135. Тогдашняя малорусская «копа» равнялась 50 копейкамъ.

цалось, объ этомъ помѣщалось специальное упоминаніе въ актахъ продажи. «Я, Яковъ Матвѣенко, и з своимъ братомъ Иваномъ, по благословеніи своей матки Ганни, — писалъ, напримѣръ, въ купчей 1711 г. одинъ изъ козаковъ Нѣжинскаго полка — продалисмо ниву с подгоремъ и з гаемъ, не токмо свое, але батковщину или дѣдовщину, и отдаляю самъ себе и дѣтей своихъ, не токмо дѣтей, але ближнихъ своихъ, ижъби (чтобы) не могли ни отняти, ни отпозивати, ни откупити»[1]).

Такая же практика существовала въ XVII столѣтіи и по отношенію къ широко распространенному въ то время залогу или, какъ его именовали въ Малороссіи, «заставѣ» земель. Заложенная или «заставленная» земля могла быть выкуплена не только лицомъ, заложившимъ ее, но и его родичами. Иногда это прямо оговаривалось и въ актахъ, сопровождавшихъ «заставу». Въ 1749 г. козáкъ с. Мелни въ Нѣжинскомъ полку, задолжавъ приказчику гр. Разумовскаго Короткову 12 руб. и не отдавъ ихъ «по многимъ срокамъ», уступилъ кредитору до уплаты долга свой дворъ. «А ежели — прибавлялъ онъ въ актѣ этой уступки — хто з сродственниковъ моихъ пожелаетъ тотъ дворъ откупить, то онъ, Коротковъ, долженъ таковие деньги принять и тотъ дворъ с под своего владѣнія уступить»[2]). Подобнымъ же образомъ въ 1758 г. житель с. Рождествена, не отдавъ въ срокъ священнику занятые у него 6 руб., уступилъ ему «подъ арестъ» свою ниву «до отдачи мною тѣхъ забранныхъ денегъ или (кѣмъ) с покревнихъ моихъ»[3]). Но и тогда, когда въ соотвѣтствующихъ документахъ не дѣлалось прямой оговорки о такомъ правѣ родичей, оно все же существовало и примѣнялось на практикѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія козакъ м. Березного Остапъ Михненко занялъ у черниговскаго полкового обознаго В. Скоропадскаго 100 копъ до Пасхи 1715 года подъ заставу двора съ пахатной землей. Въ срокъ онъ денегъ отдать не могъ и заставленные дворъ и пахатная земля были выкуплены его братомъ, Артемомъ Михномъ. Въ дальнѣйшемъ ни самъ Остапъ, ни его дѣти не только не смогли вернуть Артему затраченныя имъ деньги, но заключили у него еще новые долги, и, наконецъ, въ 1755 г. дѣти Остапа за всѣ эти долги уступили своему дядѣ въ полную собственность выкуплен-

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 63, Документы козаковъ с. Быстрика, л. 48.

[2]) Тамъ же т. 57, Документы с. Мелни.

[3]) Тамъ же, Документы с. Атюши.

ные имъ дворъ и землю [1]). Изъ актовъ XVIII вѣка можно было бы привести сотни случаевъ подобнаго выкупа земли родственниками лицъ, ее заложившихъ. И такой выкупъ въ свою оперердь производился не только ближайшими родственниками. Эти послѣднiе, конечно, имѣли право выкупа въ первую очередь, но, если они не могли воспользоваться имъ, оно переходило къ болѣе далекимъ родичамъ. Такая послѣдовательность иногда опредѣленно указывалась и въ документахъ, выдававшихся при «заставѣ» земли. Въ 1746 г. священникъ с. Келебердѣевки отобралъ за долгъ поле у мѣстнаго козака, а послѣднiй съ своей стороны выдалъ священнику документъ, разрѣшая владѣть этимъ полемъ до отдачи долга. «А ежели — писалъ онъ въ этомъ документѣ — я не могу отдати, то дѣти мои отдадутъ ему, а сродникомъ моимъ возбраняю отдавать и втручатся (вступаться) въ оное поле, а ежели дѣти мои не мѣтимутъ (не будутъ имѣть) чимъ уплатить, то въ ту пору позволяю ближнимъ сродникомъ моимъ за оное поле уплатить честному отцу Михайлу любо дѣтямъ его» [2]). Но отказъ родичей купить землю могъ лишить ихъ права выкупить эту землю и изъ заставы. Въ 1766 г., напримѣръ, владѣльческiй посполитый с. Коробовки, «подданный» Золотоношскаго Благовѣщенскаго монастыря, отдавая въ заставу мѣстнымъ козакамъ свою ниву, оговаривалъ, что выкупить ее могутъ только его дѣти, но не сродники, такъ какъ послѣднiе отказались купить у него эту ниву [3]). Съ теченiемъ времени право родичей на выкупъ заложенныхъ земель подверглось и другимъ, несравненно болѣе широкимъ и существеннымъ ограниченiям. Но такiя ограниченiя создавались лишь постепенно въ теченiе XVIII вѣка и являлись уже рядомъ отступленiй отъ имѣвшаго раньше полную силу правила, согласно которому земля даже путемъ залога и продажи могла перейти въ чужiя руки лишь послѣ отказа отъ нея не только ея владѣльца, но и его родичей — членовъ того родственнаго союза, къ которому онъ принадлежалъ.

Всѣ отмѣченные факты, порою заходящiе далеко вглубь XVIII столѣтiя, въ своей совокупности бросаютъ достаточно яркiй свѣтъ на предшествовавшiй имъ перiодъ и позволяютъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ обрисовать тотъ порядокъ землевладѣнiя, который существовалъ въ лѣвобережной Малороссiи въ эпоху

---

1) Тамъ же, т. 18, Документы, лл. 615—617.

2) Рум. Опись, въ библiотекѣ Кiевскаго университета, Переяславскiй полкъ, Документы Пещанской сотни, т. II, № 38.

3) Тамъ же, Документы Золотоношской сотни, т. IX, № 15.

первоначальнаго ея заселенія. Въ основѣ этого порядка, очевидно, лежалъ фактъ принадлежности земли большимъ семейнымъ союзамъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ сводныхъ семей, союзамъ, каждый изъ которыхъ велъ свое происхожденіе отъ одного, общаго всѣмъ его членамъ родоначальника. Цѣлымъ «родомъ», цѣлымъ «племенемъ» садился такой союзъ на землю, сообща владѣлъ ею, сообща ее обрабатывалъ. Занятая имъ земля, ставшая «со всѣмъ, что къ ней потягло», «вотчиною» его членовъ, составляла общую его собственность, находилась въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ его членовъ и могла быть полностью или частью отчуждена на сторону лишь въ силу общаго и согласнаго ихъ рѣшенія. Первоначально и хозяйство на такой землѣ велось общее для всѣхъ входившихъ въ составъ союза семей. Съ теченіемъ времени однако общее хозяйство въ силу разростанія семейнаго союза становилось неудобнымъ и тогда наступалъ моментъ распаденія его на хозяйства отдѣльныхъ семей, сопровождавшагося раздѣломъ между ними земли и различныхъ угодій, благодаря которому въ «вотчинѣ», остававшейся раньше «неподѣленной», появлялись «части», «жребіи» или «пайки». Этотъ моментъ раздѣла вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и моментомъ возникновенія сябриннаго владѣнія — «сябровства» или «сяберства», какъ оно называется въ актахъ XVII—XVIII столѣтій, — владѣнія, самымъ тѣснымъ образомъ связаннаго съ тѣмъ первоначальнымъ порядкомъ, изъ котораго оно родилось.

Съ внѣшней стороны такой раздѣлъ земель семейнаго союза между отдѣльными семьями, входившими въ составъ послѣдняго, представлялъ собою какъ бы обычный раздѣлъ родового имущества, совершавшійся на началахъ равенства. Каждая семья изъ числа тѣхъ, на которыя распадался при этомъ раздѣлѣ ведшій раньше общее хозяйство семейный союзъ, получала на свою долю изъ общей земли равный съ другими «жребій», равную «часть» или «пайку». И сходство такого раздѣла съ обычнымъ раздѣломъ родового имущества въ полную собственность еще усугублялось тѣмъ, что полученныя отдѣльными семьями части, съ одной стороны, подвергались дальнѣйшему дробленію путемъ наслѣдованія и завѣщанія, съ другой — могли быть при извѣстныхъ условіяхъ отчуждаемы и на сторону. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ такого отчужденія въ XVII столѣтіи. Въ 1733 г. жители д. Грабова, «подданные» черниговскаго Троицкаго монастыря, заявляли передъ черниговскимъ урядомъ: «в прошлихъ старѣхъ го-

дѣхъ, чему будетъ лѣтъ болше пятидесяти, продки ихъ, обще з ними имѣючи грунта, в околичности Грабовской найдуючіесь, з угодіями, з дворами, пляцами, полями пахатними и непахатними, з борами, лѣсами, дубровами, сѣножатми, зарослями, з деревомъ бортнимъ и до бортя згоднимъ, а именно часть полную Купрѣя прозиваемую Бруевскую, часть полную ж Чирка, Титовскую часть Ходаренкову, часть Абакуменкову, часть Иваскову Кузминову, часть Захарія Понурки,... продки ихъ обще з ними въ обитель Свято-Троецкую Чернѣговскую покойному архимандриту Лаврентію Крщеновичу за двѣстѣ рублевъ денегъ во вѣчное владѣніе продали»[1]). Подобные случаи отчужденія «частей» земли, получившихся отъ раздѣла земель семейнаго союза, въ XVII вѣкѣ, не говоря уже о XVIII столѣтіи, составляли заурядное явленіе. И однакоже стоитъ немного ближе присмотрѣться къ актамъ, трактующимъ объ отчужденіи такихъ «частей», чтобы увидѣть, что если здѣсь и шла рѣчь объ отчужденіи собственности, то во всякомъ случаѣ собственность эта была далеко не обычнаго типа.

Начать съ того, что въ купчихъ на такія «части» земель обыкновенно не указывались границы продаваемой земли и это указаніе замѣнялось иного рода опредѣленіями. Въ 1677 г., напр., козакъ с. Петрушина въ ройской сотнѣ Черниговскаго полка продаетъ другому козаку «часть свою виделенную и на его часть правомъ прирожонимъ належачую в грунтѣ, прозиваемомъ Стѣшицахъ, за селомъ Великою Весю, з деревомъ бортнимъ и до бортя згожимъ, дубровами, полями, лесами, ролями, займищами, сѣножатми, що иле колвекъ (что бы то ни было) пожитковъ до тое его части належними, не виймуючи на себе самого, малжонку (жену) и потомки свои жадное (никакой) части, опроча части братней, въ томъ же грунтѣ помѣжное»[2]). Въ 1762 г. козакъ с. Рѣпокъ той же сотни Григорій Отрошенко, онъ же Сергѣенко Пероцкій, продаетъ доставшіеся ему по наслѣдству отъ отца три лѣсныхъ «острова» «со всѣми принадлежащими къ нимъ угодіями, яко то деревомъ бортнимъ, озерами и сѣнокосами, кромѣ частей сябровъ моихъ Омелка и Григорія Отрошенковъ, они жь и Сергѣенки Пероцкіе»[3]). Въ 1694 г. житель с. Алтыновки въ Нѣжинскомъ полку «свою часть отцевскаго грунта, которая на мене принадлежитъ, четвертую часть продалъ... иле (сколько) где есть во всѣхъ рукахъ

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6.
[2]) Тамъ же, т. 9. л. 337.
[3]) Тамъ же, л. 314.

поля пахотнаго, яко тежъ и цѣлини». Другіе два жителя того же села въ 1699 г. «купили грунтъ увесь, где лишо есть найменшая рѣчь у Пилипа Скибенка». Въ 1700 г. житель того же села продалъ «дворъ и з огородомъ и с полемъ у трох рукахъ и з засѣвкомъ, гдѣ есть на его спадаючая часть, дѣдовщина и отчизна». Козакъ г. Конотопа въ 1749 г. продалъ «отческій грунтъ, яко двора, имѣючогося въ Алтиновкѣ, свою часть, тако и к оному двору прилежащие грунта, яко поле пахотное, тако и гаи и сѣнокоси, где имѣются» [1]). Въ 1699 г. Ницко Степановичъ Пузикъ, житель с. Величекъ, «мѣючи грунтъ свой власный (собственный)... от родичовъ моихъ близкихъ и далекихъ, лежачій в селѣ Величкахъ, из селищемъ ниве пахатное, облоги, сѣножати, вутчина из деревомъ бортнимъ и яловымъ, также в озерахъ и криницахъ часть из сябрами, которая на мене приходитъ, сего грунту моего Величковского продалемъ половину» [2]). Въ 1737 г. козакъ с. Суличовки въ Черниговскомъ полку, продавая землю, «частку свою власную отцевскую», указывалъ лишь мѣстность, гдѣ она лежала, и затѣмъ повторялъ: «свою частку отъ братовъ и сябровъ своихъ продалемъ на вѣчность» [3]). Иногда, правда, при продажѣ «частей» земли, получавшихся въ результатѣ сябриннаго раздѣла, въ купчихъ обозначались границы, но въ такомъ случаѣ это были обыкновенно границы не продаваемой «части», а всей сябринной «вотчины», почему онѣ и обозначались совершенно одинаково, о какой бы «части» ни шла рѣчь. Ограничусь однимъ примѣромъ. Въ 1730 г. войсковой товарищъ Андрей Стаховичъ получилъ двѣ купчія отъ стрѣльцовъ с. Мощонки городищенской сотни Черниговскаго полка на лѣсъ Малчу, одну — отъ Сидора и Игната Корнѣенковъ, другую — отъ Федора и Евтуха Михѣенковъ. Въ обѣихъ купчихъ границы продаваемаго лѣса были означены продавцами совершенно одинаково и въ обѣихъ лѣсъ продавался «кроме барзо малой сябрской части, тамъ теперъ оставшойся» [4]).

Въ соотвѣтствующихъ документахъ нѣтъ недостатка и въ болѣе отчетливыхъ формулахъ, позволяющихъ составить ясное представленіе о томъ, почему при отчужденіи частей сябринной «вотчины» не обозначались границы этихъ частей. Въ 1699 г. нѣкая Алена Семендеиха, жившая въ д. Семендеяхъ, продала свою

[1]) Тамъ же, т. 62, лл. 481, 343, 224, 45.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-3425.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 2.

[4]) Тамъ же, т. 13.

землю. «Мѣючи я — писала она при этомъ въ выданной ею купчей — часть грунту своего власного, въ Семендеяхъ лежачого, Семендеювского з селидбою поле из зарослями из инними селищами, от сябровъ отдѣленное и не подѣленное, мое власное, которой то я своей всей части, якъ сама въ себѣ мѣеть, зреклася, уступила и продала на вѣчность»[1]). Въ 1705 г. житель с. Веребьевъ въ томъ же полку, «мѣючи частку грунту своего власного отчизного, з вѣку природного» въ с. Сенюкахъ, продалъ четыремъ жителямъ послѣдняго, своимъ сябрамъ, «такъ дерево бортное и яловци, и угляди, и у сеножатей луговихъ, и у полѣ, и ув облогахъ и дубровѣ, где есть частки мои у Сенюковъ»[2]). Козакъ д. Семендеевъ въ 1708 г. продалъ землю — «поле пахотное и до роспаши згодное, синожати на маломъ болотѣ и на великомъ Симполскомъ и з великого лѣса на великомъ болотѣ синожать, от всѣхъ сябровъ половина»[3]). Козакъ с. Неданчицъ въ 1707 г. заявлялъ на урядѣ, что «онъ, мѣючи въ уездѣ Любецкомъ въ селѣ Неданчичахъ дворъ, якъ ся въ себѣ маетъ, зо всею належистостю, поля пахотніе и непахотніе во всѣхъ трохъ змѣнахъ, на разнихъ мѣстцяхъ положенемъ зостаючіе, а ему належачіе, сѣножатѣ въ лукѣ по надъ Днѣпромъ лежачихъ пять, дерева бортного чотиридесять, а небортного килко (сколько) обыщется за его клеймомъ, и въ дубы теперъ зъ пчолами стоячимъ отъ сябровъ ему належную часть четвертую, и въ озерахъ Селищы, Прислanѣ, Орлемъ и въ криницахъ, где бы колвекъ (гдѣ только) въ томъ ихъ окажутся грунтѣ, и въ котцахъ, на рѣчцѣ Тоснѣ застановляемихъ отъ сябровъ..., належную часть четвертую, и въ иннихъ угодіяхъ зъ тими жъ сябрами своими, где колвекъ мѣють що своего совокупного грунту, всюду часть четвертую свою власную, по отцеви спалую», продалъ эту часть за 45 золотыхъ[4]). Въ любецкой сотнѣ Черниговскаго полка въ 1721 г. нѣкій Антипъ Павленко продалъ своему сябру Ивану Филоненку «у лузѣ частку свою вучицкую (отчинную), що на мене спадало отъ сябровъ». Въ той же мѣстности Татьяна Левонова, «мѣючи себѣ часть вотчини въ грунтѣ Сенюковскомъ з деревомъ бортнимъ, з сѣножатми островскими, якъ есть всѣмъ моимъ сябрамъ, Сенюкамъ, з отчинѣ часть, такъ и мнѣ», въ 1736 г. продала «опрочъ Прокопа Гавриленка и Тимоха

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, связка документовъ п. з.: «Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ».

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6

Ярмоленка Пріймака часть свою третюю». Въ тѣхъ же мѣстахъ въ 1728 г. житель д. Лопатни продалъ «свою усю учину (вотчину), усю, що припадаетъ на мене отъ сябровъ [1]).

Та или иная часть, «належная отъ сябровъ», приходящаяся одному сябру отъ остальныхъ во всѣхъ мѣстахъ и урочищахъ, гдѣ имѣются земли и угодья этихъ сябровъ; «все, что припадаетъ отъ сябровъ»; такая же часть «вотчины», какъ и у всѣхъ сябровъ, — таковы наиболѣе частыя и наиболѣе простыя опредѣленія «частей» отдѣльныхъ сябровъ, встрѣчающіяся въ купчихъ на сябринныя земли. И эти опредѣленія достаточно ясно вскрываютъ тотъ фактъ, что подъ сябринными «частями» разумѣлись не реальныя части земли, не опредѣленные и отграниченные земельные участки, а своего рода идеальныя доли бывшаго хозяйственнаго цѣлаго, «вотчины». Именно такими идеальными долями владѣли и распоряжались отдѣльные сябры. Иначе говоря, распаденіе единаго нѣкогда хозяйства семейнаго союза на рядъ хозяйствъ отдѣльныхъ семей передавало въ руки этихъ послѣднихъ не право собственности на строго опредѣленные земельные участки, а лишь право пользованія и — при извѣстныхъ условіяхъ — распоряженія той или иной долей земель и угодій, въ своей совокупности продолжавшихъ оставаться общей собственностью всего союза, перерождавшагося теперь въ союзъ связанныхъ между собою узами кровнаго родства дольщиковъ-сябровъ. Самыя эти доли единой раньше «вотчины» семейнаго союза, доли, опредѣлявшіяся въ зависимости отъ числа расходившихся на обособленныя хозяйства семей, въ свою очередь становившіяся «вотчинами» для своихъ владѣльцевъ и ихъ потомковъ, передававшіяся по наслѣдству и завѣщанію, а то и отчуждавшіяся въ постороннія руки, при всемъ томъ не были разъ навсегда отведены въ натурѣ. Онѣ были лишь идеальными долями и знаменовали собою только размѣръ «участія» или «уступа» въ «совокупныхъ» земляхъ и угодіяхъ, являвшихся общей собственностью всѣхъ сябровъ, сидѣвшихъ на томъ или иномъ участкѣ или «грунтѣ».

Эту стадію развитія формъ землевладѣнія и застало въ значительной части лѣвобережной Малороссіи — главнымъ образомъ, на сѣверѣ ея — возстаніе Богдана Хмельницкаго. Въ южной части страны, на территоріи нынѣшней Полтавской и части Екатерино-

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, связка документовъ п. 3: «Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у поданныхъ».

славской губерній, гдѣ послѣ возстанія Хмельницкаго образовались Прилуцкій, Лубенскій, Переяславскій, Миргородскій, Гадяцкій и Полтавскій полки, сябринное землевладѣніе было, повидимому, слабо развито и самое слово «сябръ» въ документахъ XVII—XVIII вв., относящихся къ этой территоріи, въ примѣненіи къ области земельныхъ отношеній встрѣчается довольно рѣдко. Можно думать, что эта форма землевладѣнія не успѣла широко развиться здѣсь благодаря болѣе позднему и вмѣстѣ съ тѣмъ очень быстрому заселенію данной мѣстности, при которомъ не могла долго удержаться обособленность отдѣльныхъ семейныхъ союзовъ. Иначе обстояло дѣло на территоріи сѣверныхъ полковъ — Стародубовскаго, Черниговскаго, Кіевскаго и отчасти Нѣжинскаго. Эта часть лѣвобережной Малороссіи была сравнительно плотно заселена задолго до возстанія Богдана Хмельницкаго, причемъ заселеніе ея, какъ показываютъ встрѣчающіяся здѣсь въ особенномъ изобиліи патронимическія названія селъ, совершалось по преимуществу путемъ образованія поселковъ отдѣльными семьями, либо семейными союзами. Задолго до возстанія Богдана Хмельницкаго, еще въ XVI столѣтіи, сложилась здѣсь и сябринная форма землевладѣнія. Къ эпохѣ возстанія здѣсь существовало большое количество мѣстныхъ землевладѣльческихъ родовъ, «бояръ» и «земянъ», владѣвшихъ своими землями на началахъ сябринства. Большинство этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, принадлежавшихъ къ стариннымъ родамъ мѣстныхъ «бояръ» и «земянъ», примкнуло къ поднятому Хмельницкимъ возстанію. Такъ поступили Пироцкіе, Жлобы-Вербицкіе, Велички, Тарасевичи, Унучки-Посудевскіе, Красковскіе-Богуши, Семяки, Пузики, Бѣлики, такъ же поступили и многіе другіе изъ мѣстныхъ землевладѣльческихъ родовъ. Войдя въ ряды козацкаго войска, они сохранили свои прежнія земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили и порядокъ владѣнія ими на началахъ сябринства. Съ другой стороны, возстаніе Богдана Хмельницкаго, уничтоживъ большинство шляхетскихъ имѣній, освободивъ населявшихъ ихъ крестьянъ и сдѣлавъ этихъ послѣднихъ собственниками земель, на которыхъ они сидѣли, дало возможность и крестьянской массѣ, какъ перешедшей въ козачество, такъ и оставшейся въ рядахъ посполитыхъ, безпрепятственно воплотить въ жизни выработанныя народнымъ правосознаніемъ представленія о правѣ собственности на землю. И въ результатѣ послѣ возстанія 1648—54 гг. весьма значительная часть земли на территоріи сѣверныхъ полковъ лѣвобережной Малороссіи оказа-

лась въ рукахъ сябринныхъ союзовъ.

Въ основѣ такого рода союзовъ первоначально, какъ мы видѣли, лежало исключительно начало кровнаго родства, связывавшее между собою отдѣльныхъ сябровъ, которые всѣ являлись членами одной разросшейся семьи. Но съ теченіемъ времени наряду съ естественнымъ, создавшимся на почвѣ кровнаго родства сябринствомъ стало возникать по его образцу и сябринство искусственное. Надо думать, что такое искусственное сябринство въ свою очередь стало создаваться задолго до эпохи Богдана Хмельницкаго. Во всякомъ случаѣ послѣ этой эпохи, во второй половинѣ XVII и въ XVIII вв., оно было широко распространеннымъ явленіемъ.

Однимъ изъ способовъ возникновенія искусственнаго сябринства было названное родство или «названное братерство» — установленіе фиктивныхъ родственныхъ отношеній, складывавшихся по типу отношеній подлиннаго родства. Человѣкъ, почему-либо нуждавшійся въ помощникѣ въ своемъ хозяйствѣ и не находившій такого помощника среди ближайшихъ родственниковъ, искалъ его въ кругу болѣе отдаленныхъ родичей, а то и на сторонѣ и, найдя, связывалъ его съ собою фикціей близкаго родства, «названнымъ братерствомъ», уступая вмѣстѣ съ тѣмъ найденному помощнику ту или иную часть въ своемъ хозяйствѣ. «Вѣдомо чиню, — заявлялъ въ 1706 г. нѣкій Лукашъ Дмитренко, «обыватель села Козицъ», — ижъ, усмотрѣвши по собѣ человѣка, а звлаща (въ особенности) сродка своего, а бивши одинокимъ человѣкомъ въ господарству, пріймую до третей части во всякомъ въ грунтѣ, въ полѣ, въ сѣножатяхъ, въ горожахъ, въ дворѣ, въ товарѣ (скотѣ) и во всякомъ набытку, на имя Никиту Головенка, обивателя козловскаго, а потомъ во всемъ нашомъ набитку, въ товарѣ рогатомъ, яко тожъ въ коняхъ и дробинѣ, а въ хлѣби совокупно жити... не токмо намъ... але и дѣтемъ нашимъ»[1]). Новое по существу своему содержаніе въ данномъ случаѣ при помощи фикціи умѣщалось въ старую, привычную форму и товарищеская ассоціація складывалась подъ именемъ и по типу родственныхъ отношеній, создавая между своими членами искусственное сябринство, которое въ дальнѣйшемъ развивалось тѣмъ же путемъ, какъ и сябринство естественное.

Былъ и другой способъ возникновенія искусственнаго сябрин-

[1]) См. И. В. Лучицкій, назв. ст., сс. 19—20.

ства, способъ, при которомъ товарищеская ассоціація, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ своего существованія, выступала въ болѣе откровенномъ, менѣе замаскированномъ видѣ. Такимъ способомъ являлась совмѣстная заимка земли нѣсколькими лицами, устанавливавшими при этомъ между собой тѣ же отношенія, какія существовали между родственными семьями, владѣвшими на началахъ сябринства «совокупными» землями. Въ 1684 г. Ефросинія Гоготовна Корнѣиха, жившая въ д. Маломъ Устьи въ Черниговскомъ полку, разсказывала предъ сосницкимъ урядомъ: «с початку въ Маломъ Устечку засѣвши дѣдъ мой Никита Гоготъ Москаль зъ Юркомъ тожъ москалемъ в килкудесять лѣтъ зачимъ Сосница садилась, зъ отчиною рѣчокъ, прозиваемыхъ една Чепелиха... другая Вѣжовка, третія Жураховка... къ тому поимъ три... по половинѣ заживали, по дѣду зась (же) моимъ отецъ мой Сава Микитенко Гоготенко з Иваномъ Юрченкомъ Носомъ такъ же по половинѣ держали, а по отцу моемъ братъ мой рожоній старшій Федоръ Савченко зъ Сергіемъ Ивановичемъ Носенкомъ также килка лѣтъ держали, а идучи братъ мой з Устечка до Церковищъ мнѣ сестрѣ своей меншой навѣки даровалъ тую свою половину, которую я южъ килканадцять лѣтъ зъ Сергіемъ Носенкомъ тимже держали и заживалы». Такое владѣніе названными рѣчками и поймами «по половинѣ» продолжалось до 1684 г., когда Ефросинія Гоготовна и Сергѣй Носенко, каждый въ отдѣльности, продали свои «половины» сосницкому сотнику Крачевскому [1]). Или вотъ другой аналогичный примѣръ: въ 1685 г. два лица, Иванъ Шаула и Василій Грузинскій, «маючи гай (лѣсъ) на пѣскахъ под Кобижчу зобополне занятий», сообща («зобополне») продали его, половину въ однѣ руки, половину въ другія [2]).

Къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ совмѣстная заимка земли, могла вести и совмѣстная ея покупка, участники которой также становились по отношенію другъ къ другу въ положеніе сябровъ, владѣльцевъ невыдѣленныхъ долей въ общемъ имуществѣ. Въ 1727 г., напримѣръ, козакъ с. Звиничева ройской сотни Черниговскаго полка Василій Кужилный «з согласіемъ козака сотнѣ ройской жителя голубицкого Петра Кулчейки» купилъ у козака Василія Шляхтуна «половинную часть пущи его Шляхтуновой вѣ-

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 26, владѣльческія вѣдомости м. Сосницы, л. 603.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Кобижской сотни, т. IV, № 60.

куистой» съ сѣножатями, криницами и рыбными ловлями. «И по той куплѣ — разсказывалъ Кужилный въ 1757 г. — я с помянутимъ сябромъ своимъ Кулчейкою во всемъ прописанномъ половинною частю донинѣ владѣю», а въ этомъ году продалъ свою половину [1]). Въ 1724 г. жители с. Мутина въ Нѣжинскомъ полку Михайло, Гаврило, Иванъ и Ѳедоръ Приходки и Никифоръ Горбачъ «продалы чтири части озера, зовомого Чертомля, зо всякими пригодми, и еще к тому двѣ озерцѣ, а к тому которая тамъ есть лоза, осока і дубровка една Горбачева... которое то озеро отци тихъ продавцовъ за гроши купили». «Ми — заявляли при этомъ продавцы — свою часть половину вишше именованыи Приходки і Ныкифоръ Горбачъ из дубровкою третую часть, которую імѣлъ съ своими братами у ихъ половинѣ, продали доброволне інокамъ святой обителы Петропавловской Глуховской во вѣчное владѣные» [2]). При совмѣстной покупкѣ земли части отдѣльныхъ владѣльцевъ, конечно, могли быть съ самаго начала не равны между собою. Въ 1749 г., напр., козаки с. Свидовца Леско и Григорій Матвѣенки покупаютъ на 12 дней пахотнаго поля, «токмо Григорія третая часть, а Леску Матвѣенку двѣ части» [3]).

Наконецъ, искусственное сябринство образовывалось также путемъ продажи и покупки земель, находившихся уже въ сябринномъ владѣніи. Покупатель той или иной части сябринной земли самымъ фактомъ такой покупки вступалъ въ сябринный союзъ, устанавливалъ «сяберство» между собою и лицами, владѣвшими другими частями этой земли. «Я, Максимъ Васковъ сынъ з Любеча, по прозвиску Нѣжинецъ, — говорится въ одномъ документѣ 1679 г. — продалъ половину грунту всего, отъ мала до велика, и поле, и сѣножати, криници и що належитъ, що ми з братомъ моимъ Процикомъ били купили у Семена Чорного за копъ шесть без пулзолотого, я тежъ Максимъ продалемъ Гурину Зубашенку за суму грошей золотихъ девять свою половицю всю вечними часи, же (такъ что) я, Максимъ, не маю части жадной (никакой), а нѣ дѣти мои, тилко Гурину волно буде продать, даровать и самому будовать (строить), яко на своемъ добромъ купленномъ грунтѣ, я тежъ, Максимъ Васченко, вимовляю собѣ

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, л. 474.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-964.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Кобижской сотни, т. I, № 77.

двѣ соснѣ бортнихъ у Конскомъ, а мой братъ Процикъ сяберство маетъ из Гуриномъ Зубашенкомъ, поки Богъ позволить» [1]). Въ другомъ случаѣ нѣкая Настя Архипиха, жившая въ с. Петрушахъ въ любецкой сотнѣ Черниговскаго полка, продала въ 1714 г. «часть отчины», купленную ея покойнымъ мужемъ и «в сябровствѣ мѣючую з людми», двоимъ изъ своихъ сябровъ, «имъ двомъ по половини» [2]). Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда «сяберство» покупателя части сябринной земли съ владѣльцами другихъ частей ея не оговаривалось прямо въ купчей, оно вытекало изъ всего содержанія послѣдней. Вотъ одинъ изъ типичныхъ случаевъ такого рода. Въ 1737 г. «обиватель кисловскій и козакъ сотнѣ любецкой» Федоръ Моцикъ, «имѣючи в Кисловскомъ грунтѣ частку свою власную», продалъ «с оной своей частки половину бору Гаврилѣ Быховцу с углядомъ и з деревомъ бортнимъ и з землею... и где имѣется минѣ якая частка въ бору, то такая и ему, Гаврилу Быховцу» [3]). Покупатель перенималъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ отъ продавца право на половинную долю его «частки» въ сябринномъ «грунтѣ», тѣмъ самымъ становясь и самъ участникомъ сябриннаго владѣнія, такимъ же сябромъ, какъ и всѣ остальные, имѣвшіе свои «частки» въ этомъ владѣніи. Иначе и быть не могло, такъ какъ сябринная «частка» знаменовала собою не отведенный въ натурѣ, строго отграниченный участокъ земли, а лишь право на полученіе опредѣленной доли въ «общей», «совокупной» землѣ и потому неизбѣжно вовлекала своего владѣльца въ сябринный союзъ.

Возникалъ ли такой союзъ естественнымъ путемъ изъ разросшагося и затѣмъ распавшагося на отдѣльныя семьи рода, создавался ли онъ искусственно, соединялъ ли онъ въ себѣ сябровъ-родичей съ сябрами, вошедшими въ союзъ искусственными путями, — во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково онъ являлся настоящимъ собтвенникомъ «совокупныхъ» земель и угодій и соотвѣтственно ограничивалъ права отдѣльныхъ своихъ членовъ. Отдѣльные сябры, правда, передавали свои «части» по наслѣдству, могли завѣщать ихъ, могли продавать и дарить ихъ, и въ полномъ объемѣ, и по частямъ. Но это право отдѣльныхъ сябровъ на распоряженіе своими «частями» подвергалось и ряду суще-

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: «Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ».
[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л. 224.
[3]) Тамъ же, т. 3.

ственныхъ ограниченій, вытекавшихъ изъ правъ всего сябриннаго союза въ его цѣломъ, правъ, которыя были тѣсно связаны съ первоначальной природой этого союза, какъ союза лицъ, соединенныхъ между собою кровнымъ родствомъ и на такомъ родствѣ основывавшихъ свои права на владѣемую ими землю.

Пока доля отдѣльнаго сябра переходила по наслѣдству или завѣщанію къ его дѣтямъ и вообще къ прямымъ его потомкамъ и наслѣдникамъ, такой переходъ не встрѣчалъ для себя никакихъ препятствій. Сябринныя доли, какъ и всякое семейное имущество, свободно передавались отъ отцовъ къ дѣтямъ, естественно подвергаясь при этомъ съ теченіемъ времени все большему и большему дробленію. Но какъ только тотъ или иной сябръ рѣшалъ разстаться съ своей долей, продать ее, подарить или вообще отчудить какимъ-либо способомъ, такъ немедленно на сцену выступали права сябриннаго союза. Доля отдѣльнаго сябра, заключавшая въ себѣ право пользованія опредѣленною частью «совокупныхъ» земель и угодій, являвшихся общей собственностью всего союза, могла быть отчуждаема лишь съ согласія всѣхъ членовъ послѣдняго, причемъ по возможности должна была оставаться въ ихъ же владѣніи и лишь въ крайности могла быть передана въ руки человѣка, бывшаго раньше для даннаго союза сябровъ постороннимъ, «чужимъ» человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе ярко сказывалось происхожденіе сябринныхъ отношеній изъ стараго родового союза, родового владѣнія землею. Сябръ, желавшій продать свою долю, долженъ былъ «объявить» объ этомъ остальнымъ своимъ сябрамъ и прежде всего среди нихъ искать себѣ покупщика. Но и тогда, когда покупщикъ находился именно въ этой средѣ, лишь согласіе остальныхъ сябровъ могло придать заключаемой сдѣлкѣ полную силу. Въ 1726 г. Романъ Тарасевичъ, «имѣючи грунтъ свой власній, прозиваемій Мешелѣвскій, въ грунтѣ Величковскомъ обрѣтающійся», продалъ его, «яко ближайшему в помянутомъ Величковскомъ грунтѣ сябру и помѣжнику», епископу Иродіону Жураковскому «в домъ архіерейскій Катедри Чернѣговской», но продалъ, какъ заявлялъ онъ въ выданной имъ купчей, «обвѣстившись сродникомъ своимъ, Николаю Тарасевичу дядку і протчіимъ, і сябрамъ» [1]). Въ 1734 г. козаки с. Кротина любецкой сотни Черниговскаго полка Іосифъ и Семенъ Кононенки продали Пантелей-

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 7.

мону Мокріевичу «частки свои власние отцевские... в лѣсѣ Мокрецѣ в низкомъ бору». «Продалисмо — писали они при этомъ въ купчей — свои частки з землею и дубровою, вутчиною, з углядами, до того способное дерево на угляди, з сѣножатми, з рудою и со всякими угодии, до тихъ частей належачими, за согласиемъ братовъ и сябровъ нашихъ, где иле колвекъ (сколько бы то ни было) въ тихъ означеннихъ урочищахъ знайдуется братомъ и сябромъ нашимъ»[1]). Съ теченіемъ времени, впрочемъ, установился, повидимому, такой порядокъ, что при продажѣ земли внутри сябриннаго союза, отъ сябра къ сябру, не требовалось обязательно согласіе остальныхъ сябровъ, не участвовавшихъ непосредственно въ данной сдѣлкѣ. По крайней мѣрѣ отъ XVIII вѣка сохранилось большое количество и такихъ купчихъ на сябринныя земли и угодья, въ которыхъ упоминается, что данныя земли и угодья поступаютъ отъ продавцовъ къ покупателямъ, какъ къ «ближайшимъ» или «помежнымъ» сябрамъ, но нѣтъ упоминанія о согласіи на эту сдѣлку со стороны остальныхъ сябровъ. Въ 1731 г., напр., посполитый черниговскаго женскаго Пятницкаго монастыря продаетъ купленную раньше имъ самимъ часть Величковскаго грунта черниговскому епископу Иродіону Жураковскому, какъ «ближайшему сябру», ничего не говоря о согласіи на это другихъ своихъ сябровъ въ Величковскомъ грунтѣ[2]). Подобнымъ же образомъ въ 1743 г. жители м. Любеча Радко, Иванъ и Аврамъ Усенки продаютъ ниву «пану Константиновичу, яко помѣжному нашему сяброви»[3]). Въ 1745 г. попадья Анастасія Красковсковна (Красковская по отцу) съ братомъ и сыновьями продала ниву съ лѣсомъ козаку любецкой сотни Василію Савичу, «яко близшему своему сяброви». Четыре года спустя она же за неуплаченный долгъ отдала въ залогъ на два года вдовѣ Савича «д. Семендеи з пляцами и со всѣми к ней принадлежащими угодиями, лесами, дубровами, также и пахотними полями и на великомъ болотѣ отъ всѣхъ сябровъ половина сѣнокосу», а въ 1751 г. и окончательно уступила ей эти владѣнія[4]). И такихъ случаевъ уступки сябринныхъ земель сябрамъ же, безъ упоминанія о согласіи на эту уступку остальныхъ сябровъ, можно было бы привести изъ актовъ XVIII вѣка еще очень много.

---

[1]) Тамъ же, т. 2.
[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ б-ку Кiев. ун-та, № 1616-2742, л. 8.
[3]) Рум Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л. 763.
[4]) Тамъ же, т. 6.

Но продажа и всякаго рода уступка сябринныхъ земель въ постороннія руки, въ руки лица, не принадлежавшаго къ данному сябринному союзу, всегда требовала согласія всѣхъ сябровъ. Необходимость этого согласія въ случаяхъ такой уступки чувствовалась и сознавалась особенно остро благодаря самому характеру сябриннаго союза. Въ 1799 г. сябры с. Переписи, говоря о купчихъ, на основаніи которыхъ они владѣли расположенными при ихъ селѣ лѣсами, заявляли, что эти купчія суть «доброволніе зделки между родоправнаго состоянія людей, а не на сторону и не въ сторонніе руки и какой-либо другой родъ» [1]). Являясь прямымъ наслѣдникомъ родового союза, союзъ сябринный, подобно своему предшественнику, выпускалъ землю изъ своего владѣнія, изъ рукъ своихъ членовъ лишь съ общаго ихъ согласія и налагалъ соотвѣтственныя обязательства на каждаго изъ нихъ. Когда въ 1736 г. одинъ изъ сябровъ с. Переписи, «будучи мертво пяній», продалъ свой «уступъ» постороннему «мимо вѣдома жителей перепискихъ, а сябровъ своихъ», онъ, придя въ сознаніе, немедленно уничтожилъ выданную купчую и въ новой купчей, данной уже одному изъ сябровъ, наложилъ на себя зарокъ, что, если онъ еще продастъ кому постороннему свои «сябрскіе вотчицкіе части», то «за таковую продерзость, легкомислность и самоволство до скарбу войскового штрафа двѣстѣ рублей положить и публѣчно въ градахъ Глуховѣ или Чернѣговѣ безъ пощадѣнія на тѣлѣ киями наказаніе принять имѣетъ» [2]). Продажа въ постороннія руки, совершенная безъ вѣдома и согласія сябровъ, считалась такимъ образомъ недѣйствительной и могла быть уничтожена. И это представленіе о сябринной землѣ, какъ о землѣ, преимущественное право покупки которой принадлежитъ сябрамъ и которая не можетъ быть продана на сторону безъ ихъ согласія, было настолько распространено въ мѣстностяхъ сябриннаго землевладѣнія и такъ прочно держалось въ умахъ населенія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстная администрація находила возможнымъ даже совершенно запретить продажу сябринныхъ земель и угодій постороннимъ лицамъ. Такъ, въ 1723 г. нѣжинская полковая старшина по просьбѣ Омбышскаго монастыря особымъ универсаломъ воспретила козакамъ с. Омбыша продавать свои земли кому-либо, кромѣ монастырскихъ посполитыхъ, во избѣжаніе возможныхъ обидъ монастырю въ его земляхъ отъ постороннихъ

---

[1]) См. у И. В. Лучицкаго, назв. ст., с. 18.
[2]) См. тамъ же, сс. 24—5.

сябровъ[1]). Съ другой стороны, сябры въ силу того же самаго представленія обладали и правомъ выкупа проданныхъ и заложенныхъ сябринныхъ земель. Такой выкупъ прямо и аргументировался ссылкою на «сябровство» выкупающаго. Въ 1692 г., напримѣръ, «товаришъ и житель петрушинскій» Стефанъ Шихуцкій выкупилъ съ своимъ сыномъ отъ Мелешка Алексѣенка, жителя постовбицкаго, грунтъ Стѣгинскій, «яко ему призвоито (пристойно) в кревности найдуючомуся, такъ же и въ сябровствѣ по своихъ ему грунтахъ ближшому до грунту Стѣгинского»[2]).

Если каждый отдѣльный членъ сябриннаго союза былъ такимъ образомъ до извѣстной степени стѣсненъ въ своемъ распоряженіи сябринными землями и угодьями, то весь союзъ въ цѣломъ, какъ настоящій собственникъ этихъ земель и угодій, могъ свободно распоряжаться ими, продавать ихъ, дарить, отдавать подъ тѣми или иными условіями на сторону. «Я, Сидоръ Кузменко, житель кротинский тракту любецкого, — говорится въ одномъ документѣ 1708 г. — зо всими сябрами своими кротинскими и покревними своими далними и ближними чинимъ вѣдомо симъ нашимъ доброволнимъ записомъ... ижъ ми продали ниву... Басилю Кудлаченку, жителю сенюковскому»[3]). Сябры с. Стараго Бѣлоуса въ Черниговскомъ полку въ началѣ XVIII вѣка обмѣнялись частью своихъ земель съ черниговскимъ архіепископомъ. Сябры с. Орловки въ Нѣжинскомъ полку, какъ показывали нѣкоторые изъ нихъ въ 1768 г., разрѣшили генеральному подскарбію Михаилу Скоропадскому сдѣлать «окопъ» въ ихъ общей пущѣ, и онъ такой окопъ «з вѣдома, прошения и дозволения всего села Орловки козаковъ и посполства к гаченю греблѣ з свободной къ селу Орловки принадлежащей пущи закопалъ»[4]). Въ 1691 г. въ с. Жукоткахъ любецкой сотни Черниговскаго полка Юско, Андрей, Лесь, Иванъ, Федоръ и Михайло Злобы и Иванъ Молявка отвели сообща землю мѣстному священнику вмѣсто сбора «осенщины». «Мы всѣ единостайне братерство, — писали они въ актѣ этого отвода — такую взявши здавна пораду и внутрную любовь, завели на церковь господину отцу Карпу Рогачевскому, священ-

---

[1]) См. мою книгу Къ исторіи Нѣжинскаго полка, СПБ. 1896, приложенія, № 3.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, л. 339.

[3]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: «Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ».

[4]) См. мою рецензію на второй томъ Описанія старой Малороссіи Лазаревскаго («Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова» и отдѣльно, «Къ исторіи Нѣжинскаго полка», Спб. 1896, с. 58).

нику жукоцкому парафиялному, дуброву под селомъ Жукотками... межею і копцами положилисмо, тактежъ і сѣножатокъ двѣ при той же дубровкѣ умѣжки подаемо вѣчными часы... власные наши грунта отчизные і дѣдизные, якъ наши отцѣ и дѣди надавали грунта обрубомъ на церковь священникамъ любецкимъ, такъ и мы тымъ же способомъ подаемо тотъ грунтикъ вѣчными часы на церковь святителя Христова Николая въ селѣ Жукоткахъ, і господину отцу Карпу волно будетъ разробляти і пожитокъ собѣ привлащати, а в насъ, вышпомененныхъ особъ, не вспоминатсе осенсчины за лѣта идучие, якъ наши предки не давали священникамъ осенщины, такъ и мы тое стверждаемъ господинамъ, зостаючимъ при церкви въ селѣ Жукоткахъ»[1]). Подобнымъ же образомъ сябры с. Мокрыхъ Величокъ, вмѣсто платы «роковщины» причту, состоявшему при церкви Рождества Богородицы въ Любечѣ, отвели этому причту землю — «Кленовскій островъ»[2]). И такой же порядокъ совмѣстнаго отвода сябрами земли для причтовъ мѣстныхъ храмовъ существовалъ и во многихъ другихъ селахъ.

Какъ собственники общихъ земель, сябры сообща вели и судебные процессы, касавшіеся этихъ земель[3]). И, если даже споръ шелъ о части одного какого-либо сябра, на судъ вызывались и другіе сябры, участвовавшіе во владѣніи общей землей[4]). Если же этотъ порядокъ не соблюдался и судъ, не вызывая всѣхъ сябровъ, привлекалъ къ дѣлу лишь часть ихъ, наиболѣе непосредственно въ немъ заинтересованную, они усматривали въ этомъ существенную неправильность, которая должна была повести къ отмѣнѣ судебнаго приговора[5]).

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2886.

[2]) Тамъ же, 1616/2804.

[3]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: «Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ», документъ 17 іюня 1677 г.

[4]) Въ 1705 г. козакъ с. Сибережа Федоръ Пузикъ, «мѣючи, какъ писалъ онъ въ своей купчей, въ грунтѣ Антоновскомъ, Шибириновскомъ и Гирманскомъ судомъ полковимъ таковую жъ часть, якая и Кудрамъ Стефану и Павлу, подчасъ зебранія всѣхъ сябровъ присуженую», продалъ эту часть, «во всѣхъ трехъ грунтахъ половину отъ Кудровъ... во всемъ, въ поляхъ, сѣножатяхъ и дубровахъ», Сем. Еф. Лизогубу — Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л.490-об. И. В. Лучицкимъ (назв. ст., с. 26) по ошибкѣ содержаніе этого документа передано такъ, какъ будто часть Пузика была присуждена ему собраніемъ сябровъ.

[5]) Такъ, въ 1768 г. козаки с. Орловки, ведя процессъ съ Як. Мих. Скоропадскимъ за принадлежавшую къ этому селу пущу, просили отмѣнить постановленный въ пользу Скоропадскаго приговоръ земскаго суда, какъ неправильный, такъ какъ судъ не вызвалъ всѣхъ участниковъ владѣнія, хотя козаки и заявили, что они «не едни въ той пущѣ,... но суть многіе владѣлци и сябри, яко то поспо-

Ограничивая права отдѣльныхъ своихъ членовъ на распоряженіе сябринными землями и угодьями, сябринный союзъ не оставлялъ безусловно свободнымъ и право пользованія этими землями. Сидя на «общихъ», «совокупныхъ грунтахъ» большого сябриннаго союза, отдѣльныя семейныя группы и выдѣлившіяся семьи вели, правда, обособленное хозяйство. Каждая изъ нихъ самостоятельно «разробляла дубровы» подъ поля, «расчищала сѣножати», выглядывала въ лѣсахъ «дерево, до борти згожое», и устраивала себѣ борти, ловила рыбу въ рѣчкахъ, озерахъ и «калюгахъ», но все это она могла дѣлать лишь въ части, выпадавшей въ общемъ владѣніи на ея долю, сообразуясь съ «частями», «жребіями» и «паями» другихъ семейныхъ группъ и отдѣльныхъ семей, входившихъ въ составъ сябриннаго союза. Для опредѣленія этихъ «частей», «жребіевъ» и «паевъ» въ натурѣ сябрами время отъ времени производились «подѣлы», свѣдѣнія о которыхъ сохранили намъ нѣкоторые документы XVIII вѣка. Такъ, напримѣръ, въ одной купчей 1711 г. продавецъ, житель с. Бохановъ, заявляетъ, что онъ продаетъ «частку дуброви, у подѣлѣ зосталую отъ сябровъ у Копачевѣ» [1]). Или вотъ другой, еще болѣе характерный случай. Въ 1735 г. козакъ с. Кислыхъ Иванъ Мануйленко заявилъ передъ черниговскимъ магистратомъ, что, «имѣючи онъ въ пущи Кисловской въ шестой части, которая значковому товарищу Елисѣю Рященку и козаку любецкой сотнѣ жителю кисловскому Якиму Щуковскому належить по три долѣ, то есть имъ двомъ шесть частей, а семая часть отцу его, продавци, Артему Манойленку, козаку кисловскому, зъ его трома братами Семеномъ, Герасимомъ и Сергѣемъ Манойленками, од семой части своей зъ братами своими отческой четвертую часть, ему по отцу, кромѣ братовъ, надлежащую во всемъ, якъ она в себя имѣется и по отцу ему надлежитъ, з доброй своей волѣ продалъ онъ Иванъ Манойленко черниговскому судовому писаровѣ пану Григорию Максимовичевѣ за сумму готовихъ денегъ копъ двадцять монети россійской (кромѣ грунту пахотного, которимъ онъ, продавца, нинѣ владѣетъ)... а онъ, продавца, самъ себе с потомками и рода своего з поссесіи той проданной части пущи Кисловской видѣдичилъ и цѣле отдалилъ». Такимъ образомъ Иванъ Мануйленко

литие въ с. Орловкѣ жителствующие... Ив. Ив. Неплюева и прочіе». — Архивъ Черниг. Окружн. Суда, Дѣла Гражданскія, № 143.

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: «Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ».

продалъ Максимовичу четвертую часть седьмой части въ шестой части Кисловской пущи. И, совершая эту продажу, онъ въ купчей прибавлялъ: «и ежели бъ де имѣлъ быти подѣлъ всѣмъ сябрамъ, то и ему, пану Максимовичу, видѣленна быть имѣетъ часть тая, которая по отцевѣ его (Мануйленка) ему надлежала» [1]). Въ с. Переписи въ 1716 г. сябры произвели «подѣлъ» одного изъ своихъ угодій, «сѣножати Ястребницы». Они подѣлили этотъ сѣнокосъ на 17 «частей» или паевъ между 17 сябрами, а оставшуюся его часть дали семейной группѣ, состоявшей изъ четырехъ семей, — «имъ отрубомъ дали, гдѣ они сами схотели» [2]). Какъ видно изъ этого случая, отдѣльныя сябринныя угодія раздѣлялись на паи, которые затѣмъ и отводились сябрамъ, каждому въ мѣру его участія въ общемъ владѣніи. Для обозначенія этой мѣры существовалъ еще особый терминъ — «грошъ». Въ 1704 году козакъ с. Сибережа Семенъ Лепеха, «мѣючи въ Любетщинѣ и Кротинщинѣ и во всякихъ надлежитостяхъ грунтовихъ, з которихъ то я своихъ добръ власнихъ купчихъ выймуючи часть во всѣхъ озерахъ полтора гроша мнѣ надлежачихъ, именно в езерѣ Болгачѣ и в озерѣ Домашнемъ, Избищѣ и Колизни и Полчищи», продалъ любецкому священнику Артемію [3]). Въ 1729 г. козачка с. Кротина съ зятемъ «при сябрахъ своихъ продала и уступила на вѣчность» своему сябру, любецкому сотнику Ивану Савичу «часть свою власную... въ островѣ, на Днѣпрѣ будучомъ, прозиваемомъ Завихвостѣ, противъ озера, зовемого Бѣловода, найдуючомся, въ сѣножатехъ, въ зарослехъ, въ деревѣ бортномъ и до бортей згодномъ, в криницахъ и во всякихъ угодияхъ, а именно грошъ оденъ Иноразовскій, да полгроша без третей части, мнѣ от Мини Мороза, жителя и козака кротинского, належного, и у полъгроши часть четверту отъ Сидоренковъ, жителей и козаковъ же кротинскихъ» [4]).

Находящіеся въ нашемъ распоряженіи источники не позволяютъ, къ сожалѣнію, отвѣтить на вопросъ, какъ часто производились сябрами такіе «подѣлы». На основаніи существующаго

---

[1]) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, по описи, № 1735, л. 11 — об. Ср. замѣтку, найденную И. В. Лучицкимъ въ бумагахъ Константиновича; «когда будутъ дѣлить лугъ Козловскій, то намъ слѣдуетъ получить на Евтуховой части половину, а потомъ съ остальной Евтуховой части третую часть; на Федьковой части — третую часть, т. е. часть намъ, часть священнику, часть всѣмъ козакамъ Федькамъ» (И. В. Лучицкій, назв. ст., с. 26).

[2]) См. у И. В. Лучицкаго, назв. ст., с. 26.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т, 6.

[4]) Тамъ же, т. 8, л. 755 об.

матеріала можно лишь сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сябрами практиковались въ XVIII вѣкѣ ежегодные передѣлы земель. Къ такому заключенію, по крайней мѣрѣ, приводитъ случай, указанный проф. Лучицкимъ для д. Козловъ любецкой сотни. Одинъ изъ сябровъ этой деревни заложилъ свой пай, три сѣнокоса по 12 возовъ каждый, «кои сѣнокосы, — говорится въ актѣ залога — каждый годъ ходя между сябрами порознь, когда который между сябрами доведется къ скосу, долженъ быть (кредиторомъ) скошенъ на 12 возъ» [1]). Въ данномъ случаѣ сябръ передалъ своему кредитору не опредѣленную часть земли, а лишь право пользованія въ опредѣленныхъ размѣрахъ, и только его и могъ передать, такъ какъ самые сѣнокосные паи ежегодно передѣлялись, «ходили между сябрами порознь», изъ рукъ въ руки. Иногда же, въ особенности по отношенію къ такимъ угодьямъ, какъ озера, сябрами примѣнялся другой порядокъ пользованія, сводившійся къ установленію очередного пользованія, къ смѣнѣ его по годамъ, причемъ такая смѣна опредѣлялась опять-таки въ зависимости отъ размѣровъ частей, принадлежавшихъ каждой семьѣ или каждой семейной группѣ сябровъ въ общемъ владѣніи. Такъ, напр., въ эпоху Румянцевской Описи у Анастасіи Полуботковой въ Черниговскомъ полку было, — по ея показанію, — «обще владеемихъ погодно озеръ: Домашнее, Кузобъ съ Любецкимъ монастыремъ и сотникомъ любецкимъ Посудевскимъ; Круговатъ зъ сотникомъ любецкимъ Посудевскимъ и козаками деревнѣ Мисовъ Теремецкими и Красковскими; Речище съ козаками деревнѣ Козловъ; Ориловъ съ монастыремъ Катедралнимъ Чернѣговскимъ и козаками села Неданчичъ» [2]). Часть этихъ озеръ была продана Посудевскому въ 1750 г. Именно Ѳеодосія Красковская съ сыномъ продали въ этомъ году Посудевскому, — какъ писали они въ своей купчей, — «надлежащую от сябровъ нашихъ всего села Красковскихъ жителей на нихъ четвертую часть в озерахъ мисовскихъ: Домашнемъ, Козубѣ, да в Кукарскыхъ Тіоснахъ, сколко ихъ тамъ тоней имѣется, и въ протчіихъ в дачахъ мисовскихъ криницяхъ, нѣчего на себе не виймуя,... позволившы ему, пану сотнику, вишеписанными проданними рибними ловлями въ уроченние на всѣхъ Красковскихъ сябровъ нашыхъ года четвертую часть владѣть» [3]). И это не было только узко мѣстное явле-

[1]) И. В Лучицкій, назв. ст., с. 27.
[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 7.
[3]) Тамъ же.

ніе. Такой порядокъ пользованія озерами практиковался сябрами и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ 1752 г. козаки с. Мелни въ Нѣжинскомъ полку Андрей Книшъ съ четырьмя своими сыновьями и Артемъ Дюрдикъ въ выданной ими бунчуковому товарищу Ивану Костенецкому купчей заявляли: «мѣючи власное наше отцевское.. озеро Великую Гороховку, обрѣтаючееся за тѣмъ же селомъ Мелнею, зо всѣми до него будучими калюгами, въ якомъ озерѣ и калюгахъ братовъ нашихъ Дмитра Книша и Якова Дюрдика, да племѣнника Ѳедора Книшенка двѣ части, а намъ третая часть, полѣтне отдѣленна, теди оную нашу третую часть озера Великой Гороховки зъ прилеглими калюгами за вѣдомомъ и дозволениемъ мененнихъ (названныхъ) братовъ и племѣнниковъ нашихъ.. продали во вѣчность» [1]). Временами же этотъ порядокъ пользованія примѣнялся и къ другимъ угодіямъ, чаще всего, повидимому, къ сѣнокосамъ. Въ 1689 г. козакъ с. Бабы въ Черниговскомъ полку продалъ сосницкому священнику Даніилу за 150 золотыхъ «грунтъ» съ садомъ, огородомъ, съ полемъ во всѣхъ трехъ рукахъ и, кромѣ того, «синожать третюю часть и в гаи третую часть: или тежъ третого року косити из Аѳанасіемъ Волошиномъ, на тотъ часъ атаманомъ бувшимъ сосницкимъ, два роки (года) Аѳанасію косить, а третего року отцу Данілию» [2]). Подобнымъ же образомъ козакъ с. Горбова въ Черниговскомъ полку, Трофимъ Филипповъ Горбель, получивъ по смерти своего двоюроднаго племянника Калениченка «сѣнокоса частку, коя на его спадала, противъ другихъ братовъ моихъ Горбеловъ двухъ Трохима Иванова сина да Ивана Иванова сина спадаючую», и продавая въ 1757 г. эту «часть его, Калениченка, третую» козаку Костяну, въ выданной послѣднему купчей прибавлялъ: «а косить позволяю я оную сѣножать з нами, Горбелями, противъ прежнего погодочного, якъ оная и нами косилась, годъ — тотъ, а на другой — другимъ» [3]). По мѣрѣ дробленія сябринныхъ угодій и соотвѣтственнаго мельчанія паевъ случаи такого очередного пользованія, естественно, должны были становиться болѣе частыми и, насколько можно судить по сохранившимся источникамъ, въ XVIII столѣтіи этихъ

---

[1]) Тамъ же, т. 55. Въ 1753 г. тому же Костенецкому продали свою третью часть въ этомъ же озерѣ Федоръ Книшъ и Потапъ Дюрдикъ, а въ 1763 г. — свою часть (какую именно, въ купчей не указано) — Яковъ Дюрдикъ; въ томъ же 1763 г. Федоръ, Мелентій и Артемъ Книши продали свою часть генеральному подскарбію Вас. Гудовичу, — тамъ же.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-189.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 4.

случаевъ, дѣйствительно, встрѣчалось уже значительно больше, чѣмъ въ предыдущемъ вѣкѣ.

Въ той или иной степени измельчаніе сябринныхъ паевъ съ теченіемъ времени являлось во всякомъ случаѣ почти неизбѣжнымъ. Съ разростаніемъ сябриннаго союза, совершавшимся частью въ силу естественнаго роста семей отдѣльныхъ сябровъ, частью вслѣдствіе вступленія въ составъ союза постороннихъ, первоначальные «жребіи» и «части», установленные въ земельныхъ владѣніяхъ союза, подвергались дальнѣйшему дробленію, дѣлились въ свою очередь на все болѣе мелкія «частки» и «пайки». Вотъ нѣсколько примѣровъ, способныхъ наглядно показать, какъ шелъ этотъ процессъ и къ какимъ результатамъ онъ приводилъ.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка владѣлецъ селъ Сенюковъ и Кротина писалъ о двухъ принадлежавшихъ этимъ селамъ «островахъ» (лѣсныхъ урочищахъ), «въ которыхъ сѣнокосы, болота и боръ»: «съ оныхъ острововъ половина принадлежитъ мужикамъ господскимъ, сенюковскимъ пять долей, а кротинскимъ одна доля, то есть половина; а другіе шесть долей, то есть половина, принадлежитъ козакамъ кротинскимъ и бохановскимъ Тищенкамъ, да владѣлцамъ, кои вкупилися въ козачіе части, Савичу, Комаровскому, Силичу, Добронизкому, князю Кекуатову, маіору Мелникову, Левандовской и Григоровичу, да козакамъ хмельницкому Симоненку, сибережскому Сапѣги и пушкарю сибережскому Тетерѣ; на оныхъ островахъ сѣнокосами, которые ежегодно скошиваются, раздѣльно владѣютъ, а болота, которые скошиваются въ сухіе года, и боры нераздѣльные» [1]. Не менѣе характерно относящееся къ тому же времени показаніе владѣльца о земляхъ д. Веребьева. «Островъ, называемый Новая Зимница, онъ же и Веребіовщина, — писалъ онъ въ этомъ показаніи — издревле принадлежалъ и нынѣ принадлежитъ до деревни моей Веребіова, жителямъ веребіовскимъ, подданнымъ моимъ и козакамъ; часть котораго острова когда въ 1698 г. Варвара Орловская, обывателька веребіовская, продала Троецкому монастырю, то тогда же жители веребіовскіе, участники въ немъ, отдѣля часть онаго монастырю, имъ въ Орловской купленную, сами остались владѣльцами другой части острова, имъ оставшагося, владѣли онымъ донынѣ между собою и владѣютъ безъ раздѣлу; съ сей же части нынѣ въ общемъ владѣніи состоящей онаго острова по участію

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: «Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ».

моему въ ономъ принадлежитъ мнѣ по пожалованію на подданныхъ моихъ веребіовскихъ, прозиваемихъ Боршовъ, Лушней и Томилокъ, четыре части, а пять частей принадлежали козакамъ веребіовскимъ Пиликамъ и Пилипенкамъ, съ коими и со вкупщиками въ двѣ части Пиличныхъ и въ три Пилипенковы владѣю я совмѣстно безъ раздѣлу». «Въ д. Веребіовкѣ — говорится еще въ «выписи изъ экономическихъ книгъ» этого имѣнія, относящейся къ 1792 г., — грунтъ по леву сторону ровчака, которой черезъ деревню идетъ, принадлежитъ мужикамъ веребіовскимъ Томилкамъ и Матвѣю Кириленку половина, а другая половина козакамъ Ивану Корнѣенку и Яцка Томилка наслѣдникамъ. Въ ономъ грунтѣ полемъ владѣютъ роздѣлно, а въ пущу въезжаютъ нероздѣлно» [1]).

Въ параллель съ этими примѣрами можно привести рядъ другихъ, еще болѣе конкретными чертами обрисовывающихъ процессъ постепеннаго дробленія сябринныхъ паевъ. Въ 1700 г. житель д. Антоновичъ Михаилъ Клименко съ женой своей Пелагеей Юрковной Жлобиной продаетъ свою «в грунте Антоновихъ в части Жлобинской Юрковой часть четвертую з дворомъ, огородами и з гумномъ, в деревѣ бортномъ и до бортя згожимъ, у яловцахъ, дубровахъ, лѣсахъ и борахъ, в сеножатехъ, и поляхъ, и роляхъ» [2]). Въ 1719 г. одинъ изъ жителей с. Шибириновки продаетъ доставшуюся ему по отцу «в половици грунта Антоновского и Шибириновскаго» [3]). Въ 1730 г. козакъ с. Кислыхъ, «имѣючи у пущи Кисловской от части Максимовской шестую часть», продалъ «отъ той части моей шестой третюю часть» [4]). Въ 1736 г. два козака того же села продали «дѣдизного нашего грунту часть бору въ островѣ, прозиваемомъ Щуковѣ, то есть в сугодной часты шестой зо всего бору осмую часть в самомъ толко томъ островѣ Щуковѣ и в Засѣцкомъ лѣсу боръ и з землею и со всѣми угодиямы такъ, якъ и протчимъ сябрамъ, надлежащимы» [5]). Въ 1755 г. другіе два козака того же села, имѣя «по куплѣ набитую отцемъ нашимъ... от бабки нашей... съ половини острова Злого з шестой чащи пущи двѣ части, а третую часть в той же пущи от... зятя означенной бабки нашей, кромѣ сябровыхъ частей, по куплѣ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л. 546.

[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2766.

[4]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6.

[5]) Тамъ же.

жъ доставшуюсь», продали половину своей части, а половину оставили себѣ [1]).

Первоначальныя равныя доли, которыя получались отдѣльными сябрами въ моментъ перваго раздѣла, въ дальнѣйшемъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, дробились на новыя, все болѣе мелкія доли, причемъ такое дробленіе происходило частью вслѣдствіе передачи сябрами своихъ долей по наслѣдству, частью въ силу купли и продажи долей, совершавшейся между сябрами, частью, наконецъ, въ результатѣ «вкупли» въ отдѣльныя доли лицъ, ранѣе бывшихъ посторонними для сябриннаго союза. При этомъ, въ зависимости отъ быстроты и характера дробленія той или иной первоначальной доли, доли отдѣльныхъ сябровъ уже очень скоро становились неравными, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ при всѣхъ своихъ переходахъ изъ рукъ въ руки неизмѣнно оставались лишь идеальными долями, предоставляя своимъ владѣльцамъ лишь право участія въ томъ или иномъ, опредѣлявшемся объемомъ его доли, размѣрѣ въ пользованіи землями и угодьями сябриннаго союза. Это право пользованія каждымъ отдѣльнымъ сябромъ могло не только передаваться по наслѣдству, но и быть отчуждаемо, съ согласія другихъ сябровъ, на сторону и тѣмъ не менѣе оно не являлось правомъ собственности на сябринныя земли и угодья, которое, пока существовалъ сябринный союзъ, принадлежало лишь этому послѣднему во всей его совокупности.

По самому существу своему однако сябринный союзъ являлся не особенно крѣпкимъ владѣльцемъ земли и сябринная форма землевладѣнія не могла быть очень устойчива. Быстро развивавшееся дробленіе сябринныхъ паевъ, сопровождавшееся сложной и съ теченіемъ времени все болѣе усложнявшейся и пріобрѣтавшей все болѣе запутанный характеръ системой ихъ счета и опредѣленія, порождало большую путаницу во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ сябровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создавало крайнюю черезполосицу въ ихъ земельныхъ владѣніяхъ. А это въ свою очередь вело къ возникновенію между сябрами частыхъ и до крайности запутанныхъ споровъ, распрей и тяжебъ, нерѣдко разрѣшавшихся рѣзкими столкновеніями. И въ результатѣ, чѣмъ быстрѣе развивался сябринный союзъ, тѣмъ скорѣе онъ подвигался къ моменту своего упадка.

---

[1]) Тамъ же, т. 9, л. 911.

Въ исторіи сябриннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи за XVII—XVIII столѣтія, поскольку эта исторія отразилась въ сохранившихся до насъ документахъ названной эпохи, явственно сказываются двѣ тенденціи, рѣзко противоположныя по своему характеру, но тѣмъ не менѣе одинаково ведшія къ разложенію сябриннаго союза и къ водворенію на его развалинахъ новыхъ формъ землевладѣнія. Съ одной стороны, по мѣрѣ того, какъ сябринный союзъ развивался все шире и все въ большемъ количествѣ вбиралъ въ себя элементы, первоначально чуждые лежавшему въ основѣ его роду, по мѣрѣ того, какъ съ этимъ разростаніемъ союза стиралось и слабѣло непосредственное чувство кровной близости, раньше связывавшее отдѣльныхъ его членовъ, онъ обнаруживалъ явное стремленіе освободиться отъ унаслѣдованныхъ имъ родовыхъ традицій и перейти въ сосѣдскую общину. Въ актахъ продажи земли, относящихся къ XVIII столѣтію, наряду съ упоминаніями о согласіи на такую продажу со стороны не только родныхъ, но и сябровъ, встрѣчаются и упоминанія о согласіи «помежниковъ». Иногда же эта послѣдняя формула совершенно вытѣсняетъ собою первую и мѣсто сябровъ, дающихъ свое согласіе на продажу земли, въ актѣ продажи рѣшительно заступаютъ сосѣди продавца, его «помежники». Въ 1761 году козачка с. Безпалчого въ гелмязовской сотнѣ Переяславскаго полка продаетъ своему зятю лозу «за согласіемъ свойственниковъ и помѣжниковъ своихъ» [1]. Другая козачка этого села въ томъ же году продаетъ двѣ нивы «за согласиемъ дѣтей и свойственыковъ своихъ, такожъ и помѣжниковъ» [2]. И это согласіе помежниковъ, по свидѣтельству актовъ, получалось путемъ такого же предварительнаго оповѣщенія ихъ о продажѣ, какое практиковалось по отношенію къ сябрамъ. Козакъ того же села Безпалчого, продавая въ 1761 г. свою ниву съ согласія родственниковъ, въ купчей прибавляетъ: «от мене о той продажи всѣмъ свойственникамъ и помѣжникамъ обявлыванно» [3]. Подобнымъ же образомъ козакъ д. Баклановой Муравейки въ Черниговскомъ полку, продавая въ 1737 г. свою ниву, въ купчей писалъ, что онъ совершилъ эту продажу, «обявившись такъ кревнимъ моимъ, близкимъ и далекимъ, яко тежъ и... по-

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ. Документы Гельмязовской сотни, т. III, № 154.

[2]) Тамъ же, № 158.

[3]) Тамъ же, № 157.

мѣжникамъ освидѣтелствовалъся»[1]). Объявленіе о продажѣ земли помежникамъ требовалось потому, что за ними, опять-таки подобно тому, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ сябрамъ, признавалось преимущественное право на покупку. Соотвѣтственно этому въ актахъ XVIII вѣка нерѣдки указанія на то, что земля продается тому или иному лицу по праву его сосѣдства — «какъ ближайшему помежнику». Такъ, въ 1738 г. въ носовской сотнѣ Кіевскаго полка нѣкій Чайка продаетъ свои загоны, смежные съ загонами кіевскаго полкового обознаго Андрея Шаулы, этому послѣднему, «яко ближайшому помѣжчикові[2]). Въ 1740 г. двое мѣщанъ продали свои дворы въ м. Березномъ Черниговскаго полка нѣкоему Григорію Сачевицѣ, «яко ближайшему помѣжнику». Въ 1758 г. вдова сотенного березинскаго хорунжаго продала сѣнокосъ значковому товарищу Карандѣ, «яко помѣжнику»[3]). Иногда эта краткая формула замѣнялась и болѣе пространной и точной формулировкой сосѣдскаго права. Такъ, въ 1736 г. козакъ с. Тиницы, продавая «ради нужди незносной» свой пляцъ и огородъ Крупицкому Батуринскому монастырю, мотивировалъ свою продажу «великой близкостью келіи монастирской, которой ради и право посполитое не токмо не возбраняетъ, лечъ и повелѣваетъ куповати всякому помѣщикови (помежнику) у помѣщика грунтъ праведною цѣною»[4]). Преимущественное право сосѣда на покупку продаваемой земли, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приравнивалось такимъ образомъ въ сознаніи населенія къ обязательному правовому обычаю, представлялось вошедшимъ въ «право посполитое». Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ такой обычай устанавливался путемъ спеціальнаго договора, возникавшаго на почвѣ, уже подготовленной первоначальными чисто сябринными отношеніями. Такъ, въ 1741 г. сябры с. Переписи въ Черниговскомъ полку заключили соглашеніе съ жителями с. Ваганичъ на счетъ размежеванія принадлежавшихъ имъ угодій и при этомъ постановили: «ежели бы кому зъ нихъ (жителей с. Ваганичъ) случилось отчину свою пустить въ продажу, то безъ вѣдома и согласія переписцовъ того учинить не имѣютъ; ежели хто похочетъ зъ насъ, переписцовъ, такую отчину заплатить, то (продавецъ) не постороннему кому,

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 4.
[2]) Тамъ же, т. 29, л. 581-об.
[3]) Тамъ же, т. 19.
[4]) См. мою книгу Къ исторіи Нѣжинскаго полка, СПБ. 1896, с. 61—2.

но намъ, переписцамъ, долженъ будетъ продать; такимъ же образомъ и мы, переписцы, мимо ваганцовъ постороннимъ людямъ впредь продавать не имѣемъ»[1]).

Такъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ сябринный союзъ постепенно перерождался въ сосѣдскую общину. Но рядомъ съ этой формой его перерожденія въ XVII—XVIII столѣтіяхъ развивалась и другая форма, и притомъ развивалась съ гораздо большей силой и быстротой. Эта другая форма сводилась къ установленію личной собственности на землю и подворнаго владѣнія ею.

По мѣрѣ того, какъ съ разростаніемъ сябриннаго союза неудобства сябриннаго землевладѣнія болѣе ощутительно давали себя знать отдѣльнымъ его участникамъ, часть послѣднихъ начинала стремиться къ окончательному раздѣлу земель союза, къ «правной роздѣлкѣ» ихъ и передачѣ въ полную собственность отдѣльныхъ семей. И такое стремленіе находило для себя какъ нельзя болѣе благопріятную почву въ одной особенности сябриннаго землевладѣнія — въ возможности купли и продажи сябринныхъ паевъ. До той поры, пока составъ сябриннаго союза былъ болѣе или менѣе однороденъ, такая возможность еще не представляла собою черезчуръ серьезной угрозы для устойчивости союза, не колебала самаго его существованія. Но первоначальная однородность малорусскаго общества, установившаяся было въ эпоху возстанія Богдана Хмельницкаго, уже очень скоро замѣнилась раздѣленіемъ этого общества на различныя группы, рѣзко противоположныя по своимъ интересамъ. Это раздѣленіе не замедлило отразиться и на судьбѣ сябринныхъ союзовъ. Внутри послѣднихъ рядомъ съ посполитыми, вынужденными вести отчаянную и очень скоро ставшую безнадежной борьбу за свои права на землю, рядомъ съ козаками, обремененными тяжестью военной службы и походовъ и имѣвшими возможность лишь цѣною большаго или меньшаго напряженія силъ поддерживать свое хозяйство на должной высотѣ, оказывались, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, «державцы», владѣльцы болѣе или менѣе крупныхъ имѣній, въ лицѣ монастырей и членовъ козацкой старшины. Являлись ли такіе «державцы» исконными членами сябриннаго союза, получали ли они свои права въ немъ черезъ отданныхъ въ ихъ владѣніе посполитыхъ, бывшихъ такими членами, «вкупались» ли

[1]) И. В. Лучицкій, назв. ст., с. 25.

они въ сябринный союзъ со стороны, — ихъ наличность въ рядахъ послѣдняго во всякомъ случаѣ представляла собою серьезную опасность не только для отдѣльныхъ ихъ сочленовъ, но и для всего союза въ цѣломъ. Стремясь расширить свои земельныя владѣнія и обладая болѣе или менѣе значительными средствами, они предпринимали энергичную и упорную скуплю сябринныхъ паевъ. И актами такой скупли, можно безъ преувеличенія сказать, полонъ весь XVIII вѣкъ.

Подвести хотя бы приблизительные итоги этой скупли нѣтъ никакой возможности благодаря характерной особенности купчихъ на сябринную землю — отсутствію въ нихъ указаній на размѣры продаваемой земли. Съ другой стороны, нѣтъ, конечно, возможности воспроизвести здѣсь сколько-нибудь значительную долю хотя бы наиболѣе характерныхъ эпизодовъ этой скупли. Но даже два-три наудачу взятыхъ примѣра могутъ показать, съ какой энергіей она производилась и какихъ результатовъ достигала въ сравнительно короткое время.

Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ скупли, производившейся Полуботками. Въ 1693 г. черниговскій полковникъ Леонтій Полуботокъ купилъ у жителя с. Семаковъ Прокопа Ефимовича «три части» въ сябринной землѣ, общей у него съ панами Вертѣйками за 100 золотыхъ. Въ 1701 г. сыну Леонтія, Павлу Полуботку, продаетъ свою «двѣнадцатую часть» въ сябринной землѣ при с. Вертѣевкѣ Иванъ Вертѣйко за 100 золотыхъ. Въ 1710 г. ему же продаетъ за 300 золотыхъ «частку» при с. Вертѣевкѣ и «часть Федковскую въ грунтѣ Величковскомъ» козакъ с. Шибириновки Артемъ Жлоба Вербицкій. Въ 1713 г. ему же продаетъ за 30 копъ свою часть подъ с. Антоновичами Янушъ Бовда съ братьями, въ томъ же году — за 9 копъ часть въ грунтѣ Величковскомъ Евсѣй Сыропара и Юско Сердюкъ, въ 1715 г. — часть въ грунтѣ Величковскомъ за 78 копъ трое Бовдъ, Юско Сердюкъ, Евсѣй Сыропара и Евсѣй Мищенко[1]). Въ теченіе недолгаго ряда лѣтъ Полуботки стали такимъ образомъ «участниками» въ нѣсколькихъ сябринныхъ грунтахъ и затѣмъ энергично продолжали свою скуплю въ каждомъ изъ нихъ.

Въ д. Скугаряхъ того же Черниговскаго полка Демьянъ Посудевскій въ 1693 г. купилъ отъ козачки Анны Скугаревны «половицю отъ братовъ» ея, «часть осмую» во всемъ Скугарев-

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 7. Тогдашній малорусскій золотой равнялся 20 копейкамъ, копа — 50 копейкамъ, талеръ— 60 копейкамъ.

скомъ грунтѣ за 60 копъ, въ 1705 г. доплатилъ ея сыну 12 копъ, въ 1712 г. купилъ за 10 талеровъ отъ Петра Скугаря выдѣленную ему отъ его сябровъ Скугарей частку, въ 1715 г. купилъ за 50 талеровъ отъ козаковъ Шумановъ и ихъ зятя ихъ «часть осмую от ихъ кревнихъ, отъ всѣхъ Скугаровъ», въ 1719 и 1727 гг. принялъ въ «заставу» отъ козаковъ Микитенка и Максимовича ихъ «частки». Послѣ того и въ дальнѣйшемъ покупателями сябринныхъ паевъ въ д. Скугаряхъ часто являлись Посудевскіе и значительная часть здѣшней земли собралась въ ихъ рукахъ [1]).

Или вотъ еще примѣръ скупли, производившейся Черниговскимъ Каѳедральнымъ монастыремъ. Въ 1713 г. онъ купилъ за 350 золотыхъ «часть» сябринной земли при с. Величкахъ у козака Тишевича, въ свою очередь купившаго ее передъ тѣмъ у Пузика; въ 1725 г. — у козака Николая Величка «въ третой службѣ половину» за 855 зол.; въ 1726 г. — часть въ той же землѣ у Романа Тарасевича за 60 копъ и часть («в едной службѣ четвертую часть») у Тимоха Величка за 300 золотыхъ; въ 1727 г. — за 100 р. у Ивана Лаща «отъ всѣхъ сябровъ осмую или тежъ отъ всѣхъ Пузиковъ половинную часть» [2]). Въ короткое время монастырь затратилъ, такимъ образомъ, на покупку земли только около с. Величекъ 450 р. — сумму, при дешевизнѣ земли и дороговизнѣ денегъ въ началѣ XVIII вѣка очень большую, — и за то скупилъ значительную часть сябринныхъ паевъ этого села.

То же самое, что происходило въ Семакахъ, Вертѣевкѣ, Антоновичахъ, Скугаряхъ и Величкахъ, повторялось и въ десяткахъ другихъ селъ и деревень лѣвобережной Малороссіи, населенныхъ сябрами. И по мѣрѣ того, какъ значительная часть сябринныхъ паевъ сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, сябринный союзъ радикально измѣнялъ свой первоначальный характеръ и вступалъ въ эпоху своего разложенія. Индивидуалистическія тенденціи рѣшительно брали верхъ и сябринное землевладѣніе съ его отличительными особенностями уступало свое мѣсто личной собственности на землю и подворному владѣнію. При этомъ иногда сябры сразу переводили всѣ свои земли путемъ ихъ «правной роздѣлки» въ собственность отдѣльныхъ семей, но въ большинствѣ случаевъ такой процессъ затяги-

1) Тамъ же.

2) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, №№ 1616-3425, 1616-2743, 1616-2748 л. 2-об., 1616-2747, 1616-2748, л. 4, 1616-2746, лл. 1, 3, 2.

вался. Въ личную собственность переходили сперва пашни, затѣмъ сѣнокосы, и, наконецъ, оставшіяся еще «неразробленными» и дольше всего сохранявшіяся въ общемъ владѣніи дубровы, пущи и болота. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи источники не даютъ возможности возстановить этотъ процессъ во всѣхъ его деталяхъ, но результаты его они обрисовываютъ съ полною ясностью: къ концу XVIII столѣтія на территоріи даже сѣверныхъ полковъ лѣвобережной Малороссіи, территоріи, еще въ концѣ XVII вѣка покрытой многочисленными союзами сябровъ, оставались лишь жалкіе обломки сябриннаго землевладѣнія.

II

Семнадцатое, а въ значительной мѣрѣ и восемнадцатое столѣтія были временемъ энергичнаго заселенія лѣвобережной Малороссіи, сопровождавшагося заимкой свободныхъ земель. Немало такихъ свободныхъ земель было въ моментъ возстанія Богдана Хмельницкаго и на сѣверѣ лѣвобережной Малороссіи, въ нынѣшней Черниговщинѣ, но еще больше было ихъ въ южной части страны, въ нынѣшней Полтавщинѣ, еще въ первой половинѣ XVII вѣка остававшейся очень слабо заселенной. И заимка или, какъ говорили тогда, займанщина этихъ свободныхъ земель населеніемъ, двигавшимся съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ, сыграла чрезвычайно важную роль въ исторіи малорусскаго землевладѣнія. «Сталися всѣ добра малороссіянамъ быть власними чрезъ займы», — разсказывали, какъ мы видѣли, въ 1773 г. козаки с. Покошицъ. И вплоть до самаго конца XVIII вѣка, когда въ лѣвобережной Малороссіи заходила рѣчь о правахъ на землю, на одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду этихъ правъ ставилось право заимки или «займы». Въ 1772 г. Домницкій монастырь, ведя споръ съ однимъ козакомъ за землю, доказывалъ, что у этого козака нѣтъ никакихъ правъ на владѣніе спорной землей: «ни надачи, ни купли, ни займы, ни замѣни, ни дару, и ни долговою землею, ни посягомъ (приданымъ) за женою одержанною»[1]. А сами козаки, перечисляя по какому-либо поводу въ XVIII вѣкѣ свои земли, то и дѣло называли среди нихъ «нивы своихъ тру·

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниговской Казенной Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2209, л. 5.

довъ», «нивы працовитыя», «нивы, съ цѣлины распаханныя» и «поля, съ вольной цѣлины занятыя» [1]).

Ссылки на заимку, какъ на основаніе владѣнія землею, дѣлались въ XVIII столѣтіи въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи, дѣлались и козаками, и посполитыми, и сельскимъ духовенствомъ, и владѣльцами имѣній или «державцами». Въ 1741 г. въ с. Брусиловѣ слабинской сотни Черниговскаго полка производилось слѣдствіе о земляхъ священника Ставчанскаго. Мѣстные старожилы показали, что земли эти его предковъ козаковъ, «займаніе по згону ляховъ» [2]). Въ 1765 году нѣсколько козаковъ с. Выбель въ томъ же полку продали свои земли, опредѣливъ ихъ въ купчей такими словами: «имѣючи мы по старовѣчнимъ займамъ предковъ нашихъ козаковъ выбельскихъ при с. Выбляхъ в пайкахъ на Павловцѣ небольшіе огородчики» [3]). Въ 1734 г. въ томъ же Черниговскомъ полку шелъ споръ изъ-за луга, на который претендовали д. Киселевка и с. Брусилово. На допросѣ въ полковой канцеляріи жители первой изъ этихъ деревень, атаманъ Петро Акуленко съ товариствомъ, показали: «они де, Киселевцы, на томъ лузѣ сѣно покосили для того, что де тотъ лугъ издавна,когда еще лугамъ былъ захватъ, надлежитъ до деревнѣ Киселевки» [4]). Въ 1756 году священники селъ Волынки и Ольшанаго въ Черниговскомъ полку вмѣстѣ съ атаманами и козаками этихъ селъ писали въ своемъ доношеніи гетману Разумовскому: «имѣются при тѣхъ селахъ Волинки и Олшаной лани (пахатныя поля) и сѣнокоси, какъ ми отъ предковъ своихъ совершенно слихали и сами дѣйствительно, сколко память наша засягнетъ, вѣдаемъ... такие, что когда по давнѣмъ стариннимъ у Малой Россіи бившимъ волностямъ села Волинка и Олшаное населялись, тогда козаки какъ во всей Малой Россіи займи в земляхъ для себя чинили, тогда по той же волности тогдашние волинские и олшанские старшина, козаки, миряне заняли для снабдѣния церквей в Волинки лани, а в Олшаной сѣнокоси и оние при своихъ парахияхъ от той займи досель во владѣніи церквей ни от кого безпрепятственно находятся» без всякихъ

[1]) См., напр., Румянцевскую опись, хранящуюся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Терехтемировской сотни, ч. I, № 78; Документы Второполковой сотни, т. I, № 207; Р. Опись, Прилуцкій полкъ, Корибутовская сотня, д. Гайворонъ — архивъ Кіевской Коммиссіи, № 492.

[2]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5,

[3]) Тамъ же, т. 4.

[4]) Тамъ же, т. 5.

письменныхъ документовъ [1]). Въ 1760 году гетманъ Разумовскій утвердилъ въ вѣчное владѣніе Антону Сахатову, сыну умершаго сотника потоцкой сотни Миргородскаго полка, «свободное поле», занятое его отцомъ къ купленному имъ отъ козака хутору. За семь лѣтъ до того объ этой заимкѣ производилось слѣдствіе и тогда мѣстные козаки показали, что «изъ оныхъ таковаго свободнаго поля в займахъ всякъ за собою имеетъ» [2]). Подобнымъ же образомъ урядъ и громада с. Бучковъ Стародубовскаго полка, утверждая въ 1718 г. за «паномъ» Василіемъ Мовчаномъ купленныя имъ земли и занятое «вольное мѣсто», свидѣтельствовали, что «нѣхто вѣчними часи не отнесетъ себѣ з того найменшаго в грунтахъ нашихъ лѣсовѣхъ утеменжения (отягощенія) и кривди, поневажъ (такъ какъ) и безъ того мистця миемъ ми всякъ себи волного грунту і лѣсу доволно» [3]). «Уже тому лѣтъ назадъ будетъ болѣе сорока, — писали въ 1750 г. въ полковую Стародубовскую канцелярію бунчуковый товарищъ Ф. И. Губчицъ и значковый товарищъ П. В. Губчицъ — какъ малороссійскаго Стародубовскаго полку сотнѣ почеповской в околичности издревле в свободномъ дикомъ лѣсу оной сотнѣ почеповской разнихъ деревень, а іменно Близницъ... Беловска... да Завалипутъ... подданніе по дѣду и отцамъ наслѣдніе наши, такожъ козаки і посполитіе волости почеповской, тихъ же и другихъ деревень жителѣ, порощищали були себѣ пашенніе і сѣнокосніе, кто сколко змогъ, ляда... і оними лядами, яко собственними і ни к чиему другому... принадлежащими владѣнію, такъ они, подданніе наши, яко многіе козаки и посполитіе, еденъ з другимъ сумежно, яко свободное рощистивъ,... всѣ владѣли спокойно чрезъ многіе года» [4]). Въ 1728 г. одинъ изъ «державцевъ» Переяславскаго полка, Ф. Корбъ, жаловался, что козаки с. Круполя пустошатъ его «займаную дуброву». Въ отвѣтъ на эту жалобу переяславскій полковникъ Василій Танскій выдалъ Корбу свой универсалъ, которымъ воспрещалъ козакамъ вступаться въ эту дуброву, «яко всякому державцѣ в належнихъ до его села волнихъ свободно часть займища имѣты» [5]).

[1]) Харьковскій Историческій Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниговскій отдѣлъ, № 3.316.

[2]) Румянцевская Опись, Миргородскій полкъ, Потоцкая сотня — Харьковскій Историческій Архивъ, св. № 39 по Полт. оп., лл. 70-71.

[3]) Харьк. Историч. Архивъ, Архивъ Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 2.757.

[4]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла бывшаго мглинскаго уѣзднаго суда, оп. 11, в. 3, № 40.

[5]) Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 3471, л. 12 об.

Какъ можно видѣть даже изъ этихъ немногихъ примѣровъ, право заимки являлось в XVIII вѣкѣ общепризнаннымъ правомъ въ лѣвобережной Малороссіи и заимка земли лежала въ основѣ землевладѣнія самыхъ различныхъ группъ населенія страны. Въ XVIII столѣтіи такая заимка нерѣдко носила индивидуальный характеръ, совершалась отдѣльными лицами. Но въ болѣе раннее время, въ эпоху первоначальнаго заселенія лѣвобережной Малороссіи преобладалъ другой характеръ заимки. Земля занималась тогда въ громадномъ большинствѣ случаевъ не отдѣльными лицами, а цѣлыми союзами. При этомъ наряду съ союзами сябринными, сохранившимися и получившими широкое распространеніе главнымъ образомъ на сѣверѣ лѣвобережной Малороссіи, въ послѣдней существовали въ эту пору и союзы чисто общиннаго типа. Занятая такимъ союзомъ земля поступала въ пользованіе всѣхъ его членовъ и составляла общее владѣніе цѣлаго поселенія или даже цѣлой группы поселеній, образовывавшихъ собою данную общину. Возстаніе Богдана Хмельницкаго, сломивъ тяготѣвшее надъ этими общинами помѣщичье право на землю, дало имъ возможность свободнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ открыло передъ ними широкій земельный просторъ. Бывшія «панскія» земли уничтоженныхъ возстаніемъ имѣній, равно какъ и земли, никѣмъ ранѣе не занятыя, стали теперь собственностью всего «Войска Запорожскаго» и въ большинствѣ своемъ, подъ именемъ земель «свободныхъ», «вольныхъ», «общественныхъ», «общеобывательскихъ», «общекозачьихъ», «громадскихъ» и «мірскихъ», поступили въ пользованіе осѣдавшихъ на нихъ общинъ или «громадъ». На сѣверѣ страны, гдѣ была больше развита личная земельная собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ широко распространены были сябринные союзы съ ихъ долевымъ землевладѣніемъ, такихъ «вольныхъ» земель было меньше, на югѣ — несравненно больше. Правда, точно опредѣлить площадь, занятую въ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго такими «вольными» землями сравнительно съ землями другихъ категорій, мы не имѣемъ возможности. Съ одной стороны, въ архивахъ сохранилось не такъ ужъ много документовъ XVIII вѣка, а, съ другой — и въ сохранившихся документахъ «вольныя» земли упоминаются по большей части лишь тогда, когда онѣ почему-либо переходили въ личную собственность или когда изъ-за пользованія ими возникалъ какой-либо споръ. До той же поры, пока «вольныя» земли сохраняли свой

первоначальный характеръ и владѣніе ими не вызывало никакого спора, ихъ владѣльцы обычно пользовались ими безъ всякихъ письменныхъ документовъ. Такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ, ведшемся въ 1755 г. между козаками с. Козинецъ Переяславскаго полка и Катедральнымъ Переяславскимъ монастыремъ изъ-за острова на Днѣпрѣ, козаки, выступавшіе въ роли отвѣтчиковъ, показывали: «на тотъ островъ въ нихъ, отвѣтчиковъ, письменнихъ документовъ нѣкакихъ не имѣется, да и чтобъ на волніе, свободніе, общіе какіе грунта или принадлежности какіе писменіе крѣпости были, неналежно и той новій какійсь образецъ билъ» [1]. При такихъ условіяхъ свѣдѣнія о «вольныхъ» земляхъ, даваемыя архивными документами, конечно, далеко не могутъ быть полными. Но даже и эти неполныя свѣдѣнія, нерѣдко къ тому же отрывочныя и въ значительной своей части являющіяся лишь болѣе или менѣе случайными упоминаніями о «вольныхъ» земляхъ, все же позволяютъ видѣть, что эти послѣднія играли чрезвычайно важную роль въ землевладѣніи лѣвобережной Малороссіи въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за отдѣленіемъ ея отъ Польши.

Немало «вольныхъ» и «общихъ» земель сохранилось еще въ XVIII вѣкѣ и въ сѣверныхъ полкахъ лѣвобережной Малороссіи. Перечислять всѣ встрѣчающіяся въ источникахъ упоминанія о такихъ земляхъ нѣтъ конечно, возможности, да нѣтъ и надобности. Но вотъ для примѣра нѣсколько подобныхъ упоминаній. На территоріи Стародубовскаго полка у с. Ущерпя еще въ эпоху Румянцевской Описи, въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, упоминается «обивателская общая пуща», которая «жиючимъ въ с. Ущерпѣ посполитимъ крѣпка» [2]. При с. Суражичахъ того же полка въ 1725 г. упоминается «свободная сѣножать» и «дуброва, къ розробѣ свободная» [3]. Въ Черниговскомъ полку при с. Куликовкѣ существовала пуща, о которой старожилы окрестныхъ селъ въ 1726 г. разсказывали, что еще въ концѣ XVII столѣтія «в тую пущу волно было околичнымъ селянамъ и имъ, куликовцямъ, свободный уездъ для всякой своей потребы имѣти и сѣна косити, кромѣ что неволно было бортного дерева и углядовъ отчицкихъ рубати» [4].

---

[1]) И. Лучицкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ. 1884, сс. 108—9; ср. тамъ же, сс. 142, 159.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 5.

[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2104.

[4]) Харьковск. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 10.608.

При нѣкоторыхъ другихъ селахъ Черниговскаго полка общіе лѣса сохранялись еще во второй половинѣ XVIII вѣка. Такъ, при с. Бѣгачѣ въ Румянцевской Описи упоминается лѣсъ, общій для посполитыхъ сс. Бѣгача и Бѣлобережья, и «болото общое з жителями с. Сахновки пополамъ» [1]), при с. Лиственѣ — «къ тому селу Листвену принадлежащій свободнымъ козакамъ и владѣлцамъ лѣсъ... в окружности на 20 верстъ» [2]). При с. Оболоньи въ 1754 году упоминается «свободная якъ козаковъ, такъ и посполитихъ оболонскихъ земля» у рѣки Быстрицы, при с. Онисовѣ въ 1746 г. — «громадская обивателей онисовскихъ сѣножать» [3]).

Въ южнѣе лежавшихъ полкахъ Кіевскомъ и Нѣжинскомъ упоминанія о «вольныхъ», «общихъ» и «громадскихъ» земляхъ встрѣчаются въ XVIII вѣкѣ еще чаще. Ограничусь опять-таки нѣсколькими примѣрами. Въ первомъ изъ только что названныхъ полковъ въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка во владѣніи г. Остра и тянувшихъ къ нему селъ Выползова, Лутавы и Карпиловки находились «вольныя пущи» на правомъ берегу р. Десны [4]). Около г. Остра въ 1725 г. упоминается «лугъ цеху теселского», въ 1744 г. — «лугъ общій курѣнной», около с. Карпиловки въ 1764 г. — «лугъ общій карпиловскаго куреня» [5]). При г. Козельцѣ въ 1744 г. упоминается «болото свободное», при с. Браницѣ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVIII вѣка — «свободное болото» и «волная дубина», при с. Даневкѣ въ 1763 г. — «волное болото данювское», при с. Коптевѣ въ 1725 г. — «громадцка нива» [6]), при с. Ошиткахъ въ 1753 г. — островъ Широкій на Днѣпрѣ «ошитковскихъ подданнихъ общого вѣдомства» [7]). Въ Нѣжинскомъ полку при «подваркѣ» г. Нѣжина—Овдѣевкѣ въ началѣ XVIII вѣка упоминается «вольный грунтъ» Моцарщина. Какъ выяснило слѣдствіе, производившееся въ гетманство Апостола, грунтъ этотъ принадлежалъ жителямъ Овдѣевки и еще въ полковничество Гуляницкаго,

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 17.

[2]) Тамъ же, т. 14.

[3]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, №№ 1616-1631 и 1616-788.

[4]) См. И. В. Лучицкій, Гетманъ Мазепа и остерскія общія земли. «Кіевская Старина», 1892, № 1, сс. 110—118.

[5]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. I, №№ 134, 201,4.

[6]) Тамъ же, Документы Козелецкой сотни, т. I, ч. 1, № 244; Документы Бобровицкой сотни, т. III, №№ 113, 142, 205; 257; тамъ же, № 211; Документы Остерской сотни, т. III, № 7.

[7]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-1170.

т. е. въ 1656—59 гг., былъ обращенъ ими въ общій выпускъ, затѣмъ одно время «тіе люде оное поле, чіе и предъ тимъ бывало, себѣ подѣлили, каждому по части», но потомъ снова обратили въ общій выпускъ [1]). Въ бахмацкой сотнѣ того же Нѣжинскаго полка упоминается вольная степь, на которой еще въ началѣ XVIII столѣтія «кто было займетъ на свою потребу, тотъ и коситъ» [2]). При м. Салтыковой Дѣвицѣ въ концѣ XVII вѣка упоминается лѣсъ, отданный жителями мѣстечка взамѣнъ за другую землю Красноостровскому монастырю подъ условіемъ «волного всѣмъ людемъ рубаня лозъ», при с. Чарторіи въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка — «волная пуща», при с. Мутинѣ въ 1739 г. — общій грунтъ козаковъ и посполитыхъ [3]), при м. Олишевкѣ въ 1727 г. — «мирская сѣножать», въ конотопской сотнѣ въ 1766 г. — «волное болото» [4]).

Такія же упоминанія о «вольныхъ» земляхъ, но только въ еще большемъ количествѣ, встрѣчаются въ XVIII вѣкѣ и въ южныхъ полкахъ лѣвобережной Малороссіи, охватывавшихъ собою нынѣшнюю Полтавскую губернію. Особенно много упоминаній о такихъ «вольныхъ» земляхъ имѣется по отношенію къ территоріи Переяславскаго полка, для котораго сохранилась Румянцевская Опись съ ея обиліемъ разнообразныхъ документовъ, посвященныхъ земельнымъ отношеніямъ. Въ этихъ документахъ, обнимающихъ собою время съ конца XVII вѣка по шестидесятые годы XVIII столѣтія, то и дѣло мелькаютъ свидѣтельства о существованіи при различныхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ Переяславскаго полка «вольныхъ» земель — «вольныхъ плецовъ» (усадебныхъ мѣстъ) и «вольныхъ выпусковъ», «вольныхъ степовъ», вольныхъ нивъ и сѣнокосовъ, вольныхъ боровъ, дубровъ, «чагарниковъ» (кустарниковъ) и лозъ, «мірскихъ гаевъ», вольныхъ болотъ, бугровъ, солонцовъ и песковъ. «Лежащая при селе Подсѣнномъ — показывали, напримѣръ, въ 1766 г. при составленіи Румянцевской Описи въ своей «сказкѣ» козаки названнаго села — волная обивателская диброва, состоящая в смежносты таковихъ же свободнихъ дубровъ, с одной ячницкой, з другой от Дѣвичокъ, з третой от Андрушовъ, а з четвертой сторонъ от реки Днепра,..

[1]) Румянцевскій Музей, Архивъ Марковича, № 2586.

[2]) А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи. Т. II. Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ. 1893, с. 179.

[3]) См. мою книгу Къ исторіи Нѣжинскаго полка, СПБ. 1896, сс. 56, 54—56 и приложенія, №№ 1 и 2.

[4]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 36, л. 570; тамъ же, т. 45.

из давнихъ годовъ принадлежитъ к тому селу Подсѣнному и какъ предки ихъ, такъ по ихъ уже и оны распахиваютъ и за сто лѣтъ оною дубровою владѣютъ и понинѣ спокойно, в коей дубровѣ и другіе всѣ обивателѣ, в томъ же селѣ Подсѣнномъ жиючие, участые имѣютъ»[1]). Такія вольныя, «общеобывательскія» земли существовали въ XVIII вѣкѣ при цѣломъ рядѣ селъ Переяславскаго полка и еще въ эпоху составленія Румянцевской Описи въ немъ были села, жители которыхъ пахали и косили лишь на вольныхъ, общинныхъ земляхъ, не имѣя собственныхъ земельныхъ участковъ. Въ иныхъ же случаяхъ и нѣсколько селъ еще въ половинѣ XVIII столѣтія сообща владѣли нераздѣльной землей. Такъ, при пожалованіи домонтовскому сотнику Платковскому въ 1739 г. с. Дмитровки и д. Матвѣевки при нихъ оказалось «поле волное, зовемое новини, на которомъ волно обивателемъ дмитровскимъ, какъ козакамъ, такъ и мужикамъ, домонтовскимъ, коробовцамъ, матвѣевцамъ, орать и сѣно косить, да лугъ ко Днепру (съ) озерами, в которомъ волно такожь из вишеписанних обивателей сѣно косить»[2]). И такіе случаи еще во второй половинѣ XVIII вѣка вовсе не представляли собою рѣдкаго исключенія. Въ различныхъ сотняхъ Переяславскаго полка въ это время существовали еще общіе сотенные луга и степи, на которыхъ сѣяли хлѣбъ и косили сѣно жители разныхъ селъ и хуторовъ, входившихъ въ составъ данной сотни. Таковъ былъ въ яготинской сотнѣ «вольный» или «общекозачій Яготинскій степъ», въ золотоношской сотнѣ — «общественный Золотоношскій степъ» или «общественное сотенное козачее хлѣбопахатное поле», въ ирклѣевской сотнѣ — «сотенный Ирклѣевскій лугъ», въ кропивянской — «вольный степъ», въ воронковской — «общественний козачий з другими посполитими людми» лугъ, которымъ пользовались козаки, посполитые и разночинцы м. Воронкова и селъ Глубокаго и Рогозова[3]). Такія же «вольныя» или «общественныя» сотенныя земли, находившіяся

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Терехтемировской сотни, ч. II, № 97.

[2]) Изъ жалованной грамоты имп. Елизаветы 1742 г., подтвердившей Платковскому пожалованныя ему въ 1739 г. с. Дмитровку и д. Матвѣевку,— тамъ же, Документы Домонтовской сотни, ч. I, № 120.

[3]) См., напр., Рум. Опись, хранящуюся въ библіотекѣ Кіевск. ун-та. Переяславскій полкъ, Документы Терехтемировской сотни, ч. 1, № 36; тамъ же, Документы Золотоношской сотни, т. VI, № 29 и т. I, № 129а; тамъ же, Документы Ирклѣевской сотни, т. II, № 150; тамъ же, Документы Кропивянской сотни, т. I, № 79, рукопись библіотеки В. П. Науменка п. з.: «Журналъ бившаго суда земского повѣту Переясловского 1779 г.», лл. 61 об. — 62 об. и 81—81 об.

въ нераздѣльномъ владѣніи нѣсколькихъ поселеній, существовали еще во второй половинѣ XVIII вѣка и въ нѣкоторыхъ другихъ сотняхъ Переяславскаго полка. И тѣ сравнительно немногочисленныя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о земельныхъ отношеніяхъ въ другихъ южныхъ полкахъ, показываютъ, что и здѣсь эти отношенія имѣли тотъ же самый характеръ и значительная часть земли еще въ XVIII столѣтіи была землей «вольной», находившейся въ нераздѣльномъ владѣніи отдѣльныхъ ли поселеній или цѣлыхъ группъ такихъ поселеній.

Ко всему этому надо еще прибавить, что даже въ тѣхъ поселеніяхъ, въ которыхъ уже въ началѣ второй половины XVIII вѣка наблюдается рѣшительное преобладаніе личной земельной собственности, нерѣдко можно установить сравнительно недавнее происхожденіе этой собственности изъ общиннаго владѣнія. Въ иныхъ случаяхъ такое происхожденіе личной собственности на землю опредѣленно устанавливаютъ сами владѣльцы земель, показывая, что послѣднія такъ или иначе достались имъ изъ земли «общественной». Въ другихъ же случаяхъ, когда такія показанія отсутствуютъ, о томъ же самомъ говоритъ терминологія, примѣняемая къ находящимся въ личной собственности землямъ, — именованіе отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, кусковъ пахоти, сѣнокоса или лѣса, «дѣльницами», «помѣрками» и «подѣлками»[1]. Эти термины въ земельныхъ актахъ XVII и XVIII столѣтій встрѣчаются какъ нельзя болѣе часто и ихъ постоянное примѣненіе къ землямъ, которыми ихъ владѣльцы распоряжались на правахъ полной собственности, заключаетъ въ себѣ чрезвычайно выразительное свидѣтельство о сравнительно недавнемъ возникновеніи личной земельной собственности и о способѣ такого возникновенія.

[1] Термины «подѣлки» и «помѣрки» употребляются въ актахъ, какъ вполнѣ равносильные, и иногда оба они безразлично примѣняются къ однимъ и тѣмъ же землямъ, — см., напр., два акта 1707 и 1714 гг. въ документахъ монастырей, переданныхъ изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, №№ 1616-3298 и 1616-3303. Значеніе этихъ терминовъ понятно и само собою. Но вотъ два указанія документовъ, не оставляющія мѣста никакимъ сомнѣніямъ насчетъ этого значенія. Въ одной купчей 1763 г., выданной жителемъ с. Каневцовъ, упоминается «поле волное мирское каневецкое, которое именуетъ помѣрки» (Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Каневской сотни, т. II, № 113). Въ другомъ случаѣ козаки смѣлянской сотни Лубенскаго полка жаловались въ 1748 г. на «городничаго» Кіево-Печерской Лавры, который захватилъ часть ихъ «общей козацкой толоки» и «подѣлилъ слобожанамъ своимъ помѣрки, по кои мѣста которому владѣть» (Архивъ Черниговской Казенной Палаты, по описи № 70, л. 1—2).

Исходя изъ указанныхъ фактовъ, нетрудно представить себѣ истинный характеръ той заимки земель, какой сопровождалось заселенiе лѣвобережной Малороссiи. Такая заимка производилась главнымъ образом общинами и соотвѣтственно этому первоначальной формой землевладѣнiя, устанавливавшейся въ результатѣ заселенiя страны, являлось по преимуществу общинное землевладѣнiе. Занимая, «захватывая» землю, поселенiя, возникавшiя въ XVII и XVIII вѣкахъ, оставляли ее «вольной» и «общей» для всѣхъ своихъ членовъ, иначе говоря, занимали ее въ общинное владѣнiе. На сѣверѣ страны это общинное землевладѣнiе слагалось рядомъ съ существовавшими здѣсь болѣе древними формами землевладѣнiя сябриннаго, на югѣ — оно на первыхъ порахъ господствовало почти безраздѣльно. Но для того, чтобы точнѣе установить сущность этого общиннаго землевладѣнiя, намъ необходимо ближе подойти къ его порядкамъ и внимательнѣе приглядѣться къ отдѣльнымъ сторонамъ жизни малорусской общины въ тотъ перiодъ времени, о которомъ у насъ идетъ сейчасъ рѣчь.

Основною ячейкой малорусскаго общиннаго строя являлась сельская община, обычно состоявшая изъ двухъ частей — козацкаго «товариства» и посполитской «громады», — иногда объединявшихся подъ однимъ общимъ именемъ «громады» и во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ бывшихъ вполнѣ равноправными между собою въ общинныхъ дѣлахъ. Посполитые и козаки, притомъ одинаково какъ рядовые козаки, такъ и «значные товарищи», входившiе въ составъ данной общины, сообща, общимъ совѣтомъ рѣшали всѣ дѣла общины, въ томъ числѣ и дѣла земельныя. Своего рода центромъ общины служила при этомъ ея церковь. Община сама строила себѣ церковь, сама выбирала въ нее священника, нерѣдко останавливая свой выборъ на одномъ изъ своихъ же сочленовъ, который только послѣ совершившагося уже выбора принималъ посвященiе, сама, наконецъ, давала средства на поддержанiе церкви и на существованiе ея причта, по большей части прибѣгая для этого къ надѣленiю послѣдняго землею, которая либо приписывалась къ церкви, либо — что бывало гораздо рѣже — отдавалась въ собственность отдѣльныхъ членовъ причта. Священники селъ Волынки и Ольшаной въ Черниговскомъ полку показывали, какъ мы видѣли, въ 1756 г., что жители этихъ селъ при самомъ ихъ основанiи «заняли» земли во владѣнiе церквей.

Аналогичное показаніе далъ въ 1751 г. священникъ с. Знобы Стародубовскаго полка. «Отъ давнихъ годовъ — писалъ онъ — с начала еще осѣдлости означенного села Знобы, егда вновь созданна приходская церковь, до оной рукоположенному священнику, а по немъ и другимъ бывшимъ священникамъ, по общему согласію тамошнихъ прихожанъ, козаковъ и мужиковъ, опредѣленно дворъ жилый, огородовъ два, сѣнокосу возовъ до двадцяти, а во мѣсто роковщини и пахотного поля во всякой измѣнѣ четвертей на пять» [1]). Въ Переяславскомъ полку въ 1712 г. «громада села Козлова, Студеникова и Леляковъ, какъ товариство, такожде і все посполиство», заключивъ договоръ со священникомъ, между прочимъ отвели ему «гай для отопленія» и сѣнокосную «луку» [2]). Въ 1739 г. козаки и посполитые с. Котова и д. Пархимова въ Кіевскомъ полку дали «записъ» своему приходскому священнику Ивану Неводовскому «на владение грунту надлежащаго на священника, яко то поля, а именно Савъковщину половинную часть, а с другой половини, кто будетъ пахать, на церковь десятина, такожъ огородъ на построение ему и паіокъ Кошековские по жизнь его Иоана Неводовскаго, такъ, какъ и прежде священники владели». «И ми, громада, — прибавляли въ своемъ «записѣ» прихожане — якъ онихъ священниковъ заводили... такожъ и нынѣшнему Иоану Неводовскому оное жъ поле велѣли завести Федору Мироненку» [3]). Въ с. Лехновцахъ Переяславскаго полка владѣлецъ села Яковъ Марковичъ и мѣстные козаки, атаманъ съ товариствомъ, «за общимъ согласіемъ» отвели землю церкви [4]). Подобнымъ же образомъ атаманъ и козаки с. Ковтуновъ того же полка въ 1767 г. отвели землю священнику своего села Герасиму Падалкѣ. «Прежніе священници, — писали они при этомъ въ актѣ отвода — на приходъ нашъ ковтуновскій пришедши, имѣли пахание хлѣба и кошеніе сѣна, сколько имъ надобно било, при селѣ Ковтунахъ с поля нашего, обще всѣми владѣемого и свободного, безпрепятствено». Падалка же «противъ прежнихъ священниковъ бивихъ въ удоволство препитанію его от насъ поля на хлѣбъ и сѣно уступу не имѣетъ, но и понинѣ ему от насъ и единого ступеня поля не дано». Въ ви-

---

[1]) Архивъ Черниг. Окружнаго Суда, Дѣла Гражданскія, № 40.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Третьеполковой сотни, т. I, № 5.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. III, № 129.

[4]) Тамъ же, Переяславскій полкъ, Документы Березанской сотни, неразобранная связка.

ду этого, по его просьбѣ, «имѣя отчасти при с. Ковтунахъ свободного и общого нашего поля», атаманъ съ товариствомъ отвели священнику часть земли въ своей толокѣ и, обведя «заорой» эту землю, завели ее въ вѣчное владѣніе, «его, отца Герасима, наслѣдного священства и причета церковного ковтуновского» [1]).

Всѣ эти случаи, въ параллель которыхъ можно было бы привести длинный рядъ другихъ, вполнѣ имъ аналогичныхъ, являются не болѣе, какъ частными отраженіями общаго порядка, дѣйствовавшаго въ лѣвобережной Малороссіи на протяженіи XVII—XVIII вѣковъ, — порядка, при которомъ сельская община, состоявшая изъ козаковъ и посполитыхъ, отводила земли въ пользованіе церквей и священниковъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ измѣненія положенія посполитыхъ благодаря переходу ихъ подъ владѣльческую власть и росту послѣдней, и роль ихъ въ такихъ отводахъ земли перенималась владѣльцами или же козацкое «товариство» начинало дѣйствовать въ этихъ случаяхъ совершенно независимо и самостоятельно. Но на первыхъ порахъ, пока посполитые оставались свободными людьми, они являлись равноправными и непремѣнными членами сельской общины и совмѣстно съ козаками, по общему совѣту, надѣляли «мірской» или «вольной» землей свои приходскія церкви и ихъ причтъ. И, когда въ XVIII вѣкѣ приходскому духовенству доводилось давать свѣдѣнія о приписанныхъ къ церквамъ земляхъ, оно по большей части сообщало, что эти земли даны церковному причту громадой, козацкимъ «товариствомъ» и посполитыми «мужами».

Надѣляя свою приходскую церковь «мірской» или «вольной» землей, громада, съ другой стороны, удерживала въ своихъ рукахъ распоряженіе тѣми землями, которыя поступали во владѣніе церкви помимо громадскаго рѣшенія, путемъ дара или завѣщанія со стороны отдѣльныхъ лицъ. Если ради удовлетворенія какой-либо изъ церковныхъ нуждъ являлась необходимость продать такую землю, эта продажа совершалась по общему рѣшенію общины, ею самой или ея выборными представителями. «Мы всѣ едностайне громада будиская, такъ козаки, яко и мужеве, — говорится въ одномъ актѣ 1672 г. — продалисмо грун-

[1]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 266—7; см. также статью И. В. Лучицкаго, «Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII в.», въ газетѣ «Земскій Обзоръ», 1883 г., № 16, стр. 72—77.

та, лежачіе въ селѣ Будищу, позосталые и отказанные тестаментомъ отъ небожчика Івана Бринзы и жоны его на церковь божую будискую», за 30 копъ Пустынно-Рыхловскому монастырю «с доброй волѣ нашой и здоровой всѣхъ насъ порады»[1]). Въ другомъ случаѣ, относящемся къ 1675 г., «весь урадъ мѣста его царского пресвѣтлого величества глуховскый», сотникъ, городовой атаманъ и войтъ съ бурмистрами, продали завѣщанный глуховской Троицкой церкви «пляцъ з будинкомъ» мѣстному Петропавловскому монастырю за 20 копъ; «которие гроши — прибавляется въ документѣ — принявши от отца ігумена, на расходы церковние розние обернулисмо»[2]). Въ м. Мринѣ того же Нѣжинскаго полка въ 1682 г. состоялась «по указу самого его милости пана полковника Нѣжинского» продажа завѣщаннаго на мринскую церковь «млина» вдовѣ завѣщателя. Продажу эту, какъ указано въ купчей, совершили мринскій сотникъ, «дозорца добръ его архипастирской милости в. Мринщизнѣ», городовой атаманъ, ктиторы мринской церкви и «все посполство, такъ мужеве, якъ и козаки, жители мринскіе»[3]). Въ с. Калитѣ козелецкой сотни Кіевскаго полка въ 1698 г. «едностайне всѣ козаки, такъ и громада вся калитянская», чтобы добыть средства на отстройку своей церкви послѣ случившагося въ ней пожара, продали доставшуюся ей по завѣщанію одного изъ мѣстныхъ обывателей землю[4]). Въ м. Кобыжчѣ того же полка ктиторы мѣстной церкви въ 1703 г. продали сотнику церковный лѣсокъ и сѣнокосъ «з обради товариства войскового, яко и посполитихъ людей»[5]). Точно так же «по совѣту обще всѣхъ пановъ парафиянъ» ктиторъ одной изъ остерскихъ церквей продалъ въ 1714 г. «плацовъ два маленькихъ церковнихъ»[6]). Въ 1716 г. атаманъ съ товариствомъ и войтъ съ громадой с. Красиловки въ остерской сотнѣ, «мѣючи нужду потребную денегъ на работу церковную снѣцарскую и малярскую», «з общой поради» продали своему священнику землю, еще въ 1699 г. завѣщанную церкви одной изъ мѣстныхъ обывательницъ[7]).

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-1593.

[2]) Тамъ же, № 1616-972.

[3]) Тамъ же, № 1616-2962.

[4]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Козелецкой сотни, т. V, № 95.

[5]) Тамъ же, Документы Кобыжской сотни, т. I, № 29.

[6]) Тамъ же, Документы Остерской сотни, т. I, № 19.

[7]) Тамъ же, т. V, № 173.

Священникъ, если и принималъ участіе въ подобныхъ продажахъ, то лишь въ качествѣ одного изъ лицъ, мнѣніе которыхъ принималось въ расчетъ общиной. Рѣшающій же голосъ, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ этой послѣдней и соотвѣтственно этому она и купчія на продаваемую землю выдавала отъ своего имени, лишь иногда упоминая въ нихъ о томъ участіи, какое принималъ въ продажѣ священникъ. «Ми, якъ товариство старшое і меншое куреня хрещатинского, такъ люде посполитіе того жъ села Хрещатого з порадою отца Тихония, священника нашего парахіялного,.. продалисмо грунтъ церковній», — говорится, напр., въ одной купчей 1707 г. [1]). Подобнымъ же образомъ въ с. Локоткахъ воронежской сотни Нѣжинскаго полка въ 1746 г. принадлежавшій церкви сѣнокосъ продали черниговскому Каѳедральному монастырю мѣстный священникъ, значковый товарищъ и атаманъ «съ товариствомъ и со всѣми того села обывателями» [2]). Въ с. Кирѣевкѣ уступленное мѣстной церкви значковымъ товарищемъ Базилевичемъ поле было затѣмъ въ 1763 г. «з согласия общого священниковъ и прихожанъ кирѣевскихъ» отдано Макошинскому монастырю, «за которое поле принято отъ монастира Макошинского книгъ Миней Мѣсячнихъ дванадцать въ церковь кирѣевскую» [3]). Козаки с. Помоклей въ Переяславскомъ полку отдали въ 1722 г. освятившему ихъ церковь и давшему въ нее воздухъ на плащаницу переяславскому Михайловскому монастырю, сѣнокосъ и поле, пожертвованные церкви однимъ изъ мѣстныхъ жителей [4]). Въ томъ же году атаманъ, войтъ, ктиторъ и вся громада с. Вьюнищъ въ томъ же полку, «мѣючи грунтъ церковний, на церковь наданий, именно Татарковщина» продали его своему священнику [5]).

Приведенныхъ примѣровъ, думается, вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, какъ велики были права громады по отношенію къ землямъ, поступавшимъ въ собственность приходскихъ церквей отъ отдѣльныхъ лицъ. Распоряженіе такими землями принадлежало въ сущности всецѣло громадѣ, и только она одна могла

---

[1]) Тамъ же, Документы Козелецкой сотни, т. II, № 49.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-3126.

[3]) Тамъ же, № 1616-162.

[4]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 5—6.

[5]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Терехтемировской сотни, т. I, № 54. Рядъ аналогичныхъ случаевъ см. въ «Сборникѣ матеріаловъ» И. В. Лучицкаго, сс. 1, 92—3, 101, 118—19, 249, 250, 251, 252, 262, 264, 265.

съ общаго совѣта отчуждать ихъ по своему усмотрѣнію на сторону, добывая ли такимъ путемъ деньги, нужныя въ данное время для церковной кассы, или прямо оплачивая землей тѣ или иныя услуги, оказанныя церкви. И въ этомъ распоряженіи церковными землями, происходившемъ «съ общей порады», «по общему согласію», опять-таки участвовали, либо непосредственно, либо чрезъ посредство выборнаго уряда, всѣ члены мѣстной общины, какъ козацкое «товариство», «старшее и меньшее», такъ и посполитская «громада».

Наряду съ этими правами по отношенію къ церковнымъ землямъ громада обладала и другими, болѣе широкими правами. На занятой ею территоріи она могла, какъ мнѣ уже приходилось упоминать объ этомъ [1]), выдавать разрѣшенія отдѣльнымъ лицамъ на устройство плотинъ, постройку мельницъ, добываніе руды и т. п. Вотъ нѣсколько конкретныхъ эпизодовъ, достаточно рельефно обрисовывающихъ тѣ права, какія имѣла громада въ этой области.

Въ 1691 г. гетманомъ Мазепой и черниговскимъ полковникомъ Яковомъ Лизогубомъ отправлены были особые коммиссары («висланые особы») для ограниченія земель Андрониковскаго монастыря и, въ частности, для разрѣшенія его спора («завода») съ паномъ Товстолѣсомъ изъ-за займища подъ мельницу около с. Турьи. «Туряне — записали, между прочимъ, эти коммиссары въ составленный ими актъ — предъ нами сказали, Василь Петручонокъ, Лукашъ Петручонокъ и Лаврѣнъ, старинные отчичы и мужеве: поневажъ, мовитъ, панъ Товстолѣсъ безъ вѣдома нашего на нашомъ березѣ хочетъ млинъ будовати, мы ему всѣ не позволяемъ, а если на монастиръ святый, то позволяемъ вѣчне. А еслибы п. Товстолѣсъ чинилъ намъ въ томъ насилие, то будемо супликовати (жаловаться) до его милости пана полковника. Тое мы чуючи, — прибавляли комиссары — до волѣ панское казалисмо записати» [2]). Полковникъ и, тѣмъ болѣе, гетманъ на практикѣ могли, конечно, не обратить вниманія на волю мѣстныхъ «старинныхъ мужей», но до той поры, пока эти носители урядовъ оставались вѣрными идеѣ, лежавшей въ основѣ ихъ власти, они въ сущности были обязаны слѣдовать указаніямъ такой воли. И сообразно этому еще и въ XVIII вѣкѣ разрѣ-

---

[1]) См. выше, сс. 118—120.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-2135.

шенія на устройство плотинъ и постройку водяныхъ мельницъ, выдаваемыя громадами, имѣли вполнѣ реальное значеніе, облегчая полученіе окончательныхъ разрѣшеній такого рода отъ полковника или гетмана, и лица, собиравшіяся строить мельницу, старались заручиться дозволенімъ мѣстной общины. Въ Стародубовскомъ полку, напримѣръ, въ 1724 г. «всѣ обще, такъ козаки, яко и посполитіе, жители села Косичъ, сотнѣ мглинской», выдали «доброволное и согласное писание» Благовѣщенскому Волосовицкому монастырю, свидѣтельствуя о томъ, что «з общого совѣту» позволили «в волном и сумѣжъномъ грунтѣ на рѣчцѣ Кобилянци» монастырю «своимъ монастирскимъ коштомъ заняти млинокъ вешнякъ, для тихъ власне певнихъ причинъ, что пречоніе законники (названные монахи) по куплѣ своей грунтовой с нами в тотъ грунтъ уступни»[1]). Въ 1727 г. жители другого стародубскаго села, Влазовы или Улазовичъ, «атаманъ с товариствомъ и посполитими людьми», подтверждая сдѣланную ими еще раньше «для отпущенія грѣховъ своихъ» уступку «млина» Суражицкому Благовѣщенскому монастырю, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно воспрещали стародубовскому полковнику занимать «рудню» на ихъ землѣ. «Вси едностайне — писали они — бемъ чоломъ пану полковнику стародубовскому, абы жадною мѣрою (никакимъ способомъ) не мѣлъ дѣла до нашего власного (собственнаго) отческого грунту, на которомъ ми узнали, же (что) насилно и гвалтовно вашимъ повеленіемъ имѣется займати рудня, до якои недопускаючи», влазовцы налагали на полковника, если бы онъ не внялъ ихъ запрещенію, «заруку» въ 8.000 р.[2]).

Даваемое громадой разрѣшеніе на устройство плотины являлось вдобавокъ своего рода свидѣтельствомъ о томъ, что такое устройство не повлечетъ за собою подтопленія земель членовъ данной громады или, по крайней мѣрѣ, не вызоветъ съ ихъ стороны никакихъ претензій по этому поводу. «Ми, жителѣ лавские, — говорится въ одномъ изъ такихъ разрѣшеній, выданномъ въ 1700 г. громадой с. Лавъ въ Черниговскомъ полку, — атаманъ Максимъ Кирѣенко с товариствомъ, войтъ Якимъ Безнощенко з мужами, позволили отцу Филиппу Марковичу, священнику своему, займати гребелку в конци его ж огорода и пастовника, именно на болотѣ, на млинокъ: его грунта, его ж и шкода, а що иншому нѣкому нѣ машъ зачепки, що ми на томъ и руки

1) Тамъ же, № 1616-2101.
2) Тамъ же, № 1616-2106.

своѣ подписуемъ»[1]). Атаманъ съ товариствомъ с. Паришковъ въ Переяславскомъ полку выдали въ 1730 г. «карту» Андрею Думитрашку-Райчѣ, заявляя, что ихъ «лесамъ и сѣножатямъ жадныхъ (никакихъ) стоковъ от его займанья греблѣ не імѣется»[2]). Подобнымъ же образомъ атаманъ съ козаками и обывателями с. Драбовецъ выдали въ 1746 г. золотоношскому сотнику Леонтовичу позволительное «письмо» на засыпку гребли и постройку мельницы; «при селѣ нашомъ — поясняла при этомъ драбовецкая громада—инихъ близко мелницъ ничиихъ не имѣется», а «отъ занятия греблѣ таковой отъ оного сотника... обиди никаковой послѣдовать не надеемся, ибо на купленнихъ его грунтахъ расходъ водѣ можетъ бить доволній»[3]). Съ своей стороны лица, желавшія строить мельницу, заранѣе вступали въ соглашеніе съ громадой на счетъ вознагражденія за возможные убытки, а самое разрѣшеніе громады иногда оплачивали пожертвованіями въ ея церковь и обѣщаніемъ нѣкоторыхъ льготъ на будущей мельницѣ. Такъ, въ 1736 г. державца с. Панфилъ въ Переяславскомъ полку, протопопъ Берло, и священникъ Кокленскій, задумавъ построить въ этомъ селѣ водяную мельницу, выдали мѣстной громадѣ особую расписку. «Ежели — говорилось въ этой распискѣ — отъ нашой гребле будетъ якая обида и подтопленіе грунтовъ вишеписаной громадѣ, такожъ и хтобъ иного села за подтопленіе оную жъ громаду турбовати мѣлъ, то мы въ томъ должни отстоевать, а обивателемъ панфилскимъ за ихъ обиду такожъ должни уплатить, ежели якая будетъ обида; ризы на церковь панфилскую даемо или трафолой, церковь освятить своимъ коштомъ, въ млинѣ молоть безчережно (внѣ очереди) и безъ тринкаля подъ нужду, рибу ловить въ ставу волно, якъ и прежде ловливалась»[4]). Самовольная постройка мельницы на земляхъ громады могла повлечь за собою для виновника потерю самой мельницы. Такъ, въ 1723 г. «товариство, мѣщане и поспольство» г. Великихъ Будищъ въ Полтавскомъ полку, заканчивая мировою тяжбу съ своимъ сотникомъ Дм. Колачинскимъ, однимъ изъ условій этой мировой поставили, «жеби панъ Колачинский гребелку, на мирскомъ мѣсцу занятую, и на ономъ мирскими жъ людми млинъ построенный уступилъ, который ми за души все-

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 26, владѣльческія вѣдомости м. Сосницы, л. 662.
[2]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 9—10.
[3]) Тамъ же, сс. 255—6.
[4]) Мотыжинскій Архивъ. Кіевъ. 1890, № 80, с. 148.

го общества нашего отдаемъ на церковъ Пресвятой Богородицы Покровскую»[1]).

Но права громады по отношенію къ вольнымъ землямъ и угодьямъ шли и дальше выдачи разрѣшеній на постройку плотинъ и мельницъ. Занявъ ту или иную площадь земли и обративъ ее вмѣстѣ со всѣми расположенными на ней угодіями въ «вольную», «общую» или «мірскую» землю, громада въ дальнѣйшемъ могла съ общаго совѣта и рѣшенія отчуждать по своему усмотрѣнію любыя части этой земли въ собственность какъ отдѣльныхъ своихъ членовъ, такъ и постороннихъ лицъ. И любопытно отмѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда такое отчужденіе производилось за плату, послѣдняя нерѣдко взималась громадой въ пользу церкви, являвшейся и при этомъ какъ бы олицетвореніемъ и средоточіемъ общаго громадскаго интереса. «Громадѣ заплатилемъ на церковь полталяра за часточку гайка», — заявлялъ въ 1694 г. одинъ изъ козаковъ с. Стовпягъ в Переяславскомъ полку[2]). Другой козакъ того же села въ 1699 г. упоминалъ про «гаіокъ, що купилемъ у громады»[3]). «Я, Юско Савенко, кладу на церковь божию рублей три», писалъ въ 1731 г. одинъ изъ козаковъ с. Вьюнищъ, пріобрѣтя отъ мѣстной громады кусокъ лѣса, который и былъ ему «заведенъ» нѣсколькими членами громады[4]). Въ с. Тулиголовахъ Нѣжинскаго полка въ 1700 г. «всѣ сполне жители тулиголовские, атаманъ зо всѣмъ товариствомъ і войтъ з громадою, ктиторъ з братствомъ,.. зобравшися урадомъ всѣ тулиголовские жителѣ і порадившися единогласно край церкви, продали сѣножать с хмизникомъ, прозиваемую Борщеговку,... священнику своему тулиголовскому за суму певную копъ десять і перепутъ горѣлки, которая то сѣножать била волная мирская»[5]). Въ с. Вовчкахъ Переяславскаго полка за «плецъ пустовскій» (пустое усадебное мѣсто) «панъ асаулъ далъ на церковь вовчковскую ладану фунтъ»[6]). Въ м. Лѣплявомъ козакъ Иванъ Лисакъ получилъ въ 1748 г. въ собственность кусокъ лѣса, какъ объяснялъ позднѣе самъ Лисакъ,

---

[1]) Харьков. Истор. Архивъ, Полт. отд., I, св. 1, № 98.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Терехтемировской сотни, ч. I, № 17.

[3]) Тамъ же, № 20.

[4]) Тамъ же, № 60.

[5]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Казенной Палаты въ б-ку ун-та, № 1616-3306.

[6]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Третьеполковой сотни, т. I, № 8.

«з общого всѣхъ козаковъ лѣплявскихъ согласія за то, что я за тотъ кутъ, прозиваемій Глинище, яко волній въ тѣ пори былъ, положилъ на церковь лѣплявскую... денегъ шестьдесятъ копѣекъ»[1]).

Иногда громада и дарила вольныя земли и угодья отдѣльнымъ лицамъ, не требуя за это съ нихъ никакой платы. Въ началѣ XVIII вѣка, напримѣръ, священнику с. Мойсинецъ въ Переяславскомъ полку, Василію Данилевскому, «люде із общаго согласия и доброхотной воли своей въ вечние часи даровали» озеро Плоское[2]). По большей части такіе подарки дѣлались членамъ старшины, имѣвшимъ случай оказать данной громадѣ ту или иную услугу, и размѣръ подарковъ бывалъ очень различенъ. Въ 1728 г. козаки с. Налѣсней подарили городовому атаману Журбѣ кусокъ сѣнокосной «луки». Козаки с. Козлова въ 1760 г. подарили своему атаману «за его труды» ниву на одинъ день. Березанскій сотникъ Лялька, помогшій козакамъ с. Леляковъ отсудить отъ бунчукового товарища Иваненко половину захваченной имъ вольной рощи, въ благодарность за это получилъ отъ нихъ въ подарокъ треть отсуженной земли[3]). Когда лубенскій полковникъ Свѣчка въ 1689 г. возвратилъ пирятинской сотнѣ часть ея земель, отошедшую было въ Переяславскій полкъ, пирятинскіе сотняне предложили ему «взять себѣ какую хочетъ степь для сѣнокошенія и онъ, полковникъ, не желая ничего брать даромъ, далъ 200 таляровъ за Сухую Оржицу», пріобрѣтя такимъ путемъ побережье этой рѣчки на десятки верстъ[4]). Наряду съ этимъ практиковалась и продажа громадою земель отдѣльнымъ членамъ старшины. Въ 1715 г., напримѣръ, въ м. Пещаномъ Переяславскаго полка сотникъ, атаманъ, войтъ и «весь урядъ мѣскій» съ криторами мѣстныхъ церквей, «а особливо соединившися купно зъ мирянами нашимы мѣщанскими», продали «шматъ гайку (кусокъ лѣса) стоячого волного, якій пустовалъ през килка лѣтъ и хто хотѣлъ, то рубалъ», переяславскому полковнику Стефану Томарѣ, «якіе гроши — прибавлено въ купчей — на церкви божіе наши пѣщанскые положилисмо»[5]).

---

1) Тамъ же, Документы Лѣплявской сотни, т. II, № 35.

2) Тамъ же, Документы Ирклѣевской сотни, т. I, № 22.

3) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 8, 263, 130—1. День (мѣра пахатной земли) = 3 упругамъ = 3/4 десятины.

4) А. М. Лазаревскій, Историческіе очерки полтавской лубенщины XVII—XVIII вв. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. XI, отд. II, с. 48.

5) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Бубновской сотни, № 13, стр. 32.

Въ 1720 г. «товариство» с. Нехаекъ продало за 50 талеровъ бунчуковому товарищу Вас. Томарѣ сѣнокосную «луку» на р. Золотоноши съ условіемъ, что онъ не продастъ ее никому другому, а козаки, если вздумаютъ продавать остатокъ этой «луки», продадутъ его Томарѣ же, «яко помѣжнику» [1]). Жители с. Дрокова въ Стародубовскомъ полку, «козаки и посполитіе, з общого селского совѣту», уступили Алексѣю Есимонтовскому «недѣленній шматокъ дубровки», за что Есимонтовскій обязался «до церкви зубожалой дроковской справить ризы слушніе и даровать полстана горилки» сельчанамъ къ Николину дню [2]). Но не всегда, конечно, деньги, получавшіяся отъ такихъ продажъ, шли на церковь. Иногда онѣ поступали прямо въ раздѣлъ между членами общины. Въ 1716 г. жители с. Турьи въ Черниговскомъ полку, атаманъ козацкій съ товариствомъ, атаманъ стрѣлецкій съ своимъ товариствомъ и войтъ съ мужами, «всѣ селомъ» заявляли: «будучи мы удоволственны своими грунтами, продалисмо островъ, прозиваемій Великій Буръ, зъ чертежами, зъ дубровами и зъ сѣножатми, кромѣ бортного дерева, его милости пану Павлу Полуботку, полковнику чернѣговскому, на закликанье слободи за суму доброи монети золотихъ сто, якисмо гроши одобрали въ Чернѣговѣ своими руками и роздѣлили всѣ селомъ»; при этомъ островѣ — прибавляли продавцы — «лѣсъ волный, якъ слобожаномъ, такъ и турьяномъ, хто хоче, на пристойныхъ мѣсцахъ и сѣножать зробить» [3]).

На вольныхъ земляхъ, занятыхъ громадой, могли производиться и заимки земли отдѣльными ея членами, но, поскольку такія заимки влекли за собою присвоеніе земли въ личную собственность или въ исключительное пользованіе заимщика, онѣ могли совершаться только съ согласія общины или ея представителя, выборнаго уряда. Заимки же, совершенныя безъ такого согласія, считались незаконными и могли быть во всякое время уничтожены общиной или даже отдѣльными ея членами. Въ 1681 г. житель с. Коробовки Богданъ Цыбуля, ставши передъ сотеннымъ домонтовскимъ урядомъ, принесъ жалобу на двухъ своихъ односельчанъ, которые его «безвинно изъ его займы вытручаютъ». Сотенный урядъ, «видячи таковое обжалованье его», приказалъ «на тое сведомыхъ людей постановити, естьли бы с

---

[1]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, с. 5.
[2]) А. М. Лазаревскій, Описаніе Старой Малороссіи, т. I, с. 356.
[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 17.

позволения старшого своего онъ займище дилалъ». Тогда «ставши персоналне очевисте, Семенъ Ткачъ призналъ подъ сумлениемъ (совѣстью) души своей, же с позволения Дахна, атамана своего в тотъ часъ будучаго, оной кутъ Богданъ Цыбуля занялъ». При этомъ выяснилось, что со времени этой заимки прошло уже семь лѣтъ и раньше привлеченные Цыбулей къ суду односельчане не вступались въ нее, «а теперешней годъ, побачивши пожитокъ (увидѣвши выгоду) з оного займища, почалися интересовати». Въ виду этого сотенный урядъ утвердилъ Цыбулѣ его займище «на вечно уживание (пользованіе) и пожитокъ» [1]). Дозволеніе «старшаго» признавалось такимъ образомъ безусловно необходимымъ для прочности заимки. При наличности же разрѣшенія громады или воплощавшаго въ себѣ ея власть «старшаго», заимка могла принимать и очень большіе размѣры, равно какъ могла совершаться и лицомъ, не входившимъ раньше въ данную общину.

Въ 1697 г. атаманъ съ товариствомъ с. Горошина въ Лубенскомъ полку, по просьбѣ пана Василія Леонтіевича, который, по ихъ словамъ, «з нами по сусѣдску от которихъ часовъ жіючи, и жадного (ни одного) человѣка з промежку насъ, горошинцовъ, нѣкого не оскорбивъ», позволили ему «зачавши верху Буромки, от крайнего лѣсу, хуторомъ ставши, усю Буромку у горѣ собѣ въ сѣножать изняти и сѣно косити для своего добра», Леонтіевичъ же за это далъ дары на церковь [2]). Въ Прилуцкомъ полку въ 1704 г. громада с. Озерянъ позволила мѣстному «державцѣ» Себастіяновичу «занять леваду» на вольной сельской землѣ и построить хуторъ, а Себастіановичъ обѣщалъ дать за это на церковь 10 золотыхъ [3]). Въ концѣ XVIII в. въ Стародубовскомъ полку генеральный асаулъ Антонъ Гамалѣя, угостивъ громаду с. Посудичъ, «подъ веселую мысль упросилъ, чтобъ уступили ему общевольной дубровы, и всѣ до того приступили и позволили закопать ту дуброву» [4]). Въ 1718 г. Василій

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Домонтовской сотни, ч. I, № 1.

[2]) Лазаревскій, Истор. очерки полтавской лубенщины XVII—XVIII вв. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. XI, отл. II, с. 137.

[3]) Его же. Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. „Кіев. Старина", 1891, № 1, с. 13.

[4]) Его же, Описаніе старой Малороссіи, ч. I, с. 243. Подобное угощеніе громады со стороны заимщика практиковалось и при мелкихъ заимкахъ членами общины. Такъ, одна изъ жительницъ с. Дегтярей въ Прилуцкомъ полку заявляла въ 1733 г., что она владѣетъ участкомъ лѣса «съ того еще времени, какъ были вольные гаи, и дала она мировѣ за тотъ гай: сало и десять квартъ горѣлки». См.

Молчанъ, писарь Шептаковской волости въ томъ же Стародубовскомъ полку, обратился къ громадѣ с. Бучковъ съ заявленіемъ, что онъ хотѣлъ бы какъ купленныя имъ займища, такъ и занятое имъ самимъ съ вѣдома громады вольное мѣсто въ лѣсу «любо окопати окопомъ, албо засѣкти засѣкомъ, чтоби вѣчне нѣхто не важился (не смѣлъ) анѣ деревнѣ стоячой, а иле (сколько-нибудь) ему згодной пустошить, анѣ на пожнѣ ростеребовъ займати, анѣ тежъ жаднихъ наиболшихъ и наименшихъ користей в томъ его займищи... употребляти и уступу тамъ волного мѣти». Громада, осмотрѣвъ займище Молчана и, съ одной стороны, принявъ во вниманіе, что оно не нанесетъ ущерба никому изъ ея членовъ, такъ какъ изъ нихъ у всякаго «волного грунту и лѣсу доволно», а, съ другой, «вѣдаючи любовное его з нами житие сусѣдское, ижъ (что) кождого часу во всякихъ нашихъ нуждахъ есть намъ згодний, яко до сего часу нѣхто не отнесъ от его нѣ в чемъ кривди и нѣ в кого усиловне не отнялъ нѣчого, все миетъ (имѣетъ) куплею од насъ себѣ набитое», рѣшила удовлетворить обращенную къ ней просьбу. Сообразно этому громада особымъ актомъ утвердила Молчану въ собственность («ему самому, женѣ и дѣтемъ и до послѣдныхъ роду его в спокойное вѣчное владѣние») какъ купленныя имъ земли, такъ и сдѣланную имъ заимку, постановивъ при этомъ, что «хто би мѣлъ в вишъписанную его куплю и теперъ позволенний лѣсъ уступъ який забирать, албо в користяхъ найменшую чинить ему перешкоду, в пустошеню дробной и великой стоячой деревнѣ, — окромъ лежачого, и то было би за его позволенемъ, — албо мѣлъ бы хто от сего часу за тое отзиватися на его любо на жену и дѣти до якого где суду и права, на такого покладаемъ вини до скарбу рейментарского золотихъ тысячу и нашимъ мирскимъ каранемъ повиненъ той бути каранимъ». Подобные же акты были выданы Молчану и нѣкоторыми другими селами Шептаковской волости [1]).

Разрѣшенія на заимку вольной земли могли даваться и высшими «урядами» — сотеннымъ, полковымъ и гетманскимъ. Въ 1697 году, наприм., воронковскіе сотникъ и городовой атаманъ позволили четыремъ братьямъ Якименкамъ «гаіокъ заняти» у

его же, Описаніе старой Малороссіи, т. III, с. 365. Но всего чаще полученіе разрѣшенія на заимку сопровождалось со стороны заимщика тѣмъ или инымъ пожертвованіемъ на церковь.

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 2.757.

с. Софіевки и «тотъ гай кохати и всякіе пожитки отбирати». «А хто би мѣлъ — прибавлялъ при этомъ сотенный урядъ — любъ зъ козаковъ воронковскихъ, албо з мужиковъ и посторонныхъ людій попротивится урядовому нашему изволенію и именуемый гай самоволно пустошити, таковий на урядъ нашъ воронковскій заплатитъ копъ осимъ, а его милости добродѣевѣ (т. е. полковнику) од таковихъ належить вини золотихъ сорокъ заплатить»[1]. Въ 1728 г. войсковому товарищу Стефану Максимовичу переяславскимъ полковникомъ и полковой старшиной разрѣшено было занять «хуторъ з ставомъ и гребелкою» на р. Журавкѣ «при волномъ степу», а въ слѣдующемъ году этотъ хуторъ былъ утвержденъ за нимъ гетманомъ Апостоломъ[2]. Но при этомъ всякая заимка, была ли она разрѣшена сельской громадой или высшими властями, должна была оставаться въ разрѣшенныхъ предѣлахъ, иначе она подлежала уничтоженію, какъ уничтоженію подлежала и заимка, совершенная совсѣмъ безъ разрѣшенія. Характерный примѣръ такого рода, относящійся къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка, разсказанъ въ прошеніи, поданномъ въ началѣ XVIII столѣтія черниговскому архіепископу крестьянами его «маетности» — с. Козла. Нѣкій Донецъ — разсказывали въ этомъ прошеніи крестьяне — «чрезъ свое лукавство» завладѣлъ было ихъ «дубровой мирскою». Онъ попросилъ именно черниговскаго полковника Василія Борковскаго, чтобы тотъ «позволилъ ему на оной дубровѣ к полю своему построити гуменце и березнику до оного ж гуменца, якъ звычайно, на гай занять», а, получивъ отъ полковника позволеніе, «занялъ дикоѣ дубровы з старымъ дубьемъ на чверть милѣ, якоѣ ему не позволялъ». Но затѣмъ «прилучилося ити тому жъ пану полковниковѣ чернѣговскому с полкомъ для стражи берега Днѣпрового, на которомъ трактѣ оное займище зостаетъ, и, оглядѣвши панъ полковникъ занятоѣ дубровы, якую занялъ Донецъ, видячи, же (что) много на его будетъ одного, оскорбившися за его неправду, приказалъ, абы тое колье гороженое было выкидано и копцѣ (копцы, граничные знаки) поровняно и жебы (чтобы) не мѣлъ жадною мѣрою интересоватися и владѣти онымъ займищемъ, позволилъ всѣмъ селяномъ козлянскимъ оную диброву рубати на дрова». И съ той

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Воронковской сотни, № 14. Аналогичные случаи для болѣе поздняго времени см. въ «Сборникѣ матеріаловъ» И. В. Лучицкаго, сс. 251—2, 253—4, 254—5, 256—7.

[2]) Тамъ же, Документы Терехтемировской сотни, ч. I, № 13.

поры — разсказывали дальше крестьяне — долгое время «волно было жадному (всякому) человѣку въ ономъ займищу дрова рубати и товаръ (скотъ) попасати, оручи в полю, тактежъ, и трактомъ Пакулскимъ з дубровы ѣдучи, волно было на попаску ставати, и для быдла (скота), котрое в чередѣ (стадѣ) будетъ, тылко намъ было и выпуску в оной нашой змѣнѣ» [1]). Въ данномъ случаѣ неправильно, «лукавствомъ» и «неправдой» занятая мірская земля была возвращена въ общинное владѣніе властью полковника, разрѣшившаго заимку и затѣмъ убѣдившагося, что заимщикъ превысилъ предѣлы даннаго ему права. Но община считала себя въ правѣ и самостоятельно бороться съ самовольными заимщиками и, случалось, осуществляла это право на практикѣ. Если кто-либо безъ предварительнаго разрѣшенія занималъ въ свою собственность «вольную» землю, возводилъ на ней постройки или окапывалъ и огораживалъ ее, громада иной разъ, не обращаясь къ суду и властямъ, сама возвращала захваченную землю въ общинное владѣніе, снося возведенныя постройки, ломая изгороди и засыпая выкопанные заимщикомъ межевые рвы. И выборныя лица громады, стоявшія обыкновенно во главѣ такихъ дѣйствій, считали ихъ всецѣло вытекающими изъ обстоятельствъ дѣла и вполнѣ соотвѣтствующими правамъ громады [2]).

Въ распоряженіе громады поступали, наконецъ, и земли, которыя находились уже въ чьемъ-либо владѣніи, но затѣмъ почему-нибудь запустѣли, «пустовскія земли», какъ ихъ называли въ XVII—XVIII вв., равно какъ земли, владѣльцы которыхъ были въ бѣгахъ, «земли отбѣзскія». Тѣми и другими землями, совершенно подобно тому, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ землямъ «вольнымъ», могли распоряжаться и непосредственно сами громады, и тѣ члены старшины, которые, являясь представителями общины, сосредоточивали въ своихъ рукахъ ея права и власть. Случаи распоряженія «пустовскими землями» со стороны сотниковъ и полковниковъ уже въ XVII вѣкѣ были частымъ и вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. Въ 1699 г., напр., къ кіевскому полковнику Константину Солонинѣ обратился «славетне урожоний

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2862, л. 12.

[2]) См. случаи такого рода, имѣвшіе мѣсто въ XVIII в., въ статьѣ И. В. Лучицкаго, «Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи», «Юрид. Вѣстникъ», 1890, № 4, с. 410, и въ моей статьѣ «Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ», «Кіевская Старина», 1891, № 2, сс. 312—14.

панъ Іовъ Можайскій, товаришъ войсковий сотнѣ остерской», житель с. Красиловки, прося разрѣшить ему «на пустовскомъ грунтѣ в селѣ Красиловци прозваниемъ Павла Рудого поселитися». Полковникъ, не обладая самъ достаточными свѣдѣніями, велѣлъ «призвати передъ себе атамана красиловского и войта тамошнего» и, узнавъ отъ нихъ, что на этомъ «грунтѣ» не лежитъ никакихъ обязательствъ, позволилъ Можайскому поселиться на немъ и владѣть какъ самымъ «грунтомъ», такъ и огородами, сѣнокосами, полями и другими «принадлежитостями» къ нему, отбывая за это «услугу войсковую»[1]). Полковникъ стародубовскій Лукьянъ Журавко, извѣщая въ 1714 г. «сотника волоского» и войта с. Удебного объ отдачѣ полковничьей властью «пустовщины» въ этомъ селѣ, писалъ въ своемъ универсалѣ еще болѣе рѣшительно: «пустовщину Евлакову, на насъ приналежную, надаемо во владѣние честному отцу Василию Вербицкому ради вспартя (поддержки) недостатку и убожества его домового»[2]). Но, въ сущности, распоряжаясь «пустовскими» землями, полковники и сотники осуществляли лишь тѣ права, какія принадлежали имъ, какъ представителямъ общины, къ которой съ запустѣніемъ земли возвращалось право на нее. Это право общины на распоряженіе «пустовской» землей признавалось при случаѣ и судомъ. Въ с. Селищахъ баришовской сотни Переяславскаго полка остались пустыя земли послѣ нѣкоего Федоранченка, владѣвшаго ими «еще за польскихъ пановъ». Нѣкоторое время онѣ стояли пустыми, а затѣмъ мѣстный сотникъ отдалъ ихъ на церковь въ Селищахъ. Но атаманъ этого села нашелъ въ другомъ мѣстѣ родныхъ Федоранченка, купилъ у нихъ безъ вѣдома ктитора и громады отданныя уже на церковь земли и завладѣлъ ими. Когда эта исторія раскрылась, нашлись и другіе родственники Федоранченка, которые вмѣстѣ съ громадою с. Селищъ подали на атамана въ судъ, требуя возвращенія земель церкви. Полковой судъ, разобравъ дѣло и «видячи кревнихъ Федоранченковихъ з громадою селискою горливость (усердіе) ку церквѣ божественной», постановилъ отобрать земли отъ атамана и вернуть церкви, съ тѣмъ лишь, чтобы громада возвратила ему уплаченныя имъ деньги[3]).

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. V, № 155.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 121.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Баришовской сотни, т. I, № 48.

Свое право на непосредственное распоряженіе «пустовскими» землями громада во всякомъ случаѣ осуществляла еще и въ XVIII-столѣтіи и на протяженіи всего этого столѣтія встрѣчается раздача такихъ земель какъ полковыми и сотенными урядами, такъ и сельскими атаманами съ «товариствомъ». Въ г. Погарѣ въ 1722 г. сотникъ, городовой атаманъ и войтъ по просьбѣ одного изъ мѣщанъ «поступили» ему «пляцъ пустовскій» и выдали соотвѣтствующій документъ на владѣніе [1]). Въ ирклѣевской сотнѣ Переяславскаго полка козакъ Гуджолъ въ 1749 г. обратился къ сотнику съ просьбой, въ которой указывалъ, что у его племянника, находящагося въ безвѣстной отлучкѣ, была сѣнокосная лука, «нынѣ въ свободномъ владѣніи найдующаяся безъ надлежащаго къ ней господара», и просилъ отдать эту землю ему, пока явится его племянникъ или его наслѣдники. Сотникъ согласился и отдалъ землю Гуджолу до возвращенія его племянника или сыновей послѣдняго [2]). Въ м. Пещаномъ козакъ Скопченко въ 1766 г. показывалъ, что онъ поселился на пустовавшемъ усадебномъ мѣстѣ съ разрѣшенія городового атамана и сотеннаго писаря [3]). Такихъ случаевъ раздачи пустыхъ усадебныхъ мѣстъ и запустѣвшихъ, оставшихся «безъ господаря» земель сотенными урядами можно было бы привести немало. Но рядомъ съ ними можно привести также немало случаевъ раздачи или продажи такихъ земель сельскими громадами. Въ 1742 г. атаманъ съ товариствомъ, войтъ съ поспольствомъ, ктиторъ и священники с. Городища продали пустовскую землю со строеніемъ и заплаченныя за нее деньги взяли на церковь [4]). Въ с. Мотовиловкѣ Кіевскаго полка одинъ изъ козаковъ въ 1740 г. показывалъ, что онъ пришелъ въ это село съ праваго берега Днѣпра и, придя, «явился тогда бывшему атаману Давыду Матвѣенку, который и позволилъ ему жить въ томъ селѣ и далъ ему дворъ, на которомъ строенія одна изба» [5]). Въ с. Ячникахъ терехтемировской сотни Переяславскаго полка козаки Маслы въ 1767 г. показали, что находящійся въ ихъ владѣніи дворъ достался ихъ отцу послѣ умершихъ козаковъ «по общему согласію того села козаковъ безъ ку-

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Академіи Наукъ, т. 135.

[2]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Ирклѣевской сотни, т. II, № 70.

[3]) Тамъ же, Документы Пещанской сотни, т. III, № 56.

[4]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-2043.

[5]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла объ имуществахъ церквей и монастырей.

пли»[1]). И такого рода показаній, говорящихъ о непосредственномъ распоряженіи громады пустыми усадебными мѣстами, въ Румянцевскую Опись занесено довольно много.

Но сами по себѣ «пустовскія земли» и «пустовскіе пляцы» были въ сущности уже явленіемъ позднѣйшаго происхожденія. Въ первое время для нихъ не было мѣста, такъ какъ первоначально вся земля, занятая громадой, въ томъ числѣ и усадебная, являлась землей «вольной», общинной. Громада разрѣшала селиться на этой землѣ, отводила усадебные участки, но не отдавала ихъ въ собственность. До той поры, пока держался такой порядокъ, и при продажѣ дворовъ продавались и покупались только постройки, съ прямой оговоркой, что продаются онѣ «кромѣ землѣ», безъ земли[2]). Земля, отводимая подъ усадьбы, оставалась землей «общей», «вольной», въ такой же мѣрѣ не подлежащей захвату въ личную собственность, какъ и вся вообще земля, на которой вели свое хозяйство отдѣльные члены громады. «Козаки, в селѣ Ячникахъ живущіе, — жаловался въ коммиссію составленія Румянцевской Описи Кіево-Троицкій Кириловскій монастырь — где когда которій похочетъ, внутрь села Ячниковъ самоволно насилиемъ строятся, и землю монастырскую пашутъ, и сѣна на лугу монастырскомъ, где кто с нихъ хочетъ и сколко ему надобно, укошуютъ, сказуючи, что то де все волное»[3]). А среди самихъ козаковъ какъ с. Ячниковъ, такъ и ряда другихъ селъ Переяславскаго полка очень многіе показывали, что и усадебныя мѣста, и пахотныя поля, и сѣнокосы достались имъ изъ общей вольной земли «съ общого козачого дозволенія», «по согласію громады», «по опредѣленію атамана и козаковъ»[4]). Такое «опредѣленіе», по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, несомнѣнно, имѣло характеръ отвода земли лишь въ пользованіе, а не въ собственность. Козаки с. Городища березанской сотни Переяславскаго полка, ведя въ 1752 г. процессъ съ бунчуковымъ товарищемъ Искрой изъ-за захваченнаго послѣднимъ вольнаго луга, разсказывали о владѣніи этимъ лугомъ: «ежели кто в ту деревню Городище на житіо прійдетъ и начнетъ общенародную повинность

---

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Терехтемировская сотня, т. II, л. 11.

[2]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Воропольской сотни, т. II, № 77. И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 262—3.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Терехтемировская сотня, т. II.

[4]) Тамъ же, passim.

отправлять, то оному с того лугу часть опредѣляема бываетъ; а какъ де по прежнему куда пойдетъ, то оная часть по прежнему при истцахъ, изстарѣ в той деревнѣ Городищи жительство имѣющихъ, остается»[1]). И тотъ порядокъ, который обрисовывается въ этомъ разсказѣ, дѣйствовалъ, конечно, не въ одномъ только с. Городищѣ, — наоборотъ, именно онъ былъ первоначально господствующимъ.

Община являлась такимъ образомъ настоящимъ хозяиномъ занятой ею вольной земли. Но эта община не укладывалась всецѣло въ рамки сельской громады, не замыкалась исключительно предѣлами одного села. Рѣдкое село съ перваго момента своего возникновенія имѣло свою, исключительно ему одному принадлежавшую землю. Въ большинствѣ случаевъ нѣсколько поселеній, такъ или иначе тянувшихъ другъ къ другу, сообща занимали землю и сообща же, «общественно» владѣли ею, образуя такимъ путемъ большую земельную общину, владѣнія которой занимали подчасъ весьма значительное пространство. Земли этихъ крупныхъ общинъ въ свою очередь не отмежевывались одна отъ другой и долгое время ихъ границы опредѣлялись только фактическимъ владѣніемъ, въ силу котораго каждая община считала своими тѣ земли, на какихъ орали и косили ея члены и на какихъ паслись ея стада. При царившемъ первоначально въ лѣвобережной Малороссіи земельномъ просторѣ случалось иногда и такъ, что какое-либо село совсѣмъ переставало интересоваться тѣми или иными землями, входившими въ его округъ, и равнодушно смотрѣло на захватъ ихъ сосѣдями. Но въ общемъ, однажды занятая какою-либо группою поселеній или отдѣльнымъ поселеніемъ, земля признавалась уже принадлежащей этимъ поселеніямъ, и даже временное запустѣніе послѣднихъ не создавало для ихъ сосѣдей права на окончательный ея захватъ.

Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ частныхъ эпизодовъ, обрисовывающихъ эту сторону земельныхъ отношеній. «Еще въ ту пору, — разсказывали войтъ и вся громада м. Сребного въ прошеніи, поданномъ ими въ 1733 г. гетману Апостолу, — когда орди грасовали[1]) въ Малой Россіи и многіе села и мѣстечка въ полку нашомъ Прилуцкомъ попалили и людей въ неволю повибирали, запустѣлъ былъ стѣнокъ и пахатное поле, к Лебединимъ озерамъ

[1]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, с. 72.
[2]) Свирѣпствовали — отъ польскаго grasować.

лежачое, якимъ полемъ завладѣли были жители полку Лубенского, селяне хомѣнскіе, волошиновскіе и ярошовскіе, чрез килко (нѣсколько) лѣтъ». Когда же «стали въ сотнѣ срѣбрянской люде по прежнему зходитись и до своихъ пахатнихъ и сѣнокоснихъ поліовъ пріисковатись», захватившіе ихъ лубенцы не отдавали ихъ и «срѣбрянамъ тими полями владѣти не допускали». Обиженные сребряне пожаловались гетману Самойловичу и тотъ выслалъ на розыскъ охочокомоннаго полковника Ребриковскаго и гетманскаго дворянина Сухину, которые, пріѣхавъ на мѣсто спора и «з свѣдителствъ людскихъ узнавши, же (что) лубенци, невинне на наши грунта, которіи по руинѣ татарской въ ту пору въ пустоши лежали, найшовши, онимы завладѣли, приказали имъ з тихъ нашихъ поліовъ уступити, а срѣбрянамъ по прежнему во владѣніе попустити». Послѣ того при прилуцкомъ полковникѣ Горленкѣ лубенцы опять было завладѣли этими полями, но сребряне «за вѣдомомъ пана полковника первей десятину, потомъ половину, а потомъ всѣ пашнѣ ихъ стали забѣрати» и «отъ своихъ поліовъ и сѣножатей отдалили». Теперь же — жаловались сребрянскій войтъ съ громадой — полковникъ Галаганъ ихъ съ этой земли согналъ, а отдаетъ степокъ косить и поле пахать лубенцамъ съ третьей копицы и съ третьей копы. Гетманъ принялъ сторону сребрянъ и предписалъ Галагану самому не вступаться въ эту землю и лубенцовъ въ нее не впускать [1]). Подобнымъ же образомъ былъ оконченъ въ другомъ случаѣ споръ изъ-за вольнаго степа между с. Бѣлоцерковкой и Решетиловкой. Споръ этотъ былъ разрѣшенъ въ пользу перваго изъ названныхъ поселеній, послѣ того, какъ при слѣдствіи выяснилось, что «Бѣлоцерковка напередъ Решетиловки поселилася и жители бѣлоцерковскіе, где хотя, себѣ на тихъ земляхъ сѣно кошували и стада пасували», а, когда решетиловцы стали эти земли распахивать, то бѣлоцерковцы «часто погромками и посварками решетиловцамъ возбраняли тихъ грунтовъ разрабливать» [2]).

Земли, однажды занятыя какой-либо общиной, считались такимъ образомъ принадлежащими исключительно ея членамъ. Члены другой общины, если и могли пользоваться ими, то только съ дозволенія той, которой они были заняты. Иногда, при обиліи въ общинѣ земель, такое позволеніе давалось и безплатно, иногда за

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 7.552.

[2]) И. В. Лучицкій, Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи, «Юрид. Вѣстникъ», 1890, № 4, с. 405.

него взималась плата. На вольномъ лугу с. Городища въ Переяславскомъ полку — разсказывали въ 1752 г. козаки этого села — «козаки и посполитіе за едно сѣно косили безпрепятственно, а временемъ, за совѣтомъ товариства, какъ доволно биваетъ въ томъ лузѣ трави, по прошенію и другого села козаковъ и посполитихъ оную за денги продаютъ, а денги на церковь приходскую употребляются» [1]. По большей же части членамъ другой общины земля отдавалась въ пользованіе за десятину собираемаго съ нея урожая или сѣна. Но, такъ или иначе, за плату или безплатно, лицамъ, не принадлежавшимъ къ данной общинѣ, необходимо было во всякомъ случаѣ получить отъ нея спеціальное позволеніе даже для временнаго пользованія ея «вольными» землями.

Иначе, конечно, стояло дѣло, когда внутри общины возникало новое поселеніе, состоявшее изъ ея же членовъ, — когда изъ того или иного села выселялась часть жителей и образовывала новый поселокъ, осѣдавшій въ предѣлахъ занятой общиной территоріи. Жители такого поселка оставались членами общины и сохраняли за собою права на пользованіе ея землями, какъ сохраняли такія права и члены общины, выселявшіеся на отдѣльные хутора. Пока на земляхъ общины царилъ большой просторъ, она легко давала разрѣшенія на заимку земли подъ такіе хутора, требуя лишь, чтобы хуторяне не продавали отданной имъ земли и не присвоивали земли вольной, лежавшей вокругъ ихъ хуторовъ [2]. Право же на участіе въ пользованіи этой вольной землей хуторяне сохраняли за собою наравнѣ съ другими членами общины. Постепенно такимъ путемъ количество поселеній въ общинѣ все разросталось, но первоначально занятая ею земля продолжала оставаться общею для всѣхъ этихъ поселеній. Мѣстами, главнымъ образомъ, въ южныхъ полкахъ лѣвобережной Малороссіи, такія общія нѣсколькимъ поселеніямъ земли, какъ я уже упоминалъ, существовали еще во второй половинѣ XVIII вѣка. Такъ, у ирклѣевской и каневской сотенъ Переяславскаго полка въ это время была находившаяся въ общемъ владѣніи обѣихъ сотенъ земля. «Оное поле — сообщалъ въ 1767 г. сотенный ирклѣевскій писарь — сотнѣ ирклѣевской козаки роспахали з козаками сотнѣ каневской совокупно и владѣютъ онимъ безъ подѣлу, общественно». Въ каневской сотнѣ козаки м. Каневецъ и селъ Дальнихъ Каневецъ, Лихолѣтъ, Ревбинецъ, Воронинецъ, Мельниковъ и Крут-

[1] И. В. Лучицкій. Сборникъ матеріаловъ, сс. 69—70.
[2] Тамъ же, № 39.

ковъ, какъ сообщало тогда же сотенное каневское правленіе — сообща владѣли лугомъ, на которомъ они убирали сѣно «в едно время, безъ подѣлу землѣ, но смотрячи по имуществамъ». Въ золотоношской сотнѣ — писало въ 1767 г. сотенное правленіе — «обще нероздѣлочно козаками и владѣлцами владѣемие состоятъ при р. Днѣпрѣ плавли и между рѣчками Золотоношею, Згарью и Кропивною степъ, которимъ как въ Золотоноши, такъ и во всѣхъ принадлежащихъ къ нему селахъ и по вишепоказаннихъ рѣкахъ лежащихъ хуторахъ козаки, владѣлци и другіе обиватели безроздѣлочно користуются». Въ кропивянской сотнѣ — доносило въ свою очередь здѣшнее сотенное правленіе — степными и луговыми угодіями, равно какъ лѣсными зарослями («чагарами»), «всѣ и всѣхъ сотнѣ кропивянской обиталищъ (мѣстечекъ, селъ, деревень и хуторовъ) обивателѣ, яко то владѣлци разнихъ чиновъ, ихъ подсусѣдки и посполитие, на степѣ и луги паханиемъ хлѣба и кошениемъ для сѣновъ травъ, а въ чагарахъ рубкою для топлива дровъ... ползуются общественно, на перемѣнихъ мѣстахъ, не имѣя предѣла, округами къ обиталищамъ» [1]).

Въ такой разросшейся общинѣ, включавшей въ себя рядъ селъ, деревень и хуторовъ, съ теченіемъ времени само собою устанавливалось нѣкоторое, болѣе или менѣе прочное распредѣленіе земель. Отдѣльныя поселенія, входившія въ составъ общины, естественно, пользовались, главнымъ образомъ, землею, наиболѣе близко къ нимъ лежавшей и представлявшей для нихъ по мѣстнымъ условіямъ наибольшія выгоды. Такъ постепенно складывалось пользованіе общинными землями «округами къ обиталищамъ». Но при этомъ, съ одной стороны, та или иная часть этихъ земель обычно оставалась все же въ общемъ пользованіи всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, большей части поселеній, составлявшихъ данную общину, а, съ другой стороны, и земли, находившіяся въ преимущественномъ пользованіи отдѣльныхъ поселеній, оставались неотграниченными одна отъ другой, «не имѣли предѣла» и доступъ къ нимъ не былъ совершенно закрытъ и для жителей другихъ поселеній, разъ эти послѣднія принадлежали къ составу той же самой общины. И вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти земли во всемъ ихъ объемѣ оставались въ общемъ владѣніи всей общины и не могли быть захватываемы отдѣльными ея членами ни въ собственность, ни въ исключительное пользованіе. Это

---

[1]) Тамъ же, сс. 208, 232, 192-3, 194-5.

послѣднее правило отдѣльныя общины повременамъ считали нужнымъ подтверждать спеціальными постановленіями. Такъ, въ голтвянской сотнѣ Миргородскаго полка козаками и посполитыми при участіи сотеннаго уряда принято было въ 1691 г. особое соглашеніе или «установленіе» такого содержанія: «землѣ быть волной и каждому волно, якъ козаковѣ, такъ и мѣщаниновѣ, траву косити на цѣлинѣ и на облогахъ всюди по долинамъ, и ежели хто якого року траву будетъ косити, абы не своилъ все то, нехай будетъ мирское, и каждому жадного року (всякій годъ) всюды по за тыми знаками волно, а на упрямого, кто схотѣлъ бы на оной землѣ сѣножаты себѣ займовати и боронити, положенна зарука и наказание» [1]). Мѣстами такіе порядки сохранялись еще и во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ с. Буромкѣ горошинской сотни Лубенскаго полка — сообщали мѣстныя власти въ коммиссію составленія Румянцевской Описи — «поле пахатное, тамъ же вмѣстѣ зъ онимъ и сѣнокосное, по древнему тамо установленію, обще всѣми жителями, козаками и посполитыми,... употребляются, сколько кому якого лѣта к паханию и сѣнокосу надобность укажетъ, и гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо оретъ либо коситъ, а собственного нѣякого не имѣется» [2]). Но порядки Буромки и другихъ сходныхъ съ нею селъ во второй половинѣ XVIII вѣка представляли собою лишь осколокъ того «древняго установленія», которое столѣтіемъ раньше являлось широко распространеннымъ и въ силу котораго земля принадлежала занимавшей ее общинѣ и отдѣльные члены послѣдней не могли захватывать участки этой земли въ свою собственность и «боронить» ихъ отъ другихъ членовъ той же общины, — не могли, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока на это не давала согласія вся община въ ея цѣломъ.

Для того, чтобы закончить описаніе этого «древняго установленія», этой первоначальной фазы развитія малорусской общины на лѣвомъ берегу Днѣпра, намъ остается отвѣтить на вопросъ, каковы были порядки пользованія общинною землею, пока она находилась во владѣніи общинъ. Источники даютъ не очень много матеріала для отвѣта на этотъ вопросъ, но нѣкоторый матеріалъ въ нихъ все же имѣется и его во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы на основаніи его можно было попытаться

---

[1]) Тамъ же, с. 171.
[2]) Тамъ же, с. 166.

возстановить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенныя черты этихъ порядковъ.

Въ сѣверной части лѣвобережной Малороссіи, на территоріи Стародубовскаго и Черниговскаго полковъ, гдѣ было особенно широко развито сябринное землевладѣніе, порядки чисто общиннаго владѣнія и пользованія землею получили, повидимому, лишь слабое развитіе. Здѣсь было, правда и частью сохранилось до самаго конца XVIII вѣка немало «вольныхъ пущъ», составлявшихъ предметъ общаго пользованія одного или нѣсколькихъ селъ, пущъ, въ которыя жителямъ этихъ селъ, «козакамъ и прочимъ обывателямъ, свободные въѣзды къ рубкѣ на свои надобности всякаго дерева были» [1]). Всякій, кто имѣлъ землю въ селѣ, имѣлъ и доступъ въ такія пущи [2]). Однако разработка этихъ вольныхъ пущъ подъ пахатныя поля и сѣнокосы производилась по преимуществу на началахъ сябринства.

Но уже на территоріи Нѣжинскаго полка рядомъ съ формами сябриннаго землевладѣнія существовали въ довольно развитомъ видѣ и порядки землевладѣнія общиннаго. Любопытное свидѣтельство о такихъ порядкахъ сохранилось въ дѣлѣ жителей с. Чарторіи съ мѣщаниномъ Лазаремъ Матвѣевичемъ и его потомками, вышедшими въ ряды козацкой старшины. При названномъ селѣ существовала общая пуща, часть которой въ концѣ XVIII вѣка сталъ захватывать себѣ Лазарь Матвѣевичъ, выдѣляя эту часть изъ общаго пользованія. Въ 1691 г. «старшина и всѣ жители» с. Чарторіи заключили по этому поводу съ Лазаремъ Матвѣевичемъ особое соглашеніе: они позволили Лазарю «закопать» одну часть пущи и обязались не пустошить этого займища, но другой, сдѣ-

---

[1]) См., напр., описаніе такихъ пущъ при с. Слабинѣ, д. Козорогахъ и д. Смолинѣ въ Черниговскомъ полку — Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Накуъ, т. 5.

[2]) Такъ, въ 1762 г. одинъ козакъ с. Козаричъ новомѣской сотни Стародубовскаго полка, отдавая за долгъ бунч. тов. Дан. Шираю «на упадъ» свои «грунта», въ соотвѣтствующемъ документѣ прибавлялъ: «что же еще при томъ селѣ Козаричахъ имѣется общая пуща, въ которую какъ козаки, такъ и посполитие уездъ свой безпрепятственній и розробленние ляда имѣютъ, то по тѣмъ, доставшимся от мене ему, г. Шираю, вышепоказаннимъ грунтамъ силенъ онъ же, г. Ширай, яко имѣющій въ ономъ селѣ Козаричахъ свое владѣніе, и в ту общую Козарицкую пущу уездъ имѣть и оную на поле роспрятивать». Подобнымъ же образомъ въ другомъ случаѣ козакъ сл. Панковичъ, отдавая тому же Шираю опять-таки за долгъ «на упадъ» свои земли, прибавлялъ, что въ эту уступку входятъ «и общие рибние ловлѣ, в якие и я для ловлѣ рибы с панковскими козаками и мужиками безпрепятственной входъ свой имѣю». Рум. Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 121.

ланный безъ ихъ вѣдома и разрѣшенія, закопъ обратили въ общее пользованіе и Лазаря, и всѣхъ жителей с. Черторіи, съ тѣмъ, чтобы никто не могъ окапывать здѣсь землю и занимать ее въ частную собственность. Но уже въ 1729 г. черторійцы жаловались, что сынъ Лазаря захватываетъ принадлежащую имъ пущу, а въ 1730 г., по новымъ ихъ жалобамъ, гетманомъ были отправлены слѣдователи для разрѣшенія ихъ спора съ внукомъ Лазаря, бунчуковымъ товарищемъ Лазаревичемъ. При слѣдствіи выяснилось, что не только Лазаревичъ, дѣйствительно, «поля многіе въ общемъ грунтѣ поросчищалъ» и не допускалъ черторійцевъ къ рубкѣ хворосту и дровъ въ захваченной имъ части пущи, но и изъ другихъ черторійцевъ многіе захватили и закопали себѣ «немалое число гаевъ». Въ виду этого слѣдователи нашли нужнымъ рѣшить дѣло такимъ образомъ: Лазаревичъ долженъ былъ впредь владѣть только уступленной его дѣду по договору 1691 г. частью пущи и расчищенной дѣдомъ же его въ общей пущѣ нивой, черторійцы, устроившіе себѣ закопы, могли сохранить въ частномъ владѣніи только тѣ изъ нихъ, которые были устроены лѣтъ сорокъ или тридцать назадъ, а всѣ недавно занятые должны «въ общину уступити», общая же пуща должна была сохраниться въ общемъ пользованіи тѣхъ жителей села, которые не имѣютъ въ ней отдѣльныхъ закоповъ. Но не прошло послѣ этого рѣшенія и двадцати лѣтъ и черторійцы снова уже жаловались, что Лазаревичъ не впускаетъ ихъ въ пущу и «грабитъ» лошадей у тѣхъ, кто все-таки рѣшается въѣзжать въ нее [1]).

Въ разсказанномъ эпизодѣ передъ нами выступаетъ община, включающая въ себя всѣхъ жителей данной территоріи, и козаковъ, и посполитыхъ, и практикующая захватный порядокъ землепользованія, то и дѣло переходящій однако въ захватъ земли въ частную собственность, хотя съ этими послѣдними захватами община въ ея цѣломъ и стремится бороться. Тотъ же захватный порядокъ землепользованія практиковался и въ другихъ мѣстностяхъ Нѣжинскаго полка. Такъ, въ спорѣ, происходившемъ въ 1781—2 гг. между Крупицкимъ Батуринскимъ монастыремъ и козаками с. Коренецкой изъ-за сѣнокоснаго болота у р. Ромна, привлеченные къ суду козаки показывали, что это болото всегда «было обще козачее, принадлежащее всѣмъ села Коренецкой жителямъ, и позанимали себѣ козаки спрежде рыболовные изы, и ска-

---

[1]) См. въ моей книгѣ «Къ исторіи Нѣжинскаго полка», приложенія, № 1 и въ текстѣ сс. 54—56.

шивали волно жъ, где кто поспѣлъ и пожелалъ, на удобныхъ мѣстахъ траву безъ всякого между собою спору и отъ кого-либо возбранения, такъ и понынѣ по древнему основанію владѣютъ отвѣтчики тѣмъ болотомъ и ѣзами». Въ свою очередь представленные козаками свидѣтели показали, что спорнымъ болотомъ «издревле села Коренецкой все общество, то есть козаки, ихъ подсосѣдки и посполитые всѣ, такъ и нынѣ владѣютъ и ползуются по древнему постановлению, кто где успѣетъ захватить, тамо и сѣно искошиваетъ, а ѣзы рыболовные имѣетъ каждый по прежнымъ предковскимъ займамъ» [1]).

Тотъ же самый въ существѣ своемъ порядокъ пользованія общинными землями выступаетъ передъ нами и въ свидѣтельствахъ, относящихся къ территоріи Прилуцкаго и Переяславскаго полковъ. При м. Сребномъ — писалъ въ 1724 г. въ генеральную войсковую канцелярію сребрянскій сотникъ Троцина — лежитъ степъ, прозываемый Пологи, и «здавна невеликая часть степу належала до ратуша срѣбранского, на которой особно на потребу мѣскую (городскую) ратушную заняты были сѣножати, а далей такъ товариство, якъ и посполитіе люде срѣбранскіе, хто где хотѣлъ, на свою потребу безспорно сѣно кошовали» [2]). Около м. Варвы — показывала въ 1744 г. сотенная варвинская канцелярія — имѣлся раньше вольный сѣнокосный степъ, «на которомъ прежде било по десять скиртъ полковникамъ якъ укосятъ ихъ, полковниковъ, люде с помочи и ратушними, то осталное викосятъ, кто захотѣлъ и змогъ сколко, козаки и посполитие [3]). Мѣстечко Переволочная и села Рашки и Смошъ въ XVIII в. сообща владѣли лежавшимъ между ними вольнымъ степомъ, на которомъ, какъ вспоминали старожилы с. Смоши въ 1744 г., «козаки и посполитіе сѣно кошивали и орали, где кто похотѣлъ и сколко моглъ» [4]).

«Гдѣ хотя», «одинъ передъ другимъ, на перемѣнныхъ мѣстахъ», «сколько кому якого лѣта къ паханію и сѣнокосу надобность укажетъ», пахали и косили на своихъ общинныхъ земляхъ, какъ мы видѣли, и члены общинъ, расположенныхъ на территоріи Переяславскаго полка. И вотъ еще нѣсколько примѣровъ, обрисовывающихъ этотъ порядокъ. Въ 1754 г. возникъ споръ изъ-за степа между козаками с. Денисъ и Капустинецъ. Вызванные

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-1458, лл. 8, 8 об. —9.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черн. отд., № 8.423.

[3]) Тамъ же, № 175, л. 153.

[4]) Тамъ же, л. 48.

свидѣтелями козаки с. Сосновы на судѣ показали, что еще лѣтъ двадцать назадъ этого степа «никто не своилъ, но гдѣ кто з денисовцовъ, сосновцовъ и ничипоровцовъ пожелалъ, тамо и сѣна кошивали» [1]). Немного позже, въ 1756 г., полковница Марія Ковбасина, жалуясь на отдачу сотеннаго домонтовскаго луга владѣльцу м. Домонтова и на исключеніе изъ пользованія этимъ лугомъ ея самой и ея посполитыхъ, заявляла: «оной лугъ отъ самого поселенія м. Домонтова и утвержденія сотни обще на всю сотню (якъ и прочими побережними сотнями то учинено) для доволства всѣмъ обывателямъ занятъ и отъ того времени обывателѣ всей сотнѣ такою снабдени вольностію, что всякъ въ томъ луги своемъ, где пожелаетъ, безпрепятственно коситъ траву для своей надобности» [2]). Въ золотоношской сотнѣ сотникъ Лукашевичъ въ 1774 г. раздѣлилъ было одинъ изъ вольныхъ степовъ между козаками. Но такой раздѣлъ немедленно вызвалъ жалобы со стороны мѣстныхъ «державцевъ». Вызванные при разборѣ дѣла свидѣтели, дѣйствительно, удостовѣрили, что этимъ степомъ «испрежде и за предковъ ихъ» владѣли сообща какъ козаки, живущіе по р. Кропивной, такъ и сосѣдніе съ ними «державцы» — Красногорскій монастырь, полковой асаулъ Карповъ и вдова писаря Леонтовича — и ихъ посполитые, причемъ порядокъ пользованія степомъ былъ такой: «где кому что за угодно покажется, тамо на хлѣбъ пашетъ и сѣно коситъ». Сотникъ съ своей стороны оправдывался тѣмъ, что онъ раздѣлилъ землю козакамъ въ силу указа полковой канцеляріи, которымъ предписывалось «сотеннымъ старшинамъ накрѣпко смотрѣть, дабы отнюдь никто на общихъ подлежащихъ къ пользованію козакамъ степахъ или лугахъ, пока на оныхъ не дозрѣетъ трава и сотенные старшины не учинятъ роздѣлу и не означатъ на каждого тычками, до тѣхъ поръ косить оного не дерзнулъ». Полковой канцеляріи пришлось и разбирать это дѣло. Она нашла, что Лукашевичъ не понялъ указа, который былъ разосланъ ею во всѣ сотни и въ которомъ заключалось повелѣніе «только въ томъ, чтобъ на общихъ земляхъ траву тычками всякому для порядочнаго искошенія означать, а не землю дѣлить», и предписала «подѣланные грани, копцы и заоры на ихъ общественныхъ земляхъ позарывать и вовсе уничтожить», и землю оставить «по

[1]) Моск. Архивъ Министерства Юстиціи, Дѣла бывшей Черниг. Палаты Угол. и Гражд. Суда, оп. 17, св. 15, кн. 57, д. 64, лл. 418 об. — 419.

[2]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ, дѣло козаковъ домонтовской сотни съ надв. сов. Барсуковымъ.

ихъ обыкновенію», «въ общественномъ владѣніи»[1]). Въ этомъ предписаніи обозначать козакамъ «для порядочнаго искошенія» всякому траву «тычками» какъ будто проглядываетъ намекъ на попытку властей нѣсколько урегулировать захватное землепользованіе. Но, если въ данной мѣстности такая попытка и была, она, повидимому, осталась безъ всякихъ серьезныхъ результатовъ. По крайней мѣрѣ, еще въ 1782 г. компанейскій полковникъ Товбичевъ, говоря о свободномъ войсковомъ степѣ, лежавшемъ между рѣчками Золотоношей, Згарью и Кропивной и находившемся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ поселеній золотоношской и кропивенской сотенъ, такъ описывалъ порядки пользованія этимъ степомъ: «по свободности на ономъ степѣ било совмѣстно всѣ обывателѣ, въ томъ числѣ коронние и описнихъ маетностей государеви посполитіе, из дѣдовъ и отцовъ своихъ, также предки мои и я, хотя хлѣбъ пашутъ и траву на сѣно косятъ, гдѣ кто захочетъ, безпрепятственно, однако ни козаки и никто другой такова степу никогда не присвоевали, и не завлаживали, и никому въ продажу не заводили, но хто въ какомъ мѣстѣ одного лѣта виоретъ или викоситъ, на томъ же самомъ мѣстѣ другому волно било орать и косить безъ всякаго препятствія»[2]).

Но кое-какія попытки частичнаго урегулированія захватнаго землепользованія все же предпринимались отдѣльными общинами съ довольно ранняго времени, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ, въ большинствѣ своемъ очень, правда, глухимъ и неяснымъ намекамъ, встрѣчающимся въ документахъ. Такъ, въ Кіевскомъ полку, на территоріи котораго тоже было широко распространено захватное пользованіе общинными землями, въ началѣ XVIII столѣтія встрѣчаются упоминанія о выдѣлахъ въ этихъ земляхъ паевъ куренямъ, цехамъ и десяткамъ, равно какъ о дальнѣйшихъ паяхъ въ десятках[3]), и можно думать, что выдѣлы подобныхъ паевъ практиковались не только при окончательномъ раздѣлѣ общинныхъ земель, но и тогда, когда, община еще сохраняла свою власть надъ ними. Иного рода указаніе встрѣчается на территоріи Лубенскаго полка, гдѣ, какъ и въ другихъ южныхъ полкахъ, общинное землевладѣніе съ сопутствующимъ ему захват-

---

[1]) Рукопись библіотеки И. В. Лучицкаго, Документы Золотоношскаго Красногорскаго монастыря, №№ 74 и 89.

[2]) Кіевскій Центр. Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ, дѣло о золотоношскомъ степѣ.

[3]) Рум. Опись, хранящаяся въ биб-кѣ Кіевск. ун-та, Кіевск. полкъ, Документы Остерской сотни, т. IV, № 77; т. II, № 185.

нымъ пользованіемъ землею было распространено чрезвычайно широко. Въ спорѣ изъ-за земли, возникшемъ здѣсь въ 1749 г. между Кіево-Печерской Лаврой и козаками м. Смѣлого, повѣренный послѣднихъ указывалъ, что спорная земля является «общей козачей толокой» и козаки ее «за вѣдомомъ и позволеніемъ сотниковъ смѣлянскихъ кошували и употребляли, которіе сотники той же толоки к едному какому угодно краю тичками означивать, по какіе мѣста скоту ходить и оной на паздбу пускать должно, а по какіе косить, козачимъ стадникомъ приказують бивало» [1]). У насъ — жаловался въ 1733 г. переволочанскій сотникъ полтавскому полковнику — «здавна якъ кишѣнчане, керебердяне и переволочане [2]) на степу до Петрова дня не косятъ, а нынѣ керебердяне, не дожидаясь Петрова дня, выбравши часъ и годину, виехавши на поле тое, где здавна жителѣ наши переволочанские тимъ полемъ владѣли, яко то сѣно кошовали и хлѣбъ пахали, то нынѣ керебердяне тое поле викосили» [3]). Косьбу можно было, такимъ образомъ, начинать только съ опредѣленнаго срока и, какой смыслъ имѣло это правило, разъясняетъ показаніе, данное при другомъ случаѣ старожилами м. Бѣлоцерковки въ Миргородскомъ полку. Весною — разсказывали эти старожилы — «межъ долинами по степу стадо ходитъ, а о сошествіи св. Духа съ того степу згоняется и въ день святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, скоро вдарятъ на гвалтъ у дзвонъ, тогда бѣлоцерковчане, хто якъ можетъ на захватъ прибравшися съ косарами до помянутыхъ долинъ ѣдутъ и, хто сколько поспѣлъ укосить, для себя скошуютъ» [4]). По отношенію къ пахотнымъ землямъ, по крайней мѣрѣ, въ одной сотнѣ Миргородскаго полка существовалъ вполнѣ опредѣленный обычай. «У голтвянъ — показывали въ 1727 г. свидѣтели въ дѣлѣ размежеванія Полтавскаго и Миргородскаго полковъ — такое содержится поведеніе: хотя хто цѣлиною и подниметъ поле, затимъ оного поля не долженъ своити вовся, но,

[1]) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, № 70, л. 338.

[2]) Кишенка, Кереберда и Переволочная — сотенныя мѣстечки Полтавскаго полка.

[3]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, безъ заглавія и нумераціи, заключающая въ себѣ различные документы Полтавскаго полка (нынѣ хранится въ б-кѣ Кіевск. ун-та). По словамъ переволочанскаго сотника, въ этой жалобѣ, керебердяне вообще тѣснятъ переволочанъ въ землѣ, «понеже они, керебердяне, своимъ полемъ и лѣсками подѣлились». Но керебердянскій городовой атаманъ и наказный сотникъ въ 1738 г. сообщалъ другое: у керебердянъ «жаднихъ ни в кого грунтовъ не имѣется, кромѣ поля пахотного, которое од давнихъ временъ и по нынѣ жителы керебердянскіе пашуть обще» — тамъ же.

[4]) И. В. Лучицкій, Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи, Юрид. Вѣстникъ, 1890, № 4, с. 418.

когда выпашетъ три годы и знову зацѣлеетъ, другой отъ сожителей ихъ, хто ни будь, пахать воленъ»[1]). Насколько распространенъ былъ этотъ обычай въ другихъ мѣстностяхъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ въ источникахъ сказать невозможно. Но, судя по многочисленнымъ упоминаніямъ въ документахъ о «нивахъ, съ цѣлины распаханныхъ и чрезъ многіе годы владѣемыхъ» однимъ и тѣмъ же лицомъ, можно думать, что во многихъ мѣстностяхъ рядомъ съ чисто захватнымъ порядкомъ пользованія сѣнокосами по отношенію къ пахатнымъ землямъ существовалъ и примѣнялся другого рода порядокъ, при которомъ распахавшій землю изъ цѣлины не могъ быть согнанъ съ этой земли, пока его пользованіе ею оставалось непрерывнымъ.

Такова была въ наиболѣе общихъ и существенныхъ своихъ чертахъ та форма землевладѣнія, которая установилась вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго въ значительной части лѣвобережной Малороссіи. Если на сѣверѣ послѣдней въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за возстаніемъ, сохранилось сябринное землевладѣніе и широко разрослись сябринные союзы, то въ центральной и особенно въ южной части страны, гдѣ благодаря чрезвычайно быстрому заселенію, сопровождавшемуся къ тому же частой смѣной поселенцевъ, не смогли развернуться имѣвшіеся на лицо зачатки сябринной организаціи, на мѣстѣ ихъ и, надо думать, въ значительной мѣрѣ изъ нихъ же сложилась организація другого типа въ видѣ земельной общины, почти совершенно свободной отъ родовыхъ традицій. Эта община, охватывавшая въ большинствѣ случаевъ довольно значительную территорію съ нѣсколькими поселеніями на ней, включавшая въ себя все населеніе такой территоріи, какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ, считавшая всѣ занятыя ею земли своей собственностью и практиковавшая на нихъ по преимуществу захватный порядокъ пользованія, и явилась тѣмъ исходнымъ пунктомъ, отъ котораго должна была главнымъ образомъ отправляться дальнѣйшая эволюція земельныхъ отношеній въ странѣ.

III

Мы видѣли, какъ совершалось заселеніе лѣвобережной Малороссіи и какія формы землевладѣнія устанавливались въ ней въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за возстаніемъ Богдана

[1]) Тамъ же, с. 414.

Хмельницкаго. Рѣшительное преобладаніе среди этихъ формъ принадлежало общинному землевладѣнію, при которомъ хозяиномъ и собственникомъ земли являлась осѣвшая на ней крупная община, включавшая въ себя рядъ тянувшихъ другъ къ другу поселеній со всѣми ихъ жителями, какъ козаками, такъ и посполитыми. Но при этомъ лишь въ немногихъ сравнительно мѣстностяхъ вся безъ исключенія земля находилась и болѣе или менѣе долго оставалась во владѣніи такихъ общинъ. Такъ стояло дѣло, главнымъ образомъ, въ южной, первоначально наименѣе заселенной части страны, но и здѣсь такой порядокъ не былъ сплошнымъ и допускалъ нѣкоторыя, порой весьма существенныя исключенія, а въ другихъ мѣстностяхъ количество подобныхъ исключеній было еще больше. Начать съ того, что отъ предыдущаго періода въ странѣ въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ уцѣлѣла успѣвшая до извѣстной степени развиться и окрѣпнуть частная земельная собственность. На югѣ ея было сравнительно мало, но, чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ больше лежало рядомъ съ землями, занимавшимися въ общинное владѣніе, земель, еще со временъ польскаго владычества находившихся въ частной собственности. Съ другой стороны, сами общины въ условіяхъ первоначальнаго земельнаго простора легко соглашались уступать отдѣльные участки занятыхъ ими земель въ личную собственность, то продавая такіе участки, то отдавая ихъ даромъ, то разрѣшая — за плату или безвозмездно — на общинныхъ земляхъ индивидуальныя заимки. Нерѣдко бывало и такъ, что община разрѣшала отдѣльнымъ своимъ членамъ такую заимку лишь въ формѣ исключительнаго пользованія тѣмъ или инымъ участкомъ земли и только съ теченіемъ времени, въ силу ли прямого согласія общины или молчаливаго ея попустительства, это право пользованія преобразовывалось въ право собственности.

Вотъ для примѣра два случая такого рода, взятые изъ цѣлаго ряда вполнѣ имъ подобныхъ. Въ 1699 г. козачка каневской сотни Переяславскаго полка Федора Долгая была привлечена къ суду за «ущипливыя (оскорбительныя) слова». Проигравъ дѣло и будучи приговорена къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, но не имѣя на это средствъ, она «просила писма з суду майстратового, аби ей било волно продати футорецъ ей власній, нѣ в чомъ нѣкому не заведеній» [1]). Долгая нуждалась, такимъ образомъ, для продажи

[1]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Каневской сотни, т. I, № 48.

своего хутора въ специальномъ разрѣшеніи, но, разъ послѣднее было ей дано, покупатель этого хутора становился въ силу своей покупки уже полнымъ хозяиномъ купленной земли, пріобрѣталъ право неограниченной собственности на нее. Но тотъ же самый результатъ — выростаніе права собственности изъ права исключительнаго пользованія — достигался иногда и безъ прямого разрѣшенія продажи отданной въ такое пользованіе земли, путемъ лишь молчаливаго примиренія общины съ фактомъ подобной продажи. Въ 1711 г. въ яготинской сотнѣ того же Переяславскаго полка козакъ Иванъ Долгій, давъ на яготинскую церковь 10 золотыхъ, на козацкій курень — полъ-таляра и на яготинскую громаду — барана, просилъ у громады и полковника разрѣшенія занять въ вольной яготинской степи землю подъ хуторъ. «З порады общой, за вѣдомомъ и дозволениемъ» яготинской громады переяславскій полковникъ Стефанъ Томара особымъ универсаломъ и разрѣшилъ Долгому «ставокъ заняти и гребелку висипати, такожъ и рудкою, неоподаль ставка найдуючоюся, яко своею власною, владѣти вѣчне, и загороду либо футорецъ на томъ мѣстцу себѣ построити, толко чтобъ каждому волно было въ томъ ставку скотину свою наповати, и сѣно на степу косити, и для випасования и викормлення товаровъ (скота) своихъ всякому свободно было тамъ загоняти». Въ 1730 г. рѣшеніемъ «зобопольнаго» переяславскаго суда, полкового и магистратскаго, этотъ хуторъ былъ утвержденъ за вдовой Ивана Долгаго, Татьяной, и ей предоставлено было «отведеннимъ полемъ спокойно владѣти и користоватися на войсковомъ степу», съ оговоркой, впрочемъ, что «войскового степу не дозволяется ей, Довгой, продавати». Но уже въ 1748 г. одинъ изъ двухъ братьевъ Довженковъ, владѣвшихъ этимъ хуторомъ, продалъ свою долю какъ въ самомъ хуторѣ, такъ и въ принадлежавшемъ къ нему нераспаханномъ степѣ войсковому товарищу Кондрату Лебедю, и эта продажа совершилась вполнѣ безпрепятственно [1]. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ эпизодомъ, разыгравшимся уже въ XVIII вѣкѣ, но такого же рода эпизоды, несомнѣнно, происходили и раньше и только свѣдѣнія наши объ нихъ не настолько полны. Въ конечномъ итогѣ всѣми указанными путями на первыхъ же порахъ часть земли выводилась изъ общиннаго владѣнія и на территоріи, занятой тою или иной общиной, рядомъ съ землями общинными появлялись въ томъ или иномъ

---

[1]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 132-5 и 12-15.

— въ первое время, правда, не особенно значительномъ — количествѣ земли, составлявшія предметъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ.

Но наряду съ этимъ не оставалась неизмѣнною и сама община въ своей первоначальной формѣ крупнаго территоріальнаго союза, объединявшаго въ себѣ нѣсколько поселеній, сообща владѣвшихъ землею на началахъ захватнаго пользованія ею. По мѣрѣ того, какъ входившія въ составъ общиннаго союза отдѣльныя поселенія разростались въ своемъ объемѣ, между ними на почвѣ этого захватнаго землепользованія нерѣдко разгоралась борьба за землю, на извѣстной степени своего напряженія приводившая къ распаденію первоначальнаго союза и къ раздѣлу его земли между составлявшими его поселеніями. Въ самомъ дѣлѣ, до той поры, пока при наличности порядка захватнаго землепользованія земли отдѣльныхъ селъ внутри общиннаго союза оставались неотмежеванными однѣ отъ другихъ и пользованіе ими лишь въ силу обычая и мѣстныхъ удобствъ устанавливалось въ видѣ пользованія «округами къ обиталищамъ», жители каждаго села имѣли въ сущности полную возможность стѣснить своихъ сосѣдей и сообщинниковъ, черезчуръ далеко вогнавшись въ ихъ земли. И, чѣмъ дальше подвигалось впередъ заселеніе страны, тѣмъ чаще возникали, дѣйствительно, случаи такого стѣсненія, влекшіе за собою распаденіе первоначальной формы общиннаго союза. Нѣсколько конкретныхъ эпизодовъ помогутъ намъ яснѣе представить себѣ ту обстановку, въ какой происходило это распаденіе, и тѣ послѣдствія, какія оно вело за собою.

Въ 1697 г. жители с. Рясковъ и м. Переволочной обратились въ полковой прилуцкій судъ съ жалобой на жителей с. Смоши. Послѣдніе — заявляли жалобщики — сперва «жадной (никакой) части до села своего в степѣ, межи полями ихъ переволочанскими и расковскими лежачой, не мали, а потомъ, упершися, в томъ степѣ стали пахать и загони себѣ заганяти и, распростершися, такъ раскувціовъ сперли з ихъ поль, яко и переволочанъ». Полковой судъ, «не могучи такъ справедливости заочне учинити, не знаючи, що кому тоей земли прислушати маеть», обратился къ полковнику и послѣдній отправилъ на мѣсто спора «для очнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія» полкового обознаго, прилуцкаго городового атамана и прилуцкаго же городского писаря. Эти посланные, «прибувши в степъ, межи полемъ переволочанскимъ и расковскимъ лежачой, объежали и пилно смотрѣли, где хто свои засѣви

и загони маеть», причемъ «явно показалось, же (что) смошане в ономъ степѣ, сумишая з рашковцями, где кто захватилъ, и тамъ сталъ орати уже подъ десятокъ летъ, а иние и болше десяти летъ пашуть». Разсмотрѣвъ затѣмъ дѣло «при битности всѣхъ трохъ громадъ» и найдя, что смошане ненадлежаще «увогнались» въ земли другихъ селъ, посланные обязали смошанъ уступить часть спорной земли рясковцамъ и часть переволочанамъ, «а смошанамъ толко одну часточку видѣлили, для ради того, едно, же (что) тотъ степъ волной билъ, а нѣ в чьемъ заведованню не знайдовался, а другое, що тамже давно уже собѣ, под десятокъ летъ, а иние и болше десятка летъ, пашуть». Раздѣливъ такимъ образомъ села, посланные установили, что на будущее время «каждое село своей руки отдѣленой особъ имѣютъ пилновати», а за указанную границу «не мають далей с плугомъ и ногою ступить орати, также и сѣно в чужой руцѣ косити». Но однимъ раздѣломъ земли между селами дѣло не ограничилось. «При томъ же разсмотрѣнии и межованю нашомъ, — писали высланныя полковникомъ лица въ составленномъ ими актѣ, — при битности тамъ же при насъ всѣхъ трохъ громадъ, переволочанъ, смошанъ и расковцовъ, сами своими очима добре видѣлисмо, же Сумщенки, Тулюленки, козаки расковские, знову Олихвѣренки, Иванъ Бурганъ и Богунъ и иние многіе тамошние мужики расковские и еще Давидъ Лисенко и Покидки, оние всякие такъ и много злишне в своей руцѣ степу позаганявши, ини продають, а иншого такъ дармо гуляеть, же не только десять человѣка в едномъ загонѣ, але б могли двадцять до орання помѣститись, и такими своими неслушными загонами беднихъ убогихъ людей прочь стиснули, же отнюдь и на единъ упругъ не имѣють где себѣ виорати, теди и по ухвалѣ (рѣшенію) его милости пана Дмитрия Горленка, полковника войска его царского пресвѣтлого величества запорожского нашого прилуцкаго, наказалисмо обивателемъ расковскимъ, аби о тие неслушние дармо лежачие загони люде, поля себѣ не маючие, безпечне з плугомъ зайшедши и половицю тилко того загону господаревѣ, хто заганялъ, покинувши, другою половицею люде убогие дѣлились и ко своему пожитку орали»[1]). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ моментъ раздѣла земли между селами явился вмѣстѣ съ тѣмъ и моментомъ дру-

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 175, лл. 49—50 об. Упругъ — мѣра пахатной земли, равная 1/3 дня, въ свою очередь равнаго 3/4 десятины.

гого серьезнаго шага въ развитіи общины — моментомъ установленія отрѣзковъ отъ черезчуръ большихъ заимокъ отдѣльныхъ хозяевъ въ пользу ихъ менѣе счастливыхъ односельчанъ. Наряду съ этимъ однако въ одномъ изъ названныхъ селъ этотъ же моментъ былъ, повидимому, моментомъ полнаго исчезновенія общиннаго владѣнія. По крайней мѣрѣ, въ 1744 г. жители с. Смоши показывали, что къ ихъ селу «здавна принадлежалъ степъ между селами Рашкою и Переволочною и оною жъ Смошью, на которомъ козаки и посполитіе сѣно кошували и орали, где кто похотѣлъ и сколко моглъ, кой достояниемъ на ихъ село часть вширь на версту, а вдовжъ на двѣ; будетъ же де тому годовъ с 50, какъ они, смошане, по частямъ раздѣлили и потому, еденъ в другого уже купуя, владѣли свободне»[1]).

Начинавшееся стѣсненіе въ землѣ и возникавшіе отсюда споры изъ-за нея вели къ подобному же раздѣлу земли между нѣсколькими поселеніями, раньше составлявшими одинъ большой общинный союзъ, и въ другихъ мѣстностяхъ Прилуцкаго полка. При м. Сребномъ еще въ началѣ XVIII вѣка лежала вольная степь. Небольшая часть этой степи была занята подъ сѣнокосы «на потребу ратушную», а въ остальной степи «хто где хотѣлъ на свою потребу безспорно сѣно кошовали, а не орали» козаки и посполитые какъ самаго м. Сребнаго, такъ и его «фольварковъ» — дд. Подола и Побочеевки и х. Загайковъ. Но въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія занятые на сребрянскую ратушу сѣнокосы прилуцкій полковникъ «одобралъ на свою особу» и сотеннымъ властямъ пришлось «на ратушную потребу на томъ же степу иншое занять мѣстце, зогнавши людей, которие тамо бувало себѣ косять сѣно». И этого толчка оказалось достаточно для того, чтобы разрушить прежнюю форму общиннаго союза. «Люде и товариство, — разсказывалъ въ 1724 г. сребрянскій сотникъ Антонъ Троцина въ жалобѣ, поданной имъ совмѣстно «со всѣмъ урядомъ мѣскимъ сребрянскимъ, товариствомъ и посполитыми людьми мѣскими» въ генеральную войсковую канцелярію, — ставши при упорѣ, а найбарзѣй (наиболѣе) жители срѣбранскіе, прозиваеміе подол-

[1]) Тамъ же, л. 48. Тѣмъ не менѣе удержать за собою этой земли смошанамъ все же не удалось. «Когда — показывали они въ 1744 г. — с. Рашками и протчіими селами умерший генералъ Вейзбахъ завладѣлъ, то, яко силная рука, и тотъ степъ къ с. Рашкамъ отобралъ... и оной понынѣ при Рашкахъ состоитъ во владѣніи, они же, смошане, за тѣмъ нѣгде для скота сѣна укосить и хлѣба пахать не имѣють, и козаки де войсковой служби, а посполитие общенароднихъ повинностей отбивать мало з чего имѣють, и за тѣмъ де всѣмъ вишеписаннимъ приходятъ въ крайное убожество». Тамъ же, л. 48.

скіе, не тилко на тихъ ново на ратушъ срѣбранскую занятихъ сѣножатехъ чинять ратуши обиду, але (но) и весь тотъ степъ теперъ такъ зорали, же (что) убогимъ людемъ и товариству негдѣ и сѣна укосити, а иншіе, позаймавши себѣ сѣножати на томъ степу, иншимъ сотнянамъ попродали». И, хотя жители самаго мѣстечка, обратившись къ полковнику, получили отъ него универсалъ, чтобы «подоляне степу до ратуша срѣбранского не орали, а косили б тамъ по прежнему сѣно, также которыи и занявши степъ волний попродали, искали б своихъ грошей у заводцовъ, однакъ оны, подоляне, и унѣверсалу полковничого не слухаючи, упоромъ своимъ тотъ степокъ и теперъ поорали и цѣле под себе подгорнули, иншихъ туда жителей срѣбранскихъ не пускаючи». Стремясь положить конецъ этимъ упорнымъ захватамъ подолянъ, остальные сребряне — разсказывалъ далѣе Троцина — вынуждены были съ весны 1724 года «тотъ степокъ на части подѣлити, часть мѣщанамъ, часть загайкамъ и часть побочиевцямъ, также и имъ, подолянамъ, значную и болшую часть опредѣлили, однакъ оны, подоляне, не смотрячи и на той подѣлъ, упорне поступаючи, в части мѣскую, загайковскую и побочиевскую влѣзши, самовласно знову степокъ поорали и сѣножати попсовали» (попортили). Сотникъ просилъ генеральную канцелярію вмѣшаться въ это дѣло и подъ страхомъ жестокаго наказанія потребовать отъ подолянъ, чтобы они въ опредѣленныя другимъ части «не влазили и не орали, а хто насилно по подѣлѣ пооралъ, тую пашню (хлѣбъ) жеби забрати на ратушъ». Исполняя эту просьбу, генеральная войсковая канцелярія отправила подолянамъ указъ, въ которомъ требовала, чтобы они «стосуючись (примѣняясь) до указовъ пана полковника прилуцкого, ратуши срѣбранской виданныхъ, и опредѣленія, промежду собою состоявшогося, своей частки степу смотрѣли, до другихъ зась (же) частей того же степу, загайковцямъ и побочиевцямъ опредѣленныхъ, отнюдь не интересовались»[1]). Около того же приблизительно времени войтъ и атаманъ м. Иваницы жаловались гетману, что жители с. Сокиринецъ вторгаются въ «предковѣчныя сѣножати» иваничанъ, и просили установить такой порядокъ, чтобы сокиринскіе обыватели «по границю свою держали, якая границя п. Григориемъ Шираемъ, знатнимъ товаришемъ полку Прилуцкого, мимошедшихъ годовъ зостала розграниченна». Справка, наведенная по этой просьбѣ, показала однако нѣчто

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 8.423.

другое. «Границѣ — говорилось въ этой справкѣ — тамъ учинить и розознати было не можно для того, что пред тимъ границѣ жадной (никакой) не бивало, однакъ иваничане плачливе просятъ, аби учинено границю певную (опредѣленную), бо упираются що разъ сокиринцѣ между грунта иваницкіе, а тіе не смѣютъ улазить иваничане, а степокъ волній, между грунтами иваницкими и сокиринскими будучій, о которій споръ между ними бываетъ, мѣетъ (долженъ) быти по половинѣ опредѣленъ отъ пановъ розищиковъ [1]). Споры, возникшіе на почвѣ захватнаго землепользованія, и въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, окончились раздѣломъ земли между поселеніями, раньше владѣвшими ею сообща и составлявшими одинъ общинный союзъ.

То же самое явленіе повторялось въ различное время и въ другихъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. Но при этомъ далеко не всегда раздѣлъ земли между поселеніями, входившими прежде въ одинъ общинный союзъ, получалъ сразу окончательный характеръ. Иногда, наоборотъ, такой раздѣлъ совершался лишь постепенно, въ нѣсколько пріемовъ и соотвѣтственно этому затягивался на довольно значительный промежутокъ времени. Такъ, въ 1707 г. гетманъ Мазепа особымъ универсаломъ утвердилъ произведенное въ Лубенскомъ полку по просьбѣ мѣстныхъ жителей глуховскимъ сотникомъ Туранскимъ и однимъ изъ войсковыхъ канцеляристовъ «по свидѣтельству людей старинныхъ и разсмотрѣнію своему» размежеваніе между мѣстечками Чигиринъ-Дубровой, Жовниномъ и Еремѣевкой, городкомъ Бужиномъ и селами Гусинымъ и Лялинцами. Это разграниченіе охватило однако не всѣ земли, находившіяся въ общемъ владѣніи названныхъ поселеній. «Три острова, — заявлялъ гетманскій универсалъ — Печерскій, Старецкій и Кривецкій, днѣпровими лозами поросліе, волними всѣмъ вишшереченнимъ городкамъ и городку Бужину в рубаню лозъ и кошенню травъ учиненно». Въ общемъ владѣніи всѣхъ названныхъ поселеній, за исключеніемъ лишь Бужина, вскорѣ отошедшаго подъ власть Польши, эти острова оставались до 1760 г., когда козаки м. Жовнина, вслѣдъ за образованіемъ жовнинской сотни, обратились къ гетману Разумовскому съ просьбой, чтобы имъ была отмежевана опредѣленная часть этихъ общинныхъ угодій. Такъ какъ — мотивировали жовнин-

[1]) Тамъ же, № 15.615. Справка или резолюція помѣщена на оборотѣ документа. Даты на этомъ документѣ нѣтъ, но, судя по почерку, онъ относится ко времени гетманства Апостола.

скіе козаки свою просьбу — «м. Жовнинъ находится отъ Днѣпра гораздо въ дальшемъ, нежели оніе мѣстечка и села, разстояніи», то «всякого года лѣтнего времени мѣстечокъ Чигиринъ-Дуброви, Еремѣевки и селъ Ялинецъ и Гусиного, крайне въ близости поселеніемъ ко Днѣпру состоящихъ, обыватели, упережая насъ, нижайшихъ, въ онихъ днѣпровихъ островкахъ трави скошуютъ, а остаточніе, пущая скотъ на пастбу туда, вибиваютъ, да и другихъ неподлежащихъ мѣстъ обывателямъ съ найму въ нихъ за денги косить дозволяютъ и лози, крайне испустошая, зрубуютъ». Благодаря всему этому — утверждали жовнинскіе козаки — «ми, нижайшіе, от правилного тѣми островами вообщѣ владѣнія почитать вовсе отдаленни и по ежегоднымъ въ здѣшнихъ мѣстахъ на травы бываемымъ недородамъ крайную въ сѣнѣ узнаемъ скудость». Вдобавокъ, у другихъ изъ названныхъ мѣстечекъ и селъ имѣются, кромѣ этихъ островов, еще «весьма достаточніе сѣнокосніе днѣпровіе плавлѣ и другіе сѣнокосніе жъ луки», у жовнинцевъ же никакихъ другихъ сѣнокосовъ нѣтъ. Въ виду всего этого жовнинскіе козаки просили гетмана «милостиво повелѣть подлежащую равномѣрную часть на м. Жовнинъ въ пропорціи дворового числа козаковъ и посполитихъ жовнинскихъ видѣлить, и, тую зъ онихъ островов видѣлку со всѣхъ сторонъ ограничивъ, дать намъ къ спокойному тою частію вечистому владѣнію граничное писмо, даби ми, нижайшіе, правилно принадлежащого въ тѣхъ островахъ участія впредь не лишались и имѣли съ чего равнимъ образомъ, какъ и предки наши, отправовать войсковую службу» [1]).

Въ такомъ же видѣ складывались земельныя отношенія и въ тѣхъ случаяхъ, когда на земляхъ какого-либо села возникали новыя поселенія или слободы. На первыхъ порахъ эти новыя поселенія обычно владѣли землею сообща со старымъ селомъ, изъ котораго они выдѣлялись или въ округѣ котораго селились, но въ дальнѣйшемъ споры, рождавшіеся на почвѣ захватнаго землепользованія, и въ этихъ случаяхъ нерѣдко вели къ распаденію первоначальной формы общиннаго союза и размежеванію входившихъ въ него селъ. Во время спора изъ-за границъ, происходившаго въ 1719 г. въ Стародубовскомъ полку между с. Бининымъ, съ одной стороны, и сл. Прокоповкой и с. Свѣржемъ, съ другой, жители перваго изъ названныхъ селъ, атаманъ и войтъ съ това-

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ, дѣло по доношенію сотни жовнинской козаковъ.

риствомъ и поспольствомъ, разсказывали: «отци и дѣди наши владѣли по рѣчку Свѣржъ грунтами, пущею, сѣножатми и пахатними полями, а когда Прокоповка слобода до рѣчки Торкни за держави лядской осаженна, тогда тамошніе слобожане, до нашей церкви приходомъ будучи, пущею тоею и полями обще з нами владѣли и стали были старинному селу нашему, далеко засягаючи, чинити стиснене, який обосторонний споръ и частокротние заводи покойний Быстрицкій, в Шептакахъ староствуючій, мѣркуючи (умиряя, улаживая), чинилъ розъездъ прилюдне и отграничилъ грунтъ биринскій отъ прокоповцовъ и свѣржанъ копцами». Быстрицкій былъ «дозорцей» Шептаковскаго староства или волости въ гетманство Мазепы и, стало быть, размежеваніе, о которомъ говорили въ 1719 г. биринцы, состоялось не позже первыхъ лѣтъ XVIII вѣка. Но это размежеваніе, очевидно не было совершенно полнымъ, такъ какъ еще въ 1719 г. биринцы пользовались нѣкоторыми лѣсными угодіями совмѣстно съ Прокоповской и Свѣржемъ и владѣвшіе этими двумя селами монахи Черниговскаго Каѳедральнаго монастыря въ томъ же 1719 г. «договорили и сами призволилися, что якъ сихъ часъ, такъ и впередъ для сусѣдственного сожитія мѣетъ быти волній невозбранный вступъ биринцямъ в пущи монастирскіе для всякихъ домовыхъ потребъ» [1]). Какого рода стѣсненія испытывали подчасъ старыя села отъ вновь возникавшихъ рядомъ съ ними поселеній, объ этомъ можетъ дать понятіе одинъ любопытный документъ, сохранившійся отъ начала XVIII столѣтія, — именно, письмо, адресованное въ 1700 г. управителемъ («господаремъ») гетманскаго Гадяцкаго замка Федоромъ Топольницкимъ къ войту слободки, которая была осажена Топольницкимъ на земляхъ гетманскаго же села Перелюба въ Черниговскомъ полку. Въ этомъ письмѣ Топольницкій сурово порицалъ своихъ слобожанъ за ссоры съ перелюбцами и строго запрещалъ отнимать у послѣднихъ «готовыя пожни» и сѣнокосы. «Я — писалъ онъ — вамъ для того далъ слободи на шесть лѣтъ, щобы есте собѣ розробили якъ сѣножатей, такъ поля черезъ працу (работу) свою, а вы готовенького хочете усе; поперестаньте тихъ заводовъ (споровъ) чинить и мнѣ трудности задавать, живите злагодне (мирно), щобы и старинцамъ на чомъ було жити, которіе купление маютъ сѣножати, тихъ

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-478. О Быстрицкомъ см. у А. М. Лазаревскаго. Описаніе старой Малороссіи, т. I, с. 183.

отнюдь не займайте»[1]). Мирная жизнь слобожанъ съ перелюбцами, видимо, однако не наладилась и послѣ этого письма и въ 1702 г. состоялось размежеванiе земель между ними. Размежеваны, впрочемъ, были лишь сѣнокосы и пахотныя земли, «лѣса зась (же) и бору, межъ Перелюбомъ и слободою пречоною зостаючихъ, — говорилось въ межевомъ актѣ — маютъ спокойне безъ жаднихъ (всякихъ) грабежовъ заживати на будовлю (употреблять на постройки) и на всякую свою потребу оны, перелюбци, и слобожане пана Тополницкого»[2]).

Во всѣхъ этихъ эпизодахъ передъ нами развертывается въ сущности одна и та же въ наиболѣе существенныхъ своихъ очертанiяхъ картина земельныхъ отношенiй. Первоначально нѣсколько селъ, одновременно ли осѣдавшихъ или постепенно разселявшихся въ одной округѣ, сообща владѣли всѣми ея землями, практикуя захватное пользованiе ими и не устанавливая между собою никакихъ постоянныхъ межъ и граней. Съ теченiемъ времени однако, по мѣрѣ разростанiя населенiя и соотвѣтственнаго сокращенiя количества свободныхъ и удобныхъ земель, болѣе или менѣе рѣзко давали себя чувствовать невыгоды такого порядка. Отдѣльные хозяева, пользуясь порядкомъ захватнаго землепользованiя, нерѣдко занимали для себя очень большiя площади земли за счетъ своихъ менѣе предпрiимчивыхъ или менѣе удачливыхъ сосѣдей. При этомъ захватный порядокъ пользованiя землею нерѣдко переходилъ въ захватъ ея въ личную собственность, и отдѣльныя лица, успѣвавшiя захватить земли много больше, чѣмъ ея нужно было для ихъ хозяйства, начинали не только «боронить» ее отъ сосѣдей, но и продавать на сторону. Община въ своемъ цѣломъ стремилась бороться съ этими явленiями. Она воспрещала своимъ членамъ самовольное присвоенiе и продажу общинныхъ земель и старалась при помощи властей возвратить уже проданные участки обратно въ свое владѣнiе. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ она шла и дальше и пыталась бороться съ черезчуръ большими заимками земли, устанавливая отрѣзки отъ такихъ заимокъ въ пользу наиболѣе обдѣленныхъ общинниковъ и тѣмъ самымъ вступая на путь довольно рѣшительнаго регулированiя землепользованiя своихъ членовъ. Но борьба за землю, неизбѣжно разгоравшаяся внутри общины съ момента со-

[1]) Документы монастырей, переданные изъ Архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кiевск. ун-та, № 1616-1981.
[2]) Тамъ же, № 1616-1952.

кращенія первоначальнаго земельнаго простора, велась не только между отдѣльными хозяевами, а и между цѣлыми селами. Жители одного села, захватывая себѣ землю, случалось, черезчуръ далеко «вгонялись» въ земли, обрабатывавшіяся другимъ селомъ, и тѣмъ самымъ стѣсняли это послѣднее. Жители новыхъ поселковъ, особенно поселковъ, возникавшихъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, гдѣ пашни и сѣнокосы надо было разрабатывать изъ-подъ лѣса, предпочитали порою уклоняться отъ такой разработки и занимать уже разработанныя земли болѣе давнихъ поселенцевъ. Наконецъ, угодья, въ одинаковой мѣрѣ необходимыя для всѣхъ участниковъ общиннаго союза, иногда захватывались въ пользованіе лишь ближайшими къ нимъ поселеніями, оттѣснявшими отъ такого пользованія другихъ сообщниковъ. Въ этихъ случаяхъ обиженныя села, если ихъ старанія отстоять свои интересы оставались безуспѣшными, начинали стремиться къ выдѣленію изъ общиннаго союза и къ размежеванію земель послѣдняго. И тогда наступалъ моментъ распаденія крупнаго общиннаго союза на его составныя части — сельскія общины.

Къ тому же самому результату, впрочемъ, вели — и притомъ вели, пожалуй, съ гораздо большею силой — и другія условія. На первыхъ порахъ послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго общинные союзы лѣвобережной Малороссіи въ подавляющей своей массѣ въ соціальномъ отношеніи носили вполнѣ однородный характеръ, состоя изъ свободныхъ и равноправныхъ людей. Козакъ и свободный посполитый въ это время отличались одинъ отъ другого лишь своими обязанностями по отношенію къ государству, характеромъ своей службы послѣднему, во всѣхъ же остальныхъ областяхъ обладали одинаковыми правами, не говоря уже о томъ, что никто изъ нихъ не былъ привязанъ какими-либо неразрывными юридическими узами къ своей группѣ. Соотвѣтственно этому козацкое «товариство» и посполитская «громада», объединенныя общностью своихъ интересовъ, являлись равноправными участниками общиннаго союза и сообща рѣшали всѣ его дѣла, въ томъ числѣ и дѣла земельныя. Отъ предыдущаго періода въ странѣ сохранилось, правда, извѣстное количество частновладѣльческихъ и монастырскихъ имѣній, но въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, положеніе посполитыхъ въ этихъ имѣніяхъ сильно приблизилось

къ положенію свободныхъ посполитыхъ. И въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общинный союзъ проявилъ большую устойчивость, «державца маетности» или владѣлецъ имѣнія еще и во второй половинѣ XVIII вѣка въ сферѣ земельныхъ отношеній являлся порою лишь участникомъ этого общиннаго союза и даже продажа такимъ «державцей» его имѣнія представляла собою по отношенію къ землѣ ничто иное, какъ продажу права на участіе въ пользованіи общинными землями. Въ 1759 г., напримѣръ, бригадиръ Карлъ Де-Бонгъ продалъ свой дворъ и «грунты» въ с. Келебердѣ лѣплявской сотни Переяславскаго полка хорольскому сотнику Еремѣю Родзянкѣ и, совершивъ эту продажу, въ купчей писалъ: «да сверхъ вышеписанныхъ грунтовъ з волнихъ сенокоснихъ луговъ, находящихся при ономъ селѣ Келебердѣ, употребляемихъ такъ для моего тогда бившого двора, яко и для живущихъ в ономъ селѣ подданихъ моихъ, якіе з онихъ и дачу указную консинтенскую несли, поссесове ему, сотнику, оними владѣть позволяю» [1]).

Первоначальный однородный характеръ общиннаго союза сохранялся однако не особенно долго. Раздача имѣній членамъ козацкой старшины, въ широкихъ размѣрахъ практиковавшаяся въ гетманщинѣ въ теченіе первыхъ же десятилѣтій ея самостоятельнаго существованія, очень скоро сильно сократила количество свободныхъ войсковыхъ селъ и свободныхъ посполитыхъ, во много разъ увеличивъ число посполитыхъ владѣльческихъ, отданныхъ въ частную зависимость. И это коренное измѣненіе въ положеніи значительной части крестьянства не могло пройти безрезультатно и для общинныхъ союзовъ, въ составѣ которыхъ крестьянство играло видную роль. По мѣрѣ того, какъ бывшіе свободные посполитые попадали подъ частную власть, до извѣстной степени ослаблялись, если не порывались совершенно, и нѣкоторыя изъ узъ, связывавшихъ ихъ раньше съ общиной, и мѣсто послѣдней въ ихъ жизни въ рядѣ случаевъ занималъ тотъ «державца», въ подчиненіе которому они отдавались. Когда такихъ «державцевъ» на территоріи общины появлялось нѣсколько, естественное противорѣчіе ихъ интересовъ еще болѣе ослабляло ту связь, какая прежде существовала между ихъ посполитыми, и это не могло не отразиться и въ сферѣ собственно земельныхъ отношеній. Параллельно съ этимъ процессомъ совершался и дру-

[1]) Рум. Опись, хранящаяся въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Лѣплявской сотни, т. II, № 51. «Указанная консистентская дача» — налогъ, взимавшійся въ XVIII в. на продовольствіе великорусскихъ полковъ, расквартированныхъ въ Малороссіи.

гой. Съ разростаніемъ количества владѣльческихъ посполитыхъ первоначальная близость козаковъ и посполитыхъ постепенно смѣнялась все болѣе рѣшительнымъ расхожденіемъ и обособленіемъ этихъ группъ, въ результатѣ чего между ними создавалось все возроставшее съ теченіемъ времени противорѣчіе интересовъ, съ особенною рѣзкостью сказывавшееся въ области земельныхъ отношеній. Для козаковъ и свободныхъ посполитыхъ подчасъ становилось прямо опаснымъ нахожденіе въ одномъ общинномъ союзѣ съ владѣльческими посполитыми, за которыми стоялъ болѣе или менѣе вліятельный «державца», получавшій благодаря своему владѣнію имѣніемъ право участія въ общинныхъ земляхъ и осуществлявшій это право на началахъ захватнаго землепользованія. Съ другой стороны, и владѣльческимъ, и свободнымъ посполитымъ по мѣрѣ обособленія козачества все чаще приходилось считаться съ обнаруживавшимся въ его средѣ стремленіемъ удержать въ своемъ исключительномъ пользованіи въ интересахъ состоятельности своей группы возможно большую площадь общинныхъ земель. Эта соціальная дифференціація, совершавшаяся внутри общиннаго союза, въ свою очередь нерѣдко вела къ распаденію послѣдняго, — вела даже тогда, когда о земельномъ утѣсненіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова не могло еще быть и рѣчи. И случаи распаденія крупнаго общиннаго союза въ результатѣ противорѣчія интересовъ создавшихся внутри этого союза разнородныхъ соціальныхъ группъ встрѣчаются, дѣйствительно, уже съ очень ранняго времени.

Въ 1677 г., разсказывается въ одномъ актѣ, относящемся къ территоріи Стародубовскаго полка, «жители мѣстечка, прозываемого Чернацкая Слобода, и жители села Ромашкова, будучи подъ рожними панами, то есть Чернацкая Слобода подъ... архиепископомъ чернѣговскимъ, а Ромашковъ подъ... протопопомъ новгородскимъ и великіе межи собою в сѣножатехъ каждого року вщинаючи кривди и турбаціи», обратились съ жалобою къ своимъ владѣльцамъ. Въ отвѣтъ на это обращеніе черниговскій архіепископъ выслалъ на мѣсто спора своего архидіакона «такъ для умитигованья оной турбаціи (улаженья этого спора), яко и для раздѣленья межи помененными жителями сѣножатей». Такой раздѣлъ и состоялся тогда же съ согласія державцы с. Ромашкова, новгородскаго протопопа Елисея Зеленицкаго [1]). Въ данномъ

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-3099.

случаѣ разграниченіе земель происходило лишь между двумя селами, оказавшимися подъ властью разныхъ «пановъ». Несравненно болѣе сложное «вичистое за згодою (съ согласія) полюбовною всѣхъ сторонъ в сѣножатехъ розграничене» произведено было въ 1679 г. на границѣ Черниговскаго и Нѣжинскаго полковъ въ присутствіи посланныхъ отъ гетмана Самойловича и отъ черниговскаго полковника Борковскаго. Въ этомъ разграниченіи, по словамъ составленнаго объ немъ акта, участвовали, съ одной стороны, «капелянъ войсковой» Лаврентій Кашперовичъ, бывшій въ то время владѣльцемъ или, какъ выражается актъ, «поссесоромъ на сей часъ, з ласки ясневелможного его милости пана гетмана», черниговскаго села Дурней, войтъ этого села со всей громадой и сотникъ, городовой атаманъ и войтъ со всѣмъ товариствомъ и посполитыми людьми м. Салтыковой Дѣвицы въ Нѣжинскомъ полку, съ другой — сотникъ, городовой атаманъ, войтъ и все товариство и посполитые люди черниговскаго мѣстечка Березного. Но, кромѣ того, разграниченіе коснулось еще земель, расположенныхъ въ Черниговскомъ полку м. Стольнаго и с. Ковчина. Раздѣлъ и разграниченіе земель въ этомъ случаѣ были, по всей видимости, произведены по иниціативѣ владѣльца с. Дурней. Этому послѣднему селу актомъ разграниченія были отдѣлены и отмежеваны отъ сосѣднихъ поселеній пахатныя и сѣнокосныя земли, равно какъ выпускъ для скота, и, сверхъ того, предоставленъ «вольный рыбъ въ рѣчкѣ промыселъ» и «вольный врубъ» въ лѣсъ, отведенный во владѣніе м. Березного. «Столинци — продолжалъ разграничительный актъ — в сѣножатехъ в пришліе (будущіе) — дасть Богъ дочекати — часи з березинцями и девичанами такъ маютъ (должны) обходитися, якъ и передъ тимъ, безъ жаднихъ заводовъ (безъ всякихъ споровъ); ковчинцѣ, поневажъ (такъ какъ) на килкократное писане впорчиве (упорно) не стали до раздѣлу и над потребу свою маютъ за Десною сѣножатей [якъ всѣ сторони, ездячи, уважили] и не мивали (не имѣли) передъ тимъ волности, хиба за згодою (развѣ по соглашенію) з березинцями, по семъ боку Десни в сѣножатехъ, теди (то) онимъ ковчинцомъ тисячою золотихъ полскихъ заручаемъ, жеби вѣчними часи на сей бокъ Десни до березинцомъ и дурневцомъ належачихъ не втручались сѣножатей, сѣна зась (же) хто где сего року косилъ, воленъ оніе без жадной нѣ од кого перешкоди (помѣхи) на свой забрати пожитокъ». Точно также и жителямъ с. Дурней предоставлено было собрать хлѣбъ съ распаханныхъ и засѣянныхъ ими

полей, которыя на будущее время въ силу этого «полюбовнаго раздѣла» должны были отойти къ березинцамъ [1]).

Такого рода раздѣлы земель между поселеніями, жители которыхъ попадали въ различныя соціальныя группы, совершались въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка во многихъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. Такъ, въ 1693 г. стародубовскій полковникъ Миклашевскій особымъ универсаломъ утвердилъ разграниченіе земель между козаками с. Ивоти и посполитыми с. Погребковъ или, точнѣе говоря, подтвердилъ «листъ» черниговскаго архіепископа Ѳеодосія Углицкаго, «стверженый козакамъ ивоцкимъ на власные розъездомъ значнихъ особъ подѣление по половици з поддаными пастыря его милости погребчанами сѣножати въ вѣкуистое имъ самимъ и ихъ потомкомъ козацкимъ уживаніе» (пользованіе [2]). Въ 1699 г. въ Черниговскомъ полку жители с. Серединки, маетности черниговскаго Елецкаго монастыря, и козаки с. Ладинки произвели въ присутствіи лицъ, высланныхъ отъ черниговскаго архіепископа и отъ наказного черниговскаго полковника, «совершенное розграниченіе» находившагося раньше въ общемъ владѣніи этихъ селъ лѣса Мокреца «для того, что чрезъ всѣ прошлые лѣта одни у другихъ забори межи собою по сее время чинювали, а з тихъ мѣръ ссори, звари и непрестанніе турбаціи бывало уростаютъ» [3]). Въ 1712 г. игуменъ глуховскаго Петропавловскаго монастыря жаловался сотенному глуховскому уряду на жителей свободнаго войскового села Сваркова, «якоби они, сварковци, усиловне въ сѣнокоси ихъ монастирскіе и въ рибніе ловлѣ на рецѣ Клевенѣ по самое село Черневъ, маетность ихъ монастирскую, въежчаючи, добуваются на рибахъ и сѣнними покосами по берегу тоей жъ рѣчки за границу, здавна положенную, поукошовалися и владѣютъ неналежне». Отправленный сотеннымъ урядомъ для разслѣдованія дѣла «знатный войсковой товарищъ» Петро Уманецъ однакоже «не узналъ быти сварковцовъ винними, для того, что оны чрез межу старую, в поляхъ по горѣ положенную, нигде в монастирскіе грунта не интересовалися, по границу своими грунтами, до села ихъ належащими, владѣли, тилко по берегу рѣчки Клевенѣ въ сѣнокосахъ, невѣдомости ради, же (такъ какъ) до сихъ часъ не было ограничено болото, они, сварковци, укошовалися под самое село Черневъ и на рибнихъ ловляхъ,

---

[1]) Тамъ же, № 1616-2218.
[2]) Тамъ же, № 1616-3129.
[3]) Тамъ же, № 1616-809.

изи каждый в себе мѣючи, добичъ собѣ мѣли з черневцами сполно (сообща), за що часто межи собою обоихъ селъ мешканци (жители), вишепомененніе сварковци и черневци, в изахъ и сѣнокосахъ брань и заводы межи собою мѣвали». Съ этимъ согласился и монастырь и просилъ уже о томъ, чтобы «в сѣнныхъ тилко покосахъ была вчиненна граница». Сотенный урядъ исполнилъ это желаніе монастыря и въ сѣнокосахъ селъ Сваркова и Чернева у р. Клевени съ согласія обѣихъ сторонъ было произведено разграниченіе, насыпаны «могилы» и вбиты пали, чтобы «едни до другихъ не вкошовалися черезъ границу». «А рибніе ловлѣ — гласилъ составленный сотеннымъ урядомъ актъ — по рецѣ Клеве́нѣ ѣзами зайшли сварковскіе и за границу, теперъ положенную, подъ самий Черневъ, где, якъ прежде владѣли совокупно з черневцями, такъ и теперъ на томъ межи собою учинили постановленя владѣти совокупно, где хто хочетъ и где хто пред тимъ свои ѣзи мѣлъ, зганяти едни другихъ не маютъ (не должны), на старихъ своихъ мѣстцахъ всякъ добуватися на рибахъ повиненъ, не чинячи единъ другому шкоды, всякъ своего ѣза пилновати (беречь) маетъ»[1]). Отъ прежняго общаго владѣнія двухъ селъ въ данномъ случаѣ сохранялась, такимъ образомъ, только свободная для жителей каждаго изъ нихъ рыбная ловля въ протекавшей черезъ ихъ земли рѣкѣ. Подобнымъ же образомъ въ 1716 г. въ Стародубовскомъ полку «за вѣдомомъ и указомъ» полковника былъ произведенъ по просьбѣ козаковъ и свободныхъ посполитыхъ с. Невструева раздѣлъ сѣнокосовъ между ними и посполитыми с. Печениковъ, «подданными» Печеницкаго монастыря[2]). Отъ конца XVII-го и начала XVIII-го столѣтія сохранилось немалое количество подобныхъ разграничительныхъ актовъ и можно думать, что именно въ это время окончательно распалась значительная часть существовавшихъ раньше въ лѣвобережной Малороссіи крупныхъ общинныхъ союзовъ, причемъ особенно быстро такое распаденіе шло на сѣверѣ страны.

Приведенные выше факты и относятся по преимуществу къ территоріи сѣверныхъ полковъ лѣвобережной Малороссіи. Но тѣ же самыя явленія въ связи съ тѣми же общими условіями повторялись и въ южной части страны. Въ 1735 г. въ Переяславскомъ полку производилось слѣдствіе объ общинныхъ («свободныхъ») земляхъ березанской сотни. Прежде — показывали во время это-

---

[1]) Тамъ же, № 1616-939.
[2]) Тамъ же, № 1616-566.

го слѣдствія старожилы с. Лехновецъ — «свободно было козакамъ и мужикамъ на томъ степу сѣно косить, взявши отъ Лехновецъ по обѣ сторони болота, прозиваемаго Супойця... И нѣякого на томъ степу нѣ отъ кого обмежовання прежде не бивало, а когда досталось старому Думитрашку Радиону во владѣние село Березанка сотнѣ Яготинской за гетмана Мазепи, от того часу онъ, Радионъ, началъ утиски ляховчанамъ чинить и не толко свободного степу козакамъ заборонять, но и десятину з отческихъ и дѣдизнихъ козачихъ грунтовъ взимать, о чемъ по челобиттю сотниковъ березанскихъ било на томъ степу от Мазепи гетмана висланими... розмежование чиненно». Послѣ этого размежеванія — продолжали старожилы — «ляхновчане спокойне, якъ козаки, такъ и мужики, степомъ волнимъ користовались лѣтъ з тридцять. А лѣтъ тому з шесть, якъ бунчуковій товарищъ Андрѣй Думитрашко з братами и чрезъ показанное граничене не толко свободнимъ степомъ, но дѣдизними и отчизними козачими грунтами, пахатними и сѣнокосними, завладѣли по сей бокъ отъ Ляхновецъ показанной границѣ и якъ поля пахать, такъ и сѣна косить ляхновскимъ козакамъ не допускаютъ»[1]). Появленіе внутри общиннаго союза владѣльца имѣніемъ, сопровождавшееся неумѣренными захватами земли со стороны этого владѣльца, вызвало, такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ размежеваніе селъ, раньше владѣвшихъ землею сообща. Подобнымъ же образомъ столкновенія жителей м. Березани съ державцей с. Недры Володковскимъ привели въ 1719 г. къ разграниченію земель этихъ поселеній, причемъ жители каждаго изъ нихъ обязались на будущее время не «втручаться» въ земли, отведенныя другому[2]).

Съ размеженаніемъ отдѣльныхъ поселеній, передъ тѣмъ объединенныхъ общимъ владѣніемъ землею, такія поселенія нерѣдко стремились закрыть своимъ сосѣдямъ доступъ и въ тѣ угодія, въ которыя имъ при размежеваніи оставленъ былъ «вольный въѣздъ» и «вольный вступъ», и это стремленіе послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы часто осуществлялось на практикѣ, особенно, когда оно проводилось державцами селъ. Въ 1733 г. одинъ изъ такихъ державцевъ, глуховскій протопопъ Галяховскій, писалъ управлявшему въ то время Малороссіей кн. Шаховскому, что онъ, Галяховскій, еще въ 1716 г. получилъ отъ гетмана

---

[1]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 20—21.

[2]) Тамъ же, сс. 3—4.

Скоропадскаго въ новгородской сотнѣ Стародубовскаго полка с. Хилчичи со всѣми принадлежащими къ нему землями и угодіями и нѣсколько лѣтъ владѣлъ имъ спокойно, а въ 1724 г. «зимнимъ временемъ селъ Глазова, Олтара, Дмитровки, Калѣевки, Крениловки, Кривоносовки и протчіихъ въ тамошней околичности будучихъ жителей, преступаючи свою границю, уездя у пущу, до того села Хилчичъ належную, учали были знатне пустошить, своихъ пущъ забороняючи и не допускаючи никому з сторони рубать». Галяховскій, по его словамъ, тогда же принесъ на это жалобу въ генеральную войсковую канцелярію и изъ послѣдней — добавлялъ онъ — въ 1725 г. «видано указъ с тимъ предложеніемъ, аби, ежели такъ есть, что в пущахъ околичнихъ селъ обрѣтающихся иннимъ селянамъ для рубаня дерева волного уступу не имѣется, то и в пущѣ моей хилчанской такъ с обивателей вишъ писаннихъ, якъ и с протчіихъ селъ нѣхто нѣякого не чинили б пустошеня и рубать не дерзали, за что, если кто впредь рубать будетъ, то такового грабить повелено» [1]. Съ другой стороны, однажды размежевавшись, отдѣльныя поселенія старались удержать отведенныя каждому изъ нихъ земли исключительно въ своемъ владѣніи, не допуская перехода какой-либо части ихъ въ руки чужосельцевъ хотя бы путемъ продажи отдѣльными лицами, и въ этихъ видахъ иногда даже включали соотвѣтствующія условія въ самый договоръ о размежеваніи. Такъ, въ 1720 г. въ Нѣжинскомъ полку было произведено размежеваніе земель селъ Буды и Гирина и въ составленный объ этомъ размежеваніи договоръ было внесено такое условіе: «а мѣлъ би хто з гиринцовъ у своей границѣ гаи, сѣножати и поля пахатніе на сторону кому колвекъ (кому-нибудь) тайно албо и явно продавать, то близшіе гиринци, гроши тіе отложивши тому продавци, грунтомъ тимъ владѣти должны» [2]. Сельская громада, такимъ образомъ, лишила своихъ членовъ права продажи земли на сторону, внѣ села, а на случай, если бы такая продажа все-таки осуществилась, выговаривала для «ближайшихъ» односельчанъ право выкупа этой земли.

Сама по себѣ продажа земли изъ рукъ въ руки внутри общины становилась возможной благодаря тому, что рядомъ съ процессомъ распаденія крупныхъ общинныхъ союзовъ шелъ,

[1]) Архивъ Черниговскаго Окружнаго Суда, Дѣла Гражданскія, № 26, л. 3.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниговской Казенной Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-480. Слово «должны» въ подлинникѣ, очевидно, по опискѣ, отсутствуетъ и вставлено въ видахъ ясности текста мною.

какъ мнѣ уже приходилось упоминать, другой процессъ — освоенія земельныхъ участковъ болѣе или менѣе долго удерживавшими ихъ въ своемъ пользованіи лицами. Тамъ, гдѣ община оказывалась не въ силахъ вести рѣшительную борьбу съ этимъ процессомъ и совершенно уничтожить продажу земель, она пыталась, по крайней мѣрѣ, прекратить продажу ихъ на сторону. Но во многихъ случаяхъ распаденіе крупнаго общиннаго союза вовсе еще не являлось распаденіемъ общиннаго землевладѣнія и съ исчезновеніемъ такого союза права на бывшія его земли переходили не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ сидѣвшимъ на этихъ земляхъ сельскимъ общинамъ. Однако на этой стадіи начавшійся процессъ распаденія общинной организаціи не могъ остановиться, — не могъ, между прочимъ, уже потому, что тѣ соціальныя условія, которыя въ значительной мѣрѣ вызывали его и своимъ вліяніемъ до извѣстной степени порождали разложеніе крупнаго общиннаго союза, продолжали въ томъ же самомъ направленіи дѣйствовать и на сельскую общину. Въ большинствѣ случаевъ послѣдняя включала въ свой составъ козаковъ и посполитыхъ и съ теченіемъ времени между этими двумя группами, все болѣе обособлявшимися общимъ ходомъ соціальной жизни одна отъ другой, и здѣсь почти неизбѣжно возникала борьба за общинную землю по тѣмъ же самымъ побужденіямъ и съ тѣми же самыми конечными результатами, какіе имѣли мѣсто въ этой борьбѣ тогда, когда она велась между отдѣльными селами.

От XVIII столѣтія мы имѣемъ длинный рядъ свидѣтельствъ о такой борьбѣ за землю внутри сельскихъ общинъ, — свидѣтельствъ, по большей части выливавшихся въ форму жалобъ на отстраненіе отъ участія въ пользованіи общинными землями то посполитыхъ козаками, то козаковъ посполитыми и владѣльцами имѣній. Въ 1748 г. войтъ, бурмистръ и громада м. Потока въ Миргородскомъ полку жаловались въ «коммиссію смотрѣнія» описныхъ имѣній на мѣстныхъ козаковъ. Прежде — писала потоцкая громада въ своей жалобѣ — общенародными землями владѣли и посполитые, а «нынѣ за искупъ позволила сотенная старшина козакамъ хуторами сѣсти, а намъ бѣднимъ, весма нищетнимъ, какъ козакамъ, такъ посполитимъ до онихъ общенароднихъ степовъ и поля пахатного не допускаютъ, хочай же ми, бедніе, з насилствомъ на ономъ степѣ и полѣ пахатномъ сена копицю вко-

симъ или пашнѣ якій день посѣемъ, то оніе козаки з своихъ хуторовъ своими статками (стадами) оное без остатка повипасуютъ, такожъ луки наши и леса природніе посполитіе сотенная старшина, такожъ и козаки, владѣть не допускаютъ и оними користуются»[1]). «Будучи мы посполитие — писали въ 1767 г. свободные посполитые м. Пещанаго въ Переяславскомъ полку — и живучи въ м. Пѣщанномъ подъ ратушею, равно какъ въ давнину и предки наши, въ свободномъ къ м. Пѣщанному принадлежащемъ степку сѣнокосомъ и паханіемъ хлѣба доволствовались въ общѣ безпрепятственно и безобидно, одинъ передъ другимъ, на перемѣнныхъ мѣстахъ, гдѣ кто пожелалъ, и единственно съ того нашего въ обще ползованія какъ консистенские дачи, такъ и къ ратуши подлежащіе государевы повинности безнужно несли... Но съ недавныхъ годовъ здѣшние козаки, одинъ по другому, перво на словахъ выговаривая не уходить обще съ ными владѣніемъ нашимъ въ тотъ степокъ, а потомъ, часъ отъ часу усиливаясь, по безстрашию своему къ явнымъ насъ витискамъ взяли согласие и, обратывъ на насъ свою ненависть и негодованіе, умислили беззаконными своими поступками и совсѣмъ насъ къ оному степку не допустить, къ тому жъ и въ выпустныхъ мѣстахъ утѣснить, объявляя притомъ свои намѣренія, что, еслибы де кто съ насъ моглъ у прописанное владѣніе вступить, то убьютъ де до смерти и пропадетъ за собаку, понеже де козакамъ съ мужиковъ ползы никакой нѣтъ и мужику козацкимы степами владѣть не слѣдуетъ». Часть пещанскихъ посполитыхъ въ виду этого разошлась въ другія мѣста, а оставшіеся «малымъ числомъ» въ Пещаномъ, хотя и продолжали пользоваться общинными землями, но могли дѣлать это только «съ нуждою». И въ настоящемъ году — жаловались они — «когда мы наши роспаханние собственно нами землѣ орать війшли, то оние козаки, по завзятости и ненависти ихъ, и послѣдныхъ насъ съ плугами выгнали, такожъ и въ косовичное время къ кошению сѣна не допустили и совсѣмъ общаго ползования лишили, по причинѣ которой нынѣ мы пришли до самокрайнѣйшей обиды и разорения»[2]). Писарь бунчуковаго товарища Ст. Томары сообщалъ въ 1767 г. въ коммиссію составленія Румянцевской Описи въ Переяславскомъ полку, что, хотя земли къ с. Богушковой Слободкѣ принадлежатъ его господину по уни-

---

[1]) Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малороссійской Коллегіи, Черниг. отд., № 13.156.

[2]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 202—3.

версалу гетмана Скоропадскаго, данному въ 1714 г., но «разние козаки, въ той слободки жителствовавшие, к едному своему распространению виселясь на тую принадлежитость, самоизволно не в давнихъ годахъ оную всю захватя, без видѣлки между собою и господиномъ моимъ, яко действителнимъ владѣлцею, сами единственно доволствуются, а инние с нихъ и нѣкоторимъ владелцамъ с той же принадлежитости степъ самоволно поспродавалы и нынѣ участие равное жъ сами собою въ осталной части степу содержатъ»[1]). Козаки с. Коробовки въ Переяславскомъ полку и дѣвичій Золотоношскій монастырь, имѣвшій въ этомъ селѣ свое владѣніе, вели въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка споръ въ судѣ съ войсковымъ канцеляристомъ Михаиломъ Нѣмцевичемъ, доказывая, что Нѣмцевичъ, предкамъ котораго были отданы коробовскіе посполитые, несправедливо требуетъ для нихъ и себя участія въ общинныхъ змляхъ, такъ какъ въ пожалованіи ничего не было сказано объ этихъ земляхъ и посполитые Нѣмцевича не пользовались ими[2]). Подобный же споръ шелъ въ 1774 г. между владѣльцемъ с. Гусинаго Кириловичемъ и козаками м. Чигиринъ-Дубровы, причемъ послѣдніе доказывали, что «предку истца Кириловича, сотнику чигриндубровскому Яремѣ Илляшенку, самое толко село Гусиное с тяглими людьми жаловано» и потому его посполитые не должны имѣть участія въ общинномъ лугѣ между с. Гусинымъ и м. Чигиринъ-Дубровой, хотя универсаломъ гетмана Мазепы отъ 1707 г. этотъ лугъ былъ признанъ находящимся въ общемъ владѣніи козаковъ и посполитыхъ[3]).

Эта борьба за землю между козаками и посполитыми внутри сельскихъ общинъ во многихъ случаяхъ имѣла непосредственнымъ своимъ результатомъ дальнѣйшее распаденіе общины, выражавшееся въ раздѣлѣ ея земель между всѣми ли ея членами въ отдѣльности или, по крайней мѣрѣ, между козацкимъ «товариствомъ» и посполитской «громадой». И такіе раздѣлы встрѣчаются уже довольно рано. Въ 1691 г. гетманъ Мазепа обратился къ козакамъ с. Уланова, лежавшаго въ глуховской сотнѣ Нѣжинскаго полка, съ особымъ универсаломъ. До свѣдѣнія моего дошло, — писалъ въ немъ гетманъ — что «вы, жиючи сполне з подданными ясне в Богу преосвященного его милости отца архи-

---

[1]) Рум. Опись, въ 6-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Кропивянской сотни, т. III, № 126.

[2]) Кіевскій Центральный Архивъ, дѣла о поземельныхъ спорахъ.

[3]) Тамъ же.

епископа чернѣговского, сполніе (общіе) грунта себѣ позакоповали и позаоровали без вѣдома старшихъ, своимъ умисломъ, в которихъ то грунтахъ не волно имъ, подданимъ архипастирскимъ, нѣ дровъ урубати, нѣ сѣна укосити, а перед тимъ сполне всѣ заживали з тихъ грунтовъ пожитки (пользовались съ этихъ земель выгодами), яко товариство, тактежъ и посполитіе люде, въ чомъ имъ, подданимъ, вы, товариство, великое учинили утиснене». Въ виду этого гетманъ приказывалъ, чтобы козаки тѣ «новые закопы», какіе они самовольно закопали себѣ безъ вѣдома старшихъ, позасыпали, «опрочъ старихъ займищъ и иншихъ власныхъ (собственныхъ) грунтовъ, якіе нарушеню не маютъ подлѣгати», и на будущее время «сполне и спокойне всѣ, якъ товариство, такъ и посполитіе люде, подлугъ (по) давнего обикновенія и порадку заживали тихъ своихъ совокупныхъ грунтовъ, албо — прибавлялъ гетманъ — тіе грунта межи себе сполне подѣлѣте[1]). Этотъ гетманскій универсалъ не прекратилъ однако же споровъ и столкновеній изъ-за земли, происходившихъ въ Улановѣ между козаками и архіепископскими «подданными». Въ виду этого въ 1699 г. въ Улановъ явились «товаришъ значний войсковий», бывшій нѣжинскій полковникъ, Яковъ Жураковскій и глуховскій сотникъ Алексѣй Туранскій, уполномоченные гетманомъ разобрать земельные споры въ «уѣздѣ глуховскомъ». Эти «висланые од боку гетмана» объѣхали и осмотрѣли, вмѣстѣ съ архіепископскимъ послушникомъ, бывшимъ тогда «городничимъ» (управляющимъ) въ Улановѣ, съ мѣстнымъ атаманомъ и товариствомъ, войтомъ и громадой, спорныя земли и затѣмъ запросили стороны, изъ-за чего именно у нихъ идетъ споръ и какимъ бы «правомъ и порядкомъ» можно было водворить согласіе. Тогда «городничий з подданими пастирскими, ставши при томъ, потребовалъ, абы новіе и свѣжо занятіе козацкіе и мужицкіе захвати конечне ровнымъ розмѣромъ такъ козакомъ, (якъ) и посполитимъ людемъ роздѣлены былы». Козаки сперва не хотѣли «поступитися своихъ занятихъ и окопами осипаныхъ грунтовъ, сѣножатей и луговъ», но затѣмъ вынуждены были уступить и гетманскіе «висланые» произвели «по всѣхъ общомъ признаню» опись или «реестръ» земель, «якихъ маютъ козаки и мужики уживати, а другие в подѣлъ общий повернути». «И подлугъ реестру, печатми нашими стверженого, — писали они въ составленномъ затѣмъ актѣ —

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-3222.

всѣ новіе и некрѣпкіе козацкіе и мужицкіе займы на жаданя (по требованію) его пастирской милости, а указомъ ясневелможного его милости пана гетмана, взглядаючи по человѣку, без укривженя жадного (безъ всякой обиды), дѣлити, где поведетъ реестръ, наказалисмо». Стремясь достигнуть того, чтобы на будущее время «козаки и посполитіе люде улановскіе меж собою згодливе (согласно), без вспоровъ, заводовъ, побоевъ и иныхъ турбаций могли прожити и, жаденъ (всякій) заховуючися при своемъ старинномъ окопѣ купленомъ и теперь ново кому колвекъ (кому бы то ни было) намѣреномъ грунтѣ, не чинили еденъ другому и найменшое перешкоди, кривди и трудности», «висланые» обезпечили установленное соглашеніе большимъ штрафомъ съ его нарушителей и выдали обѣимъ сторонамъ свой «листъ», дабы «по подѣлу ровномъ каждого грунта, земля и сѣножати в своей певности такъ козацкіе, яко и мужицкіе, зоставали»[1]). Но прошло десять съ небольшимъ лѣтъ и въ Улановѣ снова вспыхнулъ споръ изъ-за земли въ связи съ тѣми обстоятельствами, при какихъ былъ произведенъ ея раздѣлъ. Въ 1714 г. улановскій «городничій» обратился къ сотенному глуховскому уряду съ жалобой на семерыхъ улановскихъ козаковъ, въ числѣ которыхъ былъ и атаманъ, и на «своего катедралного подданного». Когда гетманскіе «висланые» — жаловался городничій — «для спокойного пожитя общого вчинили у грунтахъ, в поляхъ пахатнихъ и в сѣножатяхъ ровний подѣлъ и ограничили тамошними урочищамы, в тотъ часъ мененіе (названные) козаки, человѣка ихъ сѣмъ, а осмый подданий, по достатку луговъ и сѣножатей в себе мѣючи, упросили особъ висланнихъ, абы ихъ лужковъ и сѣножатей от нихъ не отбирано до подѣлу, обѣщаючися своими бити доволними сѣножатми, а до подѣлу въ сѣножатяхъ з козаками и з посполствомъ не мѣшатись, якожъ и учинилось по ихъ прошенію, в поляхъ пахатнихъ тилко себѣ приняли части, а до сѣножатей не интересовалися, и зарукою тое било зтвержено». Послѣ же того «тие сѣмъ человѣка товариство и подданий осмий, в своемъ обѣщанію не додержавши слова, у дванадцять лѣтъ по подѣлу, важилися (осмѣлились) тую заруку и подѣлъ отновити, змисливши, будто на церковь потребно грошей, знаючи, что межи козаками и подданими в сѣножатнихъ поляхъ и на нихъ было в тотъ часъ отмѣрано помѣрки, не могли такъ якъ отняти и привлащити (присвоить) до себе, зобравшися у громаду, тие помѣрки цѣною обложили и,

[1]) Тамъ же, № 1616-3227.

не допустивши з козаковъ и з подданихъ никому, сами они ж, сѣмъ человѣка козаковъ, а осмий подданий, отложили гроши на церковь». Получивъ эту жалобу и «вислухавши обоихъ сторонъ, якъ всечестного отца городничого и войта з громадою, такъ атамана улановского з товариствомъ», сотенный урядъ постановилъ такое рѣшеніе: «за тое тихъ семи человѣка козаковъ, а осмого подданого, же (что) первое право зламали и своего обѣщанаго слова, що било не интересоватися до помѣрковъ имъ, не додержали, за самоволний поступокъ узнавши быти винными, наказалисмо, абы з тихъ сѣножатнихъ помѣрковъ, до якихъ неслушне (неправильно) самоволне дерзнули [хочь и гроши били дали] всеконечне уступили и болшей до онихъ в далшие часи не интересовалися и на грошахъ своихъ, що платили неслушне, за дерзновеніе мусятъ шкодовати (должны понести убытокъ), отъ церкви вже онихъ отбирати не повинни» [1]).

Въ этомъ эпизодѣ передъ нами является опять-таки община, состоящая первоначально изъ козаковъ и посполитыхъ и практикующая на своихъ земляхъ порядокъ захватнаго пользованія. Часть сдѣланныхъ этимъ путемъ заимокъ успѣла уже перейти въ собственность заимщиковъ, потому ли, что эти заимки были произведены съ такою цѣлью съ согласія общины либо представлявшихъ ее старшихъ, или же просто въ силу давности пользованія. Но дальнѣйшіе захваты земли, производимые главнымъ образомъ козаками, вызываютъ уже протесты со стороны не только посполитыхъ, но и ихъ владѣльца, какимъ въ данномъ случаѣ являлся монастырь, и монастырскому приказчику, выступающему рядомъ съ посполитской громадой въ роли представителя ея правъ, удается, въ концѣ концовъ, добиться раздѣла земли. «Старыя» и «крѣпкія» заимки избавляются отъ этого раздѣла, но всѣ «новыя» и «не-крѣпкія» попадаютъ въ него. И пахатныя, и сѣнокосныя земли дѣлятся при этомъ на равные участки или «помѣрки», которые и распредѣляются затѣмъ между отдѣльными членами общины. Часть послѣднихъ однакоже отказывается отъ участія въ дѣлежѣ сѣнокосовъ и отъ полученія сѣнокосныхъ «помѣрковъ», сохраняя за то, съ согласія остальныхъ участниковъ раздѣла, въ своемъ владѣніи тѣ сѣнокосы, какими она пользовалась и раньше. Тѣмъ не менѣе и сѣнокосные «помѣрки» были намѣрены въ данномъ случаѣ на все число членовъ общины и

[1]) Тамъ же, № 1616-3228.

послѣднимъ обстоятельствомъ и попытались воспользоваться черезъ нѣсколько лѣтъ улановскіе козаки, чтобы перевести эти оставшіеся еще въ общинномъ владѣніи участки земли въ личную собственность въ обычной формѣ такого перевода — путемъ продажи отъ общины съ платой на церковь. Но эта попытка была опротестована владѣльцемъ — монастыремъ и покарана сотеннымъ судомъ.

Въ Улановѣ, такимъ образомъ, столкновенія козаковъ и посполитыхъ привели къ раздѣлу земель между отдѣльными членами общины. Но такъ бывало не всегда и раздѣлъ между козаками и посполитыми не обязательно являлся раздѣломъ въ личную собственность. Иногда это былъ только раздѣлъ между двумя сословными группами, послѣ котораго каждая изъ нихъ въ отдѣльности продолжала пользоваться землею на началахъ общиннаго владѣнія. Въ 1732 г. къ гетману обратились атаманъ съ товариствомъ и войтъ со всѣмъ поспольствомъ с. Бирина, лежавшаго въ Стародубовскомъ полку. «З давнихъ лѣтъ, — писали они — еще когда село наше Биринъ осажовалось, з тихъ временъ имѣемъ борокъ, ограниченний от новгородцовъ и от цернецкихъ (чернецкихъ) маетностей свѣрскихъ, и по сей часъ между нами, козаками и подданними ясновелможности вашой нероздѣленний, которій чрез всѣ прошедшіе года ми всѣ обще, козаки и мужики, рубали по потребѣ своей, а барзѣй (больше) уездячи новгородцѣ, свѣржане и протчіихъ околичнихъ селъ люде тайне — же (такъ какъ) з насъ нѣхто не зналъ, гдѣ своего без роздѣлу боронити, — велми тотъ борокъ спустошили и пустошать». И биринцы просили гетмана: «благоволѣте свой високоповажній рейментарскій универсалъ позволителній — чтобъ намъ волно на всѣхъ козаковъ и мужиковъ тотъ борокъ раздѣлить, — намъ видать, ижби (чтобы) зналъ всякъ своего от уежджаючихъ в томъ борку боронить». Получивъ эту просьбу, гетманъ предписалъ воронежскому сотнику Холодовичу, чтобы онъ, «оставивъ свои домовіе забавы, съехалъ в помянутое село Биринъ» и, разспросивъ мѣстныхъ старожиловъ, «изслѣдовалъ обстоятелно», дѣйствительно ли этотъ борокъ принадлежитъ биринцамъ, отграниченъ ли онъ отъ сосѣднихъ селъ и почему пустошится ими «и есть ли всѣхъ обще того села Бирина жителей, такъ козаковъ, яко тежъ и мужиковъ, согласие, чтобъ тотъ борокъ между ими былъ роздѣленъ». Холодовичъ, исполнивъ возложенное на него порученіе, донесъ гетману, что борокъ, о которомъ шла рѣчь, дѣй-

ствительно принадлежитъ биринцамъ и отграниченъ отъ ихъ сосѣдей еще по универсалу гетмана Скоропадскаго, а въ настоящее время биринскіе козаки и посполитые единогласно просятъ его «равномѣрно такъ козакамъ, яко и посполитимъ людямъ для лутчого береженія роздѣлить и тое б на оби сторони висоцеповажнимъ унѣверсаломъ рейментарскимъ ствердить з тимъ варункомъ (условіемъ), дабы впредь анѣ новгородчане, анѣ чернецкіе подданіе и нѣхто инший до того борка ихъ не имѣлъ би вступу». Съ своей стороны Холодовичъ, «разсуждая, же (что) козачого дворового числа болше двадцяти, а мужичого вижей пятидесяти въ селѣ Биринѣ найдуется», предлагалъ «въ обохъ частехъ того борку мужикамъ опредѣлить бы двѣ долѣ, а третюю долю козакамъ, ибо и на консистентовъ козаки мужикамъ пособствуютъ во раціонахъ и порціонахъ дачею третюю долю». Это мнѣніе и было утверждено гетманомъ, который универсаломъ отъ 9 ноября позволилъ отдѣлить «помянутого борка часть едину того села козакамъ, а двѣ части равномѣрніе тамошнимъ посполитимъ»[1]. Въ подворный раздѣлъ власти, очевидно, уже не вмѣшивались, а, можетъ быть, онъ въ данный моментъ и вовсе не былъ произведенъ.

Въ рядѣ другихъ случаевъ дѣло, несомнѣнно, именно такъ и обстояло. Такъ, въ 1751 г. въ Нѣжинскомъ полку между козаками с. Ображѣевки и его владѣльцевъ, черниговскимъ Каѳедральнымъ монастыремъ, возникъ споръ за лежавшую около села рощу, которая, по словамъ козаковъ, издавна находилась въ общемъ владѣніи козацкаго и посполитскаго населенія Ображѣевки, а, по словамъ монастыря, была вновь занята его городничимъ въ 1731 г. Въ своихъ доказательствахъ монастырь пошелъ и дальше, утверждая, что самая Ображѣевка поселена по осадному письму архіеп. Барановича на принадлежащей монастырю землѣ и затѣмъ утверждена за нимъ царскими грамотами, а уже послѣ того «оного села Преображѣевки жители разными временами по проискамъ тамошнихъ сотниковъ приняли въ козацкую службу и, оную отправляя, корыстуются тимъ жалованнымъ монастырскимъ грунтомъ». Иначе говоря, монастырь утверждалъ, что и вся вообще земля, находящаяся въ пользованіи козаковъ с. Ображѣевки, принадлежитъ ему, монастырю. Но представленные имъ документы не оправдали его притязаній. Жалованныя грамоты 1668, 1678 и

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отдѣлъ, № 9.065.

1690 гг., утверждая за нимъ сс. Ивотъ и Преображѣевку, вмѣстѣ съ тѣмъ содержали въ себѣ обычныя оговорки на счетъ неприкосновенности земельныхъ владѣній козаковъ этихъ селъ, осадчое же письмо архіеп. Лазаря Барановича отъ 18 марта 1699 г. кролевецкимъ сотеннымъ правленіемъ, разбиравшимъ первоначально этотъ споръ, было признано не имѣющимъ силы доказательства, какъ не утвержденное на урядѣ. Поэтому сотенное правленіе отказалось считать спорную рощу исключительной собственностью монастыря, признавъ даже за козаками, которыхъ въ селѣ было больше, чѣмъ посполитыхъ, право на большую часть ея и отрицая въ данномъ случаѣ возможность правомѣрной монастырской заимки, какъ совершенной безъ согласія соучастниковъ. Это рѣшеніе подтвердилъ своимъ универсаломъ и гетманъ Разумовскій, предписавъ монастырю уничтожить свою заимку и уплатить козакамъ штрафъ («навязку»). Генеральный судъ, на разсмотрѣніе котораго перешло это дѣло, рѣшилъ его однако нѣсколько иначе, найдя, что козакамъ и посполитымъ слѣдуетъ «владѣть пополамъ, а не по персонамъ» [1]). Въ с. Мутинѣ того же Нѣжинскаго полка за р. Сеймомъ долго «владѣли какъ козаки, такъ и подданніе Гамалѣевского монастира безрозделочно», а въ 1773 г. «согласясь какъ козаки, такъ и подданние того монастыря Гамалѣевского, соумесною таковою пущею... роздѣлились», причемъ козаки получили двѣ трети ея, а посполитые одну треть [2]). О подворномъ раздѣлѣ въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, не было рѣчи.

Но довольно часто раздѣлъ общинной земли между козаками и посполитыми являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣломъ ея въ личное владѣніе или въ личную собственность. Эти два послѣднія понятія приходится въ данномъ случаѣ отличать одно отъ другого, такъ какъ раздѣлъ земель въ личное и даже въ потомственное владѣніе не всегда еще обозначалъ собою отдачу ихъ въ личную собственность. Характерные въ этомъ смыслѣ документы сохранились относительно луга на р. Деснѣ, еще въ концѣ XVII вѣка составлявшаго общинное владѣніе жителей м. Козельца. «Мѣючи ми — писалъ въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1695 г. кіевскій полковникъ Константинъ Мокіевскій — право и позво-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, Дѣла Черниг. Пал. Уг. и Гр. Суда, опись 12, св. 5, № 217. Сотенное правленіе, а затѣмъ и генеральный судъ, въ своихъ рѣшеніяхъ ссылались на 1 п. 18 артикула IX раздѣла Литовскаго Статута.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-525.

лене од ясневелможного его милости добродѣя пана гетмана Іоана Степановича Мазепи дѣлити лугъ Десновий, належачий здавна до Козелця, въ которомъ то лузѣ здѣлилисмо сеножать межи паями товариства сотнѣ козелецкой пану Марку Смушенку, ротмистру комонного (коннаго) полку пана Пашковскаго, а жителю козелецкому... за певную (опредѣленную) суму и рукоданную копъ за восѣмъ». «Волно теди (поэтому) — продолжалъ универсалъ — мененному п. Марку оною сеножатю, жонѣ и потомкамъ ихъ, якъ своею власною (собственною), владѣти и спокойне уживати (пользоваться)... волно траву косити самому, запродати і даровати, а з землею не волно анѣ продать, анѣ даровать» [1]). Другимъ универсаломъ, выданнымъ въ 1696 г., Мокіевскій выдѣлилъ за 20 золотыхъ «сѣножать» въ томъ же лугѣ «межи панами товариства сотнѣ козелецкой пану Михаилу Голодовичу, товаришу знатному сотнѣ нашой козелецкой», на такихъ же условіяхъ: «волно траву самому косити и запродавати и кого оною даровати и якъ хотя на свой лепшій пожитокъ (къ своей лучшей выгодѣ) оборочати, а з землею продавать не волно» [2]). И такіе выдѣлы изъ общиннаго луга, какіе упоминаются въ этихъ двухъ универсалахъ, не были чѣмъ-то исключительнымъ. Въ 1734 г. кіевское полковое правленіе выдало козачкѣ Софіи Довгалькѣ особое «писаніе» въ подтвержденія ея «владѣнія на сѣнокосний пай, которой удѣленъ, якъ и протчиимъ, мужу ей покойному Довгалю, лежачий в лузѣ под Моровскомъ, по указу гетманскому судиею полковимъ киевскимъ паномъ Илиею Жилою и протчиими». «Волно ей з синомъ — говорилось въ этомъ «писаніи» — до смерти живота своего владѣть и службу синовѣ войсковую отбувать, понеже покойний мужъ ей Довгаль положилъ в складку войсковую за тотъ пай денги, якъ и протчии клали» [3]). Раздѣлъ общиннаго луга на паи и раздача этихъ паевъ отдѣльнымъ лицамъ, вносившимъ за нихъ деньги въ «войсковую складку», имѣли, такимъ образомъ, мѣсто въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. въ различныхъ поселеніяхъ Кіевскаго полка. И если даже вначалѣ владѣльцы такихъ паевъ не имѣли права распоряженія ими, то черезъ нѣкоторое время, основываясь на давности владѣнія, они присвоивали себѣ и это право и становились полными собственниками.

---

[1]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. II, № 147.

[2]) Тамъ же, Документы Козелецкой сотни, т. I, ч. 1, № 148.

[3]) Тамъ же, Документы Остерской сотни, т. II, № 303.

Такъ, въ 1749 г. абшитованный значковый товарищъ Федоръ Довгаль продалъ бунчуковому товарищу Герасиму Демьяновичу половину луга, который онъ опредѣлилъ въ купчей такимъ образомъ: «имѣючийся во владѣнiи моемъ, наданний покойному отцу моему Дмитру Довгалю отъ товариства сотнѣ козелецкой часть лугу Деснового, другую жъ часть пожежъ за денги, положенние покойнимъ отцемъ въ складку войсковую, лежащий в урочищи под Моровскомъ» [1]). Подобнымъ же образомъ жительница с. Пархимова Христя Овсяникова въ 1754 г. продала «отческихъ своихъ, по посессии на мене спадаючихъ, два пайки, в подѣлѣ покойному родителю моему Овсянику в лугу, лежачомъ близъ Десни рѣки под Моровскъ, в числѣ обивателей пархимовскихъ доставшиися в десятку Харлимовомъ» [2]).

Не менѣе характерныя подробности о порядкахъ раздѣла общинныхъ земель заключаетъ въ себѣ рядъ любопытныхъ документовъ, относящихся къ состоявшемуся въ началѣ XVIII вѣка раздѣлу общиннаго луга при м. Острѣ. «Мѣючи ми, — говорится по поводу этого раздѣла въ одномъ актѣ 1709 г. — зубополная старшина острицкая, зо всѣми такъ козелецкого, яко и мѣстского (городского) ста мѣста Остра (жителями?), коло того жъ мѣста лежащий лугъ волний, никогда же в томъ не било спокойного уживания, усовѣтовалисмо его милости пана полковника киевского... з общой всѣхъ гражданъ острицкихъ поради о роздѣление того лугу просити, що и учинили». Исполняя эту просьбу, полковникъ послалъ въ Остеръ для разсмотрѣнiя дѣла и раздѣла луга полкового обознаго Якова Барановскаго и полкового писаря Василiя Солонину. Послѣднiе, прибывъ на мѣсто и убѣдившись въ общемъ желанiи раздѣла, «велѣли выготовати шнуръ саженей в сорокъ, коимъ шнуромъ каждому гражданину острицкому, видячи по достоинству и заслузѣ, на куренѣ, до сотнѣ острицкой надлежащии, на цехи и десятки мѣские тяглие, порадне розмѣривши, подѣлилы». Когда раздѣлъ былъ законченъ, полковникъ «на желание и прошение обще всѣхъ унѣверсали защитителние для вѣчистой твердости еденъ на козаки, а другой на мѣщане подъ печатю своею полковничею изволилъ дати» [3]). На дѣлѣ однако лугъ былъ раздѣленъ не на двѣ только части, а на довольно большое количество паевъ. При этомъ паи, доставшiеся

---

1) Тамъ же, т. II, № 302.
2) Тамъ же, т. II, № 336.
3) Тамъ же, т. IV, № 77.

отдѣльнымъ куренямъ, цехамъ и десяткамъ, были не вполнѣ одинаковы по своимъ размѣрамъ, что, можетъ быть, зависѣло отъ количества лицъ, во владѣніе которыхъ они поступали. Вступая въ такое владѣніе, каждый участникъ раздѣла долженъ былъ внести за свой пай извѣстную сумму денегъ «на власть полковничую и на тихъ особъ, которие дѣлили». Но это было выполнено не всѣми и, по крайней мѣрѣ, за нѣкоторые курени и цехи слѣдовавшіе съ нихъ взносы были сдѣланы мѣстнымъ остерскимъ сотникомъ Сергѣемъ Солониной. Послѣ того нѣсколько козацкихъ куреней и «цехъ мѣрочницкій», оставшись недовольны доставшимися им паями («увидѣвши, же намъ неугоденъ есть, и не хотячи имъ владѣти»), предпочли не возвращать этихъ денегъ сотнику, а вмѣсто того отказаться въ его пользу отъ своихъ паевъ, предоставивъ ему полное право собственности на нихъ. Другіе же курени, цехи и десятки, наоборотъ, постарались получить отъ сотеннаго уряда документы на свои паи. Между прочимъ, «бондарскому и гончарскому цехамъ опредѣлено было сажней сорокъ лугу» (въ длину), но «бондарѣ того часу не похотѣли денегъ окладнихъ за часть лугу положити, а гончарѣ належние денги положили» и затѣмъ продали всю эту часть нѣкоему Леонтію Коропцу. Тогда «бондарѣ, видячи, что в книгахъ записанно часть лугу на цехъ бондарский, а они не владѣють, по согласию своему заложивши денегъ шесть копъ, отдали Леонтию Коропцу за тотъ лугъ, имянно за двадцять саженъ, которие денги шесть копъ Коропецъ принявши, вѣчне уступилъ того лугу саженей двадцять цеху бондарскому». Такимъ образомъ нѣкоторые изъ паевъ, опредѣленныхъ частямъ бывшей общины, сразу же перешли отъ нихъ въ собственность отдѣльныхъ лицъ. Но и при самомъ раздѣлѣ паи назначались также и отдѣльнымъ лицамъ, которыя въ дальнѣйшемъ и распоряжались ими на началахъ полной собственности. Такъ, въ 1732 г. жительница г. Остра Елена Самуниха продала за 40 золотыхъ одному изъ мѣстныхъ козаковъ, какъ заявляла она въ своей купчей, «лугъ, лежачий на волномъ лузѣ, мнѣ опредѣленній ведлугъ (по) декрету, саженей сорокъ»[1]). Что же касается паевъ, опредѣлявшихся на курени, цехи и десятки, то мѣстами такіе паи сохранялись въ своемъ первоначальномъ видѣ и довольно долго послѣ раздѣла. Въ 1757 г., напримѣръ, генеральному суду пришлось разбирать дѣло по жалобѣ сотеннаго хорунжаго киселевской

[1]) Тамъ же, т. I, №№ 74—78, 204; т. V, № 243.

сотни Черниговскаго полка Ивана Ковтуна на мѣстнаго сотника Василія Лисенко. «Прошлого 1747 году — излагалъ эту жалобу судъ — на общой сѣножати козачой, которая прежде его Лисенка бывшимъ сотникамъ, такъ и ему, Лисенку, и протчіимъ тоей сотнѣ козакамъ покурѣнно от 70 лѣтъ подѣлена, оной сотникъ Лисенко присланнимъ от его, истца, людямъ не допустилъ на пайцѣ его косить ему сѣна, сказуя, пусть де в стулинской (столинской) сотнѣ себѣ ищетъ». Лисенко отрицалъ это, но былъ уличенъ показаніями свидѣтелей, и полковой, а затѣмъ и генеральный судъ признали его виновнымъ [1]).

Но даже тамъ, гдѣ послѣ раздѣла общинной земли болѣе или менѣе долго сохранялись паи, надѣленные отдѣльнымъ куренямъ или цехамъ, это были, во всякомъ случаѣ, уже не болѣе, какъ обломки прежняго общиннаго владѣнія или даже своего рода воспоминанія объ немъ. Иной разъ, правда, уже раздѣленныя земли рѣшеніемъ мѣстной общины вновь возвращались въ общинное владѣніе. Такой случай былъ, напримѣръ, въ 1724 г. въ г. Лѣнковѣ Стародубскаго полка, гдѣ вольные березняки были раньше раздѣлены на части, съ позволенія сотника, а затѣмъ «всѣ селяне» заявили желаніе, «дабы по прежнему тие березняки въ подѣлехъ не були, но противъ прежнего вольние знайдовались» [2]). Въ этомъ случаѣ дѣло не обошлось, повидимому, безъ вліянія владѣльца села, войскового канцеляриста Холодовича, который стремился обезпечить себѣ возможность пользованія этими березняками для гаченья гребли. Аналогичный до извѣстной степени случай былъ въ началѣ XVIII вѣка въ с. Браницѣ Кіевскаго полка. Убогіе люди жаловались здѣсь въ 1718 г. на богатыхъ козаковъ, «що були волны сѣножати и волно було всѣмъ косить, а въ килька лѣтъ завладѣли були товариство до своихъ гаювъ». И «теди товариство... въ кого есть синожати и береги, попустило по прежнему всѣмъ вульно косить, якъ одному, такъ и другому, богатому и убогому, и, якъ часъ будетъ косить, прибравшися и оповистившися, жебы всѣмъ разомъ пойти на косовицю, а не поривцемъ, подъ виною, хто би пова-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, Дѣла бывшей Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 18, кн. 65, дѣло 154, лл. 411—415 об.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-3140. Уже въ слѣдующемъ году однако Холодовичу была выдѣлена и отграничена часть этихъ березняковъ, — тамъ же, №№ 1616-3143 и 1616-3142.

жился упоромъ своимъ пойти косить»[1]). Но такого рода случаи были, повидимому, очень рѣдки, а по большей части однажды раздѣленная общиной или даже захваченная съ ея молчаливаго согласія безъ правильнаго раздѣла земля уже не возвращалась въ общинное владѣніе.

Раздѣлы же общинной земли отдѣльныхъ поселеній были въ XVIII вѣкѣ частымъ явленіемъ въ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ ея. И всѣ свѣдѣнія, какія даютъ объ этихъ раздѣлахъ памятники XVIII столѣтія, болѣе или менѣе совпадаютъ съ изложенными выше эпизодами изъ этой области земельныхъ отношеній. Въ Прилуцкомъ полку — разсказывали въ 1744 г. старожилы с. Блотницы — «имѣлся волной до того ж села Блотницѣ принадлежащой степъ и оний прежде сего, тому лѣтъ з 20 или большъ, раздѣленъ по частямъ козаками и посполитими блотницкими же, в поперекъ саженей по 10, 20 и 30 каждому по разсмотренію имущества, вдовжъ (въ длину) же того на одни гони, в томъ числѣ и попу того села Якову Родионову дано возовъ на 50 мѣрою, за тѣмъ же в остатки еще било того степу для прихожихъ людей возовъ на 100, точию оной попъ, не будучи тимъ доволенъ, и остаточной завладѣлъ»[2]). Въ этомъ случаѣ частный владѣлецъ, въ лицѣ мѣстнаго священника, положилъ конецъ существованію остатка общиннаго владѣнія. Въ другихъ случаяхъ частные владѣльцы, какъ мнѣ приходилось уже отмѣчать это и выше, своимъ вмѣшательствомъ давали толчокъ къ самому раздѣлу общинныхъ земель. Такъ, напримѣръ, въ 1753 г. кн. Сергѣй Баратовъ писалъ въ генеральную войсковую канцелярію, что при пожалованіи въ 1738 г. грузинскимъ дворянамъ и князьямъ имѣній въ Малороссіи самъ онъ и его отецъ получили по 30 посполитскихъ дворовъ въ м. Кишѣнкѣ Полтавскаго полка. «Но — продолжалъ Баратовъ — яко оное м. Кѣшинка при крайней скудости, кромѣ владѣлческыхъ, свободнихъ лѣсовъ и сѣнокосовъ состоитъ, по тому и намъ означенное число 60 дворовъ безъ таковихъ угодій отведенно, имѣется же в дачѣ онаго мѣстечка, разстояниемъ в 6 верстахъ, при самой реки Днепру, свободный островъ, прозиваемій Бѣловодъ, в которомъ по отбитіи веснянной води с тамошнихъ кишѣнскыхъ обивателей кого силняя хто

---

[1]) И. В. Лучицкій, Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи, Юрид. Вѣстникъ, 1890, № 4, с. 419.

[2]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд. № 175, л 143.

напередъ успѣетъ, рубкою потребной для огорожи лози, якожъ в томъ островѣ болшъ никакого лѣса не ростетъ, и укошениемъ сѣна користуются, а наши жъ подданіе за крайнимъ убожествомъ пред силними к той користи успѣть не могутъ и, собственнихъ своихъ угодій не имѣя, в обидѣ остаются, с чего я пред другими братьею моею грузинскыми князи и дворяни крайне обидимъ». Въ виду этого Баратовъ просилъ раздѣлить островъ Бѣловодъ между жителями м. Кишѣнки по числу дворовъ и выдѣлить пропорціональную часть и ему на его посполитыхъ. Назначенное полтавскимъ полковникомъ по предписанію генеральной канцеляріи слѣдствіе выяснило, что, дѣйствительно, «островъ, зовемий Бѣловодский, от прежнихъ давнихъ временъ и нынѣ есть свободний, к м. Кишинки принадлежащий, с которого острова для всякихъ своихъ нуждъ и потребностей кишѣнскіе обивателѣ всѣ лозу, якая тамъ ростетъ, рубають и трави косять обще, где кто в томъ островѣ пожелаетъ, и оного никто себѣ ни по чему не крепилъ по настоящое время». Получивъ это слѣдствіе, генеральная канцелярія, не рѣшая дѣла сама, взнесла его на резолюцію гетмана Разумовскаго и послѣдній приказалъ раздѣлить островъ Бѣловодъ согласно просьбѣ кн. Баратова [1]).

Такой же раздѣлъ, какого кн. Баратовъ добивался въ Кишѣнкѣ, въ 1749 г. произведенъ былъ въ м. Пирятинѣ Лубенскаго полка. По указу генеральной канцеляріи, вызванному просьбой жителей, сотенная старшина раздѣлила общинный лугъ при м. Пирятинѣ на полосы, отведя на каждый дворъ «равномѣрную частку», и выдала затѣмъ на эти частки особые «письменные билеты», утверждавшіе ихъ «во вѣчное владѣніе» получившимъ ихъ обывателямъ [2]). Въ селахъ такіе раздѣлы нерѣдко производились общиной съ дозволенія одного только сотеннаго уряда, а то и самостоятельно. Такъ, въ 1749 г. товариство с. Келеберды въ лѣплявской сотнѣ Переяславскаго полка рѣшило раздѣлить имѣвшійся при этомъ селѣ вольный дубнякъ, «с коего дубнику они, атаманъ с товариствомъ, никакой ползи никогда не узнають, за темъ, что сторонними людми во всегда зрубуется». Козаки съ атаманомъ во главѣ раздѣлили этотъ дубнякъ на части и оцѣнили ихъ на деньги, съ тѣмъ, чтобы каждый, кто пожелаетъ взять себѣ такую часть въ собственность, уплатилъ поло-

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., I, св. 7, № 689.
[2]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 258—9.

женныя за нее деньги на мѣстную церковь. Затѣмъ они обратились въ сотенное правленіе и, получивъ отъ послѣдняго разрѣшеніе, осуществили раздѣлъ въ такой формѣ на практикѣ [1]). Въ с. Денисахъ того же полка въ 1760 г. жители «общой козачой и посполитской толочной випускъ по согласію атамана съ козаками и войта съ посполитими... сами между собою на равніе части распредѣлили», причемъ за эти части опять-таки взималась плата на церковь [2]). Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ раздѣлѣ участвовали посполитые, самостоятельныя дѣйствія сельскихъ громадъ были очень рѣдки, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ, и особенно во второй его половинѣ, даже свободные посполитые не являлись уже болѣе вполнѣ самостоятельными владѣльцами находившейся въ ихъ пользованіи земли. Въ 1766 г. козакъ д. Марковска, лежавшей въ погарской сотнѣ Стародубскаго полка, Парфенъ Полетика, обратился въ канцелярію малороссійскаго скарба, указывая, что въ этой деревнѣ пашни уже раздѣлены между жителями, «а рощи, сѣнокосы, особливо кои еще рощи не зарощены, противъ грунтовъ не раздѣлены для употребленія всякому своего и для збережения для предковъ (sic), которые рощи чтобъ роздѣлить, подданные ранговые без волѣ и дозволенія скарбовой канцеляріи не смѣютъ и чрез то в спустошеніи всегда при д. Марковску рощи находятся,от чего всякому не без вреда». Въ виду этого Полетика просилъ произвести раздѣлъ «зарослихъ и незарослихъ (називающихся яругами) рощъ и сѣнокосовъ». Получивъ эту просьбу, скарбовая канцелярія предписала мѣстному смотрителю свободныхъ и ранговыхъ вакансовыхъ маетностей представить ей описаніе угодій, о которыхъ писалъ Полетика, и изслѣдовать, «надлежитъ ли с тѣхъ рощъ и сѣнокосовъ что в роздѣлку козакамъ и с той роздѣлки не будетъ ли подданнимъ ранговимъ с обидою» [3]). Иначе говоря, вопросъ о раздѣлѣ ставился въ зависимость уже не отъ воли посполитыхъ, а отъ рѣшенія поставленныхъ надъ ними властей.

Поскольку раздѣлы общинныхъ земель вызывались стремленіемъ къ такимъ раздѣламъ самихъ общинъ, главными мотивами, создававшими это стремленіе, какъ мы видѣли, являлись, съ одной стороны, неизбѣжность столкновеній и трудность охраны общинныхъ владѣній при захватномъ землепользованіи, съ другой —

---

[1]) Тамъ же, сс. 63—5.
[2]) Тамъ же, сс. 198—9.
[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 24,637.

борьба за землю, возникавшая съ теченіемъ времени между разнородными соціальными элементами, образовывавшимися внутри общины. Но иногда раздѣлъ общинной земли совершался и вопреки волѣ самой общины, а порой случалось, что земля уходила изъ рукъ общины и безъ раздѣла. Вотъ одинъ изъ такого рода случаевъ. Въ 1778 г. козаки каневской сотни Переяславскаго полка жаловались на своего полковника Григорія Иваненка за захватъ имъ луга, который состоялъ въ нераздѣльномъ владѣніи всей сотни и «которимъ всякой козакъ и разночинецъ по возможности и состоянію пользовались». Заявивъ притязаніе на часть луга, какъ принадлежащую къ с. Каневцамъ, купленному отъ судьи Дарагана, у котораго, по словамъ козаковъ, тамъ было только 10 подсусѣдческихъ дворовъ, да и то не имѣвшихъ участія въ общинномъ степѣ, полковникъ Иваненко — писали жалобщики — «истребовалъ отъ суда земского золотоношского къ возному сотни каневской Гайдовскому о раздѣлкѣ общего козачего степу и лугу указъ, оный же возній... ввесь почти оной степъ и лугъ для его, полковника, отграничилъ, а козакамъ весьма малую часть оставилъ; когда же козаки не соглашались дѣлать таковой роздѣлки... Моисея Кулика войсковый товаришъ Лѣвицкій палочьемъ билъ немилосердно, чемъ и другихъ козаковъ устращая, къ роздѣлки приневолилъ». Давая объясненія на эту жалобу, Иваненко доказывалъ свое право на участіе въ общемъ степѣ ссылкою на то, что при раздѣлѣ никто изъ козаковъ не оспаривалъ этого права. Что же касается самаго раздѣла, то и просьба объ немъ — заявлялъ Иваненко — «послѣдовала отъ него, полковника, подлинно по одному тому, чтобы показать, что онъ никого обижать не хочеть, ибо онъ, полковникъ, владѣя нероздѣленными добрами въ общѣ, болше можетъ ползоваться» [1]). Это признаніе одного изъ видныхъ членовъ козацкой старшины, какъ и весь вообще этотъ эпизодъ, вплотную подводятъ насъ къ ряду такихъ фактовъ въ исторіи малорусской общины, о которыхъ до сихъ поръ мы упоминали только мимоходомъ, но на которыхъ необходимо въ интересахъ выясненія судебъ этой общины остановиться съ большей подробностью.

---

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ.

IV

Свободныя земли лѣвобережной Малороссіи съ момента отдѣленія ея отъ Польши перешли, какъ мы уже видѣли въ предъидущемъ изложеніи, въ собственность вновь образовавшагося государства — «Войска Запорожскаго». Осѣдая на такихъ земляхъ, та или иная отдѣльная община занимала ихъ въ свое пользованіе, но этимъ еще не выводила ихъ окончательно изъ категоріи «вольныхъ войсковыхъ земель», не уничтожала верховнаго права собственности на нихъ всего «Войска». Послѣднее сохраняло за собою это верховное право собственности, удерживая въ извѣстныхъ предѣлахъ право распоряженія и тѣми землями, которыя были уже заняты тою или иною общиной. И соотвѣтственно этому власти, являвшіяся представителями «Войска» и сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ его права, — сотникъ въ предѣлахъ своей сотни, полковникъ въ предѣлахъ полка, гетманъ на территоріи всей гетманщины — могли раздавать и раздавали, дѣйствительно, общинныя земли въ пользованіе и въ собственность отдѣльнымъ лицамъ изъ среды «знатнаго товариства», равно какъ монастыямъ и духовенству, содѣйствуя такимъ путемъ образованію на мѣстѣ общиннаго владѣнія частной земельной собственности.

Случаи такой раздачи мнѣ опять-таки приходилось уже приводить въ предыдущемъ изложеніи. Но вотъ еще нѣсколько примѣровъ, способныхъ показать, какъ совершалась эта раздача въ первое время существованія гетманщины. «Респектуючи мы — писалъ въ 1681 г. гетманъ Самойловичъ въ универсалѣ, обращенномъ къ населенію Полтавскаго полка, — на поднятіе у войску Запорожскомъ услуги пана Кости Кублицкого, судѣ на сей часъ полку вашего, подалисмо ему третюю часть байраку войскового, называемого Соколѣ,... в завѣдоване, позволивши ему третюю часть, жебы не пустошено, мѣти дозоръ»[1]). Въ 1689 г. тому же Костѣ (Константину) Кублицкому, бывшему тогда полковымъ обознымъ, полтавскій полковникъ Федоръ Жученко, «за увагою (по совѣту) старинихъ значнихъ товариствъ полтавскихъ», далъ клинъ лѣсу, «волний и нѣкому нѣ в чомъ непений»,

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, п. з.: «Протоколы Полтавскаго суда XVII—XVIII вв.», кн. I, л. 41 об. «Особливе — прибавлялъ гетманъ — тутже и тое варуемъ, абы не тилко тоей части, которуюсмо полецили пану Кублицкому, але що и болшая еще часть зостается, и тое самоволне нѣхто пустошити не важился, подъ виною до скарбу войскового ста таляровъ».

а «панъ Костя Кублицкий — писалъ полковникъ въ выданномъ имъ по этому случаю «листѣ» — на отмѣну вручилъ свой лѣсъ поблизу млиновъ монастира Полтавского, чернцѣ мѣютъ владѣти тимъ лѣсомъ пана Кублицкого тожъ за увагою и за позволенемъ нашимъ». Позднѣе гетманъ Мазепа, а за нимъ и Скоропадскій утвердили своими универсалами зятю Кублицкаго, полтавскому полковому судьѣ Петру Кованьку, «часть Сокольего байрака, трудами и денгами умершого тестя его Костѣ Кублицкого окопаную». Помимо того, Скоропадскій подтвердилъ Кованьку и данный ему полковникомъ Иваномъ Искрой универсалъ «на боръ подъ с. Свинковкою подле своего власного лѣсу волній занятій и окопаній», а затѣмъ сыновья Кованька выхлопотали себѣ, на основаніи гетманскихъ универсаловъ, и царскую грамоту на эти земли, тѣмъ самымъ окончательно укрѣпивъ ихъ въ своемъ владѣніи [1]).

Въ приведенномъ эпизодѣ вольная войсковая земля была передана гетманскими и полковничьими универсалами въ исключительное пользованіе, а затѣмъ и въ полную собственность отдѣльнаго лица. Въ другихъ случаяхъ подобными же распоряженіями войсковыхъ властей отдѣльнымъ лицамъ изъ среды козацкой старшины и духовенства, равно какъ монастырямъ, давалось право участія въ пользованіи общинными землями и угодьями. Такъ, въ 1703 году гетманъ Мазепа, подтверждая Каѳедральному Черниговскому монастырю откупленную имъ мельницу на р. Бѣлоусѣ, добавлялъ въ своемъ универсалѣ: «а тутже позволяемъ на поправу тоей катедральной греблѣ в лозахъ и хащникахъ волныхъ, около реки Белоуса поблызу тоей греблѣ найдуючихъся, рубати хмызу (хворосту) з потребу, не займаючи однакъ старинныхъ и купленыхъ людскихъ займыщъ» [2]). Подобнымъ же образомъ гетманъ Скоропадскій, подтверждая въ 1713 г. войсковому товарищу Федору Марковичу данный ему полковникомъ переяславскимъ Томарой хуторъ Пасковскій, вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ въ своемъ универсалѣ, «дабы свободно ему было скотину свою с того хутора на паству в степъ волній Переводскій выпускать» [3]). Но, получивъ такое право участія въ пользо-

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, безъ заглавія и нумераціи, заключающая въ себѣ различные документы Полтавскаго полка, — жалованная грамота ц. Петра Алексѣевича отъ 7 іюля 1718 г. Кованькамъ.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку Кіевскаго университета, № 1616-2810.

[3]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, документы, № 12, — Московскій Румянцевскій Музей, рукописное отдѣленіе, № 1159.

ваніи общинными землями, и монастыри, и члены козацкой старшины въ дальнѣйшемъ стремились обыкновенно окончательно завладѣть хотя бы частью доставшейся въ ихъ пользованіе земли, выведя ее изъ общиннаго владѣнія, и такое стремленіе не рѣдко увѣнчивалось успѣхомъ.

Особенно часто имѣло это мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда участникомъ общиннаго владѣнія становился владѣлецъ имѣнія или, говоря языкомъ той эпохи, о которой у насъ идетъ рѣчь, «державца маетности». Такой державца обычно стремился вывести земли своего имѣнія изъ общиннаго союза и войсковыя власти, съ своей стороны, уже довольно рано начали идти на встрѣчу такого рода домогательствамъ, стѣсняя остававшихся внѣ частной зависимости общинниковъ въ пользованіи тѣми изъ общинныхъ земель, которыя отходили къ державцѣ маетности. «Васъ, атамана івоцкого и шатрицкого з товариствомъ, — писалъ въ 1700 г. стародубовскій полковникъ Миклашевскій въ «листѣ», обращенномъ къ козакамъ сс. Ивоти и Шатрищъ, — напоминаемъ, абысте вы отнюдь з пущы Катедралной его пастырской милости не важилися деревнѣ (дерева) на сторону продавати, досыть (довольно) и того, же в теперешный часъ, на дрова оскудный, и на свою потребу можете выгоду мѣти»[1]). Но воспрешеніе рубить лѣсъ на продажу являлось лишь первымъ шагомъ въ ряду стѣсненій, постигавшихъ общинниковъ съ той поры, какъ бывшіе «вольные» или общинные лѣса переходили подъ власть державцевъ маетностей. За этимъ первымъ шагомъ обычно слѣдовали и дальнѣйшіе. Такъ, въ 1706 г. Кіево-Печерская Лавра жаловалась гетману Мазепѣ, что «многіе люде, войсковыи и посполитыи, а именно подданые и козаки оболонскии, псяровцы, городищане, розлетяне и крисковци, не контентуючися (не довольствуясь) давными своими ограниченными угодіями, втручаются неналежне в пущи монастырскіе Печерскіе, в радичевскихъ добрахъ зостаючіе, где без жадного респекту самовольне з пніовъ дерево валячи, великое в оныхъ чинятъ спустошене». Лавра просила «оборонного универсалу» на лѣсъ при с. Радичевѣ и, исполняя ея желаніе, гетманъ выдалъ ей универсалъ, въ которомъ «рейментарско» приказывалъ, чтобы жители названныхъ селъ въ радичевской пущѣ «жадною мѣрою не важилися з пнювъ

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-3130.

дерева рубати и найменшого тамъ спустошеня чинити, опрочъ лежачихъ дровъ, которые волно будетъ за позволенемъ городничихъ радичевскихъ кождому на опалъ домашний брати и возити». «А еслибы — прибавлялъ гетманъ — хто, над указ сей нашъ упорчиве поступуючи, дерзнулъ в тыхъ помянутихъ пущахъ самоволне стоячое дерево рубати, теды таковего позволяемъ грабити и забирати»[1]). Гетманъ Скоропадскій въ 1700 г., по жалобѣ архимандрита черниговскаго Троицкаго монастыря, что «многые люде веждчаючи пустошатъ пущу до села Перелюба (наданнаго монастырю въ 1709 г.) прилеглую», выдалъ универсалъ, въ которомъ писалъ: «приказуемъ, абы нѣхто, а барзѣй (особенно) далные духовніе, войсковые и свѣцкіе особы в тую до Перелюба прилеглую пущу без вѣдома чи то висоце в Богу превелебного отца архимандрити, чили дозорци перелюбского не веждчали и оное не пустошили, толко тое варуемъ, жебы близкимъ около Перелюба мешкаючимъ людямъ не боронено по давному обыкновенію дровъ з лежачого дерева на потребу свою вивозити»[2]). Но уже въ 1715 г., въ результатѣ новой жалобы архимандрита, гетманъ безусловно и безъ всякихъ ограниченій воспретилъ сосѣдямъ перелюбцевъ въѣздъ въ названную пущу, «поневажъ (такъ какъ) и здавна, за антецессоровъ нашихъ, когда была помянутая пуща до двору гетманского належная, нѣхто въ оную не мѣлъ волного уезду»[3]).

То же самое нерѣдко повторялось и съ другими общинными угодіями. Гетманъ Мазепа далъ монахамъ лубенскаго монастыря рыбныя тони на р. Сулѣ. Вслѣдъ затѣмъ «убогіи люде рибалки» г. Лубенъ обратились въ 1691 г. къ гетману съ жалобой, что монахи «имъ не тилко иншими посудками, але и удкою в реце Суле риби ловити не допускають», «часто ихъ громять и из реки зганяють», а «они, убогіе люде, тимъ рыбалчимъ промысломъ и кормлятся, и повинность мѣскую отбувають». Гетманъ, принявъ во вниманіе, что, «здавна въ рецѣ Сулѣ волно было узкою дорожкою и вятерми на стрижнѣ и на плесахъ рибу ловити», предписалъ, чтобы и на будущее время «нихто такъ з старшихъ войсковыхъ и мѣскихъ, яко и с пречонихъ законниковъ имъ, рибалкамъ, того зборoняти не важился», съ тѣмъ однако, что «в тіи тонѣ, якіе именно на монастырь от насъ унѣверсаломъ ви-

---

[1]) Тамъ же, № 1616-1337.
[2]) Тамъ же, № 1616-1953.
[3]) Тамъ же, № 1616-1955.

разнимъ надании, не маютъ они, рибалки, вступовати и монастиреви чинити шкоди»[1]).

Выдѣлъ земли изъ общиннаго владѣнія и отдача ея отдѣльнымъ лицамъ изъ среды слагавшагося класса державцевъ маетностей производились войсковыми властями и позже, на протяженіи всего почти XVIII вѣка. Въ 1729 г., напримѣръ, гетманъ Апостолъ далъ своему внуку, бунчуковому товарищу Ивану Кулябкѣ, къ его хутору въ яготинской сотнѣ Переяславскаго полка часть вольной степи за р. Супойцемъ; «а прежде — показывали впослѣдствіи мѣстный сотникъ и городовой атаманъ — той степъ яготинские обиватели употребляли на свои нужды и користи». Въ томъ же году Апостолъ далъ «иноземцу» генералъ-квартермистру фонъ-Штофелю въ кропивянской сотнѣ Переяславскаго полка участокъ вольной степи при р. Ирклѣѣ и вольной дубравы въ урочищѣ Згари; «а оний степъ и дуброва — показывалъ позже мѣстный сотникъ — прежде были во владѣніи общомъ всей сотнѣ кропивянской обивателей». Въ золотоношской сотнѣ того же полка Штофель въ 1730 г. получилъ отъ Апостола свободнаго поля на 4 версты, свободной степи въ урочищѣ Чевелчеѣ на 6 верстъ и участокъ вольнаго луга на 15 скирдъ. «А прежде того — показывалъ опять-таки мѣстный сотникъ — помянутое поле, такожъ степъ и лугъ не били нѣ в чиемъ владѣніи, но всѣ обще сотнѣ золотоноской такъ козаки, яко и посполитие свободно употребляли». Въ той же сотнѣ гетманъ Апостолъ позволилъ въ 1732 г. полковому есаулу Лукѣ Васильевичу осадить слободку на купленной землѣ и надалъ ему къ этой слободкѣ участокъ вольной степи[2]). Такая раздача общинныхъ земель, практиковавшаяся къ тому же не только гетманами, но и полковниками, совершалась и въ другихъ полкахъ и путемъ ея немалое количество земель выводилось изъ общиннаго владѣнія и переходило въ руки отдѣльныхъ владѣльцевъ.

Но еще болѣе видную роль, чѣмъ раздача земель войсковыми властями, игралъ въ этомъ переходѣ прямой захватъ общинной земли. Захватное землепользованіе, практиковавшееся малорусской общиной, при наличности на первыхъ порахъ большого запаса свободныхъ земель создавало удобную почву для такого

[1]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевскаго ун-та, Документы Лубенскаго полка, № 4.
[2]) Московскій Румянцевскій Музей, Архивъ Маркевича, № 3688.

захвата и выше мы уже видѣли, что захватное пользованіе общинною землею на практикѣ нерѣдко переходило въ захватъ этой земли въ частную собственность. Когда такой захватъ совершался рядовымъ членомъ общины, послѣдней, если она имѣла основанія дорожить захваченными землями, было не особенно трудно справиться съ захватчикомъ и добиться уничтоженія сдѣланной безъ ея согласія заимки. Но иначе складывалось дѣло, когда захватчикомъ общинной земли являлся державца маетности, въ особенности державца, занимавшій сколько-нибудь вліятельное положеніе въ рядахъ старшины. Такой захватчикъ могъ вести упорную борьбу съ общиной и нерѣдко оставался въ этой борьбѣ полнымъ побѣдителемъ, не смотря даже на то, что права общины находили себѣ признаніе и защиту со стороны высшихъ властей страны. Выше мнѣ приходилось упоминать о томъ, какъ жители с. Чарторіи въ Нѣжинскомъ полку въ теченіе ряда десятилѣтій болѣе или менѣе безуспѣшно боролись съ захватами ихъ общинной земли богатымъ мѣщаниномъ Лазаремъ Матвѣевичемъ и его потомками, вышедшими, подъ именемъ Лазаревичей, въ козацкую старшину [1]). И исторія чарторійской общины въ этомъ отношеніи вовсе не представляла собою какого-либо рѣзкаго исключенія. Въ параллель ей можно было бы привести цѣлый рядъ подобныхъ же эпизодовъ, разыгрывавшихся въ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи.

Въ 1691 г. сосницкій сотникъ Андрей Дорошенко и козаки, мѣщане и «тяглые люди» мѣстечекъ Сосницы и Мены и селъ, тянувшихъ къ этимъ мѣстечкамъ, обратились къ гетману Мазепѣ съ жалобой на державцу с. Савинокъ въ сосницкой сотнѣ Черниговскаго полка, Леонтія Полуботка, который захватилъ въ свое исключительное владѣніе «пущу, за рѣкою Убедью, за Хрибетною и Бречью будучую, здавна до Сосницѣ и Мени и до селъ, к тимъ городамъ прилеглихъ, належачую». Гетманъ выслалъ для разбора этого дѣла на мѣсто спора генеральнаго судью Савву Прокоповича, знатныхъ войсковыхъ товарищей Захарію Шійкевича и Якова Жураковскаго и черниговскаго полковника Якова Лизогуба. Передъ этими судьями истцы вновь повторили свою жалобу на Полуботка «о тое, же (что) онъ до помененное волное пущи жалобливыхъ сосничанъ, менянъ и селянъ, к тимъ городамъ прилеглихъ, не допускаеть по дерево, такъ на будовлю (строеніе), якъ и на опалъ (топливо) и на иніе потреби домовіе

[1]) См. выше, сс. 205—6.

згожое, якожъ чрез двѣ лѣтъ многіе грабежѣ, побои и шкоди сосничанамъ, менянамъ и селянамъ от старости савинского и от иной челяди пана Полуботковой дѣялось». Попутно однако на судѣ выяснилось, что и Андрей Дорошенко захватилъ и окопалъ себѣ часть пущи. Но въ результатѣ убѣжденій судей «обѣдвѣ сторони, такъ панъ Леонтій Полуботко, яко и панъ Андрѣй Дорошенко, склонилися на тое, щоби всѣмъ сосницкимъ, менскимъ и сѣлскимъ обивателемъ, козакомъ, мещаномъ и тяглимъ людемъ, в Сосницѣ, в Менѣ и в селахъ, до тихъ двохъ городовъ прилеглихъ, мешкаючимъ, волній былъ вѣчне вступъ и въиздъ по всякое дерево в менованную пущу». «Якожъ — писали гетманскіе «высланные» въ составленномъ по этому случаю актѣ — от дати сего писма нашего самимъ скуткомъ (самымъ дѣломъ) панъ Полуботко и панъ Дорошенко позволяють сосничаномъ, менянномъ, селяномъ теперъ и на потомъ в помененную пущу... волній вступъ по всякое дерево мѣти такъ, яко и перед тимъ было, без жаднихъ докладовъ, грабежовъ, побоевъ, а окопи, от пана Дорошенка в предреченной пущѣ закопанніе, тіе абы знесенни и засипанни были, наказуемъ, жебы отнюдь волная ведлугъ стародавнего звичаю тая пуща была». Казалось бы, съ захватами этой пущи дѣло было покончено. Но прошло около сорока лѣтъ и въ 1727 г. гетману Апостолу была подана жалоба атаманами и товариствомъ различныхъ селъ волинской сотни, заявлявшими, что Анна Павловна Полуботокъ вновь закрыла имъ «доброволній вступъ» въ эту пущу. «Мы прето, — писалъ гетманъ Аннѣ Полуботокъ — засилаючи васъ симъ нашимъ листомъ, приказуемъ, абысь вашмость, з помянутыми жалобливими козаками не заходячи в трудность и в судовое разсмотреніе, оной волной пущи имъ не боронила и, що у онихъ козаковъ заборовъ хлѣбомъ и другими вещми починили, тіе возвратили б все отъ мала и до велика, ибо если впредь о семъ до насъ жалоба дойдетъ, то за такіе людскіе обѣди будешь вашмость судима, а по суду если тое самоволство на васъ доведется (будетъ доказано), то жебы (какъ бы) и маетности тоей, до якой тую привлащаете (присвоиваете) пущу, не пришло позбути» (не довелось лишиться [1]). Еще черезъ два года, въ 1729 г., къ гетману обратились съ жалобой сосницкіе сотняне, указывая, что прежде названная пуща была вольной и «невозбраненной до рубання в оной деревнѣ» и для нихъ, и для волинскихъ сотнянъ, «когда же стала была заборо-

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 13.488.

ненна, то якъ сосницкой, такъ и волинской сотнѣ обивателемъ несвободно было в тую пущу, за Савинками найдуючуюся, ездить рубати деревнѣ», а теперь волинскимъ сотнянамъ гетманомъ вновь открытъ свободный въѣздъ въ пущу, сосничанъ же въ нее не пускаютъ и грабятъ. Гетманъ поручилъ черниговскому полковнику разобрать эту жалобу [1]). Чѣмъ кончился этотъ разборъ, изъ архивныхъ бумагъ не видно, но уже въ 1751 г. волинскіе сотняне жаловались гетману Разумовскому на новые захваты пущи, съ одной стороны, державцами с. Савинокъ, Василіемъ и Семеномъ Полуботками, съ другой — державцей с. Козляничъ, Василіемъ Дорошенкомъ. Послѣдній, по словамъ жалобщиковъ, «завелъ въ вѣчную продажу» майору Холодовскому не только свое село Козляничи, но и «оную свободную всѣмъ околичнимъ обивателемъ пущу» и «утвердилъ купчимъ записомъ, покривая свою неправую продажу, не на томъ уряде, где оное село и пуща свободная положеніе свое имѣетъ, якъ по правамъ должно, но в отмѣнность онихъ правъ малороссійскихъ в отдаленномъ и постороннемъ урядѣ сотенной глуховской ратуши, где неизвѣстно об оной не собственной его Дорошенка пущи, но общей войсковой, ту купчую ствердилъ, почему оной Холодовской, не допущая в ту пущу всѣхъ обивателей, которіе в оную изстари имѣли свободной уездъ и нужди своя исправляли, началъ чинить препятствія и до оной не допущать» [2]). Каковы были результаты этой новой жалобы, изъ архивнаго дѣла опять-таки не видно, но уже самая длительность жалобъ, повторявшихся на протяженіи шестидесяти лѣтъ, показываетъ, какъ упорно домогались державцы завладѣть общинной землею и какъ трудно было общинѣ бороться съ такими домогательствами.

Полуботки и Дорошенки въ этомъ случаѣ опять-таки не представляли собою исключенія. Тѣмъ же путемъ, какъ они, шли и другіе державцы и та исторія захватовъ общинной земли, которая происходила въ Савинкахъ и Козляничахъ, повторялась съ нѣкоторыми варіаціями и во многихъ другихъ селахъ лѣвобережной Малороссіи. Въ 1726 г. козаки с. Куликовки, расположеннаго въ Черниговскомъ полку, жаловались въ генеральную войсковую канцелярію, что бунчуковый товарищъ Андрей Борковскій воспрещаетъ имъ въѣздъ въ лежащую подъ с. Буровкой пущу, «которая от давныхъ временъ за дѣдовъ и отцовъ ихъ

---

[1]) Тамъ же, № 20.878.
[2]) Тамъ же, № 13.488.

тому селу Куликовцѣ свободна была на всякое употребление». Генеральная канцелярія назначила по этой жалобѣ розыскъ и слѣдователи прежде всего спросили куликовцевъ, есть ли у нихъ крѣпости на спорную пущу. Крѣпости на «бортное ухожье» оказались у трехъ козаковъ, «а болшъ — писали слѣдователи — нихто з козаковъ куликовскихъ в той пущи в бортномъ дереви участництва не имѣетъ и жадныхъ крѣпостей на свободный в оную пущу уездъ намъ не показали», но заявляли, что пуща эта имъ «была прежде волна на дрова и на всякую потребную деревню», и ссылались на свидѣтельство козаковъ сс. Ивашковки и Выхвостова. Дѣйствительно, «села Ивашковки престарѣлие козаки, сказуючие себѣ от роду близко ста лѣтъ, а именно Пархомъ Панченко, прозваниемъ Кѣтко, да Іосифъ Пирогъ... в допросѣ сказали, что пуща под село Буровку и под Лиственъ, котрой Борковскій до села Листвена боронитъ, з предковъ ихъ не тилко куликовцямъ и имъ, ивашковцямъ, но и протчиимъ околичнымъ селянамъ и из-за Десны приежджаючимъ людемъ была свободна ездить по дрова, по дрань и по всякую надобную на хоромное строеніе деревню, тилко отчичи, которие займаное в той пущи мѣли бортное дерево и угляди, охороняли оного, щобъ не рубано, а якъ овладѣлы силные паны, Скоропадскій селомъ Буровкою и другимъ Дроздовицею, а Борковский небожчикъ (покойникъ) Лиственомъ и Тупичевомъ, стали с першихъ лѣтъ по малу, а потимъ що далей, то болей грознѣй боронити оной пущи, и хто з чимъ, з дровами ль или з инымъ надобьемъ едетъ, начали грабить, а послѣ ихъ сими уже годами такъ тими грабежами утровилися (sic), що еслибы хто где в пущи викопалъ на лучину сосноврго пенька, то тамже збуде конька». Такого же рода показанія дали и жители другихъ окрестныхъ селъ. Съ своей стороны Борковскій ссылался на гетманскіе универсалы и царскія грамоты, отдавшіе ему Лиственъ «съ принадлежитостьми», и, въ частности, на универсалъ гетмана Скоропадскаго отъ 1715 г., воспретившій окрестнымъ селянамъ въѣздъ въ пущу. Въ концѣ концовъ и генеральная канцелярія постановила отказать куликовскимъ козакамъ отъ пущи, оставивъ только за владѣльцами бортнаго ухожья ихъ борти и право драть лыко и брать дерева, сколько они смогутъ унести на себѣ [1]).

---

[1]) «Во время ихъ за тѣми бортями уходу в той пущи волно на лѣзива ликъ надрать, лубя на дѣжки приспособить и на другые потребы бортные що могутъ на себѣ винести дерева, употребити без воспрещенія». Тамъ же, № 10.608.

Подобная же исторія имѣла мѣсто въ началѣ XVIII вѣка въ погарской сотнѣ Стародубовскаго полка. Въ 1733 г. полковому стародубовскому суду пришлось разбирать споръ изъ-за пущи между козаками и посполитыми селъ Сопычъ, Случевска, Чаусъ и Гремяча, съ одной стороны, и полковымъ сотникомъ Галецкимъ и посполитыми принадлежавшей ему деревни Витемли, съ другой. Во время производившагося по этому спору слѣдствія свидѣтели, жители окрестныхъ селъ и деревень, согласно показали, что «пуща, в которую витемлене не допускаютъ въездить гримяцкимъ, случевскимъ, сопицкимъ и чаусовскимъ жителямъ, изстарѣ была умѣстная (совмѣстная) и свободній показаннихъ селъ обиватели в оную для рубаня дерева, для кошеня сѣна на ростеребахъ и углядахъ бортнихъ ухожей мѣли въездъ», а съ переходомъ Витемли во владѣніе Галецкаго онъ самъ и «подданные» его «помянутихъ селъ жителемъ свободного уезду стали боронить». Сами витемляне показали, что «пуща и лугъ на семъ боку Десни и за Десною околицѣ жителемъ случаномъ, сопичаномъ, чаусовцямъ, муравяномъ, горичаномъ и гримячаномъ для рубаня всякого дерева и дровъ была волная и бортною отчиною показаннихъ селъ всякъ своею владѣлъ, когда же Витемле отойшло с под вѣдомства ратуши во владѣніе покойному сотнику погарскому Захарію Искрѣ, то в тое время онъ, Искра, помянутихъ селъ обивателемъ тоей пущи боронить, а чаусовцовъ и бортной отчини приказалъ не допускать, потому что данѣ медовой, которую совокупне отдавали в ратушу погарскую з витемлянами, ему, Искрѣ, не схотѣли давать, а в 1701 году онъ, Искра, з гримячанами учинилъ розмежоване, того для, что гримячане з витемлянами за ростеребы сѣнокосніе... едни з другими споръ мѣвали». Во время владѣнія Витемлей Искры — показывали дальше витемляне — это размежеваніе сохраняло свою силу, «а якъ знову оная деревня отойшла под вѣдомство ратуши погарской, то гримячане в ростеребѣ отмежованніе стали вступать и в захватъ едни пред другими сѣно забирали, когда же тая ж деревня досталась во владѣніе сотниковѣ полковому Семену Галецкому, то по оному розмежованному писму или по другимъ крѣпостямъ онъ, Галецкий, велѣлъ имъ, витемляномъ, гримячанъ въ сѣнокосніе ростеребы, в пущу и в лугъ для рубаня дровъ, такожъ случанъ и сопичанъ не допускать и грабить, они неизвѣстни». Разбираясь въ этихъ показаніяхъ, полковой судъ призналъ ихъ устанавливающими тотъ фактъ, что спорная пуща «была свободная и всѣмъ помянутой околицѣ селяномъ общая» и что, если

владѣльцы Витемли и «боронили» эту пущу отъ окрестныхъ селянъ, «толко ж не по знакамъ явнимъ граничнимъ и другимъ доказателствамъ, но по еднимъ своимъ прихотямъ», такъ какъ и самое размежеванiе, устроенное Искрой, было произведено «не полюбовне» и «толко поти и држано было, поки держалъ Витемле Искра». Съ своей стороны Галецкiй на допросѣ показалъ, что спорная пуща «издавна, може быть, была свободная, толко, когда надано ему село Витемле покойнимъ гетманомъ Скоропадскимъ со всѣми до того принадлежитостями, тогда означенная пуща стала быть не свободная, но надлежащая до села Витемля, в обрубѣ грунтовъ витемлянскихъ найдуючаясь», такъ какъ Витемля дана ему универсаломъ Скоропадскаго, а затѣмъ утверждена и царской грамотой «со всѣми принадлежитостями». Судъ однако нашелъ, что «сiе его сознате ему, сотнику Галецкому, не в оправданiе»: во-первыхъ, еслибы пуща и принадлежала ему, онъ долженъ былъ вѣдаться съ другими претендентами на нее судомъ, не устраняя ихъ самовольно отъ владѣнiя, а, во-вторыхъ, по справкѣ съ представленными крѣпостями, универсаломъ 1720 г., которымъ гетманъ Скоропадскiй подтвердилъ Галецкому владѣнiе Витемлей по листу стародубовскаго полковника Жоравки, и царской грамотой 1724 г., оказалось, что «принадлежитостей никакихъ якъ в унѣверсалѣ гетманскомъ, такъ и в грамотѣ монаршой не упомянуто». Въ виду всего этого полковой судъ рѣшилъ оставить спорную пущу «свободной» и призналъ, что Галецкiй долженъ вознаградить «пограбленныхъ» имъ людей. Но, несмотря на то, что и управлявшiй тогда Малороссiей кн. Шаховской съ генеральной войсковой канцелярiей предписывалъ привести въ исполненiе это судебное рѣшенiе, Галецкiй категорически отказался подчиниться ему [1]).

Временами такiе захваты общинной земли вызывали довольно суровыя мѣры со стороны высшей администрацiи страны. Такъ было, напримѣръ, въ 1720 г. съ генеральнымъ судьею Чарнышемъ. Козаки и посполитые с. Гайворона въ Прилуцкомъ полку жаловались гетману Скоропадскому, что Чарнышъ захватываетъ ихъ земли. Гетманъ дважды назначалъ слѣдствiе по этимъ жалобамъ и, какъ писалъ онъ затѣмъ въ своемъ универсалѣ, «обома разами показалося, же панъ судiя енералний, мало щось тамъ купивши грунту, болшъ насилiемъ людскiе поля, сѣнокоси и степъ,

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегiи, Черниг. отд., № 16.812.

здавна до Гайворона належний, самъ велѣлъ, а староста его позаездили, чрез що немалое тамошнимъ гайворонскимъ людямъ сталося утѣсненіе». Поэтому, «приказавши пану судіи енералному оттоль з Гайворона новоустроеній знести футоръ и пасѣку и, що колвекъ (что бы ни было) у кого з гайворонцовъ насилно отнято, все би тое непремѣнно каждому воспять возвратилъ, впредь не имѣючи туда жадного вступу», гетманъ «для крѣпчайшого гайворонцовъ приверненними ихъ грунтами и степомъ по прежнему владѣнія» велѣлъ выдать имъ изъ войсковой канцеляріи универсалъ, которымъ утвердилъ «якъ кождому зособна, такъ и всѣмъ обще гайворонскимъ жителемъ пахатніе и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаемии, степъ и лѣсъ тамже давний мирский, в безперепонное користование». При этомъ гетманъ позволялъ, «еслиби от кого-нибудь имъ гайворонцамъ яковая в мененнихъ ихъ здавна владѣннихъ грунтахъ била затѣянна кривда, теди всячески онихъ тихъ своихъ угодий и степу боронити и нѣкого до него не допускати»[1]).

Но случаи такой рѣшительной расправы съ захватчиками общинной земли, занимавшими сколько-нибудь видное положеніе въ рядахъ старшины, были крайне рѣдки. А между тѣмъ для старшины, являвшейся представителями тѣхъ мѣстныхъ общинъ, изъ которыхъ слагалось «Войско Запорожское», и сосредоточивавшей въ своихъ рукахъ права этихъ общинъ, по самому существу ея положенія была открыта возможность широкаго произвола въ распоряженіи общинными землями. И эта возможность тѣмъ рѣже оставалась неиспользованной на практикѣ, чѣмъ дальше подвигался впередъ процессъ обособленія старшины отъ массъ населенія, ослабленія контроля послѣднихъ надъ ея дѣятельностью и расширенія ея власти. Къ XVIII вѣку этотъ процессъ сдѣлалъ большіе успѣхи и уже въ первыя десятилѣтія этого вѣка однимъ изъ наиболѣе обычныхъ обвиненій, возбуждавшихся противъ лицъ, занимавшихъ полковничьи и сотничьи уряды, являлось обвиненіе въ захватѣ общинныхъ земель или въ потворствѣ такому захвату.

Въ 1719 г. въ Прилуцкомъ полку разбиралось дѣло по жалобамъ мѣстныхъ полчанъ на назначеннаго къ нимъ полковникомъ Игната Галагана. Указывая на разнообразныя обиды и притѣсне-

---

[1]) Рум. Опись, Прилуцкій полкъ, Корибутовская сотня, документы с. Гайворона, — Архивъ Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, № 492. См. также А. М. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. III, сс. 280—285.

нія, какія имъ приходилось выносить отъ Галагана, прилуцкіе полчане, между прочимъ, жаловались и на то, что онъ, построивъ себѣ хуторъ на вольномъ полковомъ степу, занялъ этотъ степъ въ свою пользу и не пускаетъ на него полчанъ косить сѣно. Галаганъ въ своемъ отвѣтѣ на жалобы не счелъ нужнымъ даже опровергать это обвиненіе въ полномъ его объемѣ и ограничился лишь утвержденіемъ, что онъ занялъ только «якоби на верству кругомъ того волного степу», тогда какъ весь этотъ степъ простирается на 4 мили [1]). Обладая правомъ разрѣшать заимки общинныхъ земель, полковникъ считалъ себя въ правѣ совершать такія заимки и въ свою пользу, а съ той поры, какъ исчезалъ или серьезно ослаблялся контроль полчанъ надъ его дѣйствіями, все труднѣе становилось провести границу между нормальнымъ пользованіемъ обычнымъ правомъ и злоупотребленіемъ этимъ правомъ со стороны полковника.

То же самое повторялось и въ сотняхъ. Такъ, въ 1722 г. жители старо-санжаровской сотни Полтавскаго полка, жалуясь на своего сотника Ивана Тарнавскаго, въ числѣ другихъ обидъ отъ него указывали и на захватъ имъ общинной земли. По словамъ жалобщиковъ, сотникъ заоралъ «мірскую дубину» и завладѣлъ такимъ ея участкомъ, «якъ би на десять господаровъ (хозяевъ) користей, а на убогихъ людей и на сколко (нѣсколько) десятковъ пожитокъ би мѣли себѣ». Кромѣ того, сотникъ «випустъ мирский насилно на свою користь загородилъ, а от Ворскла огорожи не поставилъ, который то випустъ з давнихъ давенъ билъ воленъ, и того ради, что от Ворскла огорожи нѣсть, гуси мирские з води уходятъ», а сотникъ ихъ «велѣлъ бити и по плотахъ на згарду людскую вѣшати, наругаючися всѣмъ людемъ». Наконецъ, сотникъ «двориша людскіе пустие самовластно собою за гроши людемъ попродалъ» и деньги «на свои потреби домовие завладѣлъ». Тарнавскій однакоже не призналъ себя виновнымъ. «Дубину мирскую волную — объяснялъ онъ — когда зачали многие з жителей нашихъ къ своимъ грунтамъ приймати и обороняти, теди и я, смотрячи на онихъ, заоралъ билъ тоей волной дубини и себѣ и, когда мене турбовали въ року 711, хотячи мене от сотництва отдалити, то в той часъ и о той дубинѣ прекладали в жалобливомъ своемъ пунктѣ, за которую то дубину от покойнихъ ясневелможного и пана полковника нашего не имѣлъ я жадного слова, однакъ,

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, Дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, дѣла бывшей Черниг. Палаты Уг. и Гражд., оп. 2, св. 1, № 1.

хотячи з ними жити, от тихъ часъ оную дубину не свою и не бороню и хто сколко хочетъ рубаетъ». «Випустъ мирский, зовемий лукою, — продолжалъ свои объясненія Тарнавскій, — от шведской руини, взявши себѣ самоволство, хто хочетъ, на токи, на огороди и на поселения, оставляючи свои давние мѣстца у городѣ, позаймали; и я килко разий (нѣсколько разъ) огороди ламалъ и в греблю вкидалъ и грозно онимъ запрещалъ, даби такого самоволства не мѣли, и они, мене не слухаючи, жадного року (каждый годъ) к тимъ поселениямъ, сколко хотятъ, прибавляютъ. Тогда я, призвавши всѣхъ тихъ, которие близъ тоей луки живутъ, и тихъ, которие позаймали, просилъ онихъ, мовлячи: поневажъ (такъ какъ) ви много луки позаймали, прошу, будте ви ласкови, благословѣте и мнѣ частку на пастовникъ заняти. А же (такъ какъ) они на прошеніе мое позволили и листъ от себе за подписаниемъ именъ своихъ и крестовъ руками своими дали», то онъ и занялъ себѣ часть выпуска. Фактъ продажи въ свою пользу пустых дворищъ Тарнавскій также рѣшительно отрицалъ, утверждая, что новые поселенцы селились не на пустыхъ усадебныхъ мѣстахъ, а на вольномъ мірскомъ выпускѣ, и ему, сотнику, при этомъ ничего не платили [1]). Въ концѣ концовъ Тарнавскій покончилъ дѣло съ сотнянами миромъ, согласившись покинуть сотенный урядъ, но захваты общинной земли продолжались и при другихъ сотникахъ. Въ 1750 г. старо-санжаровскіе козаки, жалуясь на различныя обиды со стороны сотника Ивана Згуркова, въ числѣ ихъ упоминали и о «завладѣніи общихъ нашихъ лѣсовъ, степовъ, сѣнокосовъ и випустовъ, с коихъ бедніе старосанжаровскіе обывателѣ, козаки и посполство, грунтовъ не имеющіе, свое снабдѣніе имели». Разборъ дѣла затянулся и въ 1754 г. козаки просили, чтобы до окончательнаго рѣшенія его «из общой нашой землѣ, гдѣ онъ, сотникъ, футоръ и подварокъ вистроилъ в обиду нашу, повеленно б было строеніе его прочь снесть и тѣ землѣ и лѣсъ, самоволно имъ завладѣнній, в наше общое владѣніе возвратить» [2]). Порядки другихъ сотенъ и другихъ полковъ въ этомъ отношеніи мало отличались отъ порядковъ старо-санжаровской сотни. Жители с. Остаповки, лежавшаго въ варвинской сотнѣ Прилуцкаго полка, разсказывали въ 1744 г., что прежде къ ихъ селу «надлежало степу якоби скиртъ на чтири», а когда де билъ сотникомъ варвинскимъ умерший Михайло Тарнавский, то в умер-

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., I. св. 1, № 28.
[2]) Тамъ же, св. 8, № 770.

шого атамана Данила Кузменка остаповского з ласки едного лѣта випросилъ себѣ тотъ степъ викосить, а другого лѣта и безъ спросу косилъ, потомъ же и загономъ оборалъ, а какъ онъ Тарнавский умре, то того села обиватели по части себѣ оное разобрали и владѣли лѣтъ с пять, вѣдая, что тое надлежитъ къ оному селу, когда же синъ его, Тарнавского, бунчуковий товаришъ Данило Тарнавский, пришолъ в совершенній возрастъ, то оное поле лѣтъ тому з десять насилно отнялъ, сказуя, что то отца моего, ибо на ономъ кошувавъ сѣно, и потому владѣеть, не допуская оного къ тому селу» [1]). Въ 1729 году генеральному войсковому суду пришлось разбирать дѣло золотоношскаго сотника Антона Черушинскаго, обвинявшагося въ томъ, что засѣвая въ свою пользу «отбѣзскія» поля, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ собиралъ съ подчиненныхъ ему сотнянъ деньги на сѣмена для такого засѣва [2]). «Отбѣзскія земли», какъ и пустыя дворища, составляли собственность общины. Но Черушинскій, пользуясь своею сотничьей властью, обратилъ эти земли въ подспорье для своего хозяйства, подобно тому, какъ старосанжаровскій сотникъ Тарнавскій обратилъ пустыя дворища въ источникъ дохода на свои «домовыя потребы».

По слѣдамъ полковой и сотенной старшины шли въ дѣлѣ захвата общинныхъ земель и другіе державцы. Особенно выдѣлялись въ этомъ отношеніи монастыри, которые, пользуясь порядками захватнаго землепользованія, нерѣдко занимали громадныя пространства общинной земли, устраивая на ней свои хутора и слободы и тѣмъ самымъ сильно стѣсняя первоначальныхъ поселенцевъ, являвшихся коренными членами общины. Въ 1730 г. козаки и посполитые яготинской сотни Переяславскаго полка жаловались гетману на монаховъ Каѳедральнаго Переяславскаго монастыря. «Где зпрежде бывало — писали жалобщики — отци, дѣди и прадѣди наши в степу, нашой же сотни яготинской найдуючомся, войсковомъ волномъ сѣна кошували, быдло пасли, полями владѣли и за оній его императорскому величеству служили и всякія повинности и дани отбували, а по нихъ и ми, потомки ихъ, тожъ ея императорскому величеству вѣрне служили и войсковіе повинности отбуваемъ и з того степу доволствовалися, не узнаваючи ни от кого жаднихъ обидъ и утѣсненій ажъ по сюю

[1]) Тамъ же, Черниг. отд., № 175, л. 155.
[2]) Моск. Архивъ Мин. Юстиц., дѣла упраздн. присутств. мѣра, Дѣла бывшей Черниг. Палаты. Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 5, кн. 23, д. 51, лл. 124 об. —126.

пору; а теперъ в сихъ недавнихъ годахъ оніе законники вишшепомянутимъ степомъ нашимъ яготинскимъ безъ жадного указу, крѣпостей и старшинъ вѣдомства насиліемъ сами собою, футорами новопостроенними осѣвши, завладѣли»[1]). Первоначально, — разсказывали въ 1740 г. старожилы-козаки — хотя въ яготинскомъ степу и были хутора, но самый степъ былъ «отъ вѣку волний» и «всякимъ чинамъ, рядовимъ козакамъ и посполитимъ людямъ, въ кошеню сѣна, въ ораню на хлѣбъ поля нѣкимъ забониванъ не бивалъ: где кто похощетъ, бивало, оретъ и, где кто похощетъ, сѣно коситъ». Но затѣмъ вдова полкового судьи Папкевича завѣщала свой хуторъ Годоновку Переяславскому монастырю. И «отъ тихъ временъ оніе чернци, годъ по году, часъ отъ часу умножаючись и розживаючись, построили себѣ и другой футоръ, прозиваемий Лозовий Яръ, да накликали жъ себѣ Михайловскіе Переясловскіе чернци и слободу, прозиваемую Журавку, людей на колконадцять дворовъ; и умножили въ тихъ футорахъ и въ слободѣ людей такъ, что въ Годоновскомъ, а потомъ въ Лозовоярскомъ хуторахъ и церкви построили; и что степъ отъ вѣку волной косить и орать всѣмъ футорамъ билъ свободний, начали чернци годъ отъ году, часъ отъ часу всѣмъ футорамъ орать и косить запрещать, и не допускать, и боронить; но сами собою и съ своими людми по подъ протчими въ самой близости футорами пришедъ, скотомъ землю орутъ и сѣно косятъ и до своихъ футоровъ, далними проорами своими степъ забирая, напрасно и неналежно граничатъ»[2]). Жалуясь въ 1730 г. на эти захваты, яготинскіе козаки и посполитые просили гетмана «повелѣть тіе новопостроенніе чернечіе футорѣ з степу нашего очистить, дабы намъ по прежнему волно было онимъ користоватися», но просьба эти не повела ни къ какимъ результатамъ и захваченная земля осталась за монастыремъ.

Сами по себѣ порядки общиннаго пользованія не допускали такихъ захватовъ земли, но монастыри, стремясь увеличить свои земельныя владѣнія, часто были не особенно разборчивы въ выборѣ средствъ, ведшихъ къ такому увеличенію. Тотъ же Каѳедральный Переяславскій монастырь въ 1740 г. захватилъ въ чигриндубровской сотнѣ Лубенскаго полка къ своему Лялинскому хутору Криворудскую степь и сталъ требовать съ окрестныхъ ко-

---

[1]) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Переяславскаго полка, документы, № 6 — рукописное отдѣленіе Московскаго Румянцевскаго Музея, № 1159.

[2]) Мотыжинскій Архивъ, К. 1890, сс. 41-2.

заковъ десятины за пользованіе этой степью. Козаки обратились въ полковой судъ, обвиняя монастырь въ захватѣ принадлежащей имъ общинной земли. Тогда монастырь заявилъ, что названная степь вмѣстѣ съ хуторомъ досталась ему въ 1714 г. по духовному завѣщанію нѣкоей Евдокіи Саливоновны и представилъ универсалъ лубенскаго полковника Андрея Марковича и царскую грамоту, подтверждавшіе это завѣщаніе. Однако дочь Евдокіи Саливоновны, вызванная въ качествѣ свидѣтельницы козаками, заявила передъ судомъ, что мать ея не отдавала монастырю спорной степи и хутора и не могла отдать, такъ какъ сама ими не владѣла. Это показаніе было подтверждено и представленнымъ въ судъ завѣщаніемъ перваго владѣльца хутора, дяди Евдокіи Саливоновны, Рубана, завѣщаніемъ, по которому онъ всѣ свои хутора отдавалъ зятю своему Василію Пиковцу, а племянницѣ Евдокіи Саливоновнѣ завѣщалъ только часть мельницы и нѣсколько коровъ. Въ дальнѣйшемъ изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что самому Рубану въ свое время хуторъ «отъ всего общества уступленъ былъ», причемъ Рубану лишь «при гребелкѣ позволили хуторцемъ сѣсти, степу же ему нимало не уступали», и онъ, дѣйствительно, владѣя хуторомъ, «мирскому стаду и чередѣ в степу ходить и в томъ ставу водопой имѣть не зборонялъ и границѣ по смерть свою не чинилъ». Выяснилось изъ свидѣтельскихъ показаній также и то, что и послѣ смерти Рубана вплоть до 1740 года окрестные жители свободно пользовались Криворудскою степью, не встрѣчая никакихъ препятствій, и только съ 1740 г. монахи стали присваивать эту землю себѣ и требовать за пользованіе ею десятины. Въ результатѣ полковой судъ рѣшилъ оставить спорный степъ «по волности оного издревле уживаемого и роспаханного» за козаками и, такимъ образомъ, на этотъ разъ монастырю не удалось выиграть смѣлую игру, затѣянную имъ съ общинною землею[1]). Такая же неудача постигла въ другой разъ Харлампіевскій Гамалѣевскій монастырь, попытавшійся въ 1752 г. захватить общинные сѣнокосы и лѣса козаковъ и посполитыхъ с. Макова въ Нѣжинскомъ полку. Дѣло объ этомъ захватѣ дошло до генеральнаго войскового суда и было рѣшено имъ въ 1758 г. противъ монастыря, такъ какъ оказалось, что захваченныя монастыремъ земли были раньше подтверждены ма-

---

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ, дѣло 1742 г. о Криворудскомъ степѣ.

ковскимъ козакамъ и посполитымъ гетманскими универсалами [1]. Но если, такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ монастыри и терпѣли пораженіе въ своихъ черезчуръ ужь смѣлыхъ и откровенныхъ посягательствахъ на общинныя земли, то, съ другой стороны, не было недостатка и въ такихъ случаяхъ, когда подобныя посягательства, въ виду ли слабости общины, противъ которой они были направлены, или въ виду поддержки властей, какую умѣлъ найти для себя монастырь, увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. И такой же успѣхъ нерѣдко сопровождалъ и аналогичныя посягательства многочисленныхъ свѣтскихъ державцевъ.

Въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка все разроставшіеся захваты общинныхъ земель привлекли къ себѣ вниманіе высшей администраціи страны и въ 1735 г. стоявшій во главѣ управленія Малороссіей кн. Шаховской обратился по этому поводу съ особымъ предложеніемъ къ совѣщанію генеральной старшины, полковниковъ, полковой старшины и другихъ чиновъ. Изъ разныхъ доношеній и слѣдствій кн. Шаховскому — говорилось въ этомъ предложеніи, датированномъ 8 января 1735 г., — «извѣстно учинилось, что в полку Переяславскомъ разного званыя люде, купивши гребелку или шматъ земли, а другіе, давши на церковь рублей два или тры, построилы хуторы и, заведши коло тихъ хуторовъ кошары и другые заводы, всякъ къ своему хутору немалое число войскового свободного степу самоволно завладѣлъ, а нѣкоторые на тѣхъ же свободныхъ степахъ и немалые слободы осадили и, на то выправивъ отъ гетмана и кавалера Апостола унѣверсалы, а другіе без жадныхъ крѣпостей, оними владѣютъ. А генералная малороссійская старшина и другіе чиновники, такожъ нѣкоторые козаки, служа ея императорскому величеству, такого общого войскового свободного степу во владѣныи ничего надѣятся не имѣютъ. Того ради енералная старшина, полковники, полковая старшина и протчіе малороссійскихъ полковъ чиновникы о показанномъ войсковомъ степу какое по общему своему согласному совѣту заблагоразсудятъ приложить мнѣніе, объ ономъ генералу-лейтенанту сенатору и кавалеру князю Алексѣю Ивановичу Шаховскому представить». Предложеніе это однако не имѣло большого успѣха. «Сие его сіятелства, князя Алексѣя

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла бывшей Черниг. Палаты Уг. и гр. Суда, оп. 17, св. 19, кн. 67, д. 65, лл. 609—649.

Ивановича Шаховского, предложеніе — помѣчено было на немъ генеральнымъ писаремъ — генералной старшинѣ, полковникамъ и протчимъ малороссійской полковой старшинѣ в текущемъ генварѣ мѣсяцѣ 18, 20, 21, 22, 23 чиселъ преставливано, токмо отъ нихъ, генералной старшини, полковниковъ и прочей малороссійской полковой старшини, на сіе предложеніе мнѣнія никакова не состоялось»[1]). Иныхъ результатовъ попытка кн. Шаховского, конечно, и не могла дать. Старшина въ своей массѣ была слишкомъ сильно заинтересована въ увеличеніи своихъ земельныхъ богатствъ за счетъ общинныхъ земель, чтобы серьезно обсуждать и предлагать какія-либо мѣры къ прекращенію захватовъ этихъ земель.

Эта заинтересованность старшины, естественно, давала себя чувствовать не только при обсужденіи общаго вопроса о захватахъ общинныхъ земель, но и при разборѣ отдѣльныхъ случаевъ такого захвата. Разслѣдовать подобные случаи и принимать по поводу ихъ тѣ или иныя рѣшенія нерѣдко приходилось лицамъ, въ собственной дѣятельности которыхъ были вполнѣ аналогичные случаи, и это, конечно, не могло не отражаться до извѣстной степени на самомъ характерѣ принимаемыхъ рѣшеній. Когда въ 1740 г. производилось разграниченіе описныхъ Батуринской и Кантакузинской волостей особой коммиссіей подъ предсѣдательствомъ генерала фонъ-Вейзбаха, послѣдній, жалуясь на своихъ товарищей по коммиссіи, сотниковъ Леонтовича и Гулака, писалъ, что рѣшать дѣла справедливо ихъ «собственній приватній ихъ интересъ не допускаеть, ибо вирозумѣть с того можно, якъ сотникъ Леонтовичъ вначале за прибитіемъ своимъ в ту комисию часто хвалился, что онъ у некотораго козака купилъ грунта за шестнадцать рублевъ толко, а принялъ до того с обоихъ сторонъ волного степу, какъ ему уподобалось (понравилось), на несколко верстъ, сотникъ же Иванъ Гулакъ изобличенъ, что досталъ онъ отъ полозовскаго козака шматъ грунту, в ограниченю ея императорскаго величества (т. е. въ границахъ описнаго имѣнія) лежачего, за то, что ево от походу уволнилъ и не вислалъ». Особенно сильно сказывался, по словамъ фонъ-Вейзбаха, «приватный интересъ» Леонтовича и Гулака въ томъ, что они мѣшали коммиссіи рѣшать дѣла по жалобамъ на переяславскаго полкового судью Лисеневича. Жалобъ же на послѣдняго было много и въ

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ.

числѣ ихъ были и жалобы на захватъ общинныхъ земель. Такъ, атаманъ и товариство с. Жорноклевъ жаловались, что Лисеневичъ самовольно захватилъ себѣ въ ихъ селѣ греблю, выстроилъ на ней мельницы, затопивъ другую греблю и земли многихъ обывателей, и завладѣлъ общимъ степомъ, которымъ передъ тѣмъ владѣли жорноклевцы, частью одни, частью съ жителями с. Нехаекъ. Подобныя же жалобы были поданы на Лисеневича и нехайковскими козаками, но всѣ эти жалобы, по словамъ фонъ-Вейзбаха, не могли быть справедливо разобраны коммиссіей, благодаря тому, что Леонтовичъ и Гулакъ рѣшительно мирволили Лисеневичу [1]).

То настроеніе, наличность котораго фонъ-Вейзбахъ заподозрилъ у своихъ сотоварищей по коммиссіи, несомнѣнно, уже въ первой половинѣ XVIII вѣка было сильно распространено среди старшины и «державцевъ» лѣвобережной Малороссіи. Едва-ли даже оно было вполнѣ чуждо и самому фонъ-Вейзбаху, который, получивъ въ свое владѣніе с. Ряски, немедленно, какъ «сильная рука», захватилъ въ его исключительное пользованіе общинную землю, какой оно до того пользовалось совмѣстно съ другими селами [2]). И благодаря существованію и широкой распространенности такого настроенія даже очень рѣшительные приказы высшей власти страны не могли подчасъ остановить захватовъ общинныхъ земель. Въ 1730 году козаки березанской сотни Переяславскаго полка жаловались гетману Апостолу, что паны Думитрашки и Корбы захватываютъ вольный степъ, принадлежащій березанской сотнѣ, «сѣно косить козакамъ заборонялють, ограничуючи себе килко хотя оного», и, «занятой травы скоситы анѣ сами, анѣ подданние ихъ не могучи, постороннимъ людямъ оную запродаютъ». Въ отвѣтъ на эту жалобу гетманъ особымъ универсаломъ предписалъ, чтобы Думитрашки и Корбы «на степу волномъ козакамъ сѣно косить не забороняли и того степу, ежели онъ подлѣнно волній и имъ по крѣпостямъ не надлежитъ, себѣ не ограничовали». Но гетманское предписаніе не произвело большого дѣйствія на названныхъ державцевъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и въ 1735 г. новыя жалобы березанцевъ повели къ назначенію спеціальной судебной коммиссіи, которая, разсмотрѣвъ дѣло на мѣстѣ и убѣдившись, что Думитрашки не

---

[1]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Золотоношской сотни, т. III, № 6, лл. 108, 123—4, 124—6.

[2]) См. выше, с. 216, примѣчаніе.

имѣютъ никакихъ правъ и крѣпостей на захваченную ими степь, позволили «козакамъ сотнѣ березанской волний в войсковой свободний степъ уступъ имѣть и сѣно косить на ономъ по прежнему, якъ и прежде кошували» [1]). Не менѣе характерна другая исторія, разыгравшаяся въ эти годы въ той же мѣстности. Переяславскій полковой хорунжій Климентій Искра, получивъ въ началѣ XVIII вѣка въ свое владѣніе с. Городище, захватилъ въ свое исключительное пользованіе и принадлежащій къ этому селу общинный лугъ, которымъ раньше совмѣстно пользовались и посполитые и козаки даннаго села. По жалобѣ послѣднихъ, общинное владѣніе лугомъ въ 1715 г. было возстановлено, но вслѣдъ затѣмъ сынъ Климентія Искры, Яковъ, унаслѣдовавшій отъ отца с. Городище, вновь захватилъ этотъ лугъ и успѣлъ удержать его въ своемъ владѣніи [2]).

Жалобы на такіе захваты державцевъ раздавались въ половинѣ XVIII столѣтія въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. Въ 1747 г. козаки с. Римаровки, лежавшаго во второй полковой сотнѣ Гадяцкаго полка, жаловались въ войсковой генеральный судъ, что мѣстные державцы захватываютъ принадлежащую къ Римаровкѣ вольную степь, окапываютъ ее и распредѣляютъ своимъ подданнымъ [3]). Въ 1749 г. тому же войсковому генеральному суду пришлось разбирать возникшее въ Прилуцкомъ полку дѣло о «неналежной продажи бывшимъ сотникомъ иваницкимъ Стороженкомъ свободного иваницкого степу бывшему генералъ-фелтмаршалу Миниху [4]). Въ 1754 г. куренные атаманы съ товариствомъ селъ ирклѣевской сотни Переяславскаго полка подали жалобу на вдову сотника Требинскаго, которая попыталась завладѣть ихъ общиннымъ лугомъ. Этимъ лугомъ — поясняли жалобщики — «обще всей сотни козаки користовались и владѣли». «Во время недорода в степахъ сѣна и на прошеніе сотника ирклѣевского покойного Требинского — продолжали они — в томъ лузѣ бивало по общому козачому согласію до несколко десять скирдовъ сѣна било отложенно, гдѣ онъ купно с нами, всей сотни козаками, кошивалъ по смерть свою. По смерти же его, сотника, его жена, безъ всякого нашего об-

---

[1]) И. В. Лучицкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в., сс. 10—11, 17—27.

[2]) Тамъ же, сс. 65—91.

[3]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла упраздн. присутств. мѣстъ. Дѣла бывшей Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 10, кн. 43, д. 20, л. 58.

[4]) Тамъ же, оп. 17, св. 11, кн. 47, д. 172, л. 596.

щого вѣдома, сама с согласникомъ ея Бакаемъ и с косарями болѣе 100 человѣкъ на тотъ нашъ общій козачій лугъ наехала и намѣревала била... молодую и к костбѣ крайне негодящуюся подкосить траву», чему однако козаки воспрепятствовали [1]).

Но, хотя въ данный моментъ козаки и противопоставляли Требинскую ея мужу, въ дѣйствительности она въ своемъ покушеніи на общинныя земли, повидимому, продолжала, быть можетъ, лишь въ нѣсколько болѣе широкомъ масштабѣ, то, что начато было самимъ сотникомъ. По крайней мѣрѣ, въ составленной сотеннымъ ирклѣевскимъ правленіемъ въ 1767 г. вѣдомости о козачьихъ земляхъ, перешедшихъ къ разнымъ владѣльцамъ, упомянуто, что сотникъ Алексѣй Требинскій въ 1750 г. купилъ пасѣку въ с. Кавраѣ за 3 р. и завладѣлъ тамъ же общимъ козачьимъ полемъ на версту, а въ 1752 г. завладѣлъ общей толокой козаковъ Стараго Села, на которой скашивалось 700 копенъ сѣна [2]). Другой ирклѣевскій сотникъ, Павелъ Завойко, по даннымъ той же вѣдомости, завладѣлъ общественной толокой въ с. Пищикахъ пространствомъ на квадратную версту [3]). Этимъ, впрочемъ, захваты Завойка не ограничились. Въ 1761 г. козаки ирклѣевской сотни жаловались на него, что онъ «въ степу, прозиваемомъ Каврай, скупивши козачихъ три луки объ одной толко долинѣ при свободномъ козачомъ степу, на коемъ издревле козаки свободно сѣно кошивали и хлѣбъ пахали, устроилъ хуторъ и до нѣсколко верстъ в окружность хутора того свободного степу усилно, за едну сотничую свою власть, спасивая засѣянніе и пожатіе пашнѣ и заборомъ на ономъ степу въ козаковъ сѣновъ, пашень и соломы, отъ козаковъ до оного своего хутора отнялъ». Кромѣ того, «при селѣ Москаленкахъ завладѣлъ онъ, сотникъ, немалою частію свободного козачого луга», да, «тамъ же въ луги купивши в козака Семена Недѣлки луку, еще самъ занялъ свободного козачого лугу немало» [4]). Посполитые м. Потока въ Миргородскомъ полку въ 1748 г. жаловались на сотника Сахатова, что онъ въ одномъ мѣстѣ къ своему хутору «принялъ на низъ ко Днѣпру плавель

---

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ.

[2]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Ирклѣевской сотни, т. III, № 111.

[3]) Тамъ же.

[4]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ. Подробнѣе о дѣлѣ Завойка см. въ моей статьѣ: ,,Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ'', — К. Старина, 1891, № 2, сс. 308—11.

сѣнокосныхъ общенароднихъ ради пасби скота своего», а въ другомъ «на общенародномъ степѣ хуторъ поставилъ и к оному хутору доволное число принялъ поля пахатного и сѣнокосу». Въ 1768 г. козаки той же потоцкой сотни въ свою очередь жаловались, что сотникъ Шутенко захватилъ ихъ общественное поле, благодаря чему они «принужденни в другихъ сего миргородского и полтавского полковъ сотняхъ поле з десятой долѣ к посѣянію хлѣба орать» [1]).

Если не для всѣхъ такихъ захватовъ, то, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ съ теченіемъ времени была найдена и болѣе или менѣе прочная правовая почва. Когда тотъ или иной державца получалъ въ свое владѣніе село, при которомъ имѣлась общинная земля, находившаяся въ общемъ пользованіи и посполитыхъ, и козаковъ, онъ, какъ мы видѣли, обычно старался захватить такую землю въ свое исключительное владѣніе, ссылаясь на то, что она составляетъ «принадлежность» данной ему маетности. Еще въ началѣ XVIII вѣка эта аргументація не находила себѣ полнаго признанія въ судѣ. Но во второй половинѣ XVIII столѣтія суды, успѣвшіе далеко отойти отъ массы населенія и пропитаться классовыми тенденціями старшины, окончательно усвоили эту точку зрѣнія, и съ этой поры общинному владѣнію во многихъ мѣстностяхъ наносился новый и весьма тяжелый ударъ, такъ какъ общинныя земли въ силу судебныхъ рѣшеній поступали въ полную собственность владѣльца имѣнія, а козаки лишались права участія въ нихъ. Такъ было, напр., въ упомянутомъ мною дѣлѣ бунчуковаго товарища Якова Искры съ козаками с. Городища изъ-за луга при этомъ селѣ. Козаки свидѣтельскими показаніями доказывали, что этимъ лугомъ раньше владѣли совмѣстно и посполитые, и державцы села, и козаки и, хотя одно время отецъ Искры захватилъ его въ свою собственность, но затѣмъ на немъ было возстановлено общинное владѣніе. Тѣмъ не менѣе генеральный судъ въ 1752 г. призналъ спорный лугъ принадлежащимъ Искрѣ «по силѣ имѣющогося в него унѣверсала, которимъ всѣ до оного с. Городища належитости умершому отцевѣ его Климентію Искрѣ купно з онимъ селомъ от гетмана Скоропадского утвержденни», и оставилъ за козаками только ихъ займы и купли, предоставивъ при томъ Искрѣ право особо искать

---

[1]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малорос. Коллегіи, Черниг. отд., № 13.156; Кіевскій Центр. Архивъ, Дѣла о позем. спорахъ, дѣло казаковъ потоцкой сотни съ сотникомъ Ильей Шутенкомъ.

объ нихъ, если онѣ окажутся «внутрь ограниченія городиского»[1]). И дѣло Искры съ городищенскими козаками было лишь однимъ изъ ряда дѣлъ, рѣшенныхъ подобнымъ же образомъ. Тотъ же принципъ разрѣшенія споровъ между козаками и державцами за общинныя земли усвоили себѣ въ эту эпоху и полковые суды. Такъ, напримѣръ, когда въ 1755 г. возникъ споръ между переяславскимъ Каѳедральнымъ монастыремъ и козаками с. Козинецъ изъ-за вольнаго острова на Днѣпрѣ, переяславскій полковой судъ призналъ за монастыремъ исключительное право на этотъ островъ, такъ какъ онъ лежалъ въ границахъ данныхъ монастырю маетностей, а у козаковъ не было спеціальныхъ крѣпостей на него[2]). И этотъ взглядъ настолько вошелъ въ практику жизни, что при самой отдачѣ имѣній въ частное владѣніе отдатчики во второй половинѣ XVIII вѣка, случалось, передавали въ полную собственность владѣльца имѣвшіяся при маетности общинныя земли и угодья, нимало не считаясь съ правами другихъ ихъ участниковъ. Когда въ 1760 г. гетманомъ Разумовскимъ отдано было гр. Воронцову м. Кобелякъ въ Полтавскомъ полку, отдатчики — жаловался кобеляцкій городовой атаманъ — «къ единому утѣсненію козаковъ и другихъ чиновъ» отвели Воронцову и «издревле мирской выгонъ», необходимый всѣмъ обывателямъ «по самонужнѣйшей въ выгонѣ скотины и птицъ надобности»[3]). Подобныя жалобы на захватъ общинныхъ земель при отдачѣ имѣній въ частное владѣніе далеко не составляли рѣдкости.

Не всегда, конечно, эти и подобные имъ захваты обходились болѣе или менѣе мирно, вызывая только жалобы со стороны населенія. Временами послѣднее, больно задѣтое въ кровныхъ своихъ интересахъ, прибѣгало и къ болѣе рѣшительнымъ способамъ протеста. Въ 1756 г. надворному совѣтнику Барсукову даны были гетманомъ Разумовскимъ свободные посполитскіе дворы въ м. Домонтовѣ Переяславскаго полка. Отводъ Барсукову этихъ дворовъ и принадлежавшихъ къ нимъ земель былъ произведенъ баришовскимъ сотникомъ Афендикомъ и войсковымъ канцеляристомъ Славатинскимъ, которые при этомъ отвели во владѣніе

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст., Дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, Дѣла бывшей Черниг. Палаты Уг. и Гр. Суда, оп. 17, св. 14, кн. 54, д. 647, лл. 902—929; ср. также И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 65—91.

[2]) И. В. Лучицкій, Сборникъ матеріаловъ, сс. 104—118.

[3]) Харьк. Истор. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Полт. отд., Рум. Опись, св. № 61.

Барсукова и лугъ при м. Домонтовѣ, передъ тѣмъ находившійся въ общемъ пользованіи козаковъ и посполитыхъ всей домонтовской сотни. Противъ такого отвода протестовали и нѣкоторые изъ мѣстныхъ державцевъ, но особенно возстали противъ него козаки, интересы которыхъ были наиболѣе затронуты имъ. Всею сотенной старшиной и козаками съ сотникомъ Платковскимъ во главѣ подана была жалоба въ генеральный судъ и послѣдній приговорилъ возвратить лугъ по прежнему въ общее владѣніе, предоставивъ Барсукову искать, если онъ пожелаетъ, своихъ правъ судебнымъ порядкомъ. Барсуковъ успѣлъ однако выхлопотать у Разумовскаго приказъ допустить его къ участію въ пользованіи лугомъ или же до окончанія слѣдствія раздѣлить лугъ между нимъ и другими владѣльцами «въ пропорціи дворовъ». Но исполнить этотъ приказъ оказалось не такъ легко. Козаки, не отрицая правъ посполитыхъ Барсукова на участіе въ пользованіи лугомъ, не хотѣли однако допустить выдѣла имъ части его и, когда гетманскій приказъ былъ объявленъ домонтовскому городовому атаману, послѣдній вмѣсто исполненія приказа созвалъ до тысячи козаковъ и выкосилъ лугъ. Напрасны были и попытки отнять у козаковъ часть скошеннаго сѣна. Даже присланная изъ другихъ сотенъ команда должна была отступить передъ ихъ дружнымъ сопротивленіемъ и освободить забранныхъ было «возмутителей» изъ числа домонтовской городовой старшины. При этомъ самъ сотникъ Платковскій бросался съ саблей на сотниковъ, пріѣхавшихъ въ Домонтовъ въ качествѣ усмирителей, грозилъ отправить ихъ въ колодкахъ въ Глуховъ и открыто объявлялъ, что указовъ полковой канцеляріи онъ не слушаетъ и слушать не станетъ. При такихъ обстоятельствахъ полковая канцелярія нашла себя вынужденной отозвать обратно посланную было въ Домонтовъ для усмиренія команду и обратилась къ гетману съ вопросомъ, что ей дѣлать дальше въ виду столь упорнаго сопротивленія домонтовскихъ козаковъ [1]).

Въ только-что разсказанномъ эпизодѣ заинтересованными въ сохраненіи общиннаго владѣнія лицами являлись и мѣстные державцы, и вся сотенная старшина и этимъ, быть можетъ, объяснялась сравнительная мягкость дѣйствій властей. Иной характеръ носили эти дѣйствія, когда властямъ приходилось сталки-

---

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ, дѣло козаковъ домонтовской сотни съ надв. сов. Барсуковымъ.

ваться съ протестомъ исключительно рядовыхъ козаковъ. Въ 1762 г. лубенскій полковой обозный Василій Кулябка, захвативъ часть общественной земли, принадлежавшей козакамъ селъ Новаковъ, Тарандинецъ и Высшаго Булатца, сталъ строить на ней шинокъ и клуню. Козаки названныхъ селъ обратились къ лубенскому полковнику Ивану Кулябкѣ и, указывая на то, что обозный «шинка еще не достроилъ, а началъ немаліе грабителства дѣлать», между прочимъ, «на випустѣ мирскомъ устроилъ клуню и тамъ же близъ шинку леваду закопалъ», просили позволенія «шинокъ роскидать, закопъ засипать, клуню разбросать». Полковникъ не далъ имъ однако этого позволенія, а велѣлъ обратиться къ суду полковой канцеляріи; въ свою очередь, и послѣдняя приказала козакамъ не прибѣгать къ самоуправству, а ожидать судебнаго рѣшенія. Но, очевидно, эта перспектива не особенно прельщала козаковъ. Атаманы названныхъ селъ послали сказать обозному, что, если онъ добровольно не отступится отъ захваченной земли, возведенныя на ней строенія будутъ разрушены козаками. Обозный ограничился тѣмъ, что сообщилъ это къ свѣдѣнію полковой канцеляріи и просилъ у нея защиты. Та приказала мѣстному сотенному правленію воспретить козакамъ прибѣгать къ насилію, но приказъ этотъ не имѣлъ никакихъ результатовъ. «Нарочито собравшися — по словамъ обознаго — в многолюдствѣ, коихъ всѣхъ било до тисячи человѣкъ, з женами и дѣтми купно и с предводителемъ ихъ, давнимъ чигателемъ на здорове мое и домъ, находящимся в запрещеніи попомъ, подозрителнимъ в многихъ немаловажнихъ винахъ, какъ то в зажигательствѣ, смертноубійствѣ, волшебствѣ и в протчемъ, Андреемъ Бабичемъ, учиня немалое смущеніе, з разними орудіями, разбойнически», козаки трехъ названныхъ селъ напали на его шинокъ и клуню и грозились убить его самого. По жалобѣ обознаго полковая канцелярія арестовала многихъ изъ участниковъ этого нападенія и подвергла ихъ суровому наказанію. Тогда козаки пожаловались въ генеральную войсковую канцелярію, которая затребовала объясненій отъ лубенскаго полковника. Полковник не замедлилъ дать такія объясненія, и въ нихъ звучали любопытныя ноты. Разсказавъ самое дѣло, причемъ онъ особенно напиралъ на «мнимость» жалобъ козаковъ и на ихъ упорство въ нежеланіи дать подписку впредь не повторять подобныхъ дѣйствій, полковникъ указывалъ, что всѣ принятыя полковой старшиной мѣры вплоть до публичнаго наказанія козаковъ были

безусловно необходимы «для отвращенія таковихъ своеволствъ и смущеній и гвалтовного самоправія, какъ то уже того и въ Чорнухахъ и въ Оржицѣ образци показались, въ Чорнухахъ козаки, собравшись, на людей его высокородія господина подскарбія генералного напали, бой, гвалти и грабителства въ явную противность указамъ и правамъ приключили, а въ Оржицѣ, такожъ собравшись въ многолюдствѣ, на слободку удовствующей сотниковой ирклѣевской Требинской напавъ, знатние грабительства приключили и людей одинадцять семей гвалтовно забрали и, где дѣвали, еще неизвѣстно». Въ виду угрозъ козаковъ по адресу обознаго послѣдній, — продолжалъ полковникъ — «оставя свой жилой в селѣ Новакахъ домъ, совсѣмъ вибрался и нинѣ живетъ с немалимъ утѣсненіемъ своимъ в Лубняхъ, а между тѣмъ по часто упоминаемимъ похвалкамъ в той маетности его Новакахъ мелница его, зажжена, сгорѣла совсѣмъ. А такова зла ежели срогостию указовъ и правъ, не запущая в продолжение, заблаговременно не отвратить, то всякому владѣлци в маетностяхъ и в домахъ своихъ и побувать будеть за таковими самоволствами весма опасно, а подлой народъ еще горше развратится». Въ виду этихъ соображеній и самое наказаніе, наложенное на козаковъ въ количествѣ не болѣе 60 ударовъ «ординарними плѣтми», представлялось полковнику нимало не переходящимъ границъ, и онъ испрашивалъ у генеральной канцеляріи разрѣшенія наказать и тѣхъ виновныхъ, которые еще не подверглись взысканію. Сами же козаки увѣряли, что ихъ били не плетьми, а кіями, причемъ «никому менше ста ударовъ не доставалось, от коего бою инних, а паче престарѣлихъ, почти неживихъ и облившихся кровью с места, на коемъ бито, на сторону отволикано, а инніе от того жъ бою и приключившихся чрезъ оной несноснихъ ранъ... после того в недолгомъ времени и померли». Генеральная канцелярія, получивъ эти донесенія, предписала выслать дѣло въ генеральный судъ, а козаковъ держать подъ карауломъ, пока они не дадутъ подписки въ томъ, что «впредь такихъ самоволствъ чинить не будутъ». Но послѣ разбора дѣла въ генеральномъ судѣ полковая старшина была признана виновною въ истязаніи козаковъ и послѣднимъ была присуждена съ провинившихся старшинъ «навязка» въ размѣрѣ 14.864 р. на 135 арестованныхъ и избитыхъ козаковъ. Впрочемъ, рѣшеніе это постановленное въ маѣ 1764 года, не было приведено въ исполненіе еще годъ спустя, несмотря на то, что оставшаяся недовольною имъ старшина не обжаловала его въ установленномъ для такихъ

случаевъ судебномъ порядкѣ[1]). Судя по этому, врядъ ли оно было исполнено и позже.

Аналогичное дѣло пришлось разбирать въ 1769 г. лубенскому гродскому суду по жалобѣ отставного гусарскаго поручика Богдана Новаковскаго на козаковъ с. Бѣлоусовки яблоновской сотни. По словамъ Новаковскаго, названные козаки, явившись въ многолюдствѣ на его землю, зарыли выкопанный на ней ровъ, а затѣмъ, придя въ другой разъ, били смертнымъ боемъ его, Новаковскаго, такъ что онъ едва спасъ свою жизнь бѣгствомъ, избили его слугъ, повырывали вербы, насаженныя на греблѣ, и поломали двери въ домѣ. Вызванные въ гродскій судъ атаманъ и семь козаковъ с. Бѣлоусовки показали, что они, дѣйствительно «з другими, почитай, всѣми жителями бѣлоусовскими, всѣхъ числомъ до ста человѣкъ, обществомъ» на указанную Новаковскимъ землю «приходили и ровъ на ней зарили, потому что истецъ Новаковскій тѣмъ ровомъ свободную всего общества бѣлоусовского землю к своей землѣ закопалъ и тѣмъ причинилъ всѣмъ бѣлоусовскимъ жителямъ немалую обиду и утѣснение, такъ что уже, закопавши тую свободную общую землю, и мирской череды (стада) къ имѣючойся тамъ же свободной общой бѣлоусовской водѣ началъ было не допускать». Когда же послѣ того — продолжали козаки — пришли въ село пастухи и сообщили, что Новаковскій все-таки не допускаетъ мірское стадо къ водопою, то «они, отвѣтчики, собравшись зъ другими бѣлоусовскими жителми, человѣкъ зъ 50 и болѣе, заразъ туда на свободную бѣлоусовскую землю до мирской череди пошли, съ тѣмъ, чтобъ тую недопускаемую Новаковскимъ къ свободной водѣ череду можно было к той водѣ пригнать». Новаковскій, увидя ихъ, выѣхалъ имъ на встрѣчу верхомъ на лошади «въ немаломъ азартѣ» и сталъ стрѣлять изъ пистолетовъ, «однакъ они, отвѣтчики, таковой его стрелбы не опасаясь, вдругъ обступивъ его тамъ же на свободной бѣлоусовской землѣ съ лошадью и съ оной сваливши его на землю», отобрали отъ него лошадь, «шляпу съ пузументомъ» и оружіе, «а его, Новаковского, не чиня ему и малѣйше никакова бою, пустили пеша». «А служанка истцева Ирина, в тѣ поры стоявшая на оной гребелцѣ, когда стала разнообразно имъ, отвѣтчикамъ, и всѣмъ другимъ бившимъ тамо многимъ людямъ за истца, Новаковского, бранить, то они, отвѣтчики, вскричавъ тую служанку ловить и поймавши ее, бро-

[1]) Тамъ же, о задержаніи подъ карауломъ козаковъ селъ Новаковъ, Карандинецъ и Булатца полковникомъ Кулябкой.

сившуюсь в воду, взяли в село Бѣлоусовку и тамо ей посредѣ села, по общому всѣхъ тамо бывшихъ многихъ жителей бѣлоусовскихъ согласію, положивши на землю, асаулецъ бѣлоусовскій Остапъ Левченко да житель бѣлоусовскій жь по имени Сергѣй в двѣ маленкие палицы били, якимъ боемъ дано ей ударовъ не болше, якъ з десятокъ, чрезъ что и истецъ Новаковскій, можетъ быть, устрашившись, такъ, какъ показуетъ, от нихъ, отвѣтчиковъ, утѣкалъ и по разнимъ мѣстамъ скривался». Насилій же и побоевъ самому Новаковскому — утверждали козаки — они никакихъ не причиняли. Однако произведенное securityвознымъ освидѣтельствованіе обнаружило на тѣлѣ Новаковскаго много ранъ и слѣдовъ тяжелыхъ побоевъ, такъ что въ дѣйствительности козаки едва-ли были особенно учтивы и съ самимъ Новаковскимъ. Гродскій судъ во всякомъ случаѣ призналъ ихъ виновными въ самоуправствѣ и отправилъ подъ карауломъ въ Малороссійскую Коллегію «для поступленія съ ними по законамъ»[1]).

Такихъ и подобныхъ имъ попытокъ со стороны козаковъ силою воспрепятствовать захвату общинныхъ земель было немало въ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи, но во второй половинѣ XVIII вѣка эти попытки по большей части наталкивались на суровый отпоръ старшины и, за рѣдкими исключеніями, такъ же мало останавливали процессъ расхищенія общинныхъ земель, какъ и попытки обращенія съ этой цѣлью къ суду. А между тѣмъ благодаря этому процессу количество общинныхъ земель годъ отъ году сокращалось и такое сокращеніе шло впередъ очень быстрыми шагами. Въ 1761 г. гетманъ Разумовскій далъ переяславскому полковому судьѣ Якиму Каневскому «в свободномъ войсковомъ степу, лежачомъ полку Переяславского в сотнѣ золотоноской между рѣчками Кропивною и Золотоношею, въ урочищы Сухой Згарѣ свободной земли для хутора в длину и вширь по двѣ версты, во вѣчное его, Каневского, владѣние», поручивъ ему при этомъ наблюдать, чтобы «другие никто самоволно того степу во

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ. По свидѣтельству securityвознаго, у Новаковскаго оказались такіе «боевые знаки»: «ниже потилицѣ синіокривовой болшой знакъ, отчего и опухлость до верху потидицѣ имѣется, на лѣвой руки вишше лопатки знакъ синіокривавой болшой, на лѣвой же руки вишше локтя к плечу болшой же кривавой знакъ, на левой ноги на голенѣ рана до кости пробита болшая опасна, на тоей же ноги до кривѣ содраннихъ знаковъ, взяевши от палцовъ до самого колѣна и више до кривѣ немалое число, от чего вся нога синіокриваво опухлая, правая нога от палцовъ даже до више колѣна криваво немалими знаками содрана и вся синіо опухлая».

владѣніе свое не захвачивали»[1]). Вслѣдъ за тѣмъ Каневскій послалъ гетману доношеніе, въ которомъ писалъ, что изъ свободнаго степа, простиравшагося нѣкогда въ данной мѣстности на 100 верстъ въ окружность, въ общемъ владѣніи козаковъ и посполитыхъ осталась только площадь на 12 верстъ въ окружности, все же остальное расхищено владѣльцами[2]). Столь же быстро шло расхищеніе общинныхъ земель и въ другихъ мѣстахъ и по мѣрѣ того, какъ оно подвигалось впередъ, все болѣе упорной и напряженной становилась борьба изъ-за остававшейся еще въ общинномъ владѣніи земли.

Съ одной стороны, наличность этой борьбы, обострявшей обычныя неудобства захватнаго землепользованія, съ другой — неувѣренность въ прочности владѣнія захваченными уже землями приводили къ тому, что во владѣльческихъ кругахъ пріобрѣтала все большую популярность мысль о полной ликвидаціи общинныхъ земель. Время отъ времени отдѣльные владѣльцы выступали съ ходатайствами въ этомъ смыслѣ и передъ властями. Въ моментъ составленія въ Малороссіи въ 1768 г. «генеральной ревизіи» двое изъ владѣльцевъ золотоношской сотни Переяславскаго полка, полковникъ Мейеръ и коллежскій ассессоръ Евфевенъ, подали въ коммиссію составленія ревизіи въ этомъ полку особое доношеніе, въ которомъ заявляли, что имъ при существующихъ условіяхъ трудно выполнить требованіе сенатскаго указа 1767 г., обязывавшаго помѣщиковъ заботиться о размноженіи и запасѣ хлѣба во избѣжаніе голодовокъ крестьянъ. «При нашихъ деревняхъ, по реке Золотоноши, а болше при речки Кропивной, — писали они — сверхъ владелцовъ, козачихъ хуторовъ вокругъ немалое число, которие, оставя свои отчизние земли и двори в разнихъ селахъ, в техъ футорахъ обитаютъ, и при каждомъ селении футоровъ и деревень в пахатнихъ и випускнихъ поляхъ противо своихъ селений одинъ от другого настоящими знаками не ограничуются и от своихъ селений до другихъ селений удобренние распахание нивя и целини захвативаютъ одинъ предъ другимъ орать, такъ же и трави недоспелие скошиваютъ не во время с немалими спорами, а иногда и драками, такъ же и на випуски для скота толокъ несогласно и почти каждой себе погодно и между хлебовъ оставляетъ и такихъ разнихъ толокъ випускомъ хлебу и сеножатемъ

[1]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Золотоношской сотни, т. VII, № 62-в.
[2]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ.

отъ скота биваетъ вибите и порчь, от чего ми, помещики, и люде наши, равно жъ и они, козаки, от такого безпорядочества и неограничения смежностей в размножении хлебопашества и всей обществу полезной экономии успеху иметь и обзавестись в запасъ не можемъ, но претерпевать принужденни от собственного смежного небрежения всегдашние убитки». И хотя дозволено добровольное размежеваніе, — продолжали просители — но «с такими при онихъ нашихъ селенияхъ живущими козаками и другими жителми, яко простолюдинами, не сведущими порядка, ничего помещикамъ собою учинить нелзя, понеже не толь жителствующие при онихъ речкахъ футорами козаки, но и живущие в разних селахъ в околичностяхъ тѣхъ речокъ козакы и разние обиватели от своихъ и не близкихъ селъ в оние поля, и не принадлежащие к ихъ селениямъ, по одному безпорядочеству и неотграничению орать и трави недоспелие схвативать упадають и пасбою скота вредять». Въ виду этого авторы доношенія просили комиссію, «не соблаговоленно ль будетъ при онихъ нашихъ селенияхъ противо всякого владѣния принадлежащие земли, также и к онимъ примерние, в присудствии от оной комисии все смежности ограничить по дуктамъ владеемое, а примерную противъ селений по числу хатъ или душъ, и всякому обиталищу при онихъ местахъ предели означить в сходство узаконенихъ постановлений». На случай же, еслибъ комиссія не признала возможнымъ сама исполнить это, они просили довести ихъ ходатайство до свѣдѣнія генералъ-губернатора Малороссіи гр. П. А. Румянцева [1]). Подобнымъ же образомъ въ 1782 г. компанейскій полковникъ Товбичевъ, донося казенной палатѣ кіевскаго намѣстничества о многочисленныхъ незаконныхъ захватахъ общинныхъ земель въ той же золотоношской сотнѣ, писалъ, что эта земля «подлежитъ в общій подѣлъ, дабы яко всѣ, кои всероссійскому ея императорского величества престолу служили и служатъ, высокомонаршею милостью обойдени не были подѣломъ той земли, и тѣ, кои по неимѣнію собственной земли к хлебопашеству и травъ на сѣно кошенію таковими захватчиками самовластно свободного войскового степу, гдѣ было безпрепятственно вся околичность уѣзда золотоношского на таковомъ степу свободно ползуясь доволствуется, нинѣ такъ угнетенны, что почти дневного пропитанія лишаются». Или же — предлагалъ Товбичевъ — «по примѣру, какъ в Новороссійской

[1]) Рум. Опись, въ б-кѣ Кіевск. ун-та, Переяславскій полкъ, Документы Золотоношской сотни, т. IX, № 162.

губерніи таковій же свободній войсковій степъ десятинами с платежемъ положенного числа денегъ в казну разобранъ, такъ и здесь вишеписанный степъ тѣмъ же порядкомъ к разобранію десятинами, кто сколко оныхъ пожелаетъ взять с платежемъ в казну ассигнованного числа денегъ, присуждение учинить, по которому суждению я во первыхъ до нѣсколка сотъ десятинъ с платежемъ в казну положенного числа денегъ с крайнею моею охотою принять имѣю». «И посему — обѣщалъ Товбичевъ — не толко всѣмъ при своей ползѣ оставаться будетъ и въ государственной казнѣ приращеніе послѣдуетъ, (но) зазрѣніе и вражда на тѣхъ захватчиковъ, что самоволно степъ завладѣли были, прекратится и послѣдуеть въ обществѣ покой и тишина» [1]).

Временами и высшая администрація страны какъ-будто готова была усвоить эту мысль о полной ликвидаціи общиннаго владѣнія и вступить, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ конкретныхъ случаяхъ, на путь такой ликвидаціи, указывавшійся державцами. По словамъ Товбичева, назначенная въ результатѣ его доносовъ въ 1763 г. для разслѣдованія захватовъ свободнаго войсковаго степа въ золотоношской и кропивенской сотняхъ комиссія «приговорила тотъ степъ раздѣлить», выдѣливъ сперва «довольную къ хлѣбопашеству и травъ кошенію на всякаго часть» свободнымъ посполитымъ и распредѣливъ затѣмъ остальную землю между козаками и владѣльцами. Но — прибавлялъ Товбичевъ, разсказывая въ 1782 г. объ этомъ рѣшеніи, — «по тому и малѣйшого отъ захватчиковъ выполненія нѣтъ и, сколько хто захватилъ беззаконно войсковой земли, тѣмъ и понынѣ владѣетъ, а другого никого пользоваться не допускаетъ» [2]). Не большій успѣхъ имѣли на практикѣ попытки поднять вопросъ объ общинныхъ земляхъ въ общей его формѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. И, кажется, высшая администрація страны въ сравнительно широкихъ размѣрахъ занялась отборомъ захваченныхъ въ частное владѣніе общинныхъ земель только въ одномъ случаѣ, — когда гетманъ Разумовскій получилъ въ свое владѣніе Яготинскую волость и заинтересовался возвратомъ отхваченной отъ нея разными владѣльцами «вольной» земли [3]). Но въ данномъ случаѣ забота гетмана о возвратѣ этой земли была всецѣло продиктована его частными интересами, какъ державцы

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ.
[2]) Тамъ же.
[3]) См. Мотыжинскій Архивъ, К. 1890, № 85.

имѣнія, и самая его дѣятельность въ этомъ направленіи только своимъ размахомъ отличалась отъ подобной же дѣятельности всякаго другого державцы.

Никакихъ общихъ мѣръ по отношенію къ общиннымъ землямъ и не было принято за XVIII вѣкъ въ лѣвобережной Малороссіи. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше проникались ея администрація и судъ тенденціями владѣльческаго класса и тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе еще сохранявшихся въ странѣ общинъ при столкновеніяхъ съ представителями этого класса. Нѣсколько конкретныхъ эпизодовъ опять-таки всего лучше помогутъ намъ наглядно представить себѣ это положеніе и вытекавшіе изъ него результаты.

Въ 1774 г. Екатерина и Тимофей Скоропадскіе подали въ черниговскій гродскій судъ жалобу на жителей д. Турьи, козаковъ, стрѣльцовъ и подданныхъ Троицкаго монастыря, за насиліе, якобы совершенное ими на земляхъ жалобщиковъ. По словамъ Скоропадской, названные жители д. Турьи, «нашедши гвалтовне и самоправие на отданніе уже отцу ей грунта, сѣнокоси, зарослѣ и лѣса, сами собою много с оного лѣса и землѣ поданической... к владѣнию своему заняли и вновь границу зделали и знаки на деревахъ и тіоси положили с похвалками такими, ежелибъ кто впредь от сторони ей Скоропадсковни моглъ бы туда уходить, имѣютъ въ смерть убить». Вызванные гродскимъ судомъ къ отвѣту обвиняемые въ допросахъ своихъ показали, что земель Скоропадскихъ и ихъ посполитыхъ они вовсе не захватывали, а положили граничные знаки, будучи созваны для этого мѣстнымъ козацкимъ атаманомъ и войтомъ монастырскихъ посполитыхъ, «в своихъ единственно общественнихъ деревнѣ Тури земляхъ» и «тѣ знаки и тіоси ими з общественного согласия вновь положени для того, что чрезъ заборъ в нихъ, стрелцовъ и козаковъ и монастирскихъ Троецкихъ подданнихъ, в общественнихъ ихъ земляхъ и лѣсахъ сокѣръ и протчого от сторони Скоропадского причиняеми били неоднократніе обиди». Для гродскаго суда этого оказалось вполнѣ достаточно, чтобы признать турейскаго атамана Семена Усика зачинщикомъ «гвалта» и «нарушенія общей тишины и спокойствія» и, въ качествѣ такого зачинщика, отправить его подъ карауломъ въ Малороссійскую Коллегію «къ поступленію съ нимъ тамо по законамъ». Коллегіи пришлось разъяснять гродскому суду, что до разрѣшенія вопроса о томъ, кому принадлежитъ земля, на которой были положены знаки, не

может быть рѣчи о «гвалтѣ», а «потому оной атаманъ Усикъ и не подлежить еще никакому обвиненію». И, постановивъ освободить Усика, Коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшила предписать черниговскому гродскому суду, чтобы впредь онъ точнѣе соблюдалъ свои обязанности, «не дѣлая напрасними переписками Коллегіи затруднѣній и забором неосмотрительно людей под караулъ отягощения» [1]).

Рѣшенія гродскихъ и земскихъ судовъ, замѣнившихъ съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка прежніе полковые суды лѣвобережной Малороссіи, ставили подчасъ высшую администрацію края и въ болѣе трудное положеніе. Въ 1767 г. козаки селъ Демьянецъ, Харьковецъ, Войтовецъ, Скопецъ, Ковалина и Юрковецъ обратились въ переяславскую полковую канцелярію съ «нижайшимъ доношеніемъ». Въ этомъ доношеніи они указывали, что они были привлечены въ переяславскій земскій судъ по иску кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря за порубку якобы принадлежащей ему рощи Проходы при с. Ковалинѣ и выбитіе тѣмъ монастыря изъ спокойнаго владѣнія. Козаки съ своей стороны увѣряли, что эта роща «вольная козачая». Но въ земскомъ судѣ — разсказывали они — «не учинивъ о той рощѣ, яко издревле волной козачей, надлежащого в силу указовъ виизслѣдованія, но согласясь къ искамъ законниковъ по прихотѣ ихъ, какъ би о какомъ партикулярномъ добрѣ, поведено дѣла за одинъ порубъ, порядкомъ о вибитѣ з спокойнаго владѣнія, и без принятія от насъ никакихъ документовъ по учиненнимъ рѣшеніямъ насъ невинно обвинено и на всякого с насъ, хотя кто оттоль по едному толко возу дровъ вивезли, наложено ко уплатки законникамъ денегъ по 47 р. и по 50 к., кто жъ ездилъ з синами либо з другими свойственними, и з тѣхъ такожде порознь на каждого оная сумма наложена, такъ что на инного виходитъ близко двохъ сотъ рублей, на которую сумму не толко в насъ бедного нашего имѣнія, но и жилихъ грунтовъ и другихъ недвижимостей стать не можетъ, и къ доставленію совершенного за то удоволства онихъ законниковъ не что болшъ намъ слѣдуетъ, какъ толко со всѣмъ имѣніемъ, грунтами и другими недвижимостями отдаться в подданство онимъ законникамъ». «Якожъ — продолжали козаки — ми по простотѣ нашей и с понужденія насъ к тому от суда земского инного способу не сискуемъ, для чего полковой Переяславской канцеляріи о томъ нижайше представляемъ и отдаться ли намъ с нашими грунтами и

[1]) Архивъ Черниговскаго Окружнаго Суда, Дѣла Гражданскія, № 154.

имѣніемъ в подданство законниковъ монастира или какъ в полковой канцеляріи благоразсуждено будетъ, просимъ в оной полковой канцеляріи разсмотренія и резолюціи». Полковая канцелярія, получивъ это «доношеніе», въ свою очередь представила его «на разсмотрѣніе и резолюцію» въ Малороссійскую Коллегію. Тѣмъ временемъ козаки подали жалобу на рѣшеніе земскаго суда и генералъ-губернатору Малороссіи, гр. Румянцеву, настаивая на томъ, что порубленная ими роща «издревле общая волная, а законниками ненадлежаще присвоена», и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая, что эта роща едва ли стоила и 500 р., а земскій судъ приговорилъ взыскать съ нихъ въ пользу Пустынно-Никольскаго монастыря около 11.000 р., «якой суммы не толко та роща, но и вся оного монастыря въ селахъ Дѣвичкахъ и Ковалинѣ имѣющаясь маетность со всѣми грунтами и угодіями не стоитъ». Румянцева въ этомъ дѣлѣ заинтересовала, повидимому, главнымъ образомъ, фискальная его сторона и онъ обратился по этому поводу къ Малороссійской Коллегіи съ особымъ ордеромъ, въ которомъ писалъ: «яко козаки всѣ свои имѣнія имѣютъ только единственно для отправленія изъ оныхъ службы, которыхъ лишая приговоромъ въ судахъ подъ образомъ навязки и заруки, скоро можно пользу ущербить государственныхъ интересовъ, требующихъ охранять ихъ при цѣлости своихъ имѣній, сего резона ради въ оной Коллегіи, соображая къ сей матеріи касающіеся обстоятельства и законы, постановить, какимъ образомъ судамъ нижнимъ поступать при случаѣ, когда приговоръ изданъ будетъ по чьему иску на обвиненіе козака, и простираться ль оному на персону только или и на имѣніе его». Съ своей стороны Малороссійская Коллегія постановила передать какъ самую жалобу козаковъ, такъ и возбужденный Румянцевымъ общій вопросъ на разсмотрѣніе генеральнаго суда и впредь до его рѣшенія пріостановить приведеніе въ исполненіе приговора переяславскаго земскаго суда [1]).

Какъ, въ концѣ концовъ, рѣшилось только-что разсказанное дѣло, изъ бывшихъ у меня въ рукахъ архивныхъ бумагъ не видно. Но среди этихъ бумагъ имѣется рядъ другихъ рѣшеній, показывающихъ, какъ широко склонны были суды подъ конецъ XVIII вѣка толковать владѣльческія права на общинныя угодья, находившіяся въ совмѣстномъ пользованіи державцевъ и козаковъ. Вотъ для примѣра одно изъ такихъ рѣшеній, относящееся къ моменту,

[1]) Кіевскій Центральный Архивъ, Дѣла о поземельныхъ спорахъ, дѣло козаковъ с. Юрковецъ съ Кіево-Пустынно-Никольскимъ монастыремъ.

непосредственно слѣдовавшему за преобразованіемъ административныхъ и судебныхъ учрежденій лѣвобережной Малороссіи по общерусскому образцу.

Въ 1781 г. между козаками с. Коренецкой и батуринскимъ Крупицкимъ монастыремъ, владѣвшимъ посполитыми этого села, возникъ споръ изъ-за сѣнокоснаго болота при р. Ромнѣ. Козаки и представленные ими свидѣтели согласно показывали, что это болото всегда было «обще козачее, принадлежащее всѣмъ села Коренецкой жителямъ», и что имъ «издревле села Коренецкой все общество, то есть козаки, ихъ подсосѣдки и посполитые всѣ, такъ и нынѣ владѣютъ и ползуются по древнему постановленію, кто где успѣетъ захватить, тамо и сѣно искошиваетъ». Тѣмъ не менѣе борзенская нижняя расправа, разбиравшая этотъ споръ, въ 1783 г. присудила спорное болото въ исключительное владѣніе Крупицкаго монастыря, воспользовавшись въ качествѣ основаній для такого приговора и приведенными показаніями. «Какъ по высочайшей грамотѣ — говорилось въ «увязчемъ листѣ», обращенномъ нижней расправой къ коренецкимъ козакамъ, — село Коренецкое всемилостивѣйше пожалованно монастиру Батуринскому со всѣми принадлежащими угодіи, кромѣ козаковъ и ихъ козацкихъ собственныхъ грунтовъ, вы же, какъ и въ протчихъ мѣстахъ обыкновенно, имѣете удѣлно особливые свои земли, сѣнокосы, гаи и другіе угодіи, ни с кимъ не совмѣстніе, въ разсужденіи коихъ сіе болото за собственное ваше почесться всячески не можетъ, потому что свидѣтели всѣ согласно засвидѣтельствовали и сами вы тому не прекословите, яко онимъ совмѣстно съ вами владѣютъ и всѣ тамошніе мужики, подданные монастырскіе, совсѣмъ въ собственныхъ вашихъ имѣніяхъ не участвующіе, а с того и явственно, что к тому (вы) допущенны, по самому вашему признатью, небреженіемъ тамошныхъ монастырскихъ прикащиковъ» [1]). Такъ владѣльческое право почти совершенно вытѣснило собою въ практикѣ судовъ прежнее общинное право и самая наличность общиннаго владѣнія землею державцами и козаками обращалась въ аргументъ для признанія исключительнаго права собственности на эту землю за державцами. Не трудно представить себѣ, насколько должна была облегчить эта практика судовъ захваты сохранявшихся еще общинныхъ земель и угодій.

---

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку Кіевск. ун-та, № 1616-1458.

Таковы были въ наиболѣе существенныхъ своихъ очертаніяхъ судьбы общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи на протяженіи XVII—XVIII вѣковъ. Въ половинѣ XVII столѣтія общинное землевладѣніе было здѣсь рѣшительно господствующимъ фактомъ въ области земельныхъ отношеній и личная собственность на землю, хотя и существовавшая въ эту пору въ странѣ, отходила передъ нимъ далеко на задній планъ. Наиболѣе обычною формой общины на территоріи лѣвобережной Малороссіи являлся въ эту эпоху широкій общинный союзъ, который можно было бы назвать, употребляя обычную терминологію, волостной общиной, — союзъ, объединявшій въ себѣ населеніе нѣсколькихъ селъ и деревень, сообща владѣвшее занятою имъ землей и расположенными на ней угодіями и пользовавшееся этой землей и угодьями на началахъ захватнаго порядка. При этомъ на территоріи, занятой такимъ союзомъ, обычно практиковались въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, съ его ли разрѣшенія или съ разрѣшенія стоявшихъ надъ нимъ властей, заимки земли въ частную собственность. Въ частную собственность постепенно переходили и тѣ земельные участки, которые болѣе или менѣе долго оставались въ непрерывномъ пользованіи однихъ и тѣхъ же хозяевъ. Такъ, рядомъ съ общинными землями понемногу складывалась частная земельная собственность, все возраставшая въ своихъ размѣрахъ.

Съ теченіемъ времени эти большіе общинные союзы естественно распадались на болѣе мелкія сельскія общины. Но этотъ естественный процессъ былъ значительно ускоренъ и осложненъ условіями, лежавшими внѣ сферы собственно земельныхъ отношеній. Внутри общиннаго союза, первоначально болѣе или менѣе однороднаго по своему соціальному составу, довольно скоро уже образовались различныя соціальныя группы, постепенно все болѣе обособлявшіяся одна отъ другой и по мѣрѣ этого обособленія все дальше расходившіяся въ своихъ интересахъ. И борьба за землю, возникавшая на почвѣ противоположныхъ интересовъ между этими группами, — между козаками и посполитыми, съ одной стороны, между свободными селянами, какими являлись и козаки, и свободные посполитые, и владѣльцами имѣній, съ другой, — не только ускорила распаденіе крупныхъ общинныхъ союзовъ, но во многихъ случаяхъ повела и къ распаденію сельскихъ общинъ и содѣйствовала образованію на мѣстѣ общиннаго владѣнія частной земельной собственности. Благодаря практиковавшейся

въ широкихъ размѣрахъ раздачѣ имѣній въ частное владѣніе число свободныхъ посполитыхъ скоро дошло до ничтожной цифры. Съ этой поры борьба за общинныя земли приняла по преимуществу характеръ борьбы между рядовымъ козачествомъ и быстро разроставшимся и увеличивавшимъ свое могущество классомъ державцевъ, въ составъ котораго входили козацкая старшина, часть духовенства и монастыри. При этомъ то положеніе, которое занимала старшина, являвшаяся представительницей мѣстныхъ общинъ и сосредоточивавшая въ своихъ рукахъ ихъ права, открывало ея членамъ широкую возможность присвоенія общинныхъ земель. И частью путемъ пожалованій отъ властей, частью путемъ прямыхъ захватовъ, становившихся все болѣе легкими по мѣрѣ того, какъ судъ и администрація страны освобождались отъ контроля народныхъ массъ и пропитывались владѣльческими тенденціями, державцы успѣли завладѣть значительною долей общинныхъ земель, обративъ ихъ въ свою частную собственность. Все это нанесло рядъ тяжелыхъ ударовъ общинному землевладѣнію. Въ сѣверныхъ полкахъ лѣвобережной Малороссіи уже въ половинѣ XVIII вѣка частная земельная собственность получила безусловное преобладаніе надъ общиной, а свободныхъ общинныхъ земель, которыя являлись бы своего рода запаснымъ фондомъ для общинъ, почти уже не было [1]). Въ менѣе заселенныхъ южныхъ полкахъ такія земли въ эту пору еще были, была сильно представлена и община, но рядомъ съ нею и здѣсь была уже очень широко распространена частная земельная собственность.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ шла и внутренняя эволюція общины. Первоначальный чисто-захватный порядокъ пользованія землею, практиковавшійся въ условіяхъ неограниченнаго земельнаго простора, по мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ заселеніе страны, постепенно измѣнялъ свой видъ подъ вліяніемъ усилій отдѣльныхъ общинъ нѣсколько урегулировать это захватное землепользованіе. Во многихъ мѣстностяхъ установленъ былъ срокъ, съ котораго можно было начинать сѣнокосъ на общинныхъ лугахъ. Нѣкоторыя отдѣльныя общины точно опредѣляли періодъ, дольше котораго земельный участокъ не могъ находиться непрерывно въ рукахъ одного и того же хозяина. Другія общины

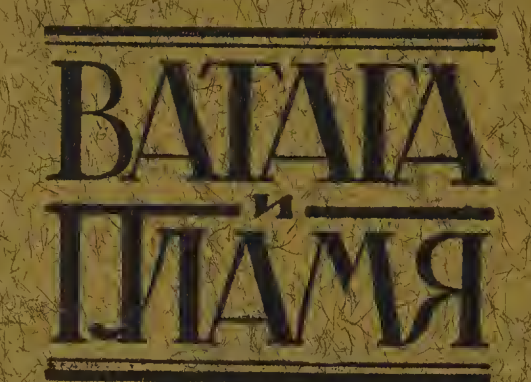
[1]) См., напр., въ одномъ документѣ 1740 г. заявленія нѣсколькихъ козаковъ и посполитыхъ, перешедшихъ въ переяславскій полкъ изъ полковъ Кіевскаго и Нѣжинскаго, потому что «тамъ волного степу нѣтъ, жить было нѣ на чомъ», и Мотыжинскій Архивъ, К. 1890, л. 43—45. Аналогичная указанія имѣются и въ другихъ документахъ этой эпохи.

вступали на иной путь, производя отрѣзки отъ черезчуръ большихъ заимокъ отдѣльныхъ своихъ членовъ и передавая эти отрѣзки наиболѣе обдѣленнымъ общинникамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общинами, повидимому, практиковались и передѣлы, если не всѣхъ общинныхъ земель, то, по крайней мѣрѣ, сѣнокосовъ. Помимо довольно частыхъ въ актахъ XVIII вѣка упоминаній о «паяхъ» и «десяткахъ» въ общинныхъ лугахъ, сохранившіеся документы даютъ и болѣе ясныя указанія на существованіе подобныхъ передѣловъ. Вотъ одно изъ наиболѣе опредѣленныхъ указаній такого рода. Въ 1787 г. дѣвичій Пятницкій монастырь и козаки с. Юрьевки жаловались на коллежскаго ассесора Товстолѣса, что онъ завладѣлъ общественнымъ сѣнокоснымъ болотомъ с. Юрьевки. «Онымъ же сѣнокоснымъ болотомъ — утверждали жалобщики — издревле подданные монастырскіе и козаки с. Юрьевки совмѣстно владѣли, скашивая на немъ траву безъ всякого отъ кого-либо препятствія по роздѣлу, сколько кому и гдѣ скосить въ часть доведется, онъ же, Товстолѣсъ, никакого въ томъ участія никогда не имѣлъ»[1]). Но если передѣлы и практиковались въ нѣкоторыхъ общинахъ, то число такихъ общинъ, по всей видимости, было крайне не велико. Раньше, чѣмъ передѣльная форма общины успѣла сколько-нибудь широко развиться въ лѣвобережной Малороссіи, здѣшняя община частью совершенно разрушилась, частью пошатнулась подъ напоромъ восторжествовавшихъ благодаря общему ходу исторіи страны индивидуалистическихъ тенденцій. И къ концу XVIII столѣтія отъ широко распространеннаго за сто лѣтъ передъ тѣмъ общиннаго землевладѣнія сохранились лишь небольшіе сравнительно остатки, сосредоточенные, главнымъ образомъ, въ южной части страны.

---

[1]) Архивъ Черниг. Каз. Палаты, № 1750. Въ другомъ мѣстѣ тѣ же жалобщики опредѣляли это болото такимъ образомъ: «болото сѣнокосное, которое не противъ нивъ своихъ обыватели юрьевскіе косять, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кому съ согласія общества, въ томъ участвующаго, (и) по дѣлу въ часть что косить доведется».

СОДЕРЖАНІЕ.

Складъ изданія:
„PLAMJA“
Praha II, Ječná ulice 32.

—

„RODINA“
Berlin-Charlottenburg Kantstr. 24.

—

Печатано въ
„LEGIOGRAFII“
Praha-Vršovice, Sámova 665.

